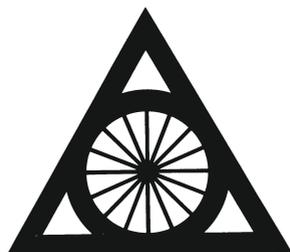

А. Конан-Дойль

ЗАПИСКИ О СПИРИТИЗМЕ

**составление, перевод с английского,
комментарии и примечания**

Йога Раманантáты

Издатель А. Г. Москвичев
2018

УДК 159.961.7

ББК 86.30

КТК 001

К64

Артур Конан-Дойль

П17 Записки о спиритизме / Артур Конан-Дойль., пер. с англ. и редактур - Йог Раманантата, Н. Новгород: А. Г. Москвичев, 2018. — 358 с.

ISBN 978-5-6041564-4-5

Сэр Артур Конан-Дойль (1859 – 1930) – крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права – почти 50 лет жизни посвятил изучению Спиритизма – учения, разрешающего загадку жизни и смерти, а также – все трудности философии и религии и кладущего конец противостоянию науки и религии.

Эта книга открывает русскому читателю совершенно неведомую ему сторону жизни и творчества Артура Конан-Дойля. На её страницах Конан-Дойль предстаёт как тонкий мыслитель, которого глубоко волнуют фундаментальные проблемы Бытия: душа, бессмертие, Бог, религия, психические исследования, прогресс человечества, его судьба и предназначение.

ISBN 978-5-6041564-4-5

© Москвичев А. Г., издание,
оформление, 2018

© Йог Раманантата: составление,
редакция, перевод с английского,
комментарии, 2005, 2018 гг.

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН АВТОРА ШЕРЛОКА ХОЛМСА О СПИРИТИЗМЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

«Человек, посвятивший себя этим исследованиям, занят в жизни делом, не заставляющим раскаиваться».

Платон

Наверное, нет человека, который бы не читал Конан-Дойля, но нет и человека, который бы прочитал всего Конан-Дойля. Это, при всём желании, невозможно даже в Англии.

Так уж повелось, что большинство российских читателей, слышав имя Конан-Дойля, про себя радостно отметит: «А, это автор знаменитого Шерлока Холмса!» И только. Таким образом оказывается, что чуть ли не самая важная сторона духовной жизни писателя – его научные и философские искания, его бурная общественная деятельность – остаётся неведомой русскоязычному читателю. И действительно, произведения эти в русском переводе никогда не издавались, а в статье «брежневской» Б.С.Э., посвящённой Конан-Дойлю, об этом не сказано ни слова. И только в «сталинской» энциклопедии говорится, что он «в последние годы жизни проповедовал мистицизм и спиритизм». Причём сказано это таким тоном, который подразумевает, что на старости лет почтенный писатель «несколько умом тронулся». Оставим это смещение акцентов на совести авторов энциклопедии, ныне покойных, и поговорим об этой стороне жизни и творчества сэра Артура Конан-Дойля – человека, мыслителя, учёного и писателя.

Читатель, возможно, недоумевает: Конан-Дойль – тот самый Конан-Дойль, отец Шерлока Холмса, этого педантичного, скрупулёзно-точного детектива, который не верит ни во что, кроме анализа и доказательства, наблюдательности и дедукции, который соединяет материальные улики с логикой и здравым смыслом и преобразует в научное исследование романтическую погоню за ворами и убийцами? И это он-то вдруг поверил в спиритические сказки и принялся их популяризировать; возможно ли такое? Однако не будем спешить с выводами. Да, это тот самый Конан-Дойль, который, подобно своему

герою, прежде чем прийти к окончательному решению (т.е. примкнуть к спиритическому движению), накапливал и накапливал доказательства и улики в течение терпеливого и кропотливого расследования, гораздо более длительного, чем самое сложное дело сыщика с Бейкер-стрит, поскольку расследование это продолжалось без малого пятьдесят лет.

Сэр Артур Конан-Дойль обладал блестящим, дедуктивным умом, острым, как бритва. Именно эти качества своего ума он использовал при критическом исследовании Спиритизма, а также, убедившись в его истинности и во всеулышание заявив о своей горячей ему приверженности, – при дальнейшем его развитии. Сила анализа, тонкость и глубина его мыслей поражают современного исследователя своей актуальностью и всесторонним проникновением в предмет.

В целом же недоумение иных читателей вполне можно понять, ведь если они воспитывались и выросли в лоне материалистической и марксистской идеологии, то многие вещи должны были выпасть из круга их внимания или выглядеть суевериями. Поэтому вначале, по необходимости, немного коснёмся вопроса о том, что, собственно, такое «спиритизм».

«Спиритизмом» в XIX веке называли религиозно-философско-научное движение, которое возникло в результате ознакомления людей с особым рода феноменами, так называемыми «спиритическими манифестациями». Надо однако признать, что такой взгляд весьма поверхностен и отдаёт марксистским подходом, который всякое возникшее в обществе явление пытается объяснить историческими причинами и вписать его во временной поток. По отношению к Спиритизму такой подход был бы совершенно неверен. Дело в том, что движение, возникшее в XIX веке, правильнее было бы именовать не «спиритизмом», а «неоспиритизмом», «новейшим спиритизмом», ибо «спиритизм» не есть какое-то изобретение XIX века, с ним же и закончившееся. Спиритизм, строго говоря, существовал всегда по той простой причине, что природа человека всегда была тою же и, стало быть, связанные с нею явления и законы существовали всё то время, что существует человечество. Сведения об этих явлениях доносят дошедшие до нас древнейшие, древние и средневековые памятники письменности. Все эти явления естественным образом вписывались в жизнь людей и были одной из её естественных составляющих. Но понимание их природы было вотчиной магов, мистиков, оккультистов, жрецов и духовенства (вернее сказать, той части последнего, которая ещё

владела эзотерическим знанием). Когда же наступил так называемый «век просвещения», то человечество просто почувствовало и осознало себя в совершенно новом качестве. Но одной из особенностей этого ощущения и самосознания было нежелание со стороны передовых умов эпохи признать реальность, стоящую за мистикой и оккультизмом. Так им тогда было удобнее, и это ограничение, действительно, в какой-то мере было необходимо. Но тем не менее, из-за одного только игнорирования, явления, существующие объективно, исчезнуть не могли. И вот, когда они вновь заявили о себе, а случилось это в 1847 году, в Соединённых Штатах (феномен сестёр Фокс), тогда началось их рационалистическое осмысление и освоение, получившее название «спиритизма», от латинского слова «spiritus», что значит «дух».

В двадцатом веке к вещам этим изменился подход и сдвинулась точка отсчёта (как раз это обстоятельство вполне можно объяснить историко-социологическими причинами), однако явления изучаются – и это называется уже «парапсихологией». Сейчас, по завершении этого века механического суеверия, мы переживаем такую пору, когда всё становится на свои места и возможно будет также понята ошибочность парапсихологии и её методов, и тогда Спиритизм снова станет называться «спиритизмом» и наконец займёт в жизни человечества подобающее ему место. Такова история вопроса.

Сэр Артур Конан-Дойль впервые публично заявил о своей вере в общение с умершими в статье, которая появилась в журнале «Light» от 21 октября 1916 года. Это заявление для многих прозвучало тогда как гром среди ясного неба. Но первый спиритический сеанс, на котором он присутствовал – надо сказать, с сильно скептическим настроением ума – состоялся в конце 1886 года, когда Конан-Дойль был ещё только начинающим практиковать врачом. Интерес же его к психическим феноменам обозначился за несколько лет до этого первого опыта.

«Когда в 1882 году я закончил своё медицинское образование, то, как и большинство врачей, я оказался убеждённым материалистом во всём, что касалось нашей участи. И в то же время я никогда не переставал быть ревностным теистом, поскольку, на мой взгляд, никто ещё не дал ответа на вопрос, заданный звёздной ночью Наполеоном профессорам-атеистам во время его египетского похода: «Скажите-ка, господа, кто создал эти звёзды?»... Но когда я подходил к вопросу о наших хрупких личностях, переживающих смерть, мне казалось, что многие аналогии, наличествующие в природе, отвергали сохранение

личности после смерти тела. Так, когда свеча догорает, свет гаснет; когда провод обрывается, прекращается ток; и когда гибнет тело, сознание исчезает». * Чтобы объяснить это противоречие между верой в Бога и отрицанием выживания души после смерти тела, он пользуется поэтическим образом: «Разбитая скрипка не издаст ни звука, хотя бы музыкант и остался прежним».**

Однако природа его ума – научного по складу – была далека от того, чтобы замкнуть этот ум в пределах проторенных путей; она, напротив того, постоянно направляла и подстёгивала его любопытство и наблюдательность. И вместо того, чтобы отрицать пока для себя непонятное, он всегда стремится его понять и объяснить. Среди психических феноменов, которыми в ту пору увлекаются в Англии, он выделяет один, который считает нужным изучить лично. Речь идёт о телепатии. Можно вспомнить, что эта форма общения равным образом была близка и жильцу с Бейкер-стрит, 221Б, который как бы читал мысли своего собеседника с притворным равнодушием, только подчёркивавшим его мастерство.

«Помогать мне в моих исследованиях вызвался г-н Болл, весьма известный в городе архитектор. Множество раз, сидя позади него, я чертил графики, тогда как он, со своей стороны, чертил почти то же самое; так я констатировал, что, без сомнения, могу передавать свою мысль без посредства слов».***

Это открытие несколько пошатнёт материалистические убеждения Конан-Дойля, и когда к концу 1886 года семья одного из пациентов предложит ему принять участие в «сеансе столоверчения», он это приглашение примет. И всё же против такого рода опытов он пока что останется весьма предубеждён. Тем более что проводились они в полумраке – условие, как понятно, способное облегчить медиумам любую мистификацию, а надо сказать, что некоторые из них к тому времени уже были пойманы на месте преступления с поличным.**** Феномены наблюдавшегося телекинеза повергают Конан-Дойля в смущение: он опасается, как бы его партнёры не приписали их его вмешательству, тогда как у него те же подозрения

* “The New Revelation”, New York, George H. Doran Company, 1918.

** “Memories and Adventures”, Boston, Little, Secker & Warburg, 1926.

*** “Memories and Adventures”.

**** Однако в действительности, при манифестации спиритических явлений ни полумрак, ни время и место проведения сеанса, ни количество его участников или их позы не играют сколько-нибудь значительной роли. (И.Р.)

возникают в отношении их. По окончании этих первых попыток он весьма близок к тому, чтобы думать, как то впоследствии напишет его друг д-р Эдмонд Локард: «Мир загробный, если рассматривать его только как пляску мебели, выглядит весьма похожим на детскую или на дом умалишённых».

Конан-Дойля, в частности, удручает незначительность, ничтожность получаемых сообщений, но он понимает, что это зачастую вызвано настроем ума участников сеанса. В этой связи он признаёт, что получил достойный урок в тот день, когда, спросив у стола, сколько у него с собой денег, в ответ услышал: «Мы приходим сюда, чтобы просвещать и возвышать души, а не за тем, чтоб решать детские загадки».

Он делится своими сомнениями с одним из знакомых, генералом Дрейсоном, страстно увлечённым астрономией и психическими исследованиями. Конан-Дойль восхищается им, но, уточняет он, не в связи с блестящими результатами, которых тот добился в ходе своих спиритических опытов, а в связи со смелостью его астрономических теорий, касающихся центра описываемого Землёю круга. Авторитет учёного – это единственный авторитет, который признаётся молодым врачом. Дрейсон, который в ту пору при содействии сильного медиума* проводил удивительные опыты, объясняет бедность результатов, полученных Конан-Дойлем, неэффективностью его метода. «Заниматься психизмом без медиума – всё равно что заниматься астрономией без телескопа», – сурово изрекает он.

Заручившись услугами профессионального медиума Хорстеда, молодой врач и начинающий писатель организует у себя на дому, с 24 января по конец июня 1887 года, 6 сеансов. Здесь ему снова ассистирует архитектор Болл. На одном из них Конан-Дойль получает интересное сообщение, которое затем в избытке энтузиазма публикует в журнале «Лайт». Эта публикация от 2 июля 1887 года позволяет датировать первое публичное выражение интереса создателя Шерлока Холмса к Спиритизму. Сообщение, им полученное, давало ему совет: «Не читайте книгу Лея Ханта» – как раз в то самое время, когда он спрашивал себя, стоит ли ему браться за одну из работ этого автора, посвящённую комическому театру периода Реставрации.

* Читателю не следует пугаться слова «медиум». В переводе на *современный язык* это значит «экстрасенс». Так, например, пресловутая Ванга – типичный медиум. (И.Р.)

Однако, сбитый с толку хаотическим положением дел в Спиритизме и кажущейся неопределённостью его доктрины, поскольку в ту пору ему ещё не были известны работы Аллана Кардека и Леона Дени, Конан-Дойль на несколько лет предпочтёт ему структурно хорошо организованную систему теософии. Её основательница, русский медиум Е.П.Блаватская, учредила символический Ватикан теософии в Индии, в Адьяре. Но опровержения, вскоре последовавшие в адрес госпожи Блаватской даже из стана её друзей, побуждают Конан-Дойля искать доказательства, которые он надеялся у неё найти, в другом месте.

Всегда ведомый духом научности и критичности, широко открытым сомнению, но мало склонным преобразоваться в уверенность без наличия на то осязаемых и весомых доказательств, Конан-Дойль вступает в 1891 году в Общество Психических Исследований, организацию, возможно более досконально изучающую все «случаи, касающиеся проявления потусторонних сил». Анализ материалов, собранных О.П.И., открывает перед ним значительное количество случаев, не имеющих объяснения, и лишь довольно ничтожное число тех, которые оказались мистификацией.* Получив полномочия от О.П.И., он выезжает изучать события на место происшествия и в компании с двумя другими наблюдателями проводит ночь в «непокойном доме», чтобы изучить очередное проявление полтергейста. Некоторое время спустя в подвале того дома будет найден человеческий скелет.

В 1893 году, в качестве руководителя Аппер-Норвудского литературного Общества, он приглашает Вильяма Баррэта, «пионера английского спиритизма», выступить с лекцией о психических явлениях. Хотя в данном случае Конан-Дойль и исполняет приятную и пассивную роль председателя собрания, тем не менее эта встреча оказывается прелюдией бесчисленных конференций по Спиритизму, в которых он позднее выступит в куда более активной роли лектора и рассказчика.

С терпением и настойчивостью Конан-Дойль продолжает собирать доказательства. Одно из наиболее интересных свидетельств было доставлено ему в ходе сеанса в 1896 году духом путешественника,

* Что касается мистификаций и обманов, то любой род человеческой деятельности платит свою долю дани людской непорядочности. Разве не профанировались людьми, корысти или тщеславия ради, самые святые вещи? И всё это с самых незапамятных времён. То же самое и здесь. (И.Р.)

встреченного им когда-то в Каире за несколько недель до смерти этого человека. Подробности их последнего разговора, сообщённые в ходе этого сеанса, как подчёркивает Конан-Дойль, не могли быть известны другим его участникам. В том же году дух одной женщины связным и точным образом описывает ему жизнь в потустороннем мире. Накопившиеся свидетельства, а также работы Мейерса и Крукса, подтверждающие реальность определённых психических явлений, укрепляют его симпатии, но всё ещё не могут создать в нём убеждённости, и ещё менее – обратить его в новую веру.

Конан-Дойль полагает, что убедить и обратить его сможет какое-либо решительное событие интимного характера. Этого события он долго ждал. И вот, наконец, оно происходит где-то в период между январём 1916 года и публикацией его статьи в журнале «Лайт» от 21 октября того же года, в которой изложено его спиритическое кредо. К этой дате бесследно исчезла Лили Лодер-Саймондс, близкая подруга его жены, с которой он сотрудничал в опытах по криптестезии и автоматическому письму. Конан-Дойль остаётся весьма сдержан и немногословен по поводу природы этого события, послужившего ему толчком и ставшего причиной его уверенности в реальности потустороннего.

Спиритизм, если верить его хулителям, находит себе сторонников лишь среди людей, жестоко истерзанных разрывом сердечной привязанности и стремящихся найти компенсацию своей слабости в неясном мистицизме. Иначе говоря, он надежда тех, у кого более нет надежды. Есть и другой упрёк, быть может, ещё более серьёзный: Спиритизм, якобы, ущемляет, обедняет личность своих сторонников, которые, утратив всякую предприимчивость и инициативность, вверяют руководство своей жизнью тем, кто уже прожили собственную.

Так вот, едва ли можно найти какого иного человека, который был бы более ярким и впечатляющим опровержением этим расхожим обвинениям, нежели сэр Артур Конан-Дойль. Человек счастливый в личной жизни, имевший множество друзей, достигший благодаря своему писательскому таланту мировой известности, он ни в коей мере не искал в Спиритизме компенсации внутренним драмам. И та рациональность и определённость, с которыми он вступил в ряды его сторонников, никак не были у него продиктованы внезапным разрывом сердечной привязанности, но, напротив, зрели в нём в течение тридцати

лет. Тем самым мы желаем сказать всем доморощенным и титулованно-дипломированным скептикам: если уж столь логичный, взыскательный и методичный ум в результате своих *многолетних* исследований и размышлений признал реальность спиритических фактов и стал сторонником философии Спиритизма, то, значит, всё это не может быть «чудовищным суеверием» и бабушкиными сказками, но, напротив того, является выражением действительной природы вещей.

Спиритизм, по всей видимости, удесятерил, а не ослабил предприимчивость и инициативность этого великана, за благодушным обликом которого скрывалась кипучая энергия, неустанно ищущая себе выражения и предпочитающая дела трудные или безнадёжные. Если большинство знаменитостей, ушедших на покой, купаются в лучах славы и только и помышляют о том, как бы не позволить ей угаснуть, ревностно оберегая её от всего, что могло бы ей повредить, то Конан-Дойль в эту самую пору дополняет свой труд писателя апостольской деятельностью, которой он посвящает все минуты досуга, весь свой престиж, значительную долю состояния – порядка 750.000 фунтов стерлингов – и многие свои сочинения. Беря на себя ответственность за эти действия, вплоть до самых крайних последствий их, он не может избежать и того, что связано с примыканием к спиритическому движению. Обращённый в новую веру, он не может довольствоваться ролью простого сторонника, ему необходимо броситься ещё и на передний край борьбы, которую вело движение, подвергавшееся после мировой войны всё более резким нападкам. Сделавшись проповедником, он объезжает мир с апостольской миссией, содействуя делу как устным словом, так и пером.

В это время претерпевает серьёзные изменения и его художественное творчество. Отныне он не стремится пользоваться фантастическим, чтобы удивить, но лишь за тем, чтобы созидать. Он более не рассматривает фантастическое как повод, дабы рассказать чудесные сказки и блеснуть игрой воображения, но, напротив, силится включить сверхъестественное в реальность в том виде, в каком оно открывается ему *новой верой*.^{*} Постепенно он лишает сверхъестественное драматических и легкомысленных аксессуаров, чтобы зримее проступило его религиозное и нравственное содержание. Этот долгий путь от тревоги к миру, от сказки к аргументированной

* Термин «вера» мы используем здесь лишь по аналогии. На самом деле речь не идёт о *вере*, но о *знании*. (И.Р.)

вере естественным образом выводит его к «Стране туманов»* – последней уступке издателям, которые умоляют его продолжить приключения старых героев. Напрасные мольбы. Слишком поздно. «Мне бы очень хотелось сделать то, о чём Вы просите, но, как Вам известно, моя жизнь отныне посвящена одной-единственной цели, и в настоящее время у меня не предвидится никаких литературных замыслов, которые могли бы представлять для вас малейший интерес. Я могу писать только то, что выходит у меня из-под пера». Да, другое время, другие нужды. Единственный мир, который он теперь желает описывать, – это мир иной. Единственные голоса, которые он слушает, – это голоса умерших, ибо они помогают ему услышать *музыку разбитой скрипки*.

В июне 1917 года, менее чем через десять месяцев после заявления в «Лайт», появляется первая его книга, посвящённая данной теме, – «Новое Откровение», заглавие которой, не любя (как и все англичане) термина «спиритизм», Конан-Дойль заимствует у почитаемого им французского автора, одного из апостолов учения – Леона Дени. В «Христианстве и Спиритизме» (1898 г.) Дени анализирует проблему в четырёх ракурсах: «Неясности и искажения в Евангелии», «Эзотерическое учение Христианства», «Общение с духами умерших» и «Новое Откровение». Конан-Дойль, прекрасно сознавая важность темы, остановил свой выбор на последнем, объясняя в своей книге, как это откровение к нему пришло и как он его принял. Он излагает перед читателем свои сомнения и колебания, как бы приглашая его, в свою очередь, преодолеть их, как это сделал он сам.

«Жизненноважное Послание», появившееся в августе 1919 года, пронизано тоном убеждённости и намеренно полемично. Оно раскрывает достаточно широкое видение спиритического учения, которое противопоставляется летаргии общественного сознания, позволившей человечеству докатиться до жестокости, бреда и безразличия, в каковые мир был ввергнут катаклизмом 1914-18г г., оказавшимся лишь логическим её итогом. Конан-Дойль обличает коррупцию и грубость русской аристократии накануне большевицкой революции, непристойность и эгоизм британского империализма, заносчивость и хищность германской империи и колониализм в лице

* «The Land of Mist» – роман, завершающий серию приключений профессора Челленджера. Другой вариант для перевода его названия – «Земля Туманная». Пропагандистский роман о Спиритизме. (И.Р.)

Леопольда Бельгийского, «этого демона во плоти, скаредность и алчность которого плодили убийства и пытки на значительной части африканского материка и который, тем не менее, был принят при всех дворах мира и погребён после панегирика, произнесённого кардиналом католической церкви – церкви, ни разу не возвысившей голоса, чтобы осудить его дьявольские деяния». * И прежде чем говорить о духовном возрождении, совершаемом Спиритизмом, Конан-Дойль восклицает: «Взгляните на всё это и скажите: представлялось ли когда человечество в более неприглядном виде?»*

Между двумя этими произведениями, всё возрастающее воодушевление в которых позволяет судить о степени самоотдачи автора делу Спиритизма, он проводит ряд конференций в высшей степени успешных, средства от которых поступают в спиритические общества. Первая конференция состоялась 7 октября 1917 года. 25 числа того же месяца в Лондоне прошла вторая. Летом 1918 года Конан-Дойль выступает на юге Англии, затем в центральной Англии, осенью в Ноттингэме и Лидсе. С осени 1918 по весну 1919 он проводит не менее 60 встреч-бесед в различных городах Объединённого Королевства. Начиная с 1920 года Конан-Дойль старается вести проповедническую деятельность и в других странах. Объехав Австралию с сентября 1920 по февраль 1921 года, он предпринимает поездку по С.Ш.А. – с апреля по июль 1922 года. Для него эта поездка является своего рода паломничеством к первоисточкам. Приезд на родину неоспиритизма наводит его на мысль воздвигнуть монумент в память сестёр Фокс. Он высказывается на эту тему в статье, появившейся в «Прогрессив синкер» от 24 мая 1922 года. Эта идея была тут же с энтузиазмом воспринята. В итоге же было построено здание спиритической церкви, открытое в 1928 году. В её строительстве Конан-Дойль оказывает внушительную финансовую помощь.

В 1923 году он возвращается в С.Ш.А. для чтения нового ряда лекций и посещает также Канаду. Когда к концу 1923 года он на несколько лет прерывает свои поездки за границу, то оказывается, что к этому времени им с проповедью спиритического учения проезжено порядка 80.000 км, а это то же самое, что дважды объехать земной экватор. Но и отложив на некоторое время поездки за границу, Конан-Дойль не перестаёт служить делу духовного возрождения человечества, только теперь он делает это не столько голосом, сколько пером.

* «Le Message vital», Paris, Jean Meyer edit., 1925. (И.Р.)

Восхищённый новой и смелой интерпретацией исторической легенды, которую Леон Дени предлагает в своей «Правде о Жанне д'Арк», он решает сделать перевод этой замечательной книги на английский. Его перевод появляется в 1924 году под заглавием «The Mystery of Joan of Arc» и сопровождается предисловием, в котором он воздаёт должное автору и святой врагине англичан в выражениях, благородство коих далеко выходит за рамки традиционной британской fair play. «Я настолько люблю эту книгу и ей восхищаюсь, что мне бы очень хотелось следовать её тексту как можно ближе. Изложение темы в ней настолько полно и совершенно, что мне ничего не остаётся добавить от себя, кроме разве только того, что, на мой взгляд, – и я совершенно в этом убеждён, – непосредственно после Христа, Жанна д'Арк является на этой земле наиболее высоким духовным существом, о котором у нас имеются достоверные сведения. Пред ней чувствуешь потребность преклонить колена».

В 1925 году Конан-Дойль открывает на Виктория-стрит спиритическую библиотеку, предназначенную также для издания его собственных работ в этой области. Он сам руководит библиотекой вместе с дочерью Мэри, и друзья нередко застают его там за переносом кипы книг или изготовлением пакетов для их пересылки.

Два тома его монументальной «Истории Спиритизма» появляются в 1926 и 1927 годах между двумя Международными спиритическими Конгрессами, на которых представители 27 стран всякий раз избирают его председателем. «История Спиритизма» – изумительная книга, свежесть её никак не померкла за годы, прошедшие со времени её написания. По свидетельству одного английского критика, «немногие книги, посвящённые исследованию оккультизма, могут выдержать сравнение с захватывающим повествованием, начертанным вдохновенным пером Конан-Дойля».

Во время Парижского Конгресса (6-13 сентября 1925 года) Конан-Дойль, по словам очевидца, был неразлучен с Леоном Дени, французским патриархом Спиритизма, для которого это публичное появление оказалось уже последним. «Добрый великан склонялся к почти слепому старцу, с трогательной заботливостью вёл его по лабиринту коридоров Зала учёных обществ, помогая занять место в президиуме. Добрейший учитель наш был этим сильно тронут: «Конан-Дойль, каков он из себя? Я плохо его вижу...» – «О, он очень высокий, – отвечали мы, – у него прекрасная большая голова, серые

глаза и усы a la gauloise. Это не англосакс. Взять хотя бы его имя. Конан – «вождь», ведь это бретонское имя!»*

И Конан-Дойль был совершенно очарован превосходным приёмом, который Париж оказывал знаменитому писателю, равно как и блестящим успехом, какой он имел у парижан. Нет, то был не приём, не успех, – это был триумф. В тот день, когда создатель Шерлока Холмса и доктора Ватсона попросил слова, зал, в котором шло заседание, хотя организаторы и постарались выбрать достаточно просторное помещение, не смог вместить всех желающих, и тысячи людей стояли в дверях. Оратор энергично обрисовал научные основы спиритической веры, каковая, на его взгляд, является верой, подтверждённой ещё и фактами. «Есть нечто более сильное, чем просто вера, – это знание... Так вот, я утверждаю эти вещи, потому что у меня есть знание о них. Я не верю, я знаю».**

Тремя годами позже, 13 сентября 1928 года, произнося заключительную речь на Лондонском конгрессе, Конан-Дойль выказывает ту же твёрдость, но теперь она направлена не против скептиков, но против политических деятелей и властей, преследующих Спиритизм. «Отсвоего имени написал главам некоторых политических групп в Англии и сказал им, что если всё это не прекратится к полному нашему удовлетворению, то я сделаю и невозможное для того, чтобы добиться восстановления справедливости. Если то будет нужно, я публично предстану перед какой угодно партией, которая вздумает творить над нами суд. (Аплодисменты). У нас пятьсот церквей в Англии, из которых четыреста объединены внутри Лондонского спиритического Альянса, а остальные сто – независимы. Пятьсот церквей! мы сможем преобразовать каждую из них в политический центр, мы прекрасным образом организованы, и я не знаю никакой другой группы, которая была бы способна объявить забастовку лучше, чем то можем сделать мы. (Аплодисменты). Я уверяю вас, что если только вы пожелаете это осуществить, вы добьётесь отмены преследующего нас законодательства. (Смех и аплодисменты)»***

* Gaston Luce, «Léon Denis, l'apôtre du Spiritisme», Paris, Jean Meyer édit., 1928. (И.Р.)

** «Compte rendu du Congrès spirite international de 1925», Paris, Jean Meyer édit., 1928.

*** «Compte rendu du Congrès spirite international de 1928», Paris, Jean Meyer édit., 1929.

Конечно же, никто не стоял в дверях зала, как то было в Париже – ведь никто не пророк в своём отечестве, – но вечернюю конференцию в рамках Лондонского Конгресса Конан-Дойль посвящает психофотографии. И в конце концов конференция буквально завораживает его слушателей. Среди супранормальных снимков, которые проецирует сэра Артур, некоторые сделаны им самим, а другие присланы его корреспондентами и отобраны им после удостоверения в их подлинности. По большей части это были обычные фотоснимки эктоплазмы. Самым удивительным из всех показанных им снимков был тот, автором которого являлся фотограф из «Морнинг пост», бывший, кстати сказать, скептиком. Свой снимок он сделал по ходу сеанса у лондонского медиума миссис Дин в присутствии множества свидетелей, часть которых составляли журналисты; вслед за этим он сам же этот негатив проявил. «На данном снимке, – поясняет докладчик, – видно характерное лицо старика». Нам интересно было узнать, что единственный человек, которому можно было приписать это лицо, – это старый профессор, д-р Белл, тот самый, с которого Конан-Дойлем были срисованы некоторые черты его знаменитого детективного персонажа.* Образ на экране являл характерные черты Джо Белла, всегда походившего на вождя краснокожих, но теперь он выглядел так, как должен был бы смотреться в старости.**

На Конгрессе Конан-Дойль, как почётный Председатель, произнёс речь в память о Леоне Дени, где прославил его кельтскую духовность. «Это был, по моему мнению, отважный воин, настоящий борец. При взгляде на его прекрасную голову, я тут же представлял её себе увенчанной двурогим воинским шлемом. Когда-то прежде он сражался на поле брани, принося свою жизнь в жертву великому и чистому идеалу. В наши же дни он бился силою просвещения за самое благородное дело, какое только есть на земле. Работа над переводом его книги о великой французской героине, медиуме и мученице Жанне д'Арк была для меня почётной миссией. Я полагаю, что его понимание Жанны д'Арк более здраво, наконец, более истинно, чем те, что даны Бернардом Шоу или Анатолем Франсом»***

* Речь, разумеется, идёт о Шерлоке Холмсе. (И.Р.)

** «Compte rendu du Congres spirite international de 1928», Paris, Jean Meyer édit., 1929.

*** Ibidem.

Переводчик «Правды о Жанне д'Арк», одарённый мягким юмором в той же мере, что и великодушием, проявил в ту пору незаурядную интуицию, питая мало симпатии к знаменитому английскому драматургу из-за ироничного и резкого скептицизма последнего. Так, некоторое время спустя, Шоу хвалился тем, что ему удалось на одном из спиритических сеансов устроить мистификацию, которая оказалась неразоблачённой. Тем самым он подрывал доверие и ко всем остальным зарегистрированным феноменам. Конан-Дойль обрушил на него своё негодование в предпоследнем своём произведении, «Наша африканская зима», появившемся в 1930 году. «Не приходится сомневаться, что я, в присутствии свидетелей, видел свою мать также и после её кончины. Но, похоже, люди уже не верят моему слову, поскольку Бернард Шоу обманул своих друзей. Можно ли придумать софизм более бессовестный?» Его реплика в адрес Шоу вписывается в ряд бесчисленных полемик, в которых Конан-Дойлю приходилось принимать участие: его миссионерская деятельность не всегда вызывала любопытство, соединённое с симпатией. Так с сентября 1921 по март 1922 гг. в колонках «Санди экспресс» он ведёт долгую и жёсткую полемику с Джоном Дугласом по поводу статьи последнего, озаглавленной «А не сошёл ли Конан-Дойль с ума?»

Если тон сэра Артура остаётся учтивым в споре с его другом Джеромом К. Джеромом в июле 1921 года в «Каммен сенс» или с Бертраном Расселом в «Санди экспресс», то он делается резким и почти саркастическим, когда противником Конан-Дойля оказывается с 1928 по 1930 гг. Г. Дж. Уэллс. Автор «Человека-невидимки» и «Войны миров» в своём новом романе, «Самовластье мистера Пархема», вообразил, будто эктоплазмическое порождение одного персонажа, возникшее в ходе спиритического сеанса, приходит к власти в Великобритании, для того чтобы ввергнуть мир в войну. Статья «Чем раздражён Г. Дж. Уэллс?» говорит о всё возрастающем отчаянии Конан-Дойля перед непрекращающимися нападками и атаками, объектом которых служит Спиритизм. «Одно из двух: либо наблюдатели все суть лжецы и глупцы, либо же их наблюдения истинны. Если я, без тени сомнения, утверждаю, что в присутствии свидетелей одновременно видел свою мать и племянника, когда их обоих уже не было в живых, то вполне ясно, что я принадлежу или к той, или к другой из этих двух категорий. Заботу решать

это я предоставляю тем, кто меня знают и могут судить обо всём сделанном мною».*

Как Парижский Конгресс стал последним, где появился Леон Дени, так и Лондонский Конгресс оказался последним, на котором присутствовал сэр Артур Конан-Дойль. Его «земная миссия», если говорить спиритическим языком, завершилась 7 июля 1930 года, но он исполнил её до конца. Едва закончился Лондонский Конгресс, как сэр Артур вновь взял в руки свой страннический посох: в 1928 году он проповедует в Южной Африке, Родезии и Кении, в 1929 объезжает Голландию, Бельгию, Данию, Норвегию и Швецию. Незадолго перед кончиной он намеревался отправиться в Рим, Афины и Константинополь, дабы принести в три великих духовных столицы мира свет Нового Откровения.

Спиритическое кредо сэра Артура Конан-Дойля покоилось на трёх главнейших постулатах.

Прежде всего, на необходимости этого Нового Откровения в связи с крушением религий и их беспомощностью перед бесчинствами материализма. Конан-Дойль обвиняет религии, и в особенности христианство, в том, что оне обращаются к изношенным и оскорбительным символам, не способным удовлетворить своих приверженцев. «Оне потеряли всякое соприкосновение с живой духовной реальностью и довольствуются тем, что увязывают всё с далёкой античностью, воздавая сугубо формальную дань уважения отмирающей системе, связанной с теологией настолько невероятной, что порядочный человек не может помышлять о ней без содрогания».**

Во-вторых, спиритическое Откровение даёт ясный и простой ответ на вопросы, связанные с выживанием души после смерти тела и человеческим бессмертием. Оно принимает в расчёт необходимость искупления, ибо указывает, что духам дозволено очищаться, переходя из низших миров в миры высшие, но при этом оно исключает понятие «ада», «уже давно исчезнувшее из мыслей всякого разумного человека. Это одиозное представление, столь клеветническое на Создателя, возникло из-за сгущения красок цветистой восточной фразеологии и могло быть уместно только в первобытную эпоху, когда люди пугались огня так же, как дикие звери пугаются путешественника»***

* “Sunday Express”, January, 8, 1928.

** “History of the Spiritualism”, (2 vols.), Cassell, 1926, 1927.

*** “The New Revelation”.

В спиритическом видении, потусторонний мир не отдаёт никакого предпочтения одной религии перед другой. Умершие, какова бы ни была их прежняя вера, проходят через те же испытания и оказываются в том же самом положении, которое они принимают с чувством братской солидарности. Таким образом, Спиритизм, а именно этим он и привлёк к себе столь великодушного человека, каким был Конан-Дойль, осуществляет единство веры, которого никогда не удавалось добиться в мире материальном.

Наконец, согласно последнему постулату, Спиритизм – это единственная вера, примиряющая религию и науку. Через общение с умершими Спиритизм доказал выживание души после смерти тела и тем рассеял сумерки и мрак потустороннего мира. Откровения Спиритизма не приписываются древним пророкам или каким-либо очевидцам, жившим в глубокой древности и само существование которых представляется мифом и может быть законно взято под сомнение. Нет, его откровения даны нам самими нашими современниками. Его откровения были удостоверены не мистиками или поэтами, но учёными, чей авторитет не подлежит обсуждению. Единственная возможность стать убеждённым спиритом – это самому получить доказательства реальности тех явлений, на которых Спиритизм основывается и которые он утверждает. И если именно на соби́рание этих доказательств столь требовательный, строгий и педантичный ум, как сэр Артур Конан-Дойль, потратил более сорока лет своей жизни, то после этого всякому серьёзному человеку сомневаться в реальности этих явлений недозволительно. Во всяком случае, он может позволить себе это лишь в той же мере, в какой будет сомневаться в твёрдо установленных законах и истинах математики, физики, химии и других наук. «Тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь покров, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть».*

Удостоверившись в реальности духовных истин, Конан-Дойль перестал интересоваться научной стороной психических явлений, для того чтобы целиком сосредоточиться на их религиозной и моральной стороне. Он говорит, что «время научных исследований прошло и наступила пора религиозного строительства». По его глубокому убеждению, психические явления были важны лишь постольку, поскольку они служили основанием «великому множеству знаний, призванных коренным образом изменить

* “The New Revelation”.

наши старые религиозные представления. При верном понимании и усвоении эти знания должны превратить религию в явление в высшей степени действенное, которое, однако, более не будет иметь предметом своим веру, но действительный опыт и истину».*

Говоря о духовной эволюции и прогрессе, которые возможны для человечества лишь благодаря закону перевоплощения, Конан-Дойль предвещает, что «если предки наши смогли найти прибежище в теле обезьяны, то наши потомки смогут облачиться в тело ангелов».**

Настоящим переводом*** мы надеемся привлечь внимание русской читающей публики к этой не известной ей ранее стороне творчества замечательного английского писателя. Основу нашей книги «Записки о Спиритизме» составляют случайно попавшие в поле нашего зрения разрозненные статьи-письма писателя, напечатанные при его жизни в различных газетных изданиях. Стало быть, данная подборка никоим образом не является лучшим, что им было написано по этому поводу. А значит, очень может быть, что как раз самые интересные из его коротких публикаций на эту тему и не попались нам на глаза.

Надо сказать, что публицистическое наследие Конан-Дойля невероятно велико. Оно охватывает собой широчайшую тематику, отражающую весь круг незаурядных интересов этого выдающегося человека в самых различных областях науки, общественной жизни и духовных исканий: от медицины до оккультных явлений. Между этими двумя полюсами помещаются история, политика, право, военное дело, криминалистика, религия, философия, искусство и многое другое. Во всех этих своих публикациях он снова и снова выступает как человек, наделённый могучим здравым смыслом и самостоятельностью суждения, как человек, чьи взгляды и идеи, направленные на совершенствование его соотечественников, вполне заслуживают того, чтобы быть услышанными и нами. Полное издание его работ в этом жанре, насколько нам известно, в самой Англии всё ещё не было осуществлено, и тем более оно ждёт своего издателя и переводчика у нас, в России. Мы, таким образом, закладываем здесь лишь первый камень той интересной литературоведческой и философской работы, которую нашим филологам предстоит ещё совершить в будущем.

* Ibidem.

** "History of the Spiritualism".

*** Речь идёт о публикации книг «Новое Откровение» и «Записки о Спиритизме» в 1993 г.

В публикуемых нами повестях и рассказах о мистическом и таинственном читатель сможет познакомиться с малоизвестными сторонами творчества замечательного английского писателя. Значительная часть из них публикуется на русском языке впервые. Вещи, издававшиеся ранее, тщательно сверены издателем-составителем с текстом оригинала и отредактированы заново. Читатель сборника несомненно сможет вновь насладиться талантом мастера детективного рассказа, искусно вычерченной интригой.

Свой рассказ о спиритуалистических изысканиях сэра Артура Конан-Дойля мы не могли бы, на наш взгляд, завершить лучше, нежели приведя слова итальянского писателя Курцио Малапарте:

«Chi ritorna vivo da quello straordinario viaggio nell'al di là, non può più guardare il mondo con gli occhi di prima. Non vede più le cose nei loro mutevoli aspetti, ma nella loro segreta natura. Tornerà mutato: tornerà libero, un uomo libero, nel senso più profondo. Poiché la libertà non è altro che la conoscenza del rapporto fra la vita e la morte, fra il mondo dei vivi e quello dei morti.»*

* * *

Здесь стоило бы, пожалуй, выяснить, как всё-таки правильно пишется по-русски фамилия автора, ибо чехарда, происходящая в данном вопросе, вызывает законное недоумение читателей, и даже критиков и рецензентов. Ведь существует четыре (!) варианта написания по-русски фамилии Conan Doyle: с мягким знаком и без него, с дефисом и без оного, и из этих вариантов правильным, разумеется, будет только один. В конце-то концов, решить вопрос, как правильно и как нет, может не тот, кто ведёт какие-то дилетантские

* Обрусим сказанное, дабы мысли эти ни для кого не оказались потерянными: «Кто возвращается живым из поразительного путешествия в мир потусторонний, тот не может уже взирать на мир физический прежними глазами. Ему становится зрима не изменчивая видимость вещей, но их сокровенная природа. Он вернётся из путешествия этого совершенно преображённым: он станет свободен, сделается свободным человеком в самом глубоком смысле слова. Потому что свобода – это не что иное, как знание взаимосвязи между жизнью и смертью, между миром живых и миром умерших». (И.Р.)

разговоры со ссылками, как это пишется по-английски, или делает голословные утверждения, что правильно будет эдак-то, а тот, кто может объяснить, почему правильно будет именно так, а не иначе. А это – в пору сегодняшней поголовной, чудовищной безграмотности – под силу только филологу.

Что говорят об этом орфоэпические нормы, языковые правила и лингвистические законы? При передаче на письме иноязычных слов возможны два принципа: *транслитерация*, т.е. передача буквами своего языка (в нашем случае, кириллическими) букв оригинала (в данном случае латинских); и *транскрипция*, т.е. передача кириллическими буквами (*по мере возможности!!!*) иноязычного произношения; процедура, то бишь, весьма приблизительная. На примере Шекспира мы получили бы «Схакеспеаре» и «Шейкспир». В современном русском языке, хотя так было не всегда, восторжествовал последний принцип, т.е. *поильная* передача произношения. Стало быть, если бы речь шла о каком-нибудь современном английском или американском деятеле, то следовало бы писать «Конан Дойл», а лучше и просто «Дойл».

Но сэръ Arthur Conan Doyle не есть современный деятель, он известен на Руси довольно давно, и потому здесь неограниченно вступает в силу (не принцип, а) третий фактор – *традиция*. Касательно написания по-русски некоторых имён собственных можно сообщить следующее.

В русском языке сложилась традиция писать Вильям Шекспир, Генрих Гейне, Вальтер Скотт, Оскар Уайльд, Вильгельм Гауф, Дж. Бернард Шоу, Пауль Гейзе и т.д., и переименовывать этих мужей сегодня, в согласии с новейшими нормами освоения иностранных слов, было бы глупостью.

Где есть традиция, там надо её придерживаться. Вильям Шекспир по-русски навсегда останется не только «Шекспиром», но и «Вильямом». Утверждаю без обиняков: пренебрежение, полнейшее равнодушие к русской культуре и её традициям чести нынешним *культуртрегерам* не делают! Из-за того, что эти господа хотят показать нам, что они *знают по-иностранному*, теперь приходится ожидать появления сказок Хоффманна и Хауффа, стихотворений Хайнриха Хайне или Хейнриха Хейне (бес его знает, как у них правильно!), произведений Виктора Юго и Бернарда Шоу, благо, что книги «Уильяма Шекспира» уже имеются, и «Конаном Дойлом» нас тоже не удивить.

Да-с, сэръ Артур *Конан-Дойль* относится к этой же славной компании. Поэтому давайте его тоже оставим в покое. Следует признать, что, помимо традиции, такого написания требуют и нормы русского языка. Попробуйте-ка просклонять словосочетание «Конан Дойл» на манер «стола», как то делают новейшие поборники «культуры». У вас должно получиться: «Конана Дойла», «Конану Дойлу», «Конаном Дойлом», «о Конане о Дойле». Что, громоздко? Ещё бы! Это не по-русски. Сами-то адепты такой транскрипции «Конана» не склоняют – вот вам, кстати, и правомочность дефиса – как в двойной фамилии. Вообще-то и по-английски здесь всё непросто. Вполне официальная и распространённая английская фамилия Doyle. «Конан» – только имя. Но наш автор – и это его право – всегда подписывался как A. Conan Doyle, и его прямые потомки также оставили за собой написание Conan Doyle, что является уже двойной фамилией и по правилам русского языка должно писаться через дефис.* Твёрдое [л] перед [а] и перед [у] – это нелепое насилие над русским речевым аппаратом.

Таким образом, торжественно заявляю, что по-русски правильно лишь одно написание фамилии английского классика: **Конан-Дойль**; всё прочее – произвольные измышления людей, ведать не ведающих филологической подоплёки вопроса. Все же, кто хотят показать, что они *знают по-английски*, всегда имеют возможность сделать это иным и более культурным образом.

Ўор рачанантата

04.06.92.

* Стоит отметить, что по поводу двойных английских фамилий в русском обиходе царит полнейший хаос. Надо пересматривать слишком многое. Из писателей (хотя дело касается не только их) первые, кто приходят в голову, это – Фенимор Купер, Майн Рид, Брет Гарт, Диксон Карр... При подобном написании всякий русский волен думать, что у англичан есть такие имена, как Фенимор, Майн, Брет и Диксон, тогда как речь идёт о двойных фамилиях, которые по-русски правильно писать: Дж.Фенимор-Купер, Т.Майн-Рид, Ф.Брет-Гарт, Дж.Диксон-Карр и так далее. (*И.Р.*)

Н О В О Е О Т К Р О В Е Н И Е ,

ИЛИ

ЧТО ТАКОЕ СПИРИТИЗМ

*Всем отважным мужчинам и женщинам,
смирным и просвещённым, у кото-
рых хватило нравственного муже-
ства в течение семидесяти лет
противостоять насмешкам и
пренебрежению света во
имя торжества
наиважнейшей
истины*

Март, 1918

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие умы, гораздо более философичные, нежели мой, уже размышляли над религиозной стороной этого предмета, и многие куда более научно устроенные головы обратили своё внимание на физические проявления его. Однако, насколько известно мне, не было сделано ещё ни одной попытки показать взаимосвязь, что существует между той и другой сторонами этой проблемы. И я чувствую, что если б мне удалось хоть в какой-то мере прояснить её, то тем самым я сильно поспособствовал бы раскрытию самой важной, как мне представляется, тайны, касающейся всего рода человеческого.

Знаменитый медиум г-жа Пайпер произнесла в 1899 году слова, которые были тогда записаны д-ром Ходсоном. Говоря в состоянии транса о будущности духовной религии, она заявила: «В следующем столетии вещи эти сделаются удивительным образом доступны человеческому уму. Я предскажу ещё и то, осуществление чего вы, несомненно, увидите. Прежде, чем людям ясно откроется возможность их сообщения с потусторонним миром, произойдёт ужасная война, которая охватит различные части земного шара. Весь мир должен быть обновлён и очищен, прежде чем смертный своим духовным зрением сможет рядом с собой увидеть друзей из мира иного, и работа именно в этом направлении позволит человечеству достичь совершенства. Поразмысли же над этим, друг».

«Ужасную войну, которая охватит различные части земного шара», мы уже пережили. Остаётся ждать исполнения лишь второй части пророчества.

А.К.Д.

1918 г.

Глава Первая

ИСКАНИЯ

Психические исследования – это предмет, над которым я всего более размышлял и по поводу которого я всё же куда медленнее составил себе мнение, нежели по поводу какого-либо иного. По мере того, как продвигаешься по жизни, происходят определённые события, которые вынуждают человека признать тот факт, что время безвозвратно проходит и что молодость и даже зрелые годы уже давно миновали. Именно это и произошло на днях со мной. В одном из свежих номеров превосходнейшего журнала, который называется «Лайт»*, появилась колонка, посвящённая событию тридцатилетней давности, что в среднем соответствует длине жизни одного поколения. Пробегая взглядом текст, я буквально вздрогнул, когда увидел внизу своё имя и узнал, что читаю перепечатку письма, написанного мною в 1887 году, в котором сообщаются некоторые интересные подробности, касающиеся опытов, проведённых во время спиритического сеанса.** Отсюда явствует, что предмет этот интересует меня довольно давно и что я не был слишком уж поспешен в намерении составить себе о нём собственное мнение, поскольку заявление о том, что реальность этих явлений представляется мне несомненной, было сделано мною всего лишь пару лет назад.

Если я и говорю здесь о некоторых своих опытах и встретившихся на моём пути трудностях, читатели, надеюсь, не воспримут это как некое ячество, но согласятся с тем, что это самый лучший способ дать ответ именно на те вопросы, которые скорее всего возникнут в уме читателя. Придерживаясь такой линии, я смогу дать ответ более общий и одновременно, по природе своей, более безличный.

Когда в 1882 году я завершил своё медицинское образование, то, как и большинство молодых врачей, оказался убеждённым материалистом во всём, что касалось человеческой участи. Но в то же время я никогда

* «Лайт» – знаменитый английский журнал, специализировавшийся на публикации материалов, посвящённых «психическим» и спиритическим исследованиям. Выходил в течение нескольких десятков лет. Среди прочих авторитетов этой области на его страницах часто публиковался и А.Конан-Дойль. «Лайт» (англ. light) значит «свет». (И.Р.)

** См. «Записки о Спиритизме», статья «Неожиданное подтверждение». (И.Р.)

не переставал быть и ревностным теистом, поскольку, на мой взгляд, никто ещё не дал ответа на вопрос, заданный Наполеоном звёздной ночью во время египетского похода профессорам-атеистам: «Скажите-ка, господа, кто создал эти звёзды?» Ведь если сказать, что Вселенная была создана непреложными законами, то это лишь вызовет другой вопрос: «Кто же создал эти законы?» Я, конечно же, не верю и никогда не верил в человекоподобного Бога, но верю в Разумную Силу по ту сторону всей деятельности природы – Разум столь бесконечно сложный и великий, что мой ограниченный ум не может постичь о нём ничего, кроме самого факта его существования. Добро и зло представлялись мне столь неоспоримыми, что для обоснования их я не видел нужды ни в каком Божественном откровении. Но когда я подходил к вопросу о наших хрупких личностях, якобы переживающих смерть, мне казалось, что многие аналогии, наличествующие в природе, отвергают сохранение личности после смерти тела. Так, когда догорает свеча, исчезает свет; когда обрывается провод, исчезает ток. И когда гибнет тело, исчезает сознание. Каждый человек в эгоизме своём может чувствовать, будто его «я» бессмертно, но пусть он взглянет, скажем, на среднего бездельника, принадлежащего к высшему или низшему классу общества – возникнет ли у него тогда в самом деле мысль, будто есть какая-то явная причина к тому, чтобы и *такая* личность продолжала жить после смерти тела? Это представляется иллюзией, и я был убеждён, что смерть действительно есть конец всего, хотя и не видел причин, чтобы это как-то должно было отражаться на наших обязанностях по отношению к человечеству во время нашего преходящего существования.

Таково было состояние моего ума в ту пору, когда я впервые столкнулся со спиритическими явлениями. Я всегда смотрел на эту тему как на величайшую глупость на свете; к тому времени я прочитал кое-какие рассказы о скандальных разоблачениях медиумов и поражался тому, как человек, будучи в здравом уме, мог вообще в такое поверить. Однако некоторые из моих друзей интересовались спиритуализмом, и я вместе с ними принял участие в сеансах с верчением стола. Мы получили связные сообщения. Боюсь, единственным результатом этих посланий для меня стало то, что теперь я смотрел на своих друзей с некоторым подозрением. Очень часто сообщения были пространными, слова в них составлялись по слогам за счёт приподнимания и опускания ножки стола, и мне казалось совершенно невозможным,

чтобы всё это было случайностью. Стало быть, что-то должно было двигать столом. И я решил, что тут не обошлось без кого-то из моих друзей. Возможно, и они думали обо мне то же самое. Я был озадачен и обеспокоен этим, ибо они были не теми людьми, которых можно заподозрить в мошенничестве. И всё же я не видел иного объяснения этим сообщениям, кроме сознательных манипуляций со столом.

В это же самое время – приблизительно в году 1886 – мне попала книга, озаглавленная «Воспоминания судьи Эдмондса». Её автор был членом Верховного Суда С.Ш.А., человеком высокой репутации. В своей книге он рассказывает о том, как после смерти жены продолжал общаться с ней в течение многих лет. Эдмондс приводит разного рода подробности. Я прочитал его книгу с интересом и полнейшим скептицизмом. Мне она показалась примером того, что и в уме людей практического склада могут быть слабые стороны, своеобразная реакция, думалось мне, на плоские факты жизни, с которыми они вынуждены постоянно иметь дело. Где, спрашивается, находился тот дух, тот ум, о котором он говорил? Предположим, с человеком произошёл несчастный случай, повлёкший за собой повреждение черепной коробки, – в результате изменится весь его характер, ум высокого порядка опустится до самого низкого уровня. Наконец, под влиянием спирта, опиума и других наркотических веществ характер человека может совершенно перемениться. Это должно доказывать, что дух зависит от материи.

Таковы были доводы, которыми я располагал в те дни. Я был не в состоянии понять, что не сам дух меняется в подобных случаях, но тело, через которое дух действует и которое служит ему способом выражения. Это всё равно как повредить скрипку: она издаст лишь нестройные звуки, но сам музыкант, взявший её в руки, не утратит от того своей способности быть виртуозом.

Любопытство моё было достаточно подстёгнуто, для того чтобы у меня возникло желание и впредь при всяком удобном случае читать литературу подобного рода. Я был весьма удивлён, обнаружив, что многие великие люди, коих имена стали символом науки, целиком и полностью верили в то, что дух независим от материи и может существовать без неё. Когда я рассматривал спиритизм просто как вульгарные домыслы невежд, я склонен был относиться к нему с презрением; но, узнав, что его отстаивают такие учёные, как Крукс, известный мне как величайший английский химик, Уоллес,

соперник Дарвина, и Фламмарин, крупнейший астроном, я уже не мог позволить себе подобное пренебрежение. Было бы слишком легко отмахнуться от их трудов, исполненных самого тщательного и кропотливого анализа предмета и вытекающих из него выводов, сказав себе: «Пусть их! Видно, в голове у них есть прореха». Надо, однако, обладать большим запасом самодовольства и самоуверенности, для того чтобы ни на минуту не предположить, что такая «прореха» имеется как раз в собственной голове. Некоторое время скептицизм мой поддерживало то соображение, что другие авторитетные учёные – сам Дарвин, Гексли, Тиндаль и Герберт Спенсер – потешались над этой новой ветвью исследований. Но когда я узнал, что их пренебрежение достигло такой степени, что они даже не пожелали ознакомиться с предметом, что Спенсер многократно заявил о своём априорном неприятии подобных исследований, тогда как Гексли признался, что его это попросту не интересует, то я был вынужден допустить, что, как ни были они велики каждый в своей области, в данном вопросе они выказали непростительную слабость, поскольку их подход в данном случае крайне догматичен и всего менее научен. Напротив, по-моему, те исследователи, которые не почли за труд изучить спиритические явления и попытаться вывести управляющие ими законы, пошли по истинно научному пути, пути знания и прогресса. И тогда логика моего рассуждения поколебала мой скептицизм.

Однако мои собственные опыты его вновь несколько укрепили. Стоит напомнить, что я работал тогда без медиума, а это всё равно что уподобиться астроному, не пользующемуся телескопом. Сам я не обладаю медиумической способностью, или «психической силой», и те, кто работали со мною обладали ею ещё в меньшей мере. Всех нас, вместе взятых, едва хватало на то, чтоб собрать минимум магнетической силы (можете назвать это как-то иначе), необходимой для получения движений стола, в итоге которых получаются сомнительные и зачастую глупые послания. У меня до сих пор сохранились записи тех сеансов и копии, по крайней мере, некоторых из этих посланий. Они не всегда были совершенно глупыми; например, когда, задавая контрольный вопрос, я спросил, сколько мелочи у меня с собой в кармане, стол по буквам ответил: «Мы приходим сюда, чтобы наставлять и возвышать души, а не за тем, чтоб отгадывать детские загадки». И вслед за этим: «Религиозный склад ума, а не критический желаем развить мы в людях». Никто, думаю, не расценит такое послание как ребяческую

шутку. С другой стороны, я постоянно опасался, не объясняется ли всё это невольным надавливанием на поверхность стола, которое производят участники сеанса. Именно тогда произошёл случай, сильно меня разочаровавший и заставивший надолго потерять интерес к этим явлениям. В тот вечер условия были очень хорошие, и мы получили длинную серию движений, которые, как казалось, совершенно не зависели от нашего влияния. Из них выстраивались длинные и подробные послания, исходившие от духа, назвавшего своё имя и сказавшего, что он был коммивояжёром и погиб недавно во время пожара театра в Эксетере. Все детали выглядели точными, и он умолял нас написать его семье, которая проживала, как он сказал, в местечке под названием Слэттенмир, графство Камберленд. Я так и сделал, но письмо пришло назад как высланное по неверному адресу. До сего дня я так и не знаю, было ли то розыгрышем, или произошла какая-то ошибка в написании адреса; но таковы факты, и на какое-то время они породили у меня отвращение ко всему роду этой деятельности. Одно дело было изучать предмет, но когда предмет этот начал устраивать изощрённые шутки, то, показалось, пришло время сделать перерыв. Если есть на свете такое место как Слэттенмир, то я даже и сейчас был бы рад узнать об этом.

В то время я занимался врачебной практикой в Саутси, где и познакомился с генералом Дрейсоном, человеком весьма выдающегося характера. Он был одним из британских первопроходцев в области Спиритизма. К нему обратился я со своими трудностями, и он очень терпеливо меня выслушал. Он уделил весьма мало внимания моей критике в том, что касалось нелепости большинства посланий и совершенной ложности некоторых из них. «Просто по поводу этих явлений у вас в голове пока не сложилось фундаментальной истины», – сказал он. – «А истина эта состоит в том, что всякий дух во плоти переходит в следующий мир точно таким, каков он есть, без каких-либо изменений. В нашем мире куда как хватает людей слабохарактерных и глупых. То же самое, стало быть, должно иметь место и в мире следующем. И вам нет надобности вступать в общение с подобными людьми там, точно так же как вы не делаете этого здесь. Следует выбирать себе собеседников, попутчиков и друзей. Попробуйте представить, что человек из нашего с вами мира, который прожил всю жизнь в собственном доме, никогда не выходил из него и не общался с себе подобными, однажды высовывает голову из окна,

чтобы посмотреть, где он, собственно, находится и что это за место, в котором он живёт. Что из этого может получиться? Какие-то грубые мальчишки могут наговорить ему кучу глупостей. И он, таким образом, ничего не узнает ни о мудрости, ни о величии этого мира. Он тогда всунет голову назад, решив про себя, что мир этот – весьма ничтожное место. Именно это и произошло с вами. Во время сумбурного сеанса, лишённого определённой цели, вы заглянули в тот мир и натолкнулись там на каких-то вздорных мальчишек. Не останавливайтесь на этом, идите дальше и постарайтесь увидеть нечто лучшее». Таково было объяснение генерала Дрейсона, хотя и не могу сказать, что оно тогда меня удовлетворило. Но сегодня я думаю, что оно было всего ближе к истине.

Таковыми были мои первые шаги в Спиритизме. Я всё ещё был скептиком, но по крайней мере стал и исследователем, и когда слышал, как какой-нибудь старомодный критик заявлял, будто объяснять в этой области, собственно, нечего и что всё это мошенничество, или что все необходимые пояснения может дать хороший фокусник, то я уже хотя бы знал, что такая критика – вздор. Правда, опыта, которым я к тому времени располагал, не хватало, чтоб убедить меня самого, но я не переставал читать литературу и мог видеть, сколь глубоко другие люди проникли в этот предмет, и я признавал, что свидетельства в пользу Спиритизма столь неопровержимы, что никакое другое религиозное движение на свете не может с ним сравниться. Это, правда, ещё не доказывало его истинности, но по крайней мере свидетельствовало, что он вполне заслуживает уважения и что от него нельзя просто отмахнуться.

Возьмите странное происшествие, которое Уоллес справедливо назвал «современным чудом». Я предпочитаю говорить именно о нём, потому что событие это кажется всего более невероятным. Я имею в виду утверждение, что Д.Д.Хоум (который, кстати сказать, никоим образом не был, как полагают некоторые, платным медиумом, ибо он племянник графа Хоума), выпрыгнув при свидетелях из окна дома, вместо того чтобы упасть, поднялся по воздуху и влетел в другое окно того же дома на высоте 70 футов над землёй.* Я не мог в это поверить. И всё же, когда я узнал, что факт этот подтверждён тремя свидетелями, присутствовавшими при сём: лордом Данрэйвеном, лордом Линдсеем и капитаном Уинном – все трое люди чести, пользующиеся большим

* Приблизительно 21 м. (И.Р.)

уважением, – и что впоследствии они пожелали удостоверить свои показания под присягой, то мне оставалось только признать, что очевидность факта была здесь гораздо лучше удостоверена, нежели в отношении многих удалённых от нас во времени событий, которые весь мир согласился рассматривать как истинные и действительно имевшие место.*

Все эти годы я продолжал участвовать в сеансах со столами, порой совершенно безрезультатными, а иногда дававших результаты тривиальные. Но всё же время от времени мы получали и результаты совершенно удивительные. У меня до сих пор сохранились записи тех сеансов, и я приведу фрагменты одного из них, которые позволили сделать вполне определённые выводы, но вместе с тем это настолько не соответствовало моим тогдашним представлениям о загробной жизни, что в те дни скорее лишь позабавило меня, чем убедило. Но теперь, когда я вижу, что те результаты очень во многом согласуются с откровениями, приведёнными в «Рэймонде»,** и с другими более поздними рассказами, я смотрю на них иными глазами. Я вполне сознаю, что все сообщения о потусторонней жизни разнятся между собой в подробностях; я полагаю, однако, что и большинство рассказов о нашей жизни на земле в подробностях согласуются друг с другом ничуть не больше, но всё же в главном между ними есть большое сходство, которое в данном случае изрядно далеко от тех представлений, какие были об этом у меня или тех двух дам, что участвовали со мною в сеансе. В общение с нами, один вслед за другим, вступили два духа. Первый по буквам назвал своё имя: «Дороти Потлетуэйт» – имя, никому из нас не известное. Она сказала, что умерла пять лет назад в Мельбурне в возрасте шестнадцати лет, что теперь она счастлива, что у неё есть дело, которым она занимается, и что она училась в школе вместе с одною из присутствующих дам. По моей просьбе эта дама отняла от стола руки и назвала ряд фамилий; при произнесении имени и фамилии директрисы школы стол слегка приподнялся. Это выглядело как подтверждение предыдущего заявления. Далее

* Намёк на библейские мифы. (И.Р.)

** «Рэймонд» – название книги Оливера Лоджа, выдающегося английского физика и проповедника Спиритизма. Рэймонд – имя сына учёного, который был военным инженером и погиб во время Первой мировой войны. В книге содержится большой объём фактического и теоретического материала, касающегося проблем Спиритизма. Особенность книги заключается в том, что основу её составляют спиритические послания Рэймонда Лоджа своим родителям. (И.Р.)

дух этой девушки сказал нам, что мир, в котором она теперь живёт, располагается вокруг Земли. Ей знакомы также и другие планеты. Так, на Марсе живёт раса гораздо более продвинутая, чем мы, и что каналы на этой планете искусственного происхождения. В их мире нет физической боли, но могут быть душевные муки. Ими правят. Они питаются пищей. При жизни на земле она была католичкой и осталась ею и сейчас, но у неё нет никаких преимуществ перед протестантами. Среди её окружения есть также буддисты и магометане, но все живут в одинаковых условиях. Она ни разу не видела Христа и знает о нём не больше, чем на земле, но верит в его влияние.* Духи молятся. Они умирают в своём мире прежде, чем вступить в другой. У них есть удовольствия – музыка среди них. Это царство света и веселья. Она добавила, что у них нет ни богатых, ни бедных и что общие условия жизни несравненно счастливее, чем на земле.

Девушка пожелала нам доброй ночи, и стол тут же оказался во власти гораздо более энергичного влияния, так как движения его стали значительно резче. На мои вопросы последовал ответ, что со мной общается дух человека, которого я здесь называю «Доддом». Он прославился как замечательный игрок в крикет, и мы с ним довольно серьёзно беседовали в Каире незадолго до его отъезда на Нил в составе Донголезской экспедиции, где его и настигла смерть. Обращаю внимание читателя, что этот период моих исследований приходится на 1896 год. Ни одна из дам о Додде ничего не знала. Я начал задавать ему вопросы точно так же, как если бы он сидел передо мной, и он отвечал мне быстро и уверенно. Ответы часто были совершенно противоположны тому, что я ожидал услышать, так что невозможно подумать, будто я как-то влиял на них. Он сказал мне, что счастлив и не желает возвращаться на землю. Живя среди нас, он был «вольнодумцем» (т.е. не верил в Бога), но не страдает из-за того в этой следующей своей жизни. Молитва, однако, великолепная вещь, так как она поддерживает нас в соприкосновении с миром

* По нормам русского правописания, говоря о Христе в 3-м лице, пишут Он, Его, и т.д. Мы же в книгах спиритов пишем эти местоимения со строчной буквы, прописная употребляется только тогда, когда речь идёт о Боге. К этому нас обязывает спиритическая идеология: спириты не считают Христа Богом или даже «Сыном Божиим» в буквальном смысле. С точки зрения Спиритизма, каждый человек – точно такой же сын Божий и имеет право заявить о себе: «Я есмь сын Божий». Для спиритов Иисус Христос – не божество, но дух, стоящий на самой вершине Духовной Иерархии и представляющий для нас, Землян, самого Бога. (И.Р.)

духов. Если бы он молился прежде, то достиг бы в духовном мире более высокого положения.

Это, я должен заметить, представляется противоречащим его утверждению о том, что он не пострадал там от земного «вольнодумства», хотя, конечно, молитвой пренебрегают и многие из тех, кто не являются вольнодумцами.

Его смерть была безболезненна. Он рассказал о смерти Полуэлла, молодого офицера, погибшего раньше него. Когда он (Додд) умер, то увидел людей, пришедших встретить его, но Полуэлла среди них не оказалось.

Додд был занят в том новом мире, но ему стало известно о падении Донголы. Он, однако, не присутствовал в духе на званом обеде, состоявшемся вскоре после этого в Каире. Ему теперь известно больше, чем при жизни. Он напомнил мне о нашем разговоре в Каире. Продолжительность жизни в следующем мире короче, чем на земле. Он не видел ни генерала Гордона, ни духов других знаменитых людей. Духи в их мире живут семьями и общинами. Мужья и жёны необязательно встречаются, но те, кто действительно любили друг друга, непременно встречаются вновь.

Я дал этот краткий обзор сообщений, с тем чтобы показать, какого характера материал мы получали, хотя надо признать, что образцы, приведённые мною, весьма выигрышны как с точки зрения пространности, так и смысловой цельности. Из этого обзора следует, что несправедливо уподобляться критикам, которые утверждают, будто на таких сеансах ничего, кроме глупостей, не получается. В данных случаях речь не идёт о глупостях, если только «глупостью» мы не называем всё то, что не согласуется с нашими предвзятыми и поверхностными идеями. С другой стороны, какое доказательство было тому, что сообщения эти соответствовали действительности? Я подобных доказательств увидеть не смог, так что мне оставалось только удивляться. Сейчас, когда опыт мой значительно расширился, когда я знаю, что аналогичного рода информация была получена слишком многими людьми независимо друг от друга и во многих странах, я думаю, что такое согласование свидетельств по всем законам здравого смысла составляет своеобразный довод в пользу того, что все эти сообщения истинны. Но в то время я не мог вписать подобную концепцию о будущей жизни в свою философскую схему, я только отметил её и прошёл мимо.

Я продолжал читать множество книг о данном предмете и всё более и более ценил то, какая тьма тьмушая существует о нём свидетельств и с какой тщательностью проведены подобные наблюдения. Всё это производило на меня гораздо большее впечатление, нежели те ограниченные феномены, что находились в пределах моего собственного практического достижения. Тогда или несколько позднее я прочитал книгу г-на Жаколио об оккультных явлениях в Индии. Жаколио был председателем трибунала во французской колонии Чандернагор; у него довольно юридический склад ума, и при этом он был скорее предубеждён против Спиритизма. Жаколио принял участие в ряде опытов с йогами, которые оказали ему доверие, потому что он был человеком, располагавшим к себе, а также говорил на их языке. В своей работе он подробно расписывает всевозможные меры предосторожности, которые ему пришлось принять, дабы оградить себя от всякой *попытки* обмана. Чтобы сократить его изрядно длинный рассказ, скажу лишь, что ему довелось наблюдать там все явления, которые мы получаем с медиумами высокого класса; например, всё то, что проделывал Хоум. Жаколио был приобщён к эфирному зависанию тел, управлению огнём, к передвижению предметов на расстоянии, к ускоренному проращиванию растений, к левитации столов. Сами йоги объясняли свои способности тем, что они обладают ими от *питри* (духов); единственное различие между их способами и нашими состояло, повидимому, в том, что они больше пользовались прямым вызыванием. При этом они утверждали, что способности эти были переданы им ещё в незапамятные времена и восходят к халдеям.* Всё это произвело на меня сильное впечатление, ведь оказывалось, что у йогов и у нас, хотя мы ничего и не знали друг о друге, были совершенно одинаковые результаты. И здесь речь не шла об «американских подлогах и подделках» или о «современной вульгарности», в чём столь часто Спиритизм обвиняют в Европе.

В ту пору я испытывал также влияние отчёта Диалектического общества, хотя он и появился на свет в далёком 1869 году. Это весьма убедительный документ. Встретив лишь хор насмешек со стороны невежественных и материалистических газет тех дней, он тем не менее являлся свидетельством, обладавшим исключительной ценностью. Членами Общества были люди с хорошей репутацией и открытым умом, пожелавшие исследовать физическую сторону

* Louis Jacolliot, «Le Spiritisme dans le Monde», Paris, A.Lacroix, 1875. (*И.Р.*)

феноменов Спиритизма. Они приводят полный отчёт о своих опытах и о разработанной ими системе предосторожностей против подлога. По прочтении составленного ими отчёта трудно увидеть, к какому иному выводу могли ещё прийти его авторы помимо того, что провозглашается ими, а именно: описанные явления, без всякого сомнения, действительно существуют и указывают на законы и силы, ещё не изученные наукой. Наиболее примечательно в данном случае то, что если бы учёная комиссия вынесла вердикт против Спиритизма, то тот определённо был бы воспринят как смертельный удар спиритуалистскому движению, но поскольку их вывод явился подтверждением феноменов, то и не встретил ничего, кроме насмешек. Такая же участь постигла и множество иных исследований, начиная с тех, что состоялись в 1848 г. в Гайдсвилле, и вплоть до произошедших после того, как профессор Хэйр из Филадельфии устремился, подобно Св. Павлу, чтобы воспротивиться истине, но был вынужден почтительно склониться перед нею.

Где-то к 1891 году я стал членом Общества психических исследований и получил возможность читать все его отчёты. Мир многим обязан методичной, неутомимой работе этого Общества и трезвости суждения, которою пронизаны все его труды. Но всё же я позволю себе заметить, что эта же трезвость иногда выводит из терпения – чувствуешь, что в своём желании избежать сенсационности составители отчётов сами отбивают у людей всякую охоту узнать о великолепной работе, ими проделанной, и извлечь пользу из её результатов. Полунаучная терминология, используемая ими, также отпугивает обычного читателя, и, когда я читаю их статьи, мне порой вспоминаются слова американского траппера из Роки-Маунтинз. Рассказывая мне об одном человеке из университета, у которого охотник был проводником, он охарактеризовал его следующим образом: «Он такой умный, что никогда не поймёшь, о чём он там говорит». Но, несмотря на эти мелкие странности, те из нас, кто жаждали света во тьме, смогли обрести его именно благодаря методичной, неустанной работе Общества. И её влияние также является одной из тех сил, что и сейчас помогают мне оформить собственные мысли. Но есть ещё и другая сила, оказавшая на меня глубокое воздействие.

Хотя я и читал обо всех опытах, проделанных великими исследователями, но мне ни разу не встретилось с их стороны ни малейшей попытки создать такую систему взглядов, которая бы

вместила в себя их все. И вот я познакомился с монументальной книгой Мейерса «Человеческая личность»,* книгой, которая является как бы корнем, из коего в своё время вырастет всё древо знания. Автор не мог в этой книге создать системы, которая бы включила в себя все феномены, называемые «спиритическими»; но, обсуждая действие ума на ум, которое он сам назвал «телепатией», Мейерс высказал своё мнение с такой ясностью и тщательно проработал его с таким множеством примеров, что все, за исключением только тех, кто сами не пожелали видеть и признавать очевидность, рассматривают теперь его труд как научный факт.** И это было огромным шагом вперёд. Если ум может действовать на ум на расстоянии, то это означает, что в человеке есть силы совершенно отличные от материи, как мы её всегда понимали. Почва у материализма, таким образом, уходила из-под ног, и мои старые принципы оказывались разрушенными. Я утверждал прежде, что пламени не может быть, если свеча догорела. Но здесь пламя оказывалось никак не связанным со свечой и действовало совершенно самостоятельно. Аналогия, стало быть, оказалась ложной. Если мысль, дух, разум человека могут действовать в отдалении от тела, то, значит, они, до известной степени, есть нечто отдельное, отличное от тела. Почему же в таком случае дух не может существовать сам собой даже тогда, когда тело уже погибло? С теми, кто недавно умер, проявления эти выражаются не только в виде действия мысли на расстоянии, но и приобретают внешность умерших, доказывая тем, что данные проявления осуществляются чем-то в точности таким же, как тело, но всё же действующим вне его и его переживающим. Такие явления, как простейшие случаи чтения

* “Human Personality and its Survival of Bodily Death” by F.W.H.Meyers. «Человеческая Личность и её Сохранение после Смерти Тела». Помимо английского оригинала существует переработанный французский перевод, который во многих отношениях предпочтительней своего прототипа: Frederic Meyers, «La Personnalité humaine; sa survivance; ses manifestations supranormales». (И.Р.)

** Это фундаментальное исследование издано Фредериком Мейерсом, профессором из Кембриджа, в 1903 году. В том же году профессор Ф.Флурнуа из Женевского Университета, известный скептик в такого рода вопросах, о важности этого сочинения высказался в следующих выражениях: «Доказательства и рассуждения, выдвинутые Мейерсом в пользу сверхъестественных психических феноменов, представляют собой, по численности своей и весомости, слишком серьёзное и объёмное досье для того, чтобы теперь можно было его игнорировать, если только нарочно не закрывать на него глаза, и было бы явным сумасбродством пытаться ныне отрицать его всё целиком под тем фальшивым предлогом, будто подобный предмет не заслуживает внимания науки». (И.Р.)

мыслей, с одной стороны, и деятельное проявление духа независимое от тела, с другой, представляют собой звенья одной сплошной цепи доказательств, связанных между собой и друг в друга переходящих. Это обстоятельство представилось мне первым из признаков, слагающих научную систему, а система вносит строй и порядок в то, что до этого выглядело всего лишь нагромождением невероятных и более или менее разрозненных фактов.

Примерно в то же время мне представилась возможность принять участие в интересном эксперименте, ибо я был одним из трёх членов Психического общества, которых оно направило на место событий в «непокойный» дом. Это оказался один из тех случаев полтергейста, когда разного рода звуки и глупые проделки продолжаются в течение многих лет, что очень похоже на классический случай семьи Джона Уэсли в Эпуорте в 1726 году, или на то, что произошло с семьёй Фокс в Гайдсвилле возле Рочестера в 1848 году и дало начало современному Спиритизму. Из нашей поездки не вышло ничего сенсационного, и всё же она не оказалась совершенно бесплодной. В первую ночь ничего не произошло. Во вторую мы услышали сильный шум: звуки напоминали сильные удары палкой по столу. Мы, разумеется, приняли все меры предосторожности, но нам не удалось найти объяснения этому шуму, однако, мы не могли бы поручиться, что с нами не сыграли какой-то замысловатой дурной шутки. На этом дело пока и кончилось. Тем не менее, несколькими годами позже я встретил одного из жильцов этого дома, и он сказал мне, что уже после нашего посещения в саду при доме были открыты останки ребёнка, закопанные, повидимому, довольно давно. Согласитесь, что это весьма примечательно. «Непокойные» дома – это редкость, и дома, в садах которых зарыты человеческие останки, надеюсь, тоже. То, что оба этих исключительных обстоятельства объединены относительно одного и того же дома, определённо является доводом в пользу подлинности феномена. Интересно напомнить, что и в случае с семьёй Фокс также есть упоминание о человеческих останках и признаки того, что в подвале дома когда-то произошло убийство, хотя преступление как таковое никогда установлено и не было. У меня нет особых сомнений в том, что если бы Уэсли смогли вступить в словесный контакт со своим преследователем, то они бы узнали, что могло послужить причиной подобной назойливости. Похоже на то, что если жизнь прерывается внезапно и резко, то у человека ещё сохраняется некий

неизрасходованный запас жизненности, которая может находить себе выход, проявляясь таким необычным и злонамеренным образом. Позднее я ещё раз столкнулся с подобным явлением, рассказ о чём помещён в конце этой книги.*

С тех пор, вплоть до начала войны, в редкие часы досуга посреди своей весьма занятой жизни, я продолжал уделять внимание избранной теме. Я присутствовал на целой серии сеансов, давших удивительные результаты, включая множество материализаций, видимых в полумраке. Однако, поскольку медиум некоторое время спустя был уличён в трюкачестве, я был вынужден отказаться от этих результатов как доказательства. В то же время крайне важно уберечься от предубеждённости, и я думаю, что медиумы, вроде Эвзапии Палладино, могут поддаться искусству трюкачества, если им изменяет их природный медиумический дар, тогда как в другое время достоверность их дара не может быть подвергнута никакому сомнению. Медиумичество в низших своих формах является даром чисто физическим и никак не связано с нравственностью наделённого им лица; помимо того, эта способность обладает свойством то появляться, то исчезать и не зависит от воли её носителя. Эвзапия была по меньшей мере дважды уличена в грубом и глупом обмане, и в то же время она многожды выдерживала всевозможные тестирования и проверки в условиях самого жёсткого контроля со стороны учёных комиссий, в состав которых входили лучшие имена Франции, Италии и Англии. Тем не менее, что касается меня, я предпочитаю напрочь исключить из своего учёта эксперименты, проведённые с хотя бы единожды скомпрометировавшим себя медиумом, и считаю, что все физические феномены, произведённые в темноте, необходимым образом много тем потеряли в собственной значимости, если они не сопровождались при этом какими-то побочными явлениями.

Наши критики обычно утверждают, что если исключить из всего объёма полученных нами свидетельств те результаты, которые доставлены скомпрометированными медиумами, то никаких свидетельств уже, собственно, и не останется. Это, однако, совершенно не так. До только что упомянутого инцидента я никогда ранее не прибегал к услугам профессионального медиума, и всё же у меня накопились определённые свидетельства. Самый величайший из всех медиумов – Д.Д.Хоум – демонстрировал свои способности

* См. приложение III, «Черитонское бомбоубежище». (И.Р.)

среди бела дня и всегда был готов подвергнуться любому контролю, но обвинение в трюкачестве на него ни разу не возводилось. Так же было и со многими другими. Было бы только полезным добавить, что титул публичного медиума является притягательной вывеской, настоящей приманкой для разного рода охотников за известностью, для любителей разоблачений и жадных до сенсаций журналистов; и когда такой искатель сомнительной популярности производит в темноте некие подозрительные операции и должен к тому же оправдываться перед жюри и судьями (каковые, как правило, также ничего не смыслят в условиях, влияющих на проявление феноменов), то было бы чудом, если бы такой самозванец выбрался из всего этого без соответствующего скандала. В то же время сама по себе система оплаты медиума по результатам, которой практически только и придерживаются устроители сеансов и предполагающая, что если медиум не произвёл явлений, то он и не получит жалованья, есть система глубоко порочная. Лишь в том случае, если профессиональный медиум будет гарантирован в своих доходах, мы сможем устранить сильное для него искушение возместить собственным искусством то, в чём на данный миг ему может быть отказано его природой.

Итак, я обрисовал эволюцию своей собственной мысли вплоть до начала мировой войны. Надеюсь, с моей стороны не будет самонадеянностью утверждать, что развитие это не было слишком уж скороспешным и не носит на себе следов легковерия – два воистину глобальных обвинения, которые выдвигают против нас оппоненты. Оно, напротив того, оказалось слишком неспешным, ибо я был преступно медлителен, помещая на весы справедливости любую мелочь, которая могла бы оказать на меня влияние. Не разразись эта война, я, скорее всего, так и провёл бы жизнь лишь на подступах к истинным психическим исследованиям, высказывая время от времени своё симпатизирующее, но более или менее дилетантское отношение ко всему предмету – как если бы речь здесь шла о чём-то безличном и далёком, вроде существования Атлантиды. Но пришла Война и принесла в души наши серьёзность, заставила нас пристальнее присмотреться к себе самим, к нашим верованиям, произвести переоценку их значимости. Когда мир бился в агонии, когда всякий день мы слышали о том, что смерть уносит цвет нашей нации, заставляя молодёжь нашу на заре многообещающей юности, когда мы видели кругом себя жён и матерей, живущих с пониманием того, что их любимых супругов и чад более нет в живых, мне вдруг сразу

стало ясно, что эта тема, с которой я так долго заигрывал, была не только изучением некоей силы, находящейся по ту сторону правил науки, но что она – нечто действительно невероятное, какой-то разлом в стене, разделяющей два наших мира, непосредственное, неопровержимое послание к нам из мира загробного, призыв надежды и водительство человеческой расе в минуту самого глубокого её потрясения. Внешняя, материальная сторона этого предмета сразу потеряла для меня интерес, ибо когда я понял, что он несёт истину, то исследовать снаружи здесь стало нечего. Его религиозная сторона явно имела бесконечно большее значение. Так, сам по себе телефонный звонок есть сущая безделица, но он ведь признак того, что с вами желают говорить, и тогда может оказаться, что с помощью телефонного аппарата вы узнаете нечто для себя жизненно важное. Похоже, все феномены – и большие, и малые – являются своего рода телефонными звонками, которые, невзирая на свою сугубо материальную природу, кричат роду человеческому: «Прислушайтесь! Пробудитесь! Будьте готовы! Вот подаются вам знаки. Они приведут вас к посланию, которое желает передать вам Господь». И важно само послание, а не эти знаки. По всей видимости, некое Новое Откровение готовилось быть переданным человечеству, хотя и можно сказать, что оно пока находится только на стадии Иоанна Крестителя по отношению к учению Христа, и никто не в состоянии ещё сказать, сколь велика окажется полнота и ясность этого Нового Откровения. Моё мнение таково, что психические явления, существование которых было вполне и всецело доказано с точки зрения всех, кто дал себе немного труда ознакомиться с действительными фактами, – сами по себе не имеют никакого значения и что действительная их ценность заключается лишь в том, что они поддерживают собой и придают объективную реальность огромному множеству знаний, которые призваны глубоко изменить наши старые религиозные взгляды и которые должны, при верном понимании и усвоении, превратить религию в явление в высшей степени действенное, предметом коего станет не вера, но действительный опыт и истина. Именно к этой стороне вопроса я и хотел бы сейчас обратиться, но я должен ещё сделать некоторые дополнения к своим предыдущим заметкам, касающимся моего личного опыта. Дело в том, что с самого начала Войны, благодаря исключительно благоприятным обстоятельствам, мне удалось найти подтверждение сформировавшемуся у меня мнению об истинности и достоверности общих фактов, лежащих в основании самих моих идей.

Эти благоприятные обстоятельства заключались в том, что у одной дамы, тесно с нами связанной, некой мисс Л.С., развилась способность автоматического писания. Из всех форм медиумичества данная представляется мне нуждающейся в самом жёстком контроле более, чем какая-либо другая, ибо автоматическое письмо очень сильно подвержено не столько обману, сколько самообману, каковой есть вещь более тонкая и опасная. Вопрос в том, пишет ли леди сама, или же, как она утверждает, это делает за неё некая внешняя сила, подчиняющая её себе, наподобие того, как это происходило с израильскими хронистами, писавшими «Библию» и также утверждавшими, что они находятся под водительством. В случае с Л.С. нельзя отрицать, что некоторые сообщения оказывались неверными;* они были особенно ненадёжны во всём, что касалось времени. Но, с другой стороны, множество их было признано правильными и выходило далеко за пределы таких объяснений, как отгадка или совпадение. Так, например, когда затонула «Лузитания» и утренние газеты писали, что, по поступившим сведениям, катастрофа не повлекла за собой человеческих жертв, медиум тут же написала: «Это ужасно, ужасно, и сильно повлияет на исход всей войны». И действительно, данная трагедия оказалась определяющей причиной американского вступления в мировой конфликт – сообщение, стало быть, было верным в обоих отношениях. В другой раз, она предсказала прибытие важной телеграммы, указав

* Тем более нельзя отрицать этого в случае с «Библией», каковая представляет собой сумбурное собрание медиумических записей. И только безнадёжно наивные, доверчивые и легкомысленные люди могут поверить, будто этот свод противоречивых, нелепых и часто мерзостных рассказней продиктован «Духом Святым».

Двести лет назад великий духовидец и философ Сведенборг также состоял в общении с миром духов. И один из постоянных его собеседников представился ему Господом Богом (что, надо сказать, не редкость в подобных случаях). Он продиктовал доверчиво внимавшему Сведенборгу множество хороших вещей, но также немало и небылиц, достойных не Всезнающего Бога, но духа, не очень высоко взошедшего в Духовной Иерархии. И хотя в писаниях Сведенборга нет глупостей и гнусностей, которыми так богата «святая» Библия, никому тем не менее не пришлось тогда в голову признать его откровение за Божественное. Так случилось по той простой причине, что в умах тогдашних европейцев это место было безраздельно занято «Библией».

Эта книга, уже имевшая достойных критиков со стороны житейского здравого смысла в лице Болингброка, Вульстона, Вольтера, Гольбаха, Таксиля и других, ещё дожидается своего критика со стороны здравого спиритуализма. Основу этой критики уже заложил Аллан Кардек. См. его «Книгу Бытия, чудеса и предсказания в объяснении Спиритизма». (И.Р.)

даже дату её получения, а также имя отправителя, человека, от которого всего менее можно было её ожидать. Во всех случаях никто не смог усомниться в подлинности её инспирации, хотя ошибки и бывали весьма существенны. Это походило на то, как если бы пытаться услышать верную информацию по испорченному телефону.

В моей памяти запечатлелся ещё и другой инцидент, относящийся к первым дням войны. В одном провинциальном городке умерла знакомая мне дама. Она была хронической больной, и у её изголовья нашли морфий. Состоялось расследование, в результате которого не было принято никакого решения. Восемью днями позже я участвовал в сеансе, проводимом г-ном Ваут-Питерсом. После серии неопределённых и бессвязных фраз он вдруг сказал: «Здесь есть одна дама, её поддерживает пожилая женщина. Эта дама всё время говорит о морфии. Она уже трижды сказала об этом. Ум у неё затемнён, и она делает это ненарочно. Морфий!» Приблизительно таковы были его слова. О телепатии не могло быть и речи, ибо в ту минуту у меня в голове были совершенно иные мысли, и я никак не ожидал такого послания.

Помимо личного опыта исследователей, дополнительный вес спиритическому движению придала превосходная литература, возникшая вокруг него за последние несколько лет. Если бы не существовало других книг о Спиритизме, кроме тех пяти, которые появились в течение полутора последних лет – я имею в виду «Рэймонда» профессора Оливера Лоджа, «Психические исследования» Артура Хилла, «Реальность психических феноменов» профессора Кроуфорда, «На пороге Незримого Мира» профессора Баррэта и «Ухо Дионисия» Джеральда Бальфура – то и этих пяти книг, на мой взгляд, хватило бы разумному человеку, чтобы убедиться в реальности этих фактов.*

Прежде чем вдаваться в вопрос об этом новом религиозном Откровении и объяснять, как оно нас достигает и в чём заключается, я бы хотел сказать несколько слов по иному поводу. Наши противники, полагая, что они нас тем сильно затрудняют, всегда укрываются за двумя родами возражений. Первое, что факты, на которые мы опираемся, недостоверны или ложны; на это я уже дал ответ. Второе, то, что мы затрагиваем предмет запретный, который нам следует немедленно оставить. Поскольку я стоял на точке зрения сравнительно

* “Raymond” by Sir Oliver Lodge; “Psychical Investigations” by Arthur Hill; “Reality of Psychical Phenomena” by Pr.Crawford; “Threshold of the Unseen” by Pr.W.Barrett; “Ear of Dionysius” by Gerald Balfour. (*И.П.*)

материалистической, то такое возражение никогда меня не волновало; но тем, кого оно смущает, я бы посоветовал принять во внимание следующие соображения. Основное из них следующее: Бог не давал нам способностей, которые бы мы при любых обстоятельствах должны были оставить неиспользованными. Сам по себе факт нашего обладания данными способностями доказывает то, что наш неотъемлемый долг – изучать и развивать их. Правда, здесь, как, впрочем, и повсюду, мы можем совершить злоупотребления, если потеряем чувство меры. Однако я повторяю, что обладание этими способностями как таковое является веской причиной того, что пользование ими законно и обязательно.

Следует также напомнить, что этот вопль о «запретном знании», подкреплённый более или менее удачно подобранными цитатами, всегда раздавался только за тем, чтобы остановить всякий прогресс человеческого знания. Он прозвучал когда-то в адрес новейшей астрономии, и Галилей должен был отречься от своих взглядов. Он звучал в адрес Гальвани и электричества. Тот же аргумент был употреблён и против Дарвина, которого бы, несомненно, сожгли, живи он несколькими столетиями раньше. То же заклинание звучало, и когда Симпсон применил хлороформ при родах, ведь в «Библии» сказано: «В болезни будешь рождать детей».* Воистину к доводу, который выдвигается столь часто и столь же часто оказывается несостоятельным, нельзя относиться очень уж серьёзно.

Тем же, для кого теологический аспект является камнем преткновения, я советую прочитать две коротких книги, каждая из которых написана служителями Церкви. Одна из них – «Идёт ли Спиритизм от Дьявола» преподобного Филдинг-Оулда, стоимостью в два пенса. Другая – «Наше «Я» после смерти» – принадлежит перу преподобного Артура Чамберса.** Могу также порекомендовать сочинения преподобного Чарльза Туидэйла, посвящённые этой теме. Позволю себе, помимо того, добавить, что, когда я впервые публично высказал свои взгляды по данному поводу, то одним из первых сочувственных откликов стало полученное мною письмо от покойного архидиакона Уилберфорского.

* Синодальный перевод в этом месте, как и во многих других, неточен. На самом деле речь идёт здесь не о «болезни», но о боли, которая, по замыслу авторов «Библии» всегда сопровождает роды. Им было совершенно невдомёк, что это правило отнюдь не является всеобщим. (*И.Р.*)

** “Is Spiritualism of the Devil?” by Rev. Fielding Ould; “Our Self After Death” by Rev. Arthur Chambers. (*И.Р.*)

Есть некоторые теологи, которые не только противятся Спиритизму как культу, но и идут дальше, утверждая, что феномены и послания исходят от демонов, принимающих личину умерших, которых мы знаем, либо утверждающих, будто они являются небесными учителями. Трудно предположить, что те, кто высказывает подобные утверждения, хотя бы раз лично наблюдали, сколь ободряющее, утешительное действие сообщения эти оказывают на тех, кому они адресованы. Рёскин заявил, что его убежденность в грядущей жизни пришла к нему от Спиритизма, хотя он и добавляет (а это совершенно нелогично и неблагодарно с его стороны), что, раз убедившись в её реальности, он не пожелал больше иметь к этому никакого отношения. Однако есть многие – *quorum pars parva sum*,* – кто без всяких оглядок могут заявить, что они повернулись от материализма к вере в будущую жизнь, со всем, что она с собой налагает, только благодаря глубокому изучению Спиритизма. И если именно в этом заключается результат дьявольских трудов и стараний, то можно только сказать, что дьявол этот – работник весьма неловкий, ибо результаты, достигнутые им, слишком удалены от того, к чему он по природе своей должен был бы стремиться.

* * *

* к числу коих принадлежу и я (*лат.*)

Глава Вторая

ОТКРОВЕНИЕ

С известной долей облегчения я могу теперь обратиться к менее личной стороне этого великого предмета. Выше я сделал намёк на то, что уже существует некое новое Учение. Откуда оно к нам пришло? Главным образом через послания из мира иного, написанные методом автоматического письма, когда рука человека (он называется «медиумом») находится под водительством либо духа, который предположительно является душой умершего человека (как в случае с мисс Джулией Эймс), либо, как то утверждается, высокого духовного учителя (что имеет место у г-на Стэнтона Мозеса). Эти письменные послания дополняются большим числом словесных высказываний духов, произнесённых устами медиума в состоянии транса. Иногда они приходят и посредством голосов, звучащих напрямую, как это имеет место во множестве случаев, подробно изложенных адмиралом Азборн-Муром в его книге «Голоса».* Время от времени оно приходит через сеансы «пляшущих столов», производимые в семейных кружках, как, например, в тех двух случаях, о которых я говорил выше, когда рассказывал о своих собственных экспериментах и исканиях. Порой, как в случае, описанном г-жой де Морган, чтобы заявить о себе, духовные силы пользуются и рукой ребёнка.

* “The Voices” by Usborne Moore. Речь идёт о так называемом феномене «прямого голоса», когда в воздушной среде звучит голос духа, или умершего, наделённый всеми акустическими, артикуляционными и т.п. особенностями, отличавшими его при жизни на земле. Если на сеансе присутствуют люди, хорошо знавшие этого человека прежде, у них не возникает каких-либо сомнений касательно тождественности, а стало быть, и реальности звучащего голоса, который в этом случае может быть воспринят звукозаписывающей аппаратурой. Разговор между духом и присутствующими ведётся в таком случае как обычная беседа между людьми. Для проявления «прямых голосов» необходим медиум, обладающий способностью к производству именно этого спиритического феномена. Помимо указанной Конан-Дойлем книги, смотрите также книгу Г.Д.Брэдли «К звёздам» и Г.ди Бони «Прямые голоса» (H.D.Bradley, “Towards the Stars”; Gastone di Boni, «Voci Dirette»). (И.Р.)

После этого мы, разумеется, сразу же встречаемся со следующим возражением: как можем мы знать, что эти послания действительно идут к нам из мира загробного? Как можем мы знать, что пишет не сам медиум, что писанное им начертано без участия его сознания и, если даже это и так, что он (или она) не пишет этого под водительством собственного Высшего «Я»? Такая критика, на мой взгляд, совершенно справедлива, мы и сами должны неукоснительно пользоваться ею в каждом рассматриваемом случае, не то весь мир наводнится второсортными пророками, каждый из которых будет провозглашать свои собственные взгляды как откровение свыше, не имея каких иных доказательств своей правоты, кроме собственного утверждения, и мы тогда окажемся отброшенными назад, к тёмным векам слепой веры. Ответ на этот вопрос состоит в том, что мы требуем знаков, которые бы мы могли проверить прежде, чем принять уже те утверждения, истинность которых мы проверить никак не можем. В старые времена люди также требовали от пророка, чтобы он подал им подобный знак (именно этот знак называли «чудом»), и требование это было вполне разумным, и остаётся таковым и поныне. Точно так же, если ко мне приходит человек и приносит описание жизни в мире потустороннем, не представляя никаких доказательств его истинности, кроме собственных заверений, то я предпочту увидеть это описание скорее в мусорной корзине, а не у себя на письменном столе. Жизнь слишком коротка, чтобы расходовать её на изучение достоинств подобных сочинений.

Но если, как то имеет место у Стэнтона Мозеса в его «Учении Духов», сведения, пришедшие, как это утверждается, из мира иного, сопровождаются ещё и разного рода паранормальными способностями – а Стэнтон Мозес во всех отношениях был одним из величайших медиумов, когда-либо существовавших в Англии – тогда предложенный материал действительно представляется мне заслуживающим серьёзного внимания. Опять же, если мисс Джулия Эймс может рассказать г-ну Стеду о таких событиях в пору её жизни на земле, которые ему совершенно не могли быть известны, и если всё это при проверке подтверждается как действительно некогда имевшее место, тогда у нас есть все основания думать, что и те вещи, которые мы проверить не можем, истинны как и первые. Или снова-таки, если Рэймонд может описать нам фотографию, ни один из отпечатков которой не попадал в Англию и которая, как выяснилось

позднее, оказалась точно соответствующей его описанию, или если устами совершенно постороннего человека он может поведать нам все подробности своей прошлой домашней жизни, которые будут критически проверены его родными перед тем, как они признают их правильными, то будет ли нелогичным предположить, что и в своём описании новых собственных впечатлений и условий жизни, в которых он теперь находится, он также будет вполне добросовестен и точен? Или когда г-н Артур Хилл получает послания от людей, о которых он никогда прежде не слышал, и затем при проверке выясняет, что они верны в малейших подробностях, не правда ли, справедливо сделать вывод, что они говорят нам правду и тогда, когда рассказывают о теперешнем своём положении?*

Подобных случаев множество, и я упомянул здесь только некоторые из них, но моя точка зрения на эти вещи состоит в том, что все феномены (от явлений низшего порядка вроде «движущихся столов» и вплоть до самых высоких, каковым будет вдохновенная речь пророка) являются звеньями одной цепи, одной системы, каждое звено в которой связано с последующим; и что если нижний конец этой цепи был вложен в руку человечеству, то только за тем, чтобы упорным трудом и рассуждением мы смогли найти свой путь, в конце которого нас ожидает Откровение.

Не презирайте скромных начал, которыми явились «пляшущие столы» или «летающие бубны», каким бы злоупотреблениям и имитациям эти явления ни подвергались, но помните, что падение яблока позволило открыть закон всемирного тяготения, котёл с кипящей в нём водой дал человечеству паровую машину, а подёргивание лягушачьей лапки направило исследовательскую мысль по новому пути, приведшему нас к открытию электричества. Точно так же и явления невысокого порядка, имевшие место в Гайдсвилле, принесли свои плоды, ибо, привлекая к себе на двадцать лет внимание лучших умов той страны, они оказались началом такой работы, которая, по моему мнению, предназначена оказать на прогресс человечества куда большее влияние, чем всё сделанное доньше.

Люди, ко мнению которых я питаю глубокое уважение, и в частности сэр Вильям Баррэт, утверждали, что психические исследования совершенно отличны от религии. Это не подлежит

* «Если Я сказал вам о земном, и вы не верите: как поверите, если буду говорить вам о небесном?» (Иоанн, III, 12). (*Примеч. Й.Р.*)

сомнению в том смысле, что можно быть хорошим наблюдателем психических явлений и оставаться при этом недостойным человеком. Но сами результаты психических исследований, выводы, которые мы из них извлекаем, и уроки, которые они могут нам дать, учат тому, что жизнь души продолжается и после смерти. Эти результаты объясняют нам, каковы характер и природа этой новой жизни и какое влияние оказывает на неё наше поведение здесь. Если в *этом* заключается различие с религией, то я должен признаться, что не очень-то разумею, в чём, собственно, оно состоит. Для меня *это* и есть религия – самая её суть. Но это вовсе не значит, что из данной сути со временем необходимо выкристаллизуется какая-то новая религия. Лично я не хотел бы такого исхода. Не правда ли, мы уже и так достаточно разбеднены в своих религиозных воззрениях? Я бы предпочёл увидеть в этом основополагающем принципе Спиритизма великую объединяющую силу, ибо в любой религии, христианской или другой, только он один и основан на доказанных фактах. Пусть он составит прочный фундамент, на котором каждая религия будет строить (если возникнет нужда в таком строительстве) свою собственную систему, ориентированную на различные типы человеческого мышления. Ведь всегда южные расы будут желать, по сравнению с расами северными, меньшего аскетизма, а западные расы всегда будут более критичны, чем восточные. Невозможно привести всех к одному знаменателю. Но если будут приняты общие предпосылки, истинность которых гарантируется этим Учением из потустороннего мира, то человечество тогда сделает огромный шаг к религиозному миру и единству.

Тогда встаёт вопрос: «Каким же образом спиритическое Учение заменит собою устоявшиеся старые религии и различные философские системы, которые оказывали столь сильное влияние на поведение людей?» На это ответим прежде всего тем, что Новое Откровение будет фатальным лишь для одной из этих религий, или, если угодно, философских систем: для материализма. Я говорю это вовсе не потому, что питаю какие-то враждебные чувства к материалистам, которые, на мой взгляд, как организованная группа, серьёзны и моральны, быть может, как никакая другая; но просто само собой разумеется, что коль скоро дух может существовать и действовать без материи, то сам принцип материализма рассыпается во прах, повлекая за собой крушение всех вытекающих из него теорий.

Что касается до иных вер, то следует предположить, что принятие Учения, принесённого нам из мира иного, должно глубоко изменить религию, условно именуемую сейчас христианством. Но эти изменения произойдут более в смысле разъяснения и развития, нежели опровержения. Оно устранил серьёзные недоумения, всегда оскорблявшие чувства всякого мыслящего человека; оно также подтвердит и сделает абсолютно определённым факт продолжения жизни после смерти, факт, лежащий в основании всякой религии. Оно подтвердит несчастливые последствия греха, хотя и покажет, что последствия эти никоим образом не определены на целую вечность. Оно подтвердит наличие существ более высоких, каковых мы назвали «ангелами», а также существование надстоящей нам Иерархии, устремлённой вверх и в которой дух Христа занимает своё особое место; оно покажет, что Иерархия эта кульминирует на высотах Беспредельности, с каковой мы связываем идею о Всемогущем Творце, или о Боге. Оно подтвердит идею о рае и временном состоянии искупления, которое соответствует более понятию чистилища, нежели ада. Таким образом, это Новое Откровение в самых жизненно важных своих точках *никак не* разрушает все прежние верования, и действительно серьёзными людьми, какой бы веры они ни придерживались, оно должно быть встречено как исключительно могучий союзник, а не опасный недруг, порождение дьявола.

Теперь давайте обратимся к пунктам, в которых это Новое Откровение должно преобразовать христианство.

Прежде всего я должен высказать истину, которая и так должна быть слишком очевидной для многих, как бы она ни осуждалась некоторыми: христианство должно измениться или погибнуть. Таков закон жизни: вещи и явления либо приспособляются, либо погибают. Христианство и без того уже слишком долго медлило с переменами, оно медлило до той поры, пока церкви его наполовину не опустели, пока главной опорой его не сделались исключительно женщины и пока образованная часть общества, с одной стороны, и самый бедный класс его, с другой, – как в городе, так и в деревне – не отвратились от него. Давайте попытаемся обрисовать причину происходящего, ведь последствия налицо во всех ветвях христианства и происходят из одного глубоко лежащего корня.

Люди отходят от Церкви, потому что они не могут искренно верить в те факты, которые представляют им в качестве истинных. Их разум и чувство справедливости оказываются одинаково уязвлены. Нельзя увидеть справедливости в искупающей силе жертвоприношения, ни в Боге, который может быть умиловителен такими средствами. Помимо того, многим непонятны такие выражения, как «отпущение грехов», «очищение кровью агнца» и тому подобное. Пока ещё мог стоять вопрос о «падении человека», подобным фразам могло быть какое-то объяснение, но когда стало вполне ясным, что человек никогда не «падал», когда благодаря своему теперешнему более полному знанию мы смогли шаг за шагом проследить развитие человеческого рода, пройдя от пещерного и кочевого человека назад, в глубь незапамятных времён, в которые человекообразная обезьяна медленно развивалась в обезьяноподобного человека, мы, оглядываясь назад на эту бесконечную вереницу жизней, знаем теперь, что человечество всё время именно *поднималось*, совершенствуясь от одного поколения к другому. И в его истории нет никаких следов *падения*. Но если не было «падения», что остаётся тогда от искупления, воздаяния, первородного греха, от большей части мистической христианской философии? Если прежде она даже и выглядела настолько разумной, насколько неразумной предстаёт сейчас, то всё равно она совершенно расходится с фактами.

Опять же, слишком большое значение было придано смерти Христа. Не такая уж это и редкость – умереть за идею. Каждая религия равным образом имела своих мучеников. Люди постоянно умирают за свои убеждения. Тысячи наших молодых людей делают это в настоящее время во Франции. Поэтому смерть Христа, сколь бы возвышенной она ни была в изложении «Евангелия», приобрела, повидимому, неоправданную значимость, как если бы это был какой-то уникальный в человеческой истории феномен – умереть, совершая реформу. По моему мнению, слишком много внимания уделено смерти Христа и слишком мало – его жизни, ибо именно в этой последней заключается истинное величие и настоящий урок. Это была жизнь, которая даже в тех ограниченных воспоминаниях, что дошли до нас, не содержит в себе ни единой черты, которая не была бы прекрасной, жизнь, полная естественной терпимости к другим, всеохватывающего милосердия, умеренности,

обусловленной широтой ума, и благородной отваги; жизнь, устремлённая всегда вперёд и вверх, открытая новым идеям и всё же никогда не питающая горечи в отношении тех идей, которые она пришла упразднить, хотя порой даже и Христос теряет терпение из-за узости ума и фанатизма их защитников. Особенно привлекательна его способность постичь дух религии, отмечая в сторону тексты и формулы. Больше ни у кого и никогда не было такого могучего здравого смысла или такого сострадания слабому. Именно эта восхитительная и необычная жизнь является истинным центром христианской религии.

Теперь давайте посмотрим, какой свет наши духовные наставники проливают на вопрос о христианстве. Мнения в том мире однородны не более, чем и в этом. Но всё же, прочитав некоторое количество посланий по этому предмету, можно сказать, что смысл их сводится к следующему: над духами недавно усопших землян имеется множество других духов, их превосходящих и иерархически соотнесённых, – назовите их «ангелами», если вы желаете говорить языком старой религии. Надо всеми этими верховными духами находится самый Высший Дух, знание о котором оказалось доступно нашим соплеменникам, – не Бог, поскольку Бог столь бесконечен, что недосыгаем для них, – но тот, который ближе других к Богу и который, до известной степени, представляет самого Бога: это Дух Христа. Целью и предметом его заступничества является планета Земля. Он спустился к нам и жил среди нас в пору великой земной извращённости, в пору, когда мир был столь же злополучен, как и сейчас, – для того чтоб преподать нам пример идеальной жизни. Затем он возвратился в своё небесное обиталище, оставив нам Учение, которому иные из нас следуют и поныне. Такова история Христа в том виде, в каком нам рассказывают её духи. В ней нет и речи о первородном грехе или об искуплении, но она, на мой взгляд, содержит систему вполне совершенную и разумную.

Если такой взгляд на христианство станет общепринятым, а его поддерживают авторитет и доводы Нового Откровения, идущего к нам из мира загробного, тогда мы получим такую религию, которая будет способна объединить все Церкви, религию, которая примирится с наукой, которая сможет противостоять любым нападкам и утвердит Христианскую Веру на неопределённо долгие времена. Наконец-то станет возможным прекращение

войны Разума и Веры, наконец-то из наших мыслей будет изгнан кошмарный бред, а в уме нашем установится духовный мир. Я не вижу, как бы такие результаты могли быть достигнуты быстрым захватом власти в какой-либо отдельной стране или насильственной революцией.* Скорее, это придёт как мирное проникновение, наподобие того как сейчас разные грубые идеи, вроде идеи о вечном аде, постепенно отмирают на глазах наших, уступая место более тонким и правдоподобным.** Тогда именно, когда душа человеческая переживает муки и разрывается от страдания, в неё могут быть заронены семена добра и правды, поэтому некий духовный урожай определённо сможет быть собран в будущем из посева дней нынешней нашей жизни.

Когда я читаю «Новый Завет», обладая тем знанием, какое даёт мне Спиритизм, у меня складывается глубокое убеждение, что учение Христа было во многих важных отношениях утрачено раннехристианской Церковью и не дошло до нас. Все эти намёки на победу над смертью имеют, как мне кажется, весьма мало значения в современной христианской философии, но тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь покров, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Когда мы сталкиваемся со множеством упоминаний о таких достаточно хорошо известных нам явлениях, как левитация, огненные языки, порывы ветра, духовные дары, – одним словом, «сотворение чудес», то нам тогда становится понятным, что самая сокровенная суть этих явлений, непрерывность жизни и общение с умершими были древним более чем наверняка известны. Нас поражает, когда мы читаем: «Здесь он не совершил чуда, ибо в народе не было веры». Ведь разве не согласуется это целиком и полностью с известным нам психическим законом? Или, другое место, когда Христос, после того как до него дотронулась больная женщина, говорит: «Кто коснулся меня? Много добродетели ушло от меня». Мог бы он яснее выразить то, что сегодня сказал бы на его месте медиум-исцелитель, за исключением разве только того, что вместо слова «добродетель» тот употребил бы слова «сила»

* Явный намёк на Россию и на марксистов, т.е. великие умы эпохи ясно понимали глупость большевицкого эксперимента. (И.Р.)

** Об этом смотрите особо: Аллан Кардек, «Рай и Ад, или Божественная Справедливость в объяснении Спиритизма». (И.Р.)

или «энергия»? И когда мы читаем: «Не всякому духу верьте, но испытайте духов, дабы знать, идут ли они от Господа», то разве это не совет, который сегодня дают всякому новичку, приступающему к спиритическим исследованиям? Вопрос этот представляется мне слишком обширным, для того чтобы задерживаться здесь на нём подробно, но мне думается, что тема эта, подвергающаяся сейчас столь ожесточённым нападкам со стороны наиболее непреклонных христианских церковнослужителей, в действительности является краеугольным камнем всего христианского учения. Тем, кто желал бы основательнее познакомиться с подобным строем мыслей, я настоятельно рекомендую небольшую книгу д-ра Абрахама Уоллеса «Иисус из Назарета»,* если только тираж этой бесценной работы не распродан полностью. В ней автор самым убедительным образом доказывает, что чудеса Христа управлялись силами, действующими в рамках психического закона, как мы его понимаем теперь, и что они соответствовали характеру этого закона в малейших своих деталях. Два примера такого рода я уже привёл. Множество же других представлено в этой брошюре. В высшей степени точна и убедительна история материализации на горе двух пророков, если судить о ней по правилам психической науки. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что выбор пал на Петра, Иакова и Иоанна, которые составляли психическую группу, когда умершего призвали к жизни: они, вероятно, были наиболее медиумически одарёнными по сравнению с прочими участниками сеанса. Далее указывается на необходимость чистого горного воздуха. Сияющие, ослепительные одежды, облако, слова «построим три молельни», которые можно понять также как «построим три кабины», или «три кабинета» – всё это означает, что были созданы идеальные условия для того, чтобы осуществить явление (материализацию) духа умершего посредством сосредоточения психических сил. Во всём этом усматривается последовательное сходство приёмов и способов. Что касается прочего, то, например, свод даров, которые Св. Павел даёт нам как качества совершенно необходимые последователю христианства, является, по сути дела, перечнем способностей, которыми должен обладать сильный медиум, включая сюда дар пророчества, исцеления, сотворения чудес (или физических феноменов), ясновидения и многое другое («Послание

* «Jesus of Nazareth» by Dr. Abraham Wallace. (И.П.)

к Коринфянам», I, XII, ст. 8,11). Первоначальная христианская Церковь была вся насыщена Спиритизмом и, видимо, не обращала никакого внимания на запреты «Ветхого Завета», который предоставлял этот дар в право исключительного пользования и выгоды духовенства.*

* * *

* Надо сказать, что, действительно, «чудеса» Христа находятся все в пределах, в коих действуют силы, управляемые психическим законом в том его виде, понимание которого нам даётся теперь Спиритизмом, и что даже в самых мельчайших своих подробностях чудеса эти соответствуют природе этого закона. Согласно философии карденистского Спиритизма, «чудес» в Природе не существует и не смогло бы существовать, есть только законы, нами не познанные, и действия, на их основе совершаемые знающим, воспринимаются профанами как чудо. По мнению спиритов, величие Божеское заключается отнюдь не в том, что с помощью каких-то чудес Бог постоянно вмешивается в нормальный ход вещей и произвольно его поворачивает в ту или иную сторону, но в том, что Он изначально создал такие законы, которые направляют развитие Вселенной в нужное русло без всякого последующего и могущественного вмешательства извне. Создание таких законов и является самым величайшим из Божьих чудес.

Христианская Церковь, запрещая вызывание духов, осуждая Спиритизм, формально опирается на запрет Моисея. Но этот запрет у него находится в той части его законов, каковые имеют временный, т.е. переходный и исторически обусловленный характер, и связан с конкретной исторической обстановкой, в какой жили руководимые им евреи. В самом же «Евангелии», созданном в совершенно иных исторических условиях, нет не только ни одного запрета на всё это или хотя бы какого намёка на запрет, но и недвусмысленно указывается на важность этого дела, и вся последующая деятельность апостолов и святых, как ясно всякому знающему предмет, связана с применением Спиритизма, о чём они сами недвусмысленно и говорят в оставленных ими сочинениях. И подводя итог сказанному об этом запрете, можно спросить, неужели Церковь ставит закон Моисеев выше закона Евангелического, т.е., иными словами, неужели же Церковь православных, католиков и протестантов есть Церковь более иудейская, нежели христианская? (*И.Р.*)

Глава Третья

ГРЯДУЩАЯ ЖИЗНЬ

Теперь, оставив пока в стороне большую и довольно спорную тему о том, какие изменения эти новые откровения должны произвести в христианской религии, давайте попытаемся проследить, что же, собственно, происходит с человеком после смерти. Все свидетельства, коими мы располагаем по этому поводу, вполне недвусмысленны и согласуются одно с другим. Во множестве посланий, полученных от умерших во многих странах и в самые разные времена, имеются фрагменты, касающиеся дел этого мира, которые могут и могли быть нами проверены. Когда к нам приходят сообщения именно такого рода, будет, кажется мне, только справедливым предположить, что, если то, что мы можем проверить, оказывается правильным, тогда и то, что мы проверить никак не можем, равным образом должно соответствовать истине. Когда же, помимо того, мы находим большую степень сходства между посланиями, поступившими из разных и независимых друг от друга источников, и когда их согласованность в малейших подробностях никоим образом не соответствует существующим у нас философским и иным взглядам, тогда, полагаю я, вероятность того, что мы имеем дело с истиной, весьма велика. Ведь нелепо подумать, будто полторы-две дюжины сообщений, полученных мною из различных источников и в целом согласных между собой, оказались бы однако все ложными; было бы также глупо предположить, будто духи говорили правду, когда речь шла о нашем мире, и лгали, говоря нам о своём.

Недавно, в одну и ту же неделю, я получил два сообщения, описывающих нашу жизнь в потустороннем мире; одно из них получено через посредство близкого родственника некоего высокого духовного лица, тогда как другое было прислано мне женой простого шотландского машиниста. Эти двое не могли ничего знать друг о друге, и тем не менее оба отчёта до такой степени похожи, что представляют, по сути дела, один.

В том, что касается нашей собственной судьбы после смерти или же судьбы наших друзей, сообщения представляются мне в высшей степени утешительными. Отшедшие, все в один голос, указывают, что

переход обычно лёгок и в то же время безболезнен и сопровождается необъятным ощущением мира и покоя. Человек обретает себя в духовном теле, которое является точной копией его физического тела, исключая его болезни, слабости и уродства, которым новое тело не подвержено. Тело это стоит или витает близ старого тела и одновременно сознаёт его и окружающих людей. В этот миг покойник ближе к материи, чем он будет когда-либо позднее, а потому именно в эту пору происходит большая часть тех случаев, когда мысли его обращаются к кому-либо из живых, находящемуся в отдалении, и когда духовное тело его устремляется вместе с мыслями и является этому человеку. Из 250 случаев, тщательно рассмотренных г-ном Гернеем,* 134 таких появления произошли именно в мгновение смерти, когда новое духовное тело ещё настолько было близко к материи, что глаза сочувствующего человека могли его воспринять, что однако уже не так легко случается впоследствии.

Всё же, сравнительно с общим числом смертей, подобные случаи крайне редки. В основном я склонен объяснять это тем, что умерший человек слишком озабочен своими собственными необычными впечатлениями и переживаниями, для того чтобы много думать о других. Вскоре он, к своему изумлению, обнаруживает, что хотя он и пытается сообщаться с теми, кого видит, но его эфирный голос и эфирные прикосновения равно не способны как-либо воздействовать на человеческие органы, настроенные лишь на более грубые возбудители. Это благодатный предмет для размышлений и исследований, хотя ни более полное знание о световых лучах, которые, как мы знаем, существуют по обе стороны спектра, ни о звуках, существование которых мы можем доказать вибрациями мембраны, несмотря на то что звуки эти слишком высоки для того, чтобы быть воспринятыми нашим слухом, не продвинул нас ни на шаг в психическом знании. Поэтому, оставив всё это в стороне, давайте проследуем за судьбой отшедшего духа.

Теперь он уже сознаёт, что в комнате, рядом с людьми, которые были здесь при его жизни, есть ещё и другие, которые представляются ему столь же вещественными, как и живые, и среди них он узнаёт знакомые лица и чувствует, как ему пожимают руку и целуют в уста те, кого он когда-то любил на земле и потом потерял. Затем вместе с ними

* Эдмунд Герней – основатель О.П.И., крупнейший авторитет своего времени в области гипноза, один из авторов альманаха «Иллюзии жизни» (1886 г.), опубликованного через два года после его смерти. (И.Р.)

и с помощью и под водительством некоего лучезарного существа, которое стояло тут же и ожидало вновь прибывшего, он, к своему удивлению, устремляется сквозь все препятствия и материальные преграды навстречу своей новой жизни.

Это вполне определённое утверждение, и данный рассказ повторяется всеми отшедшими, одним за другим, с настойчивостью, которая внушает доверие. Всё это уже сильно разнится от любой старой теологии. Дух не есть падший или отверженный ангел, но просто сам человек со всеми его достоинствами и недостатками, мудростью и глупостью, так же как и его внешностью. Вполне можно представить, что самые пустые и глупые люди, потрясённые столь необычайным испытанием, будут до такой степени напуганы, что сразу и вдруг перемянутся; но впечатления скоро притупятся и изгладятся, и тогда былой нрав этих людей утвердится и в новых условиях – и глупцы останутся глупцами, что подтверждается также и некоторыми результатами спиритических сеансов.

Далее, прежде чем вступить в свою новую жизнь, дух должен пережить пору сна, бессознательности, которая может длиться самое разное время, вообще едва существуя у одних и растягиваясь у других на недели и месяцы. Рэймонд сообщает, что у него такой период длился шесть дней. Подобное имело место и в случае, с которым у меня произошло некоторое личное знакомство. С другой стороны, г-н Мейерс говорит, что у него период бессознательности длился очень долго. Мне думается, что продолжительность этого сна определяется общей суммой беспокойств и умственной перенапряжённости в земной жизни, так как более длительный отдых предоставляет большие возможности к забвению их. Это, конечно, лишь простое предположение, но налицо полное согласие мнений относительно существования такой полосы забвения после первых впечатлений духа от новой формы его жизни и прежде, чем он приступит к своим новым обязанностям.

Пробудившись от этого сна, дух слаб, как бывает слабо новорождённое дитя. Силы, однако, скоро возвращаются, и начинается новая жизнь. Это подводит нас к рассмотрению проблемы рая и ада. Понятие об аде, я должен сказать, вообще отпадает, как уже давным-давно оно выпало из мыслей всякого разумного человека. Эта одиозная концепция выражает собой такой взгляд на Создателя, который по сути дела есть не что иное, как *богохульство*. Подобные представления

возникли из-за буквального понимания восточной фразеологии, доведённого до преувеличения, и могли иметь какую-то полезность только в грубую первобытную эпоху, когда люди боялись огня, как сегодня дикие звери боятся путешественников. Не существует ада как места особого и постоянного. Но идея искупления, очищения страданием, т.е. чистилища, подтверждается сообщениями с того света. Без такого наказания в мире не было бы справедливости, ибо невозможно помыслить, чтобы, к примеру, у Распутина и у отца Дамиана была та же самая участь. Наказание вполне определённо и очень серьёзно, хотя в своей наименее суровой форме оно сводится к тому, что более грубые души находятся в более низких областях и обладают там тем знанием, которое им определили их земные деяния, но для них также есть надежда на то, что искупление, а также помощь помощь Высших Духов поднимут их на более высокую ступень развития. Высшие Духи посвящают часть своей деятельности этому делу спасения.

Оставив, однако, в стороне области испытания и искупления, которые, быть может, следует рассматривать скорее как больницу и школу для слабых душ, нежели как тюрьму для отбывающих свой срок преступников, скажем, что сообщения с того света все согласуются друг с другом в том, что условия жизни в потустороннем мире в высшей степени приятны. Они согласуются в том, что однородное и сходное притягиваются; что те, кто любят друг друга или имеют общие склонности и интересы, объединяются и живут вместе; что жизнь полна интереса и деятельности; и что духи ни за что не желают возвращаться назад на землю. Всё это, конечно, известия в высшей степени радостные, и я повторяю: это отнюдь не туманная вера или смутная надежда, но неоспоримые факты, которые поддерживаются всеми законами логики и здравого смысла, согласно коим, если множество независимых друг от друга свидетельств дают сходные показания, то показания эти имеют право считаться истиной. Если бы в отчёте речь шла о душах, в лучах славы мгновенно очищающихся ото всех человеческих слабостей и в непрестанном экстазе обожания роящихся вокруг трона Всемогущего, то такой отчёт можно было бы ещё заподозрить в том, что это – просто отражение распространённых теологических взглядов, равно усвоенных всеми медиумами в молодости. Однако, сообщения, приходящие к нам отсюда, весьма отличаются от всех взглядов, принятых здесь. Они, помимо того, (как я уже отмечал) подкрепляются не только сходством содержащихся в

них сведений, но и тем фактом, что сообщения эти – последнее звено в длинной цепи явлений, которые все были признаны истинными людьми, тщательно их изучившими.

Что касается жизни после смерти, то нам могут возразить, будто религиозная вера уже дала нам уверенность в бессмертии души. Однако вера, как бы ни была она сама по себе прекрасна в отдельно взятом человеке, как явление коллективное всегда была палкой о двух концах. Всё было бы хорошо, если бы всякая вера походила на другую и если бы предчувствия и наития человеческой расы были постоянны. Но мы знаем, что это не так. Верить – значит сказать, что вы абсолютно убеждены в истинности вещи, именно истинность которой вы как раз и не можете доказать. Один говорит: «Я верю в то», другой: «Я верю в это». Но ни один не имеет свидетельств своей правоты и не в состоянии доказать её, и однако люди постоянно спорят как на словах, так и (в старые времена) на деле. Если один физически сильнее другого, то он устраивает гонения на своего оппонента, с тем чтобы обратить его в «истинную» веру. Потому только, что вера Филиппа II была сильнее и понятнее (ему), он счёл вполне логичным убить сто тысяч нидерландцев в надежде на то, что все остальные их земляки обратятся в его, «истинную», веру. А если бы вместо этого было признано, что у нас нет никакого права провозглашать истинным то, истинность чего мы доказать не можем, то мы тем были бы вынуждены наблюдать факты, рассуждать по поводу их, и тем самым, возможно, достигли бы общего согласия. Именно в этом, в частности, и видится особая ценность спиритического движения. Его основание опирается на более твёрдую почву, чем только священные тексты, предания и предчувствия. Это религия с двойной точки зрения, религия в самой современной форме выражения, ориентированная на оба мира – этот и иной, тогда как старые верования сводились лишь к преданиям одного.

Мы не так уж много знаем о грядущей жизни, чтобы брать на себя смелость описывать её с такой же исчерпывающей точностью как, к примеру, маленькую цветочную клумбу посреди площади. Вероятно, что те посланцы, которые возвращаются к нам, находятся на более или менее одинаковом уровне развития и представляют ту же самую жизненную волну, откатывающуюся от наших берегов. Сообщения обыкновенно приходят от тех, кто скончался недавно, и, как и следовало бы ожидать в таком случае, постепенно ослабевают. В этой связи уместно отметить, что, согласно преданиям, явления Христа своим

ученикам или Павлу происходили только первые несколько лет после его смерти и что у ранних христиан нет больше никаких утверждений или упоминаний о том, будто его видали позднее. Число случаев, когда духи, умершие давно и вступившие с нами в контакт, дали убедительные доказательства тождественности своей личности, сравнительно невелико. Один такой очень интересный случай засвидетельствовал г-н Доусон Роджер: дух, назвавшийся Мэнтоном, заявил, что он родился в Лоренс-Лидьярде и похоронен в Стоук-Ньюингтоне в 1677 году. После этого было установлено, что такой человек действительно существовал и что он был капелланом при Оливере Кромвелле. Насколько позволяет судить моё знакомство с такого рода литературой, это самый старый дух из всех, возвращение которого было отмечено: те, кто возвращаются, как я уже сказал, умерли сравнительно недавно. Таким образом, все наши взгляды исходят от одного поколения, и поэтому мы не можем считать их окончательными, но лишь предварительными и частичными. До какой степени поразному духи могут взирать на вещи в зависимости от степени их развития в ином мире, показано мисс Джулией Эймс. Будучи встречена на пороге иного мира такими же новоприбывшими, как и она, мисс Эймс поначалу возымела намеренье создать там бюро сообщений с живущими в мире материальном, но по прошествии пятнадцати лет ей пришлось признать, что на миллион духов не приходится ни одного, который пожелал бы общаться с живыми после того, как все, кого он любил, присоединились к нему там. Она, таким образом, просто оказалась сбита с толку тем обстоятельством, что все, с кем она, попав туда, встречалась, были такие же новички, как и она.

Хотя отчёт, даваемый нами, и может оказаться неполным, всё же и в таком виде он весьма последователен, логически выдержан и чрезвычайно интересен, поскольку затрагивает нашу собственную участь и участь тех, кто дороги нам. Все утверждают, что жизнь по ту сторону продолжается ограниченное время, после чего духи переходят в какие-то другие стадии существования, но между теми стадиями, повидимому, больше общения, чем между нами и Страною Духов. Низшие не могут подниматься, но высшие могут спускаться по своему желанию. Тамошняя жизнь имеет большое сходство с жизнью на земле в её лучшем виде. В том мире жизнь по сути преимущественно духовная, как в этом она телесная. Всепоглощающие заботы о еде, деньгах, всевозможные вожделения, боль и тому подобное исходят от тела и потому там отсутствуют. Музыка, искусства, интеллектуальное и духовное знание значительно обогатились,

и развитие их продолжается. Люди одеваются, как и следовало ожидать, поскольку нет никаких причин отказываться от скромности и приличий в новых условиях.* А тело наше там представляет собой точную копию нашего земного тела, но в его наилучшем виде, т.е. молодые мужают, а старики молодеют, и все, таким образом, пребывают в пору наибольшего расцвета сил. Духи живут семьями и сообществами, поскольку, как и следовало ожидать, всё сходное стремится к однородному с ним, и мужской дух находит свою настоящую подругу, хотя там и нет сексуальности в грубом смысле слова и нет деторождения. Так как связи сохраняются и остаются на том же уровне, следует ожидать, что нации пока ещё грубо разделены между собой, хотя язык больше и не является препятствием, поскольку средством общения служит сама мысль. Близость отношений между стремящимися друг к другу душами доказывается, например, тем, что Мейерс, Герней и Роден Ноэл – друзья и сотрудники при жизни – после смерти втроём общались с одним и тем же медиумом, госпожой Холленд, которая прежде совершенно не была с ними знакома, и всё же любое из их сообщений к ней, с точки зрения тех, кто знал их раньше, было выражено в манере, присущей каждому из них при жизни. Эта близость отношений подтверждается также и случаем профессоров Верролла и Батчера, двух знатоков греческой культуры, которые совместно разрабатывали то, что они именуют «греческой проблемой»; г-н Джеральд Бальфур, анализируя их труд в своей книге «Ухо Дионисия», заключает со всем авторитетом, коим он пользуется, что подобный результат мог быть достигнут только ими, Верроллом и Батчером, и никем больше. Мимоходом надобно отметить, что все эти примеры ясно показывают, что духи либо имеют в распоряжении своё необъятные библиотеки и какие-то архивы, либо способности их развиты до такой степени, что сообщают им дар всеведения.** Ни один человек не

* На первый взгляд, вопрос об одежде может показаться странным. Но ничего странного в этом нет. Так, на сеансах с материализацией духи, которых мы знали людьми, являются в том костюме, в каком мы видели их при жизни в материальном мире. Но что касается духов, отрешившихся от всего земного, то их одеянье состоит большей частью из драпировки с длинными развевающимися складками, и они представляются, помимо того, с распущенными длинными волосами. (И.Р.)

** Сегодня есть основания полагать, что второе предположение гораздо ближе к истине, хотя и превосходные библиотеки там также имеются, и в них хранится множество сочинений, неизвестных здесь у нас, на земле, либо потому, что они у нас материально не сохранились, либо потому, что были созданы авторами уже после перехода их туда. (И.Р.)

в состоянии привести на память такого множества точных цитат как духи, сообщения которых передаются в «Ухе Дионисия» г-ном Бальфуrom.

Такова в общих чертах потусторонняя жизнь в простейшем своём выражении, ибо на самом деле она отнюдь не проста, и мы улавливаем лишь слабые отблески бесконечных кругов внизу, спускающихся во мрак, и бесконечных кругов вверху, восходящих к Божественному сиянию, которое развивает, определяет и оживляет все и вся. Все признают, что ни одна земная религия не имеет преимуществ перед другой, но что характер и утончённость определяют всё. В то же время все согласны с тем, что всяческих похвал достойны религии, учреждающие молитву, отстаивающие чистоту и благородство души, внушающие презрение к мирским делам. В этом смысле – и ни в каком ином, – т.е. как опора для жизни духовной, любая форма религии может кому-нибудь подойти. Если вращение латунного цилиндра наводит тибетца на мысль, что есть в мире нечто более высокое, нежели его горы, и нечто более ценное, чем его яки, то на данном уровне и это уже хорошо. Мы не должны быть слишком взыскательны в таких вещах.

Есть ещё и другой вопрос, заслуживающий того, чтобы быть здесь рассмотренным, поскольку на первый взгляд он, пожалуй, способен даже ужаснуть, хотя всё же и поддаётся анализу, коль скоро мы за него возьмёмся. Я имею в виду постоянное утверждение из потустороннего мира о том, будто новоприбывшие не знают, что они умерли, и что проходит много времени, иногда слишком много, прежде чем они окажутся способны это понять. Они все согласны с тем, что подобное состояние замешательства и неопределённости очень вредно для духа и тормозит его развитие и что некоторое знание этой первостепенной истины на земле есть единственный способ уберечь себя от поры тоски и отчаяния в загробной жизни. Не приходится удивляться тому, что они, оказавшись в условиях совершенно отличных от тех, к которым их готовило любое из научных или религиозных учений на земле, воспринимают свои новые необычные ощущения как странный сон, и чем более правоверны или материалистичны были их взгляды при жизни, тем труднее им окажется принять эти условия со всем тем, что они налагают. По этой самой причине и ещё по некоторым другим данное Откровение крайне необходимо всему человечеству. Достижением наименьшей практической важности будет хотя бы то, что и людям преклонного возраста придётся понять, насколько им ещё необходимо развивать свой ум: ведь если у них не окажется времени применить свои

знания в этом мире, те останутся при них как неотъемлемая часть их умственного богатства в последующей жизни.

Что касается больших подробностей относительно потусторонней жизни, то ими, вероятно, даже лучше и пренебречь по той простой причине, что это большие подробности. Мы все вскоре узнаем их сами, и одно лишь праздное любопытство побуждает нас спрашивать о них сейчас. Ясно одно: в том мире существуют духи и более высокой организации, для которых синтетическая химия – та, что не только создаёт материю, но и изготавливает из неё предметы – является делом привычным. Во время некоторых сеансов мы видали их за работой в нашей грубой среде, на которую настроены наши материальные ощущения. Если они могут создавать видимые предметы даже в земных условиях, в ходе некоторых наших сеансов, то чего тогда только ни ожидать от них в их собственной среде, когда они работают над сотворением эфирных предметов? Вообще говоря, можно сказать, что духи в состоянии воссоздать любой предмет, аналогичный уже существующему на земле. То, *как* они это делают, возможно, остаётся предметом догадок и размышлений для менее развитых духов точно так же, как для нас предметом догадок и размышлений являются достижения современной науки. Ведь если бы вдруг какой-то обитатель нечеловеческого мира вызвал одного из нас и попросил его объяснить, что такое тяготение или что такое магнетизм, то как бы беспомощно мы выглядели! Мы можем поставить себя в положение, например, молодого инженера, как Рэймонд Лодж, который пытается дать теоретическое объяснение происходящему в том мире; его теория однако опровергается другим духом, также старающимся понять явления и законы того мира. Он может быть прав, а может и ошибаться, но он делает всё от него зависящее, чтобы сказать, что он думает, и мы на его месте поступили бы так же. Он считает, что эти трансцендентальные химики в состоянии воспроизвести что угодно, любое вещество, и даже столь бездуховные субстанции, как спирт и табак, в которых могут почувствовать острую нужду духи низшего порядка. Эта мысль до такой степени развеселила критиков, что, читая их комментарии, можно подумать, будто это единственное утверждение, содержащееся в книге из четырёхсот страниц убористо напечатанного текста. Рэймонд, повторяю, может быть прав, а может и ошибаться, но вся эта история говорит мне только о несгибаемой честности и смелости издателя, знавшего, какое оружие он тем даёт в руки своим врагам.

У многих вызывает протест подобное описание мира иного, поскольку в таком представлении он выглядит, для их понятий, слишком материальным. Он, видите ли, совершенно не таков, каким бы они желали его видеть. Что ж, ведь и в этом мире слишком многое не похоже на то, чего б нам хотелось, однако же всё это существует. И когда мы внимательно рассматриваем это обвинение в материализме и стараемся построить какое-то подобие системы, которая бы могла устроить наших идеалистов, то задача эта оказывается весьма непростой. Должны ли мы для этого быть всего лишь некими эфирными формами, плавающими по воздуху? Ожидается, видимо, только это. Но если бы у духов не было тела, подобного нашему, и если бы при переходе туда мы теряли свою индивидуальность, то говорите тогда что угодно, но это означало бы, что *мы* перестаём существовать. Что матери за радость, если ей явится некое светозарное и безличное существо, купающееся в лучах славы? Она скажет: «Нет, это не мой сын. Я хочу видеть его золотые локоны, его улыбку, его столь милые мне жесты». Вот чего она хочет, и именно это, я уверен, она и получит; но это не будет заслугой какой-то системы взглядов, отделяющей нас от всего, что оставалось в нас материального, и возносящей в некую смутную область парящих ощущений.

Есть, помимо того, и иная школа критики, которая возражает нам тем, что в грядущей жизни, описанной таким образом, ощущения оказываются слишком ясны, страсти чересчур сильны, а окружающая прочная обстановка вся при этом получается построенной из материала слишком прозрачного и разреженного. Но давайте не будем забывать, что всё зависит от соотношения со своим окружением.

Если б мы могли помыслить мир, который был бы в тысячу раз плотнее, тяжелее и темнее нашего, мы ясно увидели бы, что для своих обитателей он будет казаться таким же, каким нам кажется наш, при условии, что сила и ткань в нём будут находиться в том же соотношении. Если, однако, обитатели такого мира соприкоснутся с нами, то мы покажемся им существами в высшей степени воздушными, живущими в какой-то странной атмосфере света и духа. Они, быть может, не вспомнят, что и мы чувствуем и действуем так же, как они, при условии, что наше существо и окружение гармонируют и соотносятся друг с другом.

А теперь давайте рассмотрим другой случай – с жизненным слоем, который настолько же превосходит наш, насколько мы

превосходим мир свинцовых людей. Нам тогда также покажется, что люди эти, эти «духи», как мы их называем, обитают в мире туманов и теней. Мы не учитываем при этом, что и там всё находится в соответствии и гармонии, и поэтому область, в которой духи живут и движутся и которая кажется нам миром иллюзий и грёз, для них так же реальна, как для нас реальна наша планета, а духовное тело настолько же вещественно для другого духа, как наше земное тело вещественно для других людей.

* * *

Глава Четвёртая

ПРОБЛЕМЫ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Оставим теперь в стороне широкое поле доказательств, касающихся самого факта существования этого Откровения и его природы, поскольку есть также более мелкие детали, которые заслуживают нашего внимания и невольно всплывают по мере рассмотрения затронутой нами темы. Область, которую населяют души умерших, повидимому, находится совсем близко от нас, настолько близко, что мы, как они нам говорят, постоянно посещаем их во время нашего сна. Значительная доля той спокойной покорности и смирения, которые мы все наблюдаем у людей, потерявших своих любимых, людей, которые, как нам казалось, от такой утраты должны были лишиться рассудка, объясняется тем, что они виделись с дорогими им покойниками, и хотя забвение кажется полным и люди эти не могут ничего припомнить из своих духовных приключений, пережитых во время сна, успокоительное действие такого общения всё-таки выносятся в явь подсознательным «я». Забвение, как я сказал, полное, но всё же иногда оно на какие-то доли секунды почему-то приподнимает свой покров, и в такие минуты спящий пробуждается ото сна, «осенённый ореолом Божественного сияния». Это мгновенное самосознание даёт объяснение пророческим снам, большая часть которых сбывается.

Недавно нечто подобное произошло и со мной, хотя, быть может, случай этот ещё и нельзя считать полностью подтвердившимся, а только примечательным. Утром 4 апреля прошлого, т.е. 1917 года я проснулся с таким чувством, будто во время сна мне было передано какое-то важное сообщение, из которого мне запомнилось только одно слово, звучавшее у меня в голове по пробуждении: «Пьяве». При всём желании мне не удалось припомнить, чтобы я слышал его когда-то прежде. Поскольку оно звучало как географическое название, я оделся и тотчас пошёл в кабинет посмотреть в указатель названий в своём атласе. Слово «Пьяве» там действительно значилось, и я обнаружил, что это название реки в Италии, где-то в сорока милях от тогдашней линии фронта на позициях союзников, продолжавших победоносное наступление. В то время я всего менее мог себе представить, что

линия фронта ещё до такой степени переместится назад, равно как и подумать, будто какое-то важное военное событие произойдёт у этой реки. Тем не менее я был под таким впечатлением от происшедшего со мною, что записал утверждение, будто здесь должно будет произойти какое-то важное событие, и, желая придать своим записям значимость документа, попросил подписаться под ними своего секретаря, а моя жена засвидетельствовала всё это, поставив дату 4 апреля. Теперь уже является историческим фактом, что шестью месяцами позже вся итальянская линия фронта отодвинулась назад и, переходя от позиции к позиции, союзники наконец остановились на берегах этого водного потока, хотя данный рубеж, по оценкам военных специалистов, по стратегическим соображениям был почти непригоден для обороны. К моменту, когда я пишу эти строки – 20 февраля 1918 года – ссылка на название «Пьяве» целиком подтвердила свою правильность, и я полагаю, что кто-то из друзей, живущих в мире ином, предупредил меня о грядущем событии. Однако я надеюсь ещё, что здесь имелось в виду событие и более важное, чем простое прекращение отступления, и что некая окончательная победа союзников, если она произойдёт на этом рубеже, означает собою реальность того необычного способа, каким это географическое название попало в мою голову.*

Против такой теории снов могут, конечно, с жаром возразить, что все нелепые, уродливые и непристойные сны, которые одолевают нас, никак не могут исходить из высокого источника. По этому поводу я имею вполне определённую теорию, которая, может быть, даже заслуживает обсуждения. Я полагаю, что существует лишь два рода сновидений, и не более: сны, которые являются отражением ощущений освобождённого духа, и те, которые объясняются беспорядочным действием низших особенностей нашей природы, сохраняющихся в теле во время отсутствия духа; первые редки и прекрасны, но память их до нас не доносит; последние же обычны и многообразны, а зачастую фантастичны и грубы. Если учесть, что именно отсутствует в наших обычных снах, то можно сказать, каковы недостающие качества, и по ним судить, какая наша часть составляет в нас дух. Так, в этих снах совершенно отсутствует чувство юмора, поскольку вещи, которые нас там удручали, по пробуждении поражают своей смехотворностью. Чувство соответствия, способность суждения и высокие устремления

* Продолжение смотрите в «Записках о Спиритизме», январь 1919, «Пророчество». (И.Р.)

напрочь отсутствуют. Короче говоря, ощутимо недостаёт всего возвышенного, а всё низменное, например, чувство страха, чувственные впечатления, инстинкт самосохранения, проявляет себя с тем большей силой, что ничто высокое его более не контролирует.

Определение границ, до коих простираются возможности духов – это вопрос, сам собою встающий в данной работе. Часто спрашивают: «Если духи существуют, то почему они не делают того-то и сего-то?» На это следует, не ставя под сомнение сам факт их существования, ответить тем, что они просто этого не могут. Судя по всему, возможности их ограничены, так же как и наши с вами. Это представляется всего более ясным, когда сеансы проводятся в форме перекрёстной переписки, иными словами, когда несколько пишущих медиумов работают на расстоянии, совершенно независимо друг от друга, а задачей сеанса является получение такой степени идентичности результатов, каковая не может быть объяснена простым совпадением. Духи, повидимому, точно знают то, что они вводят в умы живущих, но им неизвестно, в какой мере эти последние усваивают их наставления. Их контакт с нами прерывист, подвержен перебоям. Так, проводя с нами эксперименты в перекрёстной переписке, они постоянно нас спрашивали: «Вы получили это?» или «Всё правильно?» Иногда им частично известно о том, что получилось. Так, Мейерс сказал нам: «Я вижу круг, но не был уверен насчёт треугольника». Вполне очевидно, что духи, даже те из них, которые, подобно Мейерсу и Ходсону, непосредственно занимались при жизни психическими исследованиями и знали все феномены, получающиеся в таких случаях, оказывались в затруднении, когда желали ознакомиться с какой-то материальной вещью, письменным документом, например. Приходится думать, что они могут добиться этого лишь путём частичной материализации самих себя и что у них не всегда есть энергия, для такой самоматериализации необходимая. Это соображение частично объясняет тот знаменитый случай, говорить о котором так любят наши оппоненты, а именно, когда Мейерс не смог прочитать несколько слов, или фразы, находящейся в опечатанной коробке. Вероятно, он просто не мог увидеть документа из положения, которое занимал, и если бы не память, то он бы так и не справился с этой задачей.

Многие ошибки, думается мне, могут быть объяснены таким именно образом. Духи, со своей стороны, утверждают, и это утверждение представляется мне совершенно разумным, что когда они

говорят о вещах, принадлежащих к их миру, они говорят нам о том, что им известно и что они могут и готовы обсуждать с уверенностью и полнотой; но когда мы настаиваем (а мы иногда должны настаивать) на своих земных способах контроля, то это тянет их назад, к иному и низшему порядку вещей, и ставит их в такое положение, которое куда более затруднительно и сопряжено с заблуждением.

Другой пункт, который может быть использован против нас, состоит в том, что духам исключительно трудно донести до нас имена, и это-то делает многие из их сообщений столь туманными и неопределёнными. Они всё время говорят вокруг да около и никак не могут сказать слово, которое бы сразу решило вопрос. Пример тому приводится в недавнем сообщении, опубликованном в «Лайте». Там описывается, как молодой офицер, умерший недавно, сумел путём «прямого голоса» передать своему отцу послание при посредстве медиумства г-жи Сьюзанны Харрис. При этом он никак не мог назвать своего имени. Ему удалось, однако, дать понять, что отец его был членом Килдэйр-стрит Клуба в Дублине. Поиски позволили найти отца, и тогда выяснилось, что тот, со своей стороны, уже получил в Дублине совершенно самостоятельное послание, в котором сообщалось, что им интересуются в Лондоне и по какой причине. Я не знаю, является ли земное имя такой уж призрачной вещью, никак не связанной с самой личностью, и не отбрасывается ли оно в сторону сразу же, как только мы попадаем туда. Конечно же, это может быть. Но возможно и то, что наше общение с миром потусторонним регулирует некий неведомый нам закон, согласно которому сношения не должны быть слишком непосредственными, с тем чтобы наш ум также не остался без дела.

Мысль о том, что существует некий закон, делающий косвенную речь более лёгкой, нежели прямую, отчётливо выступает из результатов перекрёстной переписки, где иносказания постоянно занимают место названий. Так, по поводу переписки Св. Павла, речь о чём идёт в одной из брошюр О.П.И., констатируется, что мысль Св. Павла поступала сначала одному медиуму, пишущему автоматически, а уже от него передавалась двум другим, каждый из которых находился на значительном удалении от другого (в данном случае один из них был в Индии). Духом, который взялся руководить этим экспериментом, был д-р Ходсон. Вы, быть может, подумаете, что появления в других рукописных посланиях слов «Св. Павел» было бы вполне достаточно. Но нет, дух действовал по-иному: он сделал все виды косвенных

намёков, порассуждал в каждом письме вокруг да около, не называя имени апостола, и изрёк пять цитат из писаний Св. Павла. Это лежит за вероятием какого-либо совпадения и действует вполне убедительно, и всё же этот случай является иллюстрацией того, каким чудным путём духи кружат возле предмета, вместо того чтобы пойти прямо к нему. Словно какой-то мудрый ангел, находящийся по ту сторону от нас, советует им: «Не очень-то им всё объясняйте, этим людям. Пусть немного поработают головой. Если вы будете всё делать за них, то они, принимая лишь готовое, станут просто автоматами». Прими мы это к сведению – и всё объясняется. Но каково бы ни было объяснение, факт этот заслуживает внимания.

Касательно общения с духами, стоит упомянуть и ещё одно обстоятельство. Они, видимо, испытывают неуверенность во всём, что касается фактора времени. Как только речь заходит об определении момента наступления того или иного события, они почти неизбежно ошибаются. Земные представления о времени, вероятно, сильно отличаются от временных понятий в мире духов – отсюда и происходит путаница. Я уже говорил, что нам сильно повезло в том отношении, что среди нас постоянно находилась дама, развившая в себе способность пишущего медиума. Она постоянно была в тесном общении с тремя братьями, погибшими в войну. Эта дама, передавая сообщения своих братьев, почти никогда не ошибалась по части самих фактов, но почти никогда и не оказывалась права относительно времени их совершения. Было, однако, одно примечательное исключение, наводящее на размышления. Хотя её пророчества касательно общественных событий исполнялись обыкновенно с опозданием на недели, а то и месяцы, однажды она всё же предсказала прибытие телеграммы из Африки с точностью до дня. Телеграмма была уже отправлена, но задержалась в пути; это, по видимости, доказывает, что наша леди могла предсказывать ход совершающихся событий и рассчитывать время, которое им потребуется, чтобы достичь своего завершения.* С другой стороны, я должен согласиться, что она конфиденциально предсказала нам побег своего четвёртого брата из немецкого плена, и это соответственным образом осуществилось. В целом, я воздержусь от каких-либо суждений относительно возможностей и неточностей прорицательства.

* Небольшое уточнение: не «леди могла», но духи, посредником (переводчиком) которых она являлась. (И.Р.)

Но за пределами этих неточностей и ограничений мы, к сожалению, имеем дело с ложью, которую с полнейшим хладнокровием порождают умы лукавые и злонамеренные. Каждый, кто занимался исследованиями в этой области, думается мне, встретился не раз с образчиками предумышленного обмана, которые время от времени попадают среди хороших и правдивых спиритических сообщений. Несомненно, именно о таких посланиях писал апостол, когда он говорит: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, (дабы знать), идут ли они от Бога».* Слова эти могут означать только то, что раньше христиане не только занимались Спиритизмом, как его понимаем мы, но и сталкивались с теми же трудностями. Вряд ли что может вызвать большее недоумение, чем факт получения послания, в котором содержится пространное и связное описание со всеми возможными подробностями и которое при проверке окажется, тем не менее, полнейшим вымыслом. Однако мы всегда должны знать и помнить, что, даже если один из этих проверенных случаев окажется совершенно правильным, то он имеет больше веса, чем множество других наших неудач, – наподобие того, как получение хотя бы одной телеграммы, содержащей сведения, подтвердившиеся потом как достоверные, является для вас свидетельством существования телеграфного способа общения и получения информации, какие бы помехи и недоразумения ни произошли в почтовом ведомстве впоследствии. Но следует признать, что всё это очень неприятно и делает нас недоверчивыми в отношении любого рода посланий, пока не оказывается возможным удостоверить их истинность. В родстве с этими дурными влияниями состоят всевозможные «Мильтоны» и «Шелли», неспособные считать слоги в стихах и рифмовать слова, все эти «Шекспирсы», не умеющие думать, и все прочие глупые претензии на великое имя, выставляющие в смешном виде наше дело. Всё это, думается мне, намеренные подлоги и обман со стороны обитателей либо этого мира, либо мира иного, но ставить из-за всего этого под сомнение реальность мира спиритического так же неразумно, как и утверждать, будто под вопросом оказывается самый факт существования нашего физического мира потому только, что в нём порой встречаются весьма неприятные субъекты.

Совершенно точно я могу сказать одно: с той поры, как я интересуюсь этим предметом, среди всех этих ложных сообщений

* Послание Св. Иоанна Богослова, I, гл.IV, ст.1. (И.Р.)

мне ни разу не встретилось послания богохульственного, грубого или непристойного. Такие инциденты, должно быть, исключительно редки. Я также полагаю, что голословные утверждения касательно безумия, одержимости медиумов и т.п. являются чистейшим вымыслом. Статистические данные по приютам душевнобольных противоречат таким утверждениям, а средняя продолжительность жизни у медиумов ничуть не короче, чем у всех остальных людей. Мне думается, однако, что культом спиритических сеансов сильно злоупотребляют. Если вы уже имели возможность убедиться в истинности этих явлений, то физические сеансы сделали своё дело, и тот, кто тратит время на то, что бегает от одного сеанса к другому, подвергает себя опасности стать всего лишь простым охотником за острыми ощущениями. Здесь, как и во всяком культе, есть опасность, что форма заслонит собою суть, и в погоне за физическими доказательствами человек может забыть, что настоящая цель этих сеансов, как я пытаюсь показать, состоит в том, чтобы дать нам уверенность в будущем и духовные силы в настоящем, для того чтобы достичь должного понимания преходящей природы материи и всезначимости того, что нематериально.

И вот вывод, к которому я пришёл в итоге своих многолетних исканий истины: несмотря на нередкие случаи обмана, о которых сторонники истинного Спиритизма весьма сожалеют, и несмотря на разгул нездоровой фантазии, каковую они никак не поощряют, в этом движении всё же есть внушительная и здоровая суть, бесконечно более близкая к положительному доказательству, нежели какое-либо иное известное мне религиозное течение. Как я показал, эта система взглядов – скорее возрождение того, что было, чем открытие чего-то нового, но в наш материалистический век результат того и другого оказывается практически один и тот же. Определённо, миновали те дни, когда зрелое и взвешенное мнение таких людей, как Крукс, Уоллес, Фламмарин, Рише, Лодж, Баррэт, Ломброзо, генералы Дрейсон и Тэрнер, сержант Бэллентайн, У.Т.Стед, судья Эдмондс, адмирал Азборн-Мур, покойный архидьякон Уилберфорсский и целое море, лавина других свидетельств могут быть отброшены в сторону пустыми фразами вроде «Это всё вздор!» или «Полнейшая галиматья!» Как удачно сказал г-н Артур Хилл, мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на тех, кто отрицают существование этих явлений.*

* NB! (И.Р.)

Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило, никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, которые уже есть.* Похоже, каждый считает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново только потому, что лично ему требуются какие-то сведения.**

Метод наших оппонентов состоит в том, что они накидываются на того, кто последним подал голос – в настоящее время это происходит с сэром Оливером Лоджем, – и затем обращаются с ним так, как будто он выступил с какими-то совершенно новыми взглядами, коих единственным поборником он является, нисколько не считаясь с тем, что ещё и прежде так много самостоятельных тружеников дало им своё подтверждение. Это нечестная манера критики, ибо в каждом деле согласование независимых свидетельств – самый лучший способ убеждения. Однако, у нас имеется множество свидетельств, которые не нуждаются и в таком согласовании, поскольку даже нескольких отдельных фактов вполне достаточно для того, чтобы раз и навсегда решить для себя этот вопрос. Если б, например, наше знание о неведомых силах основывалось только на исследованиях доктора Кроуфорда из Белфаста, который посадил испытуемого медиума на стул-весы таким образом, чтобы ноги её не соприкасались с полом, и смог зарегистрировать в связи с происходящими психическими феноменами разницу в весе порядка нескольких фунтов, проверив результаты и записав ход опыта с истинно научным знанием дела, то я не вижу, как его можно было бы опровергнуть. Феномены эти существуют и давным-давно были твёрдо установлены для всех людей с открытым, непредвзятым умом. Сейчас можно лишь сказать, что время научных исследований прошло и наступила пора религиозного строительства.

Удовлетворимся ли мы тем, что будем созерцать эти явления, не обращая никакого внимания на то, что явления эти значат, словно группа дикарей, изумлённо глядящих на радиоаппарат и нисколько не интересующихся содержанием передаваемых им сообщений, или же мы со всей решимостью возьмёмся за осмысление этих тонких и едва уловимых высказываний, пришедших к нам из загробного мира, и за построение такой религиозной концепции, которая будет основана на посюстороннем человеческом разуме и потустороннем духовном вдохновении? Эти явления уже переросли пору детских игр,

* NB!! (И.Р.)

** NB!!! (И.Р.)

они покидают возраст спорных научных новшеств и принимают, или примут, очертания фундамента, на котором будет построено вполне конкретное здание религиозной мысли, в некоторых своих частях воссозданное из материала старых зданий, в других же строящееся из совершенно нового материала. Доказательства, на которых покоится данная система, столь бесчисленны, что потребовалась бы весьма значительная библиотека, дабы вместить их все; свидетельства же, на которые система эта опирается, идут к нам не от каких-то безвестных и мифических персонажей, живших в неопределённо-далёком прошлом и не подлежащих никакому контролю с нашей стороны,* но от самих наших современников, людей, ум и характер которых уважаемы всеми.

Положение в целом сводится, на мой взгляд, к следующей альтернативе: либо надо предположить, что случилась невероятная, невероятная, массовая эпидемия сумасшествия, охватившая два поколения и два континента и поражающая мужчин и женщин, во всех остальных отношениях в высшей степени здоровых; либо же приходится допустить, что за несколько лет из Божественного источника до нас дошло Новое Откровение, которое далеко превосходит самые крупные религиозные события, происшедшие после смерти Христа, ибо Реформация была всего лишь оживлением омертвелого католицизма, тогда как данное откровение напрочь изменяет лицо самой смерти и всю судьбу рода человеческого. Между этими двумя предположениями нет места колебаниям: мнение, согласно которому Спиритизм лишь обман да ложь, не выдерживает никакой критики и не может устоять перед очевидностью. Либо явное безумие, либо же идейная революция, позволяющая нам бесстрашно смотреть смерти в глаза и являющая собой для нас великое утешение в тот миг, когда те, кого мы любим, уходят от нас в мир иной.

Я хотел бы добавить несколько практических советов тем, кто знают об истинности мною сказанного. Мы находимся здесь перед лицом крупнейшего и нового духовного движения, величайшего во всей истории человечества. Как мы им воспользуемся? Полагаю, что для нас дело чести заявить о своей вере, в особенности же это касается тех, кто страдают. Исповедуя свою веру, мы не должны её навязывать, но должны положиться во всём на мудрость более высокую, нежели наша. Мы не желаем разрушать ни одной религии. Мы хотим только вернуть в лоно её тех, кто помышляют о материальном, из душевного и

* Снова намёк на библейские авторитеты. (И.Р.)

узкого ущелья мы хотим поднять их на горную вершину, где они смогут вдыхать более свежий воздух и видеть оттуда другие ущелья, другие долины и выси гор. Существующие сегодня религии по большей части выродились и пребывают в упадке, они задавлены догмами и удушены тайнами. Мы можем доказать, что во всём этом нет нужды. Всё, что есть важного, одновременно весьма просто и вполне определённо.

Самая драгоценная помощь приходит к нам от тех, кто понесли утрату и жаждут восстановления связи с отшедшими. Но и здесь важно не переусердствовать. Находишь ваш сын скажем, в Австралии, вы не стали бы требовать от него, чтоб он постоянно откладывал свои дела ради того, чтобы писать вам длинные, обстоятельные письма. Вступив в контакт, будьте умеренны в своих просьбах. Вместе с тем не довольствуйтесь первым приведённым доказательством, удостоверяющим вам личность собеседника. Но действительно получив доказательства, вы, думаю мне, вполне можете пережить тот короткий отрезок времени, который вам осталось прожить здесь вплоть до полного вашего воссоединения. Сейчас я общаюсь с тринадцатью матерями, которые переписываются с погибшими на войне сыновьями; и во всех этих случаях отцы, хотя сами они и не участвуют в переписке, также убеждены в реальности происходящего. Насколько мне известно, только в одном из всех этих случаев родители были знакомы со Спиритизмом до войны.

Многие из этих примеров имеют свои неповторимые особенности. В двух из них умершие дети сфотографировались рядом с матерями. В одном случае первое послание пришло к матери через постороннего человека, которому был дан её точный адрес. После этого общение велось напрямую. В другом случае метод пересылки посланий состоял в том, что давались указания соответствующих страниц и строк в книгах домашней библиотеки – всё вместе выстраивалось в письмо. Процедура была построена таким образом, чтобы исключить всякое опасение в телепатии. Воистину не осталось такого пути, которым могла быть доказана истина и которым бы она уже не была доказана.

Как вам следует действовать? Вот в чём трудность. Есть доверчивые люди и есть фальсификации. Надо быть осторожным. Что касается медиумов-профессионалов, то для вас не составит труда получить рекомендации. Но даже и с лучшими из них манифестации могут быть неопределёнными и разочарования не окажутся редкостью.

И всё же некоторые добиваются результатов сразу. Мы не можем сформулировать законы, управляющие этими манифестациями, поскольку они действуют как с нашей, так и с той стороны. Почти каждая женщина является медиумом, не упражнявшим пока что своей способности. Пусть она попробует свои силы в автоматическом писании. Опять же и здесь, всё, что делается, должно производиться со всеми предосторожностями во избежание самообмана. Настрой духа при этих занятиях должен быть благоговейно-молитвенный. И если только вы серьёзны, то как-нибудь прорвётесь, ибо, вероятно, кто-то предпринимает аналогичные усилия и отсюда.

Некоторые люди не являются сторонниками общения с умершими по той причине, что это, якобы, препятствует продвижению отшедших. Но этому нет ни малейшего доказательства. Утверждения самих духов говорят как раз об обратном: они заявляют, что общение с теми, кого они любят, очень помогает им и придаёт сил. Не так много, на мой взгляд, существует трогательных в своём простом юношеском красноречии страниц, как те, на которых Рэймонд описывает чувства погибших на войне юношей, желающих послать весть родным и встречающих постоянной помехой этому стену невежества и предрассудка в умах последних. «Вам мучительно думать о том, что сыновья ваши умерли, и всё же множество людей думает именно так. Мне ещё более мучительно слышать, как мальчики говорят мне, что никто больше не хочет с ними разговаривать. Это ранит меня очень больно».

Старайтесь читать книги о Спиритизме. К ним так мало обращаются не только те, кто живут в плену у материального мира, но и сами наши сторонники. Проникнитесь величественной Спиритической Истиной! Свыкнитесь с неоспоримой очевидностью и примите её. Отойдите от материальной стороны этих явлений и постигните возвышенное Учение, за ними стоящее, по таким прекрасным книгам, как «После Смерти» Леона Дени или «Учение Духов» Стэнтон Мозеса.* Такими книгами, невеликой стоимости, но высокой ценности, можно заполнить целую библиотеку.** Расширяйте и одухотворяйте свои мысли. Плоды этого покажите в своей жизни. Отсутствие эгоизма – вот движущая сила нравственного прогресса.

* Léon Denis, «Après la Mort»; «Spirit Teachings» by Rev. Stainton Moses. (*И.Р.*)

** Такого рода библиотека-магазин, имеющая целью распространение спиритических знаний, была создана Конан-Дойлем и открыта им в 1925 году на Виктория-стрит в Лондоне. (*И.Р.*)

Осознайте не как вопрос отвлечённой веры, но как осязаемый предмет, столь осязаемый и явный, как, например, улицы города, по которым вы ходите, тот факт, что мы ступаем в иную жизнь, в которой счастье станет доступно всем, и что счастье это может быть задержано или даже отнято у нас лишь безумием и эгоизмом в течение этих немногих скоротечных лет.

Следует повторить, что если Новое Откровение и представляется разрушительным в глазах исповедывающих христианские догмы с чрезвычайной непреклонностью, то на самом деле оно имеет совершенно противоположное влияние на ум, который, подобно столь многим нынешним умам, в конце концов пришёл ко взиранию на всю христианскую систему как на сплошное заблуждение и огромный обман. Ясно показано, что Старое Откровение имеет большое сходство с нынешним; хотя время, злоупотребления людей и материализм сильно обезобразили его и исказили, всё же в нём ещё просматривается тот же общий замысел, то же направление мысли, так что невозможно усомниться в том, что оба они исходят из одного источника. Если Старое Откровение говорит нам о жизни после смерти, о высших и низших духах, о зависимости нашего счастья от собственного нашего поведения, об искуплении страданием, о духах-заступниках (ангелах-хранителях), о высоких Учителях, о единой верховной власти во Вселенной, об Иерархии духовных сил, со ступени на ступень всё выше возносящей нас пред ликом Божьим, то все эти идеи и концепции появляются ещё раз и в Новом Откровении и подтверждены в нём множеством свидетельств. Только лишь притязания на непогрешимость и монополию, фанатизм и педантизм теологов, равно как и созданные человеком обряды и ритуалы, изгоняют жизненную силу и самую жизнь из дарованных Богом мыслей – единственно это исказило истину.

Я бы не мог завершить эту маленькую свою книжку лучше, как приведя слова куда более выразительные, чем всё то, что я в состоянии написать, ибо они – прекрасный образец английского стиля, равно как и английской прозы. Слова эти принадлежат перу известного нашего поэта и тонкого мыслителя, г-ну Джеральду Массею, и написаны им много лет назад:

«Спиритизм стал для меня, как и для многих других, истинным расширением моего умственного горизонта и пришествием Неба, превращением веры в действительные факты; без него жизнь всего

больше походит на морское плавание, совершаемое при задраенных люках в тёмном и душном трюме корабля, в коем единственным светом, доступным взору путешественника, будет одно только мерцанье свечи; и вот, как будто этому путешественнику вдруг позволили великолепной звёздной ночью выйти на палубу и впервые увидеть величественное зрелище свода небесного, пылающего мириадами огней во славу Творца».

* * *

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

I

СЛЕДУЮЩАЯ ФАЗА ЖИЗНИ

В этой книге я говорил о том, сколь поразительно согласуются друг с другом рассказы о загробной жизни: несмотря на то, что все они исходят из совершенно разных и независимых один от другого источников, согласование это касается самых мельчайших подробностей. Разнообразие при этом возникает от способности видеть более полно, которая позволяет заметить и описать и то, что не попадает непосредственно в поле зрения. Как бы то ни было, но все рассказы о той счастливой стране, попасть в которую однажды обычному смертному дозвоительно стремиться, довольно точны и последовательны. После того, как я написал это своё исследование, мне стали известны три новых и независимых друг от друга свидетельства, которые опять являются подтверждением сказанного. Одно из этих свидетельств приводится королевским адвокатом в недавней его книге «И был мне Голос»,* ознакомьтесь с которой я советую всем исследователям, хотя автор и проявляет в ней ярко выраженный католический уклон. Но это только показывает, насколько нам трудно выйти из привычного круга понятий. Вторым свидетельством является небольшая книжка «Будущий Свет»,** в которой приводятся очень интересные подробности, касающиеся потустороннего мира; книга эта составлена участниками одного дублинского спиритического кружка, столь же серьёзного, сколь и уважаемого. И, наконец, третье свидетельство, и, как мне думается, наиболее поучительное и назидательное, содержится в частном письме, присланном мне г-ном Губертом Уэйлзом.

Г-н Уэйлз – исследователь осторожный, добросовестный и довольно скептический. Путём автоматического писания он собственноручно получил очень интересные сообщения, но, вникнув в них, с недоверием отбросил. Прочитав, однако, мой отчёт об условиях посмертного существования, он отыскал свои старые записки, которым поначалу придавал столь мало значения. Он сообщает:

* A King's Counsel, "I Heard a Voice" (Kegan Paul edit.) (*И.П.*)

** "The Light of the Future". (*И.П.*)

«Прочитав Вашу статью, я был потрясён, почти испуган тем, что сообщения, когда-то полученные мною самим касательно условий посмертного существования, совпадали – мне кажется, вплоть до мельчайших подробностей – с теми, которые Вы приводите в Вашем обзоре, составленном из большого количества материалов, собранных на основе разных источников. Не думаю, что в прочитанной мною ранее литературе можно найти объяснение такого совпадения. Я, определённо, не читал ничего ранее написанного Вами по этому поводу. Я намеренно избегал «Рэймонда» и всех иных книг этого рода, с тем чтобы она не повлияли на мои собственные результаты. Читаемые же мною в ту пору «Протоколы О.П.И.», как Вам известно, никак не касаются условий существования после смерти. Так или иначе, в разное время мною были получены (как Вы сейчас увидите) сообщения, которые утверждают, что в этом новом периоде существования люди обладают телами, которые, хотя и невосприимлемы нашими органами чувств, для них тем не менее так же вещественны, как для нас наши. Тело это основано на важнейших особенностях нашего земного тела, но в его улучшенном, идеализированном виде. У него нет возраста; оно не ощущает боли. Среди них нет ни богатых, ни бедных. Они носят одежду и едят пищу; они не спят, хотя и говорят о том, что время от времени погружаются в полубессознательное состояние, которое они называют «сном», состояние это – оно мне знакомо – приблизительно соответствует гипноидальному трансу. После некоторого периода времени, который обыкновенно короче, чем средняя продолжительность жизни здесь, на земле, они переходят в какую-то следующую стадию существования.* Люди сходных мыслей, вкусов и чувств стремятся друг к другу и живут вместе. Супруги не обязательно воссоединяются, но любовь мужчины и женщины продолжается и свободна от всего, что здесь у нас препятствует её полному выражению. Сразу же после смерти человек погружается в полубессознательное состояние покоя, длительность которого у разных людей различна. Они не способны испытывать

* Здесь и несколько выше имеется в виду главным образом перевоплощение. Умы, сформированные в традициях протестантского мировоззрения, не понимают идеи перевоплощения и её отвергают. Характерно, что даже после перехода, став духами, такие люди продолжают игнорировать закон реинкарнации – один из главнейших законов жизни. Поэтому и в посланиях духов, в странах протестантских, идея перевоплощения обыкновенно отрицается. В этом причина огромного превосходства *французского спиритизма* (или карденизма) над *англо-американским спиритуализмом*. (И.Р.)

телесную боль, но временами бывают подвержены душевным мукам. Мучительная смерть совершенно неизвестна. Принадлежность к той или иной вере не создаёт различий в положении на том свете, и вся их жизнь в целом в высшей степени счастлива, и никто там даже не в состоянии себе помыслить, чтобы он вдруг пожелал вернуться на землю. Мне ни разу не встретилось само по себе слово «работа» как таковое, но было много указаний на разного рода интересы, которые их занимают. Вероятно, это другой способ говорить то же самое. У нас «работа» обычно означает «средство к существованию», а это, как мне доподлинно известно, не имеет места у них, поскольку все их жизненные потребности каким-то таинственным образом «предугадываются». Они говорят, что всё, что мы любим и что необходимо для нашего счастья на земле, сопровождает нас и в той жизни. Не встретилось мне также и никаких определённых сведений о каком-либо «временном наказании», но у меня есть указания на то, что люди там начинают свою жизнь на том умственном и нравственном уровне, с которым они покидают землю; и так как их счастье основывается главным образом на симпатии, то те, кто приходят туда с низким уровнем нравственного развития, поначалу длительное время бывают лишены возможности оценить это счастье и им наслаждаться».

II

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Эта форма медиумизма даёт наилучшие результаты, но по самой своей природе она более всего подвергает человека опасности самообмана. Вопрос в том, не пользуемся ли мы своей рукой сами, или ею действительно движет некая внешняя по отношению к нам сила? Сказать это мы можем, лишь оценивая полученную информацию, и даже тогда нельзя полностью списать со счёта влияние наших подсознательных знаний. В этой связи стоит, как мне кажется, привести один из тех случаев медиумического писания, который говорит сам за себя, убедительно показывая исследователю, сколь неоспорима очевидность того, что эти послания исходят не от человека, рукою

которого они написаны. Такого рода случай приводится г-ном Артуром Хиллом в его книге «Человек есть Дух».* Он был сообщён ему капитаном Джеймсом Бертоном. Насколько я понял, благодаря сообщениям, полученным именно этим медиумом (любителем), удалось установить точное местоположение подземных руин в Глэнстонбери.

«Это случилось где-то через неделю после похорон отца», – рассказывает он. – «Я писал деловое письмо, как вдруг почувствовал, что некая посторонняя сила поместилась между моей рукой и движущими центрами мозга, и тогда рука начала писать без моего вмешательства. Получилось удивительное письмо, подписанное автографом моего отца, обстоятельство, имевшее, видимо, целью подтвердить, что письмо действительно исходит от него. Я был потрясён. При этом мой правый бок и рука словно бы затекли и онемели. Уже год спустя такие письма стали явлением нередким, но всегда приходили ко мне в тот самый миг, когда я их всего менее ожидал. Я никогда не знал, о чём идёт в них речь, поскольку прочитать их можно было, лишь прибегнув к помощи лупы: настолько микроскопическим почерком они были написаны. В письмах этих сообщалось множество обстоятельств, которые никак не могли быть мне известны.

Так, например, я не мог знать, что у матери, которая жила вдали от меня, пропала любимая собака, подаренная ей прежде отцом. В ту же ночь я получил от него письмо, где он соболезновал матери и говорил, что собака была теперь с ним. «Всё, что мы любим и что было необходимо для нашего счастья на земле, находится с нами и здесь». Мне был таким способом открыт один из самых священных семейных секретов, известный только матери и отцу и касающийся события, происшедшего за много лет до моего рождения. Секрет этот был открыт мне с такой рекомендацией: «Скажи это матери, и она узнает, что пишу тебе я, твой отец». До сей поры мать не могла поверить моим рассказам, но, когда я сказал ей это, она побледнела и лишилась чувств. С той поры письма эти стали её наибольшим утешением, ибо отец и мать любили друг друга в течение всей сорокалетней супружеской жизни, и его смерть разбила ей сердце.

Что касается меня, то я вполне убеждён в том, что личность моего отца продолжает существовать, как если бы он всё ещё находился за закрытой дверью в своём кабинете. Он ничуть не более мёртв, как был бы «мёртв» для нас, живя в Америке.

* “Man is a Spirit” by Arthur Hill, (Cassell & Co.) (И.Р.)

Я сравнил стиль и выражения, встречающиеся в этих письмах, с манерой, в которой свойственно писать мне – я приобрёл некоторую известность, сотрудничая в журналах – и не нашёл между ними ни малейшего сходства».

Данный случай представляет и другие доказательства своей несомненности, и я отсылаю читателя к самой книге.

III

ЧЕРИТОНСКОЕ БОМБОУБЕЖИЩЕ

Выше я упомянул о своём недавнем опыте, касающемся «полтергейста», или проявления духа-проказника. Существа этого рода, по видимости, принадлежат к категории наименее развитых и более близки к земным условиям, чем все иные существа духовного мира, нам известные. Эта сравнительная материальность ставит их на самую нижнюю ступень духовной иерархии и поэтому делает, быть может, нежелательным установление с ними каких-либо отношений. Тем не менее их проявления обладают известной ценностью, потому что грубая очевидность феноменов привлекает к себе внимание людей, заставляя нас признать, что во Вселенной наличествуют иные формы жизни, помимо нашей. Эти силы, находящиеся на границе нашего материального мира, повсеместно и во все времена привлекали к себе внимание людей, которое, правда, не могло задержаться на них подолгу. Именно к этому роду феноменов принадлежат преследование семьи Уэсли в Эпуорте, истории с барабанщиком из Тэдуорта, биллингскими колоколами и тому подобные вещи, бывшие причиной всеобщего испуга в течение некоторого времени, – каждый из этих случаев демонстрирует агрессивность неведомых сил в отношении живых людей. Затем, почти одновременно, произошли события в Гайдсвилле, в Америке, и аналогичные явления в Сидвилле, во Франции, – они оказались столь разительны, что не смогли остаться незамеченными. Из них выросло всё современное спиритическое движение, которое путём умозаключений от малого к большому, от явлений грубых к более тонким, развило

свои выводы и довело их до совершенства, пройдя путь от физических проявлений до письменных посланий, и ныне призвано придать религии самое прочное основание из всех, на которых она когда-либо стояла. Таким образом, сколь бы нелепыми и странными ни казались нам эти явления, именно они явились зародышем, из которого развилось и выросло всё движение современного спиритуализма, и потому заслуживают нашего уважительного, хотя и критического внимания.

В различных районах земного шара за последние годы произошли многие из подобных проявлений, и пресса не упустила возможности представить каждый из этих случаев в как нельзя более комическом виде, полагая, повидимому, будто использование слова «привидение» подрывает всякое доверие к событию и кладёт конец спорам. Примечательно здесь то, что каждый такой случай рассматривается обособленно, как какое-то совершенно единичное событие, и так у обычного читателя не возникает никакого понятия о доказательной силе, которою обладает накопление множества однородных фактов. Касательно же Черитонского бомбоубежища факты состоят в следующем.

М-р Джейкис, мировой судья, человек образованный и интеллигентный, проживающий в Эмбрук-Хаузе, Черитон, вблизи Фолкстоуна, построил бомбоубежище рядом со своим домом на случай воздушных налётов противника. Надо сказать, что дом этот очень старый, часть его возведена на фундаменте старинной культовой постройки XIV века. Бомбоубежище он решил вырыть в основании небольшой скалы, почва там – обычный мягкий песчаник. Работу выполнял местный каменщик по фамилии Рольф со своим помощником. С самого начала он столкнулся с такой помехой: неведомо каким образом бросаемые горсти песка гасили свечу, а некоторые из них летели ему прямо в лицо. Он, было, подумал, что виной тому какое-то истечение газов или некое явление, связанное с электричеством. Однако это происходило настолько часто, что серьёзно тормозило работу, на что Рольф и пожаловался г-ну Джейкису. Но тот отнёсся к его рассказу с полнейшим недоверием. Преследование рабочих однако продолжалось, причём сила проявлений всё возрастала, пока они не приняли форму воздушных потоков, способных переносить предметы значительных размеров – камни и обломки кирпича. Они пролетали мимо Рольфа и ударялись о стены со значительной силой. Всё ещё продолжая искать физические объяснения, Рольф обратился к м-ру Хескету, фолкстоунскому муниципальному электрику, человеку высокой образованности и ума. Г-н Хескет прибыл на место событий и увидел

достаточно, чтобы убедиться: указанные явления действительно имеют место и их нельзя объяснить обычными законами. Канадский солдат, квартировавший у г-на Рольфа, узнав о случившемся с его хозяином, высказал мнение, что у последнего «просто крыша поехала». Не долго думая, он отправился в бомбоубежище, где предмет спора проявил себя с такою стремительностью и силой, что солдат в ужасе выскочил оттуда наружу. Свидетельницей перемещения кирпичей, к которым никто не прикасался, была также экономка дома. Эти факты начали постепенно ослаблять скепсис г-на Джейкиса, и он спустился в бомбоубежище, когда там никого не было. Он уже вышел оттуда, когда пять камней, брошенных изнутри, ударились о дверь. Джейкис приоткрыл её и увидел их на полу возле двери. Сэр Вильям Баррэт также потом спускался вниз, но за время своего недолгого пребывания ничего там не обнаружил. Затем я побывал там четыре раза, проведя в гроте по два часа, но ничего непосредственно не наблюдал, хотя и удостоверился, что на свежей кирпичной кладке есть следы ударов. Силы, проявившиеся в данном случае, пренебрегли теми, кто серьёзно занимается психическими исследованиями, ибо они никак не проявили себя в их присутствии. Тем не менее присутствие этих сил и их действие отметили по меньшей мере семь различных свидетелей. Как я сказал, эти силы оставляли после себя следы своего действия, и дело дошло до того, что они извлекли из пола свежезацементированные керамические плитки и сложили их маленькими аккуратными кучками. Предположение, что всему виной озорство помощника каменщика, приходится исключить по той причине, что явления производились и в его отсутствие. Место событий посетил также один физик, но, поскольку его объяснения сводились к тому, что «движение предметов обусловлено эманацией болотных газов», то это не намного подвинуло дело. Аномалии до сих пор продолжают, и сегодня утром (21 февраля 1918) я получил обстоятельное письмо со свежими подробностями от инженера Хескета.

Каково *действительное* объяснение этого явления? Могу сказать только одно: я посоветовал г-ну Джейкису провести раскопки в почве рядом со скалой, под которой он строит подвал. Я осмотрел поверхность земли в этом месте и пришёл к выводу, что почва здесь была когда-то вскопана на глубину по меньшей мере пяти футов. Что-то, насколько я могу судить, было там некоторое время назад зарыто, и вероятно, как и в случае, приведённом мною выше, есть определённая связь между этим фактом и аномалиями. Очень может быть, что г-н Рольф, сам того не ведая, является медиумом для производства физических проявлений, и поэтому,

когда он оказывался запертым в ограниченном, замкнутом пространстве подвала, то его магнетические силы аккумуляровались там, как в кабинете, и оказывались готовыми к действию. Так случилось, что там же оказалась некая действующая сила, которая решила ими воспользоваться, – отсюда и феномены. Когда г-н Джейкис спустился в грот в одиночку, то сила, оставшаяся там после г-на Рольфа, проведенного в нём целое утро, ещё не иссякла, благодаря чему Джейкису и удалось стать свидетелем некоторых её проявлений. Таково моё объяснение, но по поводу подобных вещей лучше не быть догматичным. Если будут систематические раскопки, то я стал бы ждать эпилога этой истории.

Когда книга эта уже печаталась, мне стал известен второй весьма характерный случай полтергейста. Я не могу открыть его подробности, ибо не уполномочен делать этого, но феномены производятся вплоть до настоящего времени. Довольно любопытно, что случай этот стал известен мне потому, что одно из страдающих от этих посягательств лиц прочитало мои заметки о черитонском бомбоубежище, – дама немедленно написала мне, прося совета и помощи. Место действия довольно удалено от меня, съездить я туда ещё не успел; но, если судить по исчерпывающему отчёту, полученному мною, этот случай включает в себя все типические черты и сопровождается, помимо прочего, таким феноменом, как автоматическое письмо. Некоторые образчики этих сообщений лежат передо мной. Двое священников безуспешно пытались положить конец проявлениям, которые порой оказываются слишком грубыми. Я думаю, что некоторым утешением людям, страдающим от подобных преследований, может послужить то обстоятельство, что среди множества тщательно изученных случаев полтергейста нет ни одного, когда был бы причинён какой-то физический вред человеку или животному.*

1918 г.

(перевод Йога Раманантаты)

* Возвращаясь к этому последнему случаю, должен сказать, что по прошествии некоторого времени, после того как были написаны данные строки, случаем этим занялся третий пастор, обладающий некоторыми познаниями в области оккультных наук. Рассуждениями и молитвами он добился того, что злые духи наконец оставили свои жертвы в покое. Сколько-то времени духи будут держать своё слово? (А.К.Д.)

ЖИЗНЕННО ВАЖНОЕ

ПОСЛАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В «Новом Откровении» было дано провозвестие грядущих перемен, и если уподобить ту книгу заре, то эта – «Жизненноважное Послание» – окажется уже рассветом: в ней солнце духовного знания поднялось ещё выше, озарив материальную землю духовном светом, и мы осознали, какие отношения должны установиться с миром Незримого.

Когда я размышляю о будущем человеческой расы, мне вспоминается, как однажды, стоя среди холодного и унылого нагромождения скал и снега на вершине альпийского перевала, я смотрел вниз на раскинувшийся вдали ландшафт Ломбардии, купавшейся в лучах солнечного света. Великолепная панорама голубых озёр и зелёных холмов тянулась в бесконечную даль и расплывалась в золотистом тумане, окутывавшем далёкий окоём. Точно так же у самых наших ног сейчас лежит Земля Обетованная, в сравнении с которой, когда мы достигнем её, земля нашей нынешней цивилизованной жизни покажется нам скудной и бесплодной. Уже первый отряд наш преодолел перевал, и ничто теперь не препятствует нам достичь этой чудесной страны, горизонты которой явственно раскинулись перед взором тех, кто открыл глаза, дабы увидеть мир, нас ожидающий.

В.С.Дизертис, тонкий и вдумчивый писатель, заметил однажды, что Второе Пришествие, которое всегда увязывали с окончанием Армагеддона, может произойти не за счёт схождения к нам духовного начала, а благодаря восхождению нашего материального бытия к духовному при последующем слиянии обеих сторон существования. Эта гипотеза завораживает воображение. Но и без столь полного разрушения размежующих наши миры стен, которое бы Второе Пришествие за собой повлекло, мы уже знаем достаточно, чтобы убедиться в подобном сближении обоих миров, и это, определённо, повлечёт за собой глубокие изменения во всех наших взглядах на науку, религию и жизнь. Какую форму эти изменения могут принять и какова очевидность и факты, кои лягут в её основание, в сжатом виде объясняется в настоящем томе.

Артур Конан-Дойль

Кроуборо, июль, 1919 г.

Глава Первая

ДВА НАСУЩНЫХ РАЗЪЯСНЕНИЯ

Среди всех бесчисленных поколений человечества именно нам было уготовано судьбой столкнуться лицом к лицу с самым страшным бедствием, когда-либо обрушивавшимся на мир.* Есть фундаментальный факт, который невозможно отрицать и недооценивать, ибо из него немедленно следует наиважнейший вывод. И вывод этот в том, что мы, вынесшие все страдания мировой войны, должны также осознать урок, ради которого они, собственно, и выпали на нашу долю. Если мы и теперь ничему не научимся и не заявим громко о приобретённом знании, то когда ещё в человеческой истории оно будет постигнуто и провозглашено, когда ещё будет столь глубоко подготовлена духовная почва для восприятия духовного семени? Если в наших душах, измотанных и измученных этим страшными пятью годами самопожертвования и бедствий, не произошло коренных перемен, которые бы они были в состоянии явить миру, то какие ещё души смогут в будущем откликнуться на столь явный призыв небесного вдохновения? В таком случае состояние человеческого рода окажется поистине безнадёжным, и в грядущие столетия тоже не откроется никаких перспектив улучшения.

С какой целью человечество было проведено через горнило столь тяжкого испытания, как мировая война? Разумеется, только поверхностный наблюдатель может полагать, будто великий Создатель всего и вся привёл всю планету в возбуждение, заставил народы напрячь все свои силы – и всё это только для того, чтобы чуть передвинуть ту или иную границу или составить какое-нибудь новое сочетание в калейдоскопе наций. Нет, причины этой мировой судороги и цели, ради которых она произошла, куда более глубоки. И она имеет главным образом религиозный, а не политический характер. Она лежит гораздо глубже пустяковых ссор, занимающих народы сегодняшнего дня. Через тысячу, даже через сто лет национальные последствия этой войны потеряют своё значение, тогда как последствия религиозные станут править миром. И эти религиозные последствия выразятся в реформировании сегодняшнего декадентствующего Христианства, в его

* Имеется в виду Первая мировая война. (И.Р.)

упрощении, очищении и усилении за счёт новейших фактов общения с душами умерших и ясного знания того, *что* лежит за порогом смерти, через который мы переступаем, оставляя эту жизнь позади. Потрясение, вызванное войной, имело целью возвысить нас до умственной и моральной серьёзности, дать нам мужество покончить с ханжеством, заставить человечество осознать Новое Откровение и воспользоваться его плодами. Причём для всех, кто с открытым умом изучит факты и доказательства, само существование этого Нового Откровения окажется недвусмысленно удостоверенным и с избытком доказанным.

Посмотрите, сколь ужасен был наш мир, пока не грянул гром. Разве, пройдя вспять столетий и изучив все свидетельства человеческой порочности, можно найти хоть что-то, способное выдержать сравнение с историей народов на протяжении последних двадцати лет? Подумайте только об условиях жизни в России в эти годы: разгул грубой аристократии и пьяной демократии, обоюдные убийства, ужасы сибирской ссылки, еврейские погромы и коррупция чиновников. Вспомните бельгийского короля Леопольда, этого демона во плоти, скарედность и алчность которого плодили убийства и пытки на огромной части африканского континента* и который, тем не менее, был принят при всех дворах мира и погребён после панегирика, пропетого ему кардиналом Католической церкви – церкви, которая ни разу не возвысила голоса, чтобы осудить его дьявольские деяния. Вспомните аналогичные преступления в Путумайо, когда британские капиталисты, хотя и не принимая непосредственного участия в массовой резне, всё же попустительствовали ей своей летаргической спячкой и доверием к действиям местных властей. Подумайте о Турции и периодически происходящей в ней резне покорённых народов. Взгляните на бездушную, отупляющую работу людей на разбросанных повсюду фабриках и заводах, где труд принял совершенно иную, гораздо более извращённую форму, чем когда-то работа в поле. Не забудьте также похотливую чувственность множества богачей, скотскую грубость множества бедняков, тиранию моды, холодность и мертвенность религии, повсеместное отсутствие сколько-нибудь значительной глубины и подлинных духовных устремлений. В

* Эти факты потрясли Конан-Дойля, и он занялся подробным изучением данного вопроса, в итоге чего возникла его знаменитая монография «Преступление в Конго» (“The Crime of the Congo”), опубликованная в 1909 году и имевшая огромный международный резонанс. (*И.Р.*)

особенности же обратите свою мысль на организованный материализм Германии, на высокомерие, бессердечие и полное отрицание всего, что только может иметь связь с живым духом Христа – об этом свидетельствуют высказывания епископов Католической церкви, подобных Гартманну из Кёльна, или пасторов Лютеранской церкви. Взгляните на всё это и ответьте: представало ли когда человечество в более неприглядном виде? Если же мы попытаемся найти более светлые пятна, то обнаруживаем их там, где цивилизация в интересах общества создавала такие учреждения, как больницы, университеты, благотворительные организации, но при этом оказывалось, что религия не имеет в том никаких заслуг – всё это бросается в глаза как в буддистской Японии, так и в христианской Европе. Нельзя отрицать, что отдельные люди проявляли много добродетели, доброты и духовной силы. Но Церкви при этом оставались пустыми оболочками, не содержащими в себе никакой духовной пищи для человечества, и Церкви перестали влиять на поступки людей, исключая разве направление бездушного формализма.

Эта картина отнюдь не сгущает красок. Разве теперь нам не ясно, каковы были внутренние причины войны? Разве мы не в состоянии теперь понять, что назрела необходимость как следует встряхнуть человечество, одуревшее от досужей болтовни и светских условностей, от поклонения грубой силе, от субботних ночных попок, своекорыстных политиков и богословских софизмов, – встряхнуть его, дабы оно смогло наконец осознать, что стоит на узком лезвии ножа между двумя великими вечностями* и что именно здесь и сейчас ему необходимо покончить с суррогатами веры и со всей серьёзностью и мужеством обратиться к высшим истинам, которые всегда были доступны там, где лень, трусость или соображения корысти не затемняли человеку зренья.

Давайте же попытаемся оценить, что представляют собой эти истины и в каком направлении должна идти названная нами реформа. Главное место в моих размышлениях занимает поиск путей, по которым будет следовать духовное развитие человечества; но есть два важных уточнения, которые необходимо сделать для того, чтобы эта реформа могла явить своё полное действие. О духовной стороне предмета я могу говорить в силу знания, полученного из мира потустороннего.

* Здесь невольно приходят на ум слова Марка Аврелия: «Оглянись назад – там безмерная бездна времени, взгляни вперёд – там другая беспредельность». (И.Р.)

По поводу двух других пунктов реформы я не могу высказывать таких притязаний.

Первый из них состоит в том, что в «Библии», которая является основанием всей нашей нынешней религиозной мысли, неразрывно сплелись мёртвое и живое; и вот мёртвый заразил живого и микробы тления разъедают живую ткань нашей веры. Мумия и ангел состоят в самом противоестественном сожительстве. Не может присутствовать ясного мышления, не появится здорового, логичного учения, откуда отжившая часть этой книги не будет отделена от целого и поставлена на книжную полку в кабинете учёного после того, как будет убрана с письменного стола школьного учителя. «Библия» – поистине изумительная книга, значительная часть её представляет собой древнейшие записи, дошедшие до нас, книга, полная редкого знания, истории, поэзии, оккультизма, фольклора. Но она не имеет связи с современным пониманием религии и по сути своей глубоко ему антагонистична. В ней под одной обложкой сосуществуют два взаимоисключающих закона, результатом чего явилась страшная путаница. Один свод представленных в ней законов является системой, построенной на отдельном племенном Боге, подчёркнуто человекоподобном и исполненном гнева, зависти и мести. Такое понимание Бога пронизывает каждую книгу «Ветхого Завета». Даже в «Псалтыри», которая является, быть может, самой духовной и прекрасной его частью, псалмопевец наряду со многим воистину прекрасными и благородными вещами поёт о предметах в высшей степени ужасных – о том, что его Бог делает с его врагами: «Они низвергнутся живыми в ад». Таков лейтмотив этого древнейшего памятника письменности – памятника, пропагандирующего и защищающего массовую резню, мирящегося с многожёнством, признающего рабство и приговаривающего к сожжению так называемых «ведьм». Изложенные в нём Моисеевы законы уже давно отложены в сторону. Так, мы не считаем себя «проклятыми», отказавшись причинять увечье своему телу, или если едим «запретную» пищу, если бреемся, если носим одежду, скроенную из двух разных материалов. Но мы не можем отказаться от этих законов, не перестав считать и сам свод их божественным. Никакая учёная софистика никогда не сможет убедить честный и серьёзный ум в том, что эти законы действительно божественны. Могут, конечно, на это возразить: «Каждый понимает, что эти законы устарели, и поэтому им не следуют». Но это-то и неверно. Им постоянно следуют, и так будет продолжаться до тех пор, пока они

являются частью Священного Писания. Вильгельм II следовал им, ведя эту войну. Его германский Бог, причинивший миру столько зла и горя, был лишь зеркальным отражением того страшного существа, которое повелевало своим последователям убивать пленных, и не просто убивать, а распиливать заживо. Бельгийские города стали подобием моавитянских городов. Каждая облечённая властью жестокосердая скотина на всём протяжении человеческой истории, особенно когда дело касалось религиозных войн, черпала своё вдохновение в «Ветхом Завете». «Режьте и не давайте пощады!», «Око за око! зуб за зуб!» – тексты всегда тут как тут, чтобы слететь с жестоких уст фанатиков-убийц. Франциск в Варфоломеевскую ночь, герцог Альба в Нидерландах, маршал Тилли под Магдебургом, Кромвель под Дрогедой, сторонники Ковенанта при Филлифо, анабаптисты из Мюнстера, мормоны из Юты – все они черпали свою жажду убийства в этом нечистом источнике. Кровавый след оставлен «Ветхим Заветом» во всей истории человечества. Даже там, где главенствует «Новый Завет», его учение оглупляется и затуманивается мрачным соседом. Давайте же сохраним это вполне заслуживающее внимания произведение литературы, но давайте наконец смоем это пятно позора, которое отравляет самый источник нашей религиозной жизни.

Это, по моему мнению, первое разъяснение, которое следует сделать, строя более прекрасное здание религиозной мысли будущего. Второе не столь важно, поскольку речь в нём идёт не о том, чтобы сменить сам предмет, к которому обращён наш взгляд, а только точку в пространстве, из которой мы на него смотрим. Напомним, что жизнь Христа в этом мире, насколько можно судить, составила 33 года, тогда как с момента его взятия под стражу и вплоть до воскресения прошло менее недели. И тем не менее вся христианская система предпочла строиться вокруг его смерти, уделяя лишь второстепенное внимание прекрасному уроку его жизни. Слишком много значения было придано одной и слишком мало внимания уделено другой, ибо его смерть, сколь бы прекрасна и возвышенна она ни была, ни в чём не превосходит смерть десятков тысяч людей, которые умерли за идею, тогда как его жизнь, постоянными спутниками которой были милосердие, широта ума, бескорыстие, мужество, разум и устремлённость в будущее, абсолютно уникальна и сверхчеловечна. Даже по тем отрывочным, много раз переведённым с языка на язык записям из вторых рук, дошедшим до нас, возникает впечатление, которого не может вызвать

ничья другая жизнь. Это впечатление исполняет нас чувством крайнего благоговения. Наполеон, незаурядный знаток человеческой природы, сказал: «Христос стоит совершенно особо от других. Всё связанное с Ним поражает меня. Его ум меня изумляет, Его воля – парализует. Невозможно сравнивать Его с кем-либо из людей. Поистине, Он не от мира сего. Чем ближе я к Нему приближаюсь и чем пристальнее в Него всматриваюсь, тем дальше всё, что с Ним связано, выходит за пределы моего разумения».

Именно эта чудесная жизнь, её пример и влияние были истинной целью схождения столь высокого духа на нашу планету. Если бы род людской со всей серьёзностью сосредоточился на жизни Христа вместо того, чтобы теряться в тщетных мечтах об искупительных жертвах и вымышленных падениях вкупе со всей их мистической и сомнительной философией, то сколь сильно бы отличался уровень человеческой культуры и счастья от того, что мы имеем сейчас! Эти теории из-за их неразумности и безнравственности оказались главной причиной того, почему лучшие умы так часто отворачивались от христианского учения и провозглашали себя материалистами. Отвергая то, что в этой системе оскорбляло их стремление к истине, они отбрасывали с ним вместе и то, чтобы было в ней истинного и прекрасного. Смерть Христа была достойным венцом его жизненного пути, но именно свою жизнь он оставил нам в качестве основания для вечной религии человечества. Все религиозные войны, непрерывная, бесконечная вражда людей друг к другу и бесчисленные беды сектантских раздоров свелись бы к минимуму, а то и не возникли совсем, если бы неприкрашенный пример жизни Христа был взят в качестве образца для религии и человеческого поведения.

Но есть и другие соображения, которые следует учесть, изучая жизнь Иисуса и исходящую от неё силу в качестве образца [поведения]. Одно из них состоит в том, что самым существенным в его жизни было критическое отношение к современной ему религии. Свой могучий здравый смысл и мужество Христос употреблял на то, чтобы разоблачать ханжество и указывать лучший путь. Именно по этим чертам можно узнать подлинного последователя Христа, и ничто так не далеко от него, как молчаливое принятие учений, которые даже по облику своему насквозь лживы и порочны, потому что являются нам облечёнными признаками власти.

Святость библейских книг для древних евреев оказывалась столь подавляющей, что её не могли поколебать даже описки и орфографические ошибки, внесённые переписчиками и сохранявшиеся в неприкосновенности. Какой иной авторитет имеем мы теперь, кроме жизни Христа, способный для нас сравниться с теми священными книгами иудеев? Если бы Христос был иудейским ортодоксом и обладал тем качеством, которое перед нами зачастую превозносят как «наивную детскую веру», то само Христианство не могло бы возникнуть – это простой, очевидный факт. Пусть же реформаторы, которые любят Христа, мужаются, когда полагают, что действительно следуют по пути Учителя, ибо Христос ни разу не сказал, будто Откровение, которое он дал миру и которое столь несовершенно было применено к делу его последователями, будет последним Откровением, которое получит человечество на этой планете. В наши дни столь же великое Откровение было явлено из Центра всякой истины, и оно окажет такое же глубокое влияние на человеческий род, как и Христианство, хотя до сей поры и не появилось никакой главенствующей фигуры, чтобы придать веса его наставлениям.* Подобная фигура уже появилась однажды, когда пришло время, и я несколько не сомневаюсь, что это может случиться ещё раз.

Должно упомянуть и другое соображение. Христос не дал свою весть от первого лица. Поступи он так, наша позиция была бы куда сильнее. Весть его дошла до нас в форме пересказов и сообщений, сделанных хотя и серьёзными, но малограмотными людьми. Но, разумеется, сам факт, что рыбаки, мытари и все прочие умели хотя бы читать и писать, говорит очень многое в пользу уровня образования в римской провинции Иудея. Лука и Павел, правда, принадлежали к более культурному классу, но сведения свои они черпали у своих не столь образованных предшественников. Их отчёт в высшей степени удовлетворителен в том, что касается единства производимого им общего впечатления и ясности, с которой обрисованы учение и характер Учителя. В то же время их рассказы изобилуют несообразностями и противоречиями по фактам нематериальной природы. Например, все четыре описания Воскресения разнятся в подробностях, и ни один ортодоксальный богослов, занимаясь чтением проповедей, не может

* Это не совсем так. Такая фигура появилась в своё время: то был *Дух Истины*, слова которого явлены миру в книгах Аллана Кардека. Сказанного в них достаточно, чтобы преобразовать не только наши религиозные воззрения, но и наполнить всю нашу жизнь на земле новым смыслом. (*И.Р.*)

в полной мере принять все четыре версии Воскресения, не ставя себя под удар критики, всегда готовый уличить его в непоследовательности и искажении фактов. Но как раз эти подробности-то и не имеют непосредственного отношения к духу послания Христова. Простой здравый смысл не обязывает нас считать, будто каждый пункт рассказа о его жизни исполнен вдохновения свыше или что мы не должны делать скидки на несовершенство передачи, индивидуальные взгляды рассказчика, цветистость восточной фразеологии или ошибки в переводах. В новых версиях «Евангелия» действительно допускается такая возможность. Знаменитое выражение Христа о букве и духе почти позволяет нам верить, что он предвидел, каким бедствием станут для нас священные тексты. Вероятнее всего он знал, что мы пострадем от них так же, как он сам пострадал от рук современных ему богословов – людей, которые тогда, как и сегодня, являлись всемирным бедствием. Очевидно, Христос считал, что мы, пользуясь данным нам умом, будем приспосабливать его учение к изменяющимся реалиям жизни и времени. Очень многое из сказанного им обусловлено обществом и манерой выражения, характерной для эпохи, в которую он жил. Поверить, будто человек готов буквально всё отдать бедному, или что сегодня голодный английский военнопленный должен буквально возлюбить своего врага – германского кайзера, или что поскольку Христос протестовал против непрочности брака в то время, то и в наши дни супруги, не любящие друг друга, должны на всю жизнь быть связаны узами рабства и мученичества – всё это является карикатурой на учение Христа и лишает его столь сильной стороны, как здравый смысл. Требовать невозможного от человеческой природы значит ослаблять силу ваших доводов даже в тех случаях, когда они разумны.

Выше уже было сказано, что из трёх принципов, согласно которым следует вести реформу религии, а именно: отказ от ветхозаветной части, большее внимание к жизни Христа, а не к его смерти и новый духовный прилив, который несёт нам психическую религию, – лишь последний является авторитетным источником сведений о потустороннем мире. И вот именно это-то обстоятельство и недооценивается. Ни в одном из сообщений духов, насколько мне известно, не обсуждались материи, имеющие отношение к «Ветхому Завету». Природа Христа и его учение, напротив, были непрременным предметом обсуждения с той или иной разницей в деталях, которое в основном укладывалось в очерченные здесь рамки. У духов имеется

своя точка зрения; некоторые из них унесли с собой в ту жизнь земные предубеждения, от которых им нелегко освободиться; однако, читая множество подлинных сообщений духов, можно легко обнаружить, что идея искупления в них едва ли даже была затронута, тогда как на силе примера жизни Христа и его учения духи постоянно настаивают. Согласно этим посланиям, Христос – самый высокий дух, известный землянам, сын Бога, как и все мы – Его сыновья, но он ближе к Богу и в силу данного обстоятельства в более высоком смысле является Его сыном. За исключением редких и особых случаев, он не встречает нас в *том* мире, когда мы умираем. Поскольку духи (и днём, и ночью) переходят туда в среднем до сотни в минуту, то это не требует доказательств. По прошествии какого-то времени мы, возможно, допускаемся в его присутствие, чтобы обрести в нём более нежного, сочувственного и вспомоществующего товарища и наставника, коего дух на всё оказывает своё влияние, даже если его физическое присутствие неуловимо для глаза. Такова общая идея потусторонних сообщений касательно Христа – кроткого, любящего и могучего Духа, постоянно опекающего нашу планету, которая, в числе многих других миров, является предметом его особой заботы.

Прежде чем перейти к Новому Откровению, его доказательствам и его окончательному учению, давайте на минуту вернёмся к двум пунктам, которые мы уже рассмотрели. Они не являются абсолютно жизненно важными. Сообщения от духов, продолжая поступать, могут завоевать мир и без реализации этих пунктов. Мы не можем ожидать внезапной перемены в застарелой рутине наших религиозных обычаев; так же невозможно помыслить, чтобы собрался конгресс теологов, которые бы предприняли столь героический шаг, как разделение «Библии» на две части, убрав одну из них на полку, а другую положив на стол. Не следует ожидать и того, что будет сделано какое-то официальное заявление христианских Церквей, в котором они признают, что акценты в истории Христа были расставлены ими неверно. Моральная сила их никогда не поднимется на такую высоту. Но ускорение общения с духами и углубление серьёзности отношения к нему, пустив свои корни в этих кровавых буднях человечества, приведут к тому, что многие смогут разумно и в истинном свете увидеть существо вопроса; и если даже «Ветхий Завет» сохранится как атрофированный придаток в живом теле, то лишь за тем, чтобы указывать, через какие низшие ступени развития человечество уже прошло; он будет всё более и более

признаваться как документ, утративший свою силу, которому более не позволено оказывать влияние на поведение людей, за исключением указания на многое из того, чего мы должны избегать. Точно то же произойдёт с учением Христа: мистические части его постепенно утратят своё значение, как это произошло с грубыми понятиями о вечном наказании, которые отмерли буквально у нас на глазах, – и ересь сегодняшнего дня станет общим местом дня завтрашнего, едва человечество успеет это осознать. Эти вещи произойдут сами собой в сроки, установленные Богом. А что одновременно ново и жизненно-важно – так это те свежие дополнения, почерпнутые из общения с духами, которые нам теперь и пришло время обсудить. Именно в них мы сможем найти приметы того, как кости приходят в движение и как мумия обрывает плоть и оживает, движимая импульсом дыхания. Вместе с действенной уверенностью в существовании определённой жизни после смерти и твёрдым чувством ответственности за наше собственное духовное развитие, ответственности, которую нельзя переложить на чужие плечи и которая, сколь бы велика она ни была, должна быть вынесена каждым из нас ценой его собственных усилий, мы получим самое мощное укрепление нравственности, которое когда-либо было испытано человеческой расой. Мы сейчас находимся на грани этого, и наши потомки будут взирать на прошедшее столетие как на кульминацию тёмных веков, в которые человек утратил веру в Бога и настолько погрузился в свою преходящую земную жизнь, что потерял всякое чувство духовной реальности.

* * *

Глава Вторая

ЗАБРЕЗЖИЛ СВЕТ

Ещё шестьдесят лет назад столь пронизательный мыслитель, как лорд Бругэм, заметил, что в ясном небе скептицизма он усматривает лишь одно облако – современный спиритуализм. Данное сравнение странным образом поставлено с ног на голову: было бы гораздо вернее сказать, что в затянувших небосвод облаках скептицизма усматривается лишь один просвет – современный спиритуализм, но в конечном итоге его слова лишь доказывают, что он понимал грядущую важность этого движения. Рёскин, ум ничуть не менее выдающийся, заметил однажды, что его уверенность в бессмертии целиком основывается на фактах, установленных Спиритизмом. Можно назвать десятки, сотни знаменитых имён, поддержка которых безусловно облагораживает любое дело на земле, носители которых подписались бы под этим утверждением. Эти люди подобны высочайшим горным пикам, на которые первыми падает свет занимающейся зари, но в конечном счёте солнце подыметсЯ до такой высоты, что его лучи озарят самый незначительный холм на земной поверхности. Давайте же обратимся к этому свету лицом и присмотримся к движению, которому наверняка уготовано до такой степени революционизировать человеческую мысль и деятельность, как то на всём протяжении христианской эпохи не удалось сделать никому другому. Мы рассмотрим, в чём сила его и слабость, но будем при этом помнить: там, где речь идёт о том, что знаешь как истину, можно без опасений настаивать на истинности и всего целого, частью которого данная истина является.

Это движение, которое призвано придать жизнеспособность нынешним мёртвым и холодным религиям, называется «новейшим спиритизмом». «Новейший» (или «современный») – слово, указывающее на то, что само по себе явление в той или иной форме существовало и раньше и, стало быть, старо, как мир. Во все времена, как бы оно ни было затемнено выражающими его формами, явление это было той самой сердцевиной, тем духовным пламенем, которое пылало в глубине всех религиозных идей, и оно же пронизывает собой всю «Библию» из конца в конец. Но слово «спиритизм» было так опошлено профанами

и шарлатанами, что почти хочется заменить его каким-либо другим термином (например, «духовная религия») и тем очистить сам предмет от старых предрассудков наподобие того, как месмеризм после многих лет гонений получил быстрое признание, когда сменил название, став именоваться гипнотизмом.* С другой стороны, нельзя забывать, что многие отважные первопроходцы сражались под этим знаменем и, не страшась поставить под удар свою профессиональную карьеру, свои достижения и даже свою репутацию как людей здравомыслящих, публично защищали то, что знали как истину.

Их отважная, бескорыстная преданность делу Спиритизма не могла не дать своих плодов и много сделала для очищения имени, за которое они боролись и страдали. Именно они вскормили Учение, которое обещает стать не новой религией – уж слишком оно велико, чтобы вписаться в подобные рамки, – но фундаментальной частью всего общечеловеческого богатства знаний и мудрости. Однако усовершенствованный Спиритизм будет, по всей вероятности, так же мало похож на Спиритизм 1850 года, как современный локомотив – на котелок с кипящей в нём водой, – что, однако, не помешало последнему ознаменовать собой эру паровых машин. В конечном счёте Спиритизм скорее станет доказательством и основанием всех религий, чем религией самой по себе. У нас и так уже слишком много религий и слишком мало доказательств.

Те первые проявления в Гайдсвилле ничем не отличались от проявлений, зарегистрированных в прошлом, но результат их существенно отличался от всего имевшего место ранее, потому что впервые не произошло того, что человек испугался, услышав необъяснимые звуки, или пришёл в крайнее изумление. Вместо этого он установил со стоящей за ними неведомой силой словесные отношения. Отец Джона Уэслея ста годами раньше, когда он в 1726 году оказался свидетелем проявлений «Эпуортского барабанщика», мог бы сделать то же самое, приди ему в голову аналогичная мысль. Но это произошло, лишь когда маленькая девочка Фокс хлопнула в ладоши и крикнула: «Повторяй за мной!», в результате чего неведомая первопричина звуков подчинилась и стала подражать ребёнку, что и оказалось убедительным доказательством присутствия *разумной*,

* Мы же в данном случае вместо «духовной религии» предлагаем термин «карденизм», составленный из фамилий создателей *духоведения*, или новейшего спиритизма, – Аллана Кардека и Леона Дени. (*И.Р.*)

незримой силы столь отличной от известных нам механических сил, действующих в окружающем нас мире. По обе стороны завесы – как у людей, так и у духов – обстоятельства этого события сами по себе были незначительными, даже ребяческими; и всё же время с исчерпывающей ясностью покажет, что это был один из поворотных пунктов в мировой истории, гораздо более значительный, чем падение тронов и поражение армий. Художник будущего непременно запечатлеет эту сцену: гостиная в деревянном, похожем на лачугу домике, кружок полуиспуганных, полунедоверчивых людей, ребёнок, хлопающий в ладоши, с обращённым вверх смеющимся личиком, тени в тёмном углу, где, судя по всему, затаились неведомые и загадочные силы – силы, нередко проявлявшиеся и прежде, но лишь теперь пришедшие утвердиться и произвести полную революцию в человеческом сознании.

Мы можем спросить, почему столь серьёзные результаты возникают из столь незначительных источников? Именно этим вопросом задавались высокомерные философы Греции и Рима, когда красноречивый проповедник Павел вместе с рыбаком Петром и их полуграмотными учениками отвергли все их многомудрые теории и с помощью женщин, рабов и иудеев-раскольников низвергли их старые языческие верования. Ответом на это может быть лишь то, что у Провидения есть собственные пути достижения нужных целей и что Оно редко сообразуется с нашими представлениями о надлежащем и пристойном.

Сейчас мы располагаем большим опытом относительно феноменов такого рода и с известной степенью достоверности можем определить, что именно произошло в Гайдсвилле в 1848 г. Мы знаем теперь, что эти явления подчиняются закону и определённым условиям так же, как и все явления во Вселенной, хотя в ту пору они и представлялись публике событием изолированным и исключительным. С одной стороны, имелся полуматериальный, привязанный к земле дух низкой степени развития, которому, для того чтобы обнаружить своё присутствие, был необходим медиум. С другой, наличествовал хороший медиум для производства физических феноменов – явление довольно редкое. В результате спиритические проявления возникают почти с той же неизбежностью, с какой при должном соответствии между электрической батареей и проводом проскакивает искра. В настоящее время профессором Кроуфордом в Белфасте проводятся спиритические эксперименты, в которых такого рода следствие и причина чередуются

в должной последовательности, что подробно представлено им в двух его последних книгах: «Реальность спиритических явлений» и «Эксперименты в области спиритической науки».* Там он в частности показывает, что происходит действительное уменьшение веса тела медиума в прямом соответствии с происходящими спиритическими явлениями. Весь секрет медиумизма, с материальной стороны данного явления, заключается, по всей видимости, в энергии, совершенно не зависящей от воли самого медиума, который пассивно отдаёт какую-то часть собственной телесной субстанции для использования её потусторонними операторами. Почему одни люди обладают этой энергией, а другие нет? Мы не знаем этого – точно так же мы не знаем, почему у одних есть музыкальный слух, а у других нет. И то, и другое возникает в нас вне прямой связи с нашим нравственным обликом и темпераментом. На первых порах была обнаружена медиумическая способность для совершения физических проявлений, и общественное внимание сосредоточилось на движущихся столах, на самостоятельно играющих музыкальных инструментах и прочих сугубо материальных проявлениях потустороннего влияния, сильных своей неоспоримостью. К сожалению, разного рода мошенники очень быстро научились этим явлениям подражать. Но с той поры мы узнали о существовании множества других форм медиумической способности, столь отличных одна от другой, что обладатель одной из них оказывался совершенно бессилён в проявлении остальных.** Автоматическое писание, ясновидение, заглядывание в будущее сквозь кристалл, говорение в трансе, спиритическая фотография, прямой голос и многое-многое другое – все эти явления, когда они подлинны, являются выражением одной и той же энергии, которая течёт по разным каналам. Все эти проявления входили в «свод даров», способностями к производству которых в первые времена Христианства обладали его последователи. Злокозненному распространению имитации спиритических явлений, несомненно, долгое время содействовала необходимость темноты, провозглашённая ранними экспериментаторами. Но с той поры, как величайший медиум всех времён Д.Д.Хоум благодаря исключительной силе своей энергии оказался способен данным требованием пренебречь,

* “The Reality of Psychic Phenomena”; “Experiences in Psychical Science” by Pr. W.J. Crawford, Watkins. (И.Р.)

** За подробностями отсылаем читателя к «Книге Медиумов» Аллана Кардека – непревзойдённому руководству по практическому Спиритизму. (И.Р.)

соблюдение темноты не является более принципиальным положением. В то же время факт, что темнота скорее, чем свет, и сухость скорее, чем влажность, благоприятствуют хорошим результатам, был с избытком удостоверен, и он указывает на то, что эти явления подчиняются определённым физическим законам. Наблюдение, сделанное много позднее, согласно которому беспроволочный телеграф (другая эфирная сила) в два раза успешнее действует ночью, нежели днём, может служить подтверждением выводов ранних спиритов; в то же время их утверждения об относительной безвредности для спиритических проявлений красного света имеют соответствующую аналогию в работе фотографа.

Здесь не место подробно останавливаться на истории возникновения и развития этого движения. С самого начала оно встретило как горячее сочувствие, так и жестокое противодействие. Профессора Роберт Гэр и Горас Грилей были среди просвещённого меньшинства, которое удостоверилось в истине, стоящей за этим движением, и потому приняло его сторону. Облик движения не раз искажался многими прискорбными происшествиями, что может объяснить, но никак не извинить то упрямое неприятие, которое оно встретило в столь многих кругах. В действительности это неприятие главным образом основывалось на абсолютном материализме эпохи, не желавшем допускать, что в настоящее время могут существовать такие условия, которые признаны для далёкого прошлого.* Когда таким людям приходится сталкиваться с фактами, подтверждающими реальность жизни после могилы, жизни, в какую они по долгу службы провозглашают себя верующими, то они болезненно морщатся, с отвращением удаляются и объявляют такие факты невозможными.

* Конан-Дойль в данном случае имеет в виду позицию, занимаемую христианской Церковью. Несколько раньше Карл Дюпрель по этому же поводу писал, что господа церковники признают оккультно-мистические факты, лишь когда они датированы первыми веками Христианства, и считают такую мистику *белой*, т.е. идущей от светлых сил; аналогичные же факты дней нынешних, будучи произведены нашими современниками, у них причисляются к мистике исключительно *чёрной*, т.е. идущей от злых сил, словно бы Бог заботился об этом мире только в первые века новой эры, а после целиком предоставил его в распоряжение дьявола – точка зрения, напрочь лишённая логики; помимо того, как мы показали в других наших работах, сама вера в существование дьявола и тёмных сил является плодом логической ошибки и невежества, соединённого с большой фантазией. (И.Р.)

Сегодняшняя наука также укоренилась в материализме и, столкнувшись с совершенно новым и неожиданным предложением, отбросила все собственные же весьма достойные аксиомы. Так Фарадей заявил, что, приступая к изучению нового предмета, следует *a priori* составить мнение о том, что возможно, а что нет! Гексли сказал, что потусторонние сообщения, *даже если они в самом деле подлинны*, «интересуют его не больше, чем болтовня церковных служек в притворе церкви». Дарвин сказал: «Боже нас упаси верить во что-либо подобное!» Герберт Спенсер также высказался против, хотя и признал, что у него не нашлось времени с этой темой познакомиться.

И всё-таки наука не так уж плохо вышла из этого сурового испытания. Как было упомянуто, профессор Гэр из Филадельфийского университета, изобретший, помимо многого другого, кислородно-водородную паяльную трубку, оказался первым крупным учёным, у которого после длительного изучения вопроса хватило нравственной силы заявить, что эти новые и необычные явления действительно существуют. Его примеру последовало множество представителей медицины в Америке и в Великобритании, включая д-ра Эллиотсона, одного из лидеров движения свободомыслия в нашей стране. Профессор Крукс, самый выдающийся химик Европы, д-р Рассел Уоллес, крупнейший натуралист, Варлей, знаменитый электротехник, Фламарион, французский астроном, и многие-многие другие поставили под угрозу свою научную репутацию, смело выступив в защиту истины. Названные мужи отнюдь не были легковёрными глупцами. Они видели подлоги и высказывали сожаление по поводу их появления. Каждый может ознакомиться с письмами Крукса, посвящёнными этому предмету. В очень многих случаях именно сами спириты разоблачали обман. Вместе со всеми они смеялись над горе-шекспирами и неучами-цезарями, заявившими о себе на некоторых спиритических сеансах. Они резко осуждали моральную неустойчивость людей, которые стремились использовать эти силы для предсказания исходов скачек и биржевых спекуляций. Но у них хватило широты взгляда и чувства соразмерности, дабы за всей этой глупостью и мошенничествами увидеть тот прочный, ничем не опровергнутый пласт очевидности, который, в соответствии с природой всякого факта, прежде надо изучить, а затем уж оценить. Они не были такими простаками, чтобы позволить увлечь себя в сторону от величайшей истины потому только, что в их собственном

лагере оказались недобросовестные сторонники, компрометирующие дело своим поведением.

Крупнейшим средоточием доказательной силы и энтузиазма стал в те ранние дни г-н Д.Д.Хоум, американец шотландского происхождения. Медиумическая сила, которой он обладал, делала из него наиболее выдающуюся личность из всех, о ком мы располагаем сведениями. Биография Хоума, написанная его второй женой, – книга, заслуживающая самого внимательного прочтения. Этот человек, который во многих отношениях был больше, чем просто человеком, проводил свои опыты перед публикой в течение почти тридцати лет. За всё это время он ни разу не взял платы за свои услуги и всегда был готов предоставить себя в распоряжение любого добросовестного и разумного исследователя. Феномены производились им при свете дня, и для него не имело значения, происходили ли сеансы в его комнатах или в помещении его друзей. Моральные принципы этого человека были столь высоки, что хотя достаток его был очень умеренным, а здоровье более чем средним, он отказался принять царский гонорар в две тысячи фунтов стерлингов, который предложил ему за единственный сеанс Союз спиритов в Париже.

Что касается его медиумической силы, то она, кажется, заключала в себе любую форму медиумической способности в самой высокой степени – левитацию собственного тела (что было заверено сотнями достойных доверия свидетелей), управление огнём, телекинез, видимые материализации духов, чудеса исцеления, послания от умерших наподобие того, которое обратило в спиритическую веру Роберта Чамберса, упрямого шотландца, когда Хоум повторил ему слова младшей дочери, сказанные ею при смерти. И всё это исходило от человека мягкого характера, исполненного отзывчивости; само соединение всех столь высоких качеств, очевидно, оправдывает тех, кто, несмотря на крайнее смущение самого Хоума, были готовы поставить этого мужа на пьедестал, возносящий его над всем человечеством.

Подлинность его медиумического дара ни разу не была серьёзно поставлена под сомнение и признавалась не только в Лондоне, но и в равной мере в Риме и Париже. Лишь один-единственный эпизод омрачает его жизненный путь, однако и в этом случае он вёл себя безупречно – именно к такому выводу придёт тот, кто потрудится тщательно изучить факты. Я имею в виду кампанию, развёрнутую против него госпожой Лайон, которая, усыновив его и определив ему

значительную денежную сумму, вознамерилась затем вернуть её назад, и действительно вернула эти деньги с помощью не выдерживающего никакой критики утверждения, будто Хоум недостойными средствами вынул её назначить себе это содержание.

Факты его биографии являются, на мой взгляд, убедительным доказательством истинности спиритической позиции, даже если бы тому не существовало никаких иных доказательств. Следует отметить, что на протяжении жизненного пути этого безусловно честного и бескорыстного человека были периоды, когда медиумические способности полностью его оставляли; Хоум был в состоянии предвидеть эту временную утрату своих способностей и, будучи честным и неподкупным, попросту воздерживался от проведения сеансов вплоть до момента восстановления этих способностей. Именно прерывистый характер медиумического дара является, по моему мнению, причиной того, что медиумы, многократно выдерживавшие самые жёсткие условия контроля, впоследствии оказывались уличёнными в самой неуклюжей фальсификации результатов, не раз ими с успехом достигнутых. Подобный медиум, когда ему изменяли его настоящие способности, не имел моральной смелости сознаться в этом, ни достаточно бескорыстия, чтобы отказаться от гонорара; он пытался его заслужить, ухищрениями добиваясь результата, которого раньше достигал, используя свои действительные способности. Именно такое объяснение может быть дано скандальным фактам, которые без него могут вызвать лишь недоумение. Приходится допустить, что некоторые медиумы до крайности безответственные и недалёкие люди. Один из моих друзей, присутствовавший на сеансах Эвзапии Палладино, уверял меня, что видел, как она мошенничала самым откровенным и ребяческим образом, и тем не менее сразу же вслед за этим происходили такие вещи, всякая имитация которых находилась, безусловно, за пределами человеческих возможностей.

Помимо деятельности Хоума имеется другой эпизод, составивший крупную веху в развитии спиритического движения. Это – доклад Диалектического общества в 1869 году, подготовленный на основании проведённых Обществом исследований.** В число членов этой организации входили учёные различных отраслей науки, которые задались целью объединить усилия для совместного изучения вызывавших определённое сомнение фактов и в итоге объявили миру

* “Report by the Dialectical Society”.

свой вердикт: указанные явления действительно существуют. Учёные подошли к проблеме непредвзято и в основу их заключения легли результаты, очень сдержанно и спокойно изложенные в докладе. Это чрезвычайно убедительный документ, который даже сейчас, в 1919 году, по прошествии пятидесяти лет, носит куда более взвешенный характер, нежели бóльшая часть суждений, приводимых по данному предмету ныне. Несмотря на это, невежественная пресса тех дней встретила доклад учёных хором насмешек и издевательств, хотя она же, буде эти учёные вопреки действительности пришли к противоположным заключениям, с радостью бы приняла их вердикт, поскольку он, по мнению некоторых, положил бы конец существованию ненавистного газетам движения.

В начале 1863 года в свет вышла книга, написанная г-жой де Морган, супругой знаменитого профессора-математика де Моргана. Название книги – «От Материи к Духу».** Книгу предваряет написанное в сочувственном тоне предисловие самого профессора. Эта книга не утратила своего значения и по сей день, ибо лишь немногие за прошедшее время продемонстрировали подобную силу ума, анализируя данную тему. В книге имеется предсказание, согласно которому, по мере развития спиритического движения, спиритические явления более материального характера постепенно станут терять своё значение, а их место займут проявления более духовного свойства, такие, например, как «автоматическое писание». Предсказание это в точности исполнилось, потому что, хотя медиумы, производящие грубые физические явления, всё ещё существуют, наметилась тенденция к преобладанию более тонких форм медиумизма, и для оценки их значения и подлинности потребны куда более тонкие методы анализа и критики. Особенно выделяются две наиболее убедительные формы медиумизма – «прямой голос» и спиритическая фотография. Каждая из них является доказательством столь неопровержимой силы, что скептики не в состоянии ничего им противопоставить; им остаётся только полностью их игнорировать.

Одним из ведущих представителей «прямого голоса» является г-жа Френч, медиум-любитель из Соединённых Штатов, работа которой описана г-ном Функом и г-ном Рэндалом. Это хрупкая пожилая дама, и тем не менее через неё приходят сообщения чисто мужских и сильных голосов, чему ни в коей мере не мешает то, что её рот бывает завязан. Я самолично изучал феномен «прямого голоса»

* “From Matter to Spirit” by Mrs. Sophia de Morgan, 1863. (*И.Р.*)

на примере четверых медиумов, два из которых были любителями, и реальность звучащих при этом голосов не вызывает у меня никакого сомнения, равно как и то, что чревовещание ни в коем случае не может служить попыткой их объяснения. Одного из этих медиумов в ходе сеанса проверили, заставив наполнить рот подкрашенной водой, но голоса после этого продолжали звучать попрежнему.

Вообще во всех этих случаях меня больше поражают неудачи, чем успехи, и я никак не могу забыть страстные призывы, с помощью которых некая духовная сущность настойчиво, но безуспешно пыталась удостоверить мне свою личность.

Что касается спиритической фотографии, то наиболее удачные результаты получены английским кружком в Кру при содействии медиумов г-на Хоупа и г-жи Бакстон.* Я видел десятки таких фотографий, на многих из которых представлен точный образ умершего, не являющийся однако копией какого-либо снимка, сделанного при жизни. Я видел отца, мать и погибшего сына-солдата, снятых вместе; причём мёртвый сын выглядел куда счастливее и ничуть не менее вещественнее своих родителей.

Всё это разнообразие форм медиумической способности является мощным и неопровержимым доказательством существования спиритических явлений и стоящей за ними духовной реальности. Сколь нелепы оказываются объяснения скептиков, прибегающих к помощи телепатии, работы подсознания или космической памяти, когда сталкиваются с такими явлениями, как спиритическая фотография, материализация и «прямой голос».** Лишь одно объяснение может вобрать в себя всё многообразие спиритических явлений, и это – реальность жизни человеческого духа после смерти материального тела, и именно этой философии уже семьдесят лет придерживаются все разумные люди, которые взяли на себя труд непредвзято рассмотреть соответствующие факты.

Я говорил о необходимости тщательного и хладнокровного анализа при оценке подлинности «автоматического писания». Признать, что явление исходит от духов, мы можем лишь в том случае, когда исчерпаны все объяснения, исходящие из естественных

* См. Приложение, раздел III. (А.К.Д.)

** Здесь необходимо указать на полную бессовестность критиков Спиритизма: объяснять одну неизвестную вещь при помощи другой, ничуть не более известной, значит не давать объяснение, а морочить людям голову, рассчитывая на их наивность и легковерие. (И.Р.)

причин, но к этим последним я никак не причисляю объяснения, апеллирующие к притянутой здесь за уши телепатии, когда утверждают, будто другое лицо может прочесть в ваших мыслях то, что вами самими совершенно не сознаётся. Подобные объяснения и не объяснения вовсе, а мистификации и глупости, хотя, видимо, они и обладают своеобразной привлекательностью для определённого рода исследователей психических явлений, которые, наверное, собираются заниматься поиском объяснений до скончания времён, так не к каким объяснениям и не приходя и только понапрасну изматывая терпение тех, кто стараются следовать за их рассуждениями.

Чтобы дать хороший пример подлинного «автоматического письма», я, выбирая из множества других, хочу обратить особое внимание читателя на факты, касающиеся раскопок в Гластонбери, которые подробно изложены во «Вратах Памяти» – книге мистера Блай-Бонда.*

Мистер Блай-Бонд, между прочим, не является спиритом, что однако не относится к автору автоматически написанного текста, медиуму-любителю, который смог указать на тайны погребённого аббатства, и его указания, когда руины были открыты, блестяще подтвердились. Я могу честно сказать, что, хотя я и много читал о старой монастырской жизни, она никогда не представляла передо мной столь живо, как в посланиях и описаниях, данных старым братом Джоном – привязанным к земному духом, автором этой серии сообщений. Его привязанность к земному ведёт свои истоки из великой любви к старому аббатству, в котором он провёл свои земные дни. Эта книга с приложенными к ней автоматически написанными текстами является прекрасным примером автоматического письма в его высшей форме. Интересно, какой ещё телепатией можно объяснить детальнейшее описание предметов, которые лежат под землёй незримо для человеческого глаза?

Если возможно такое сравнение, то в случае «автоматического письма» вы как бы держите в руках телефонную трубку, и у вас нет никакой уверенности в том, кто говорит с вами на другом конце провода. Вам могут сказать невообразимо дикую ложь, произвольно перемежая её правдой, при этом нагромождения лжи будут столь нелепы в своих подробностях, что намеренность обмана станет ясна сама собой. Если признать тот основополагающий факт, что духи,

* “The Gate of Remembrance” by Mr. Bligh Bond.

оставляя в нашем мире тела, мало меняют свою душевную суть и что, следовательно, окружающий нас духовный мир кишмя кишит низкими и злонамеренными существами, то можно понять, что эти неприятные инциденты скорее являются подтверждением Спиритизма, нежели доводами против него. Лично я получил много сообщений, и некоторыми из них был введён в заблуждение. В то же время я могу сказать, что за все тридцать лет, на протяжении которых я получаю спиритические сообщения, мне ни разу не встретилось сообщения кощунственного, нецензурного или просто неучтивого характера. Но я слышал, что такие случаи бывали. Подобное привлекает подобное, и прежде, чем присоединяться к компании людей для совершения столь интимного и исполненного почтительности действия, как спиритический сеанс, необходимо выяснить, каков их нравственный облик.

В ясновидении также бывают неожиданные и необъяснимые срывы и разочарования. Я долгое время следил за работой одной женщины, профессионального медиума. Её результаты обычно бывали столь неординарно хороши, что в благоприятной обстановке она полностью называла имена и фамилии умерших, а контрольные сообщения, передаваемые ею, изобиловали убедительными подробностями. И всё же среди серий великолепных результатов я время от времени встречал и откровенные неудачи, когда она ошибалась даже по существу. Как это объяснить? Мы можем только отметить, что условия оказались явно неблагоприятными, но почему и как – неясно. Решение этой проблемы остаётся за будущим. Предмет этот глубокий и в высшей степени сложный, независимо от той лёгкости, с которой справляется с ним школа критиков, вешающая на него ярлык «смехотворной нелепости».

Сейчас, когда я пишу это, я смотрю на ряды книг, лежащих слева на моём столе, – девяносто шесть внушительных томов, многие из них с моими пометками и основательно залистаны. И всё-таки я понимаю, что я всего лишь дитя, которое, стоя на берегу бескрайнего океана, по щиколотку погрузило ногу в его воды. Но я, по крайней мере, очень ясно сознаю, что этот океан существует и что тот край суши, на котором я стою, есть часть его, и с этого пологого берега человечеству судьбой предназначено медленно погружаться в океанские глубины.

В следующей главе я постараюсь показать, какова цель Создателя, явившего это поразительное откровение новых разумных сил, действующих на нашей планете. Именно такой взгляд на

вопрос должен объяснить, почему это движение, столь долго бывшее предметом насмешек, является крайне важным этапом за всю историю развития человечества, настолько важным, что если бы заслуга открытия его и возвещения миру принадлежала одному человеку, то его, как первооткрывателя новых миров, надлежало бы поставить впереди Христофора Колумба; впереди апостола Павла, как учителя новых религиозных истин, и впереди Исаака Ньютона, как исследователя законов Вселенной.

Но прежде, чем перейти к этой теме, нужно в должной мере учесть ещё одно обстоятельство, которое обычно не принимают в расчёт.

Различия между религиозными сектами – пустяк в сравнении с великой извечной дуэлью между материализмом и духовным пониманием Вселенной. Настоящая битва происходит именно здесь. В этой битве Церкви являлись признанными выразительницами антиматериального взгляда, но они делали это столь невразумительно, всё время ставили себя в столь ложные положения, что в результате постоянно терпели поражения. Со времён Юма, Вольтера и Гиббона битва медленно, но неуклонно складывается в пользу атакующей материалистической стороны. Затем явился Дарвин и со всеми атрибутами очевидности показал, что *падения человека* никогда не было, что он, напротив, всё время *поднимался*. Это нанесло сокрушительный удар по богословской философии, и глупо отрицать это. Затем появилась школа так называемого «высокого критицизма» и указала на возможность новых трещин и щелей в самых основаниях церковного миропонимания. Всё это время Церкви уступали одну пядь своей земли за другой, и каждое их отступление давало противнику место для строительства нового плацдарма и продолжения атаки. Дело зашло настолько далеко, что в настоящее время весьма значительная часть людей в нашей стране, богатых и бедных, утратила всякое сочувствие не только к Церкви, но и к духовному миропониманию в целом. И вот в эту битву вступаем мы, спириты, вооружённые своим положительным знанием и действенными доказательствами – союзник настолько сильный, что мы способны изменить ход всего сражения и раз и навсегда покончить с материализмом. Мы прямо говорим материалистам: «Мы готовы схватиться с вами на вашей же почве и показать понятными вам материальными средствами и научными опытами, что душа и личность переживают смерть тела». Это и есть цель психической науки, и она ею полностью достигнута. Изучайте,

понимайте, пропагандируйте наши знания – и материализм обречён, с ним будет покончено.

И однако это движение, движение Новейшего Спиритуализма встречают улюлюканьем и поношением в Риме, в Кентербери и даже в Литтл-Бетеле; впервые все трое выступают дружным хором и призывают в свои ряды таких странных союзников, как учёные-агностики и воинствующие атеисты. Отец Воган и епископ Лондонский, преподобный Ф.Б.Мейер и мистер Клодд, «Чёрч таймс» и «Фрифинкер» объединились на поле брани, хотя боевые кличи их совершенно несхожи: одни кричат, что Спиритизм от дьявола, тогда как другим не менее нашего ясно, что такого персонажа на свете вовсе не существует.

Сопrotивление материалистов вполне понятно: если человек провёл всю жизнь, говоря «нет» всем потусторонним силам, то он попадает в поистине жалкое положение, когда после стольких лет оказывается вынужден признать, что вся его философия построена на песке и что с самого начала «да» было единственно правильным ответом. Но что касается религиозных корпораций, то какими словами выразить их глупость и утрату ими чувства реальности, если оне не ринутся навстречу своему величайшему за всю историю союзнику, который вступил в сражение, дабы, переломя его ход, превратить их неизбежное поражение в замечательную победу?

Теперь пришло время рассмотреть, какие дары приносит с собой названный союзник и на каких условиях он готов заключить этот союз.

* * *

Глава Третья

НЕОПРОВЕРЖИМЫЙ ДОВОД

Физическим основанием всякой психической веры является то, что душа представляет собой полное подобие тела, подходящего на неё в мельчайших деталях, хотя и построенного из гораздо более плотного материала. В обычных условиях оба этих тела настолько переплетены, что присутствие более тонкого из них вовсе не замечается. Однако при смерти (а при наличии определённых условий и при жизни) эти тела разделяются и могут быть увидены по отдельности. Смерть отличается от условий отделения тонкого тела при жизни лишь тем, что между двумя телами происходит полный разрыв и жизнь полностью переносится в более лёгкое тело, тогда как более грубое, подобно кокону, который скинула с себя находившаяся в нём личинка, распадается и исчезает. Вот только мир человеческий, с большой торжественностью погребая кокон, мало, увы, заботится о том, что случилось с пребывавшей в нём более благородной частью. По мнению многих, наука не признаёт этого положения, и потому утверждать его, с чьей бы то ни было стороны, было бы чистейшим догматизмом. Действительно, наука, которая не изучила фактов, не признаёт этого положения, но мнение такой науки, безусловно, не имеет никакого значения, или уж во всяком случае обладает куда меньшим весом, нежели мнение тех, кто психические явления изучал. Настоящая наука – та, которая изучила факты, она – единственный значимый авторитет, а мнение её представителей по данному вопросу практически единодушно.

Я лично не раз обращался к одному из крупнейших лидеров современной науки с просьбой хотя бы бегло ознакомиться с фактами, но всё напрасно. Сэр Вильям Крукс в своё время обращался к сэру Джорджу Стоксу, секретарю Королевского научного общества, одному из самых непримиримых противников движения, предлагая ему посетить свою лабораторию и увидеть психические силы за работой, но учёный секретарь не удостоил его ответом. Спрашивается, каким весом может обладать такого рода наука? Она олицетворяет те же самые теологические предрассудки, из-за которых церковники, современники Галилея, отказывались взглянуть в телескоп, к которому приглашал их великий астроном.

Можно привести имена пятидесяти профессоров, преподающих в крупнейших университетах, которые рассмотрели и признали эти факты. В этом списке значились бы многие величайшие умы мировой науки нашего времени: Фламарион и Ломброзо, Шарль Рише и Рассел Уоллес, Вилли Рейхель, Мейерс, Цолльнер, Вильям Джеймс, Лодж и Крукс. Таким образом, факты *были* признаны той наукой, которая одна имеет право выражать мнение. За тридцать лет работы на ниве Спиритизма мне ни разу не встретился хотя бы один учёный, который бы, тщательно изучив этот предмет, в конце концов не принял объяснение, даваемое ему Спиритизмом. Такие учёные, может, и существуют, но я ещё раз говорю, что никогда о них не слышал.

Давайте же с доверием отнесёмся к вопросу о «духовном теле», если использовать выражение Святого Павла, ставшее классическим. В написанном им много указаний на то, что он глубоко разбирался в психической природе человека, и одно из них – его точное определение природного и духовного тела в службе, которая для каждого христианина знаменует собой окончательное прощание с физической жизнью. Павел тщательно подобрал слова, и сказанное им свидетельствует, что человек состоит из физического тела и тела духовного. Говоря о «духовном теле», он подразумевает тело, содержащее душу и вместе с тем отдельное от обычного физического тела, что, как сейчас показала психическая наука, вполне соответствует действительности.

Когда человек примет гашиш или какой иной наркотик, у него нередко появляется ощущение, будто он стоит или витает возле собственного тела, которое он видит со стороны лежащим без признаков жизни на ложе. Также и после принятия некоторых анестезирующих средств, в частности веселящего газа, многие люди ощущают, как отделяются от тела и воспринимают окружающее в большом отдалении от него. Такое пережил и я, когда, лёжа без чувств в кресле дантиста, совершенно ясно увидел жену и детей, сидящих в кэбе. Когда человек теряет сознание или умирает и его организм находится в неустойчивом состоянии, он, как было удостоверено во многих случаях, может явиться другим людям, находящимся на значительном от него расстоянии. Случаи появления этих *призраков живых* были тщательно изучены и классифицированы Мейерсом и Гернеем, исчисляются многими сотнями. Некоторые люди утверждают, будто, отправляясь ко сну, они могут усилием воли послать своих двойников в любом направлении, и таким образом они посещают тех, кого хотят

видеть. Итак, существует огромное досье с фактами подобного рода – насколько оно велико, может оценить только тот, кто потратит годы на его прилежное изучение. Данное досье – ручательство тому, что это более тонкое, несущее в себе бесценные сокровища ума и духа тело существует и что оно оставило грубые расстроенные животные функции в своём более тяжёлом попутчике.

Г-н Функ, критический исследователь психических явлений, а также один из составителей нормативного американского словаря, рассказал свою историю, которая под стать сведениям из других, не менее компетентных источников. Он говорит об одном своём знакомом, докторе-американце, ручаясь за правдивость всего инцидента. Этот доктор в ходе случившегося с ним во Флориде каталептического припадка осознал, что оставил своё тело, которое увидел со стороны лежащим на земле. Тем не менее он не утратил своего внешнего облика и личности. На ум ему пришла мысль о друге, находившемся весьма далеко от него, и доктор через какой-то незначительный промежуток времени оказался в комнате этого друга (чтобы покрыть это расстояние обычным способом, пришлось бы пересечь половину американского континента). Он увидел своего приятеля и понял, что тот также видит его. Затем доктор вернулся в свою комнату, встал возле своего бесчувственного тела и вступил в спор с самим собой о том, следует ли ему снова возвращаться в него или нет; в конце концов чувство долга возобладало, и он воссоединил обе своих оболочки и продолжил обычную жизнь. Его письмо к другу, объясняющее обстоятельства происшедшего, встретилось в пути с письмом последнего, в котором тот рассказывал, как неожиданно увидел его в своей комнате. История эта со всеми подробностями изложена в «Загадках психизма» г-на Функа.*

Я отказываюсь понимать, как может человек, знакомый со множеством подобных примеров, рассматривающих предмет под самыми различными углами зрения, не признавать, что действительно существует второе тело, наличие которого даёт, помимо прочего, объяснение всем как священным, так и светским историям о призраках, явлениях и видениях. А теперь обратимся к вопросу о том, что представляет собой это второе тело и как соотносится оно с современным религиозным Откровением?

Что оно представляет собой – вопрос трудный, и всё же, когда наука и воображение соединятся, как они и должны сделать,

* “Psychic Riddle” by Mr.Funk.

чтобы, по выражению Тиндаля, «направить луч света в неведомое», то они обретут достаточно силы, чтобы хотя бы смутно осветить то, что окончательно станет ясным по мере дальнейшего развития нашей расы. Наука доказала, что хотя эфир пронизывает собою всё, эфир, находящийся внутри предмета, отличается от эфира вне его. «Связанный» эфир – так назвали этот внутренний эфир Френель и другие учёные, чтобы показать его более плотную природу. Если же этот факт отнести к человеческому телу, то можно сказать, что при удалении из этого тела всех видимых частей в нём останется ещё его полная и тождественная форма, образованная из связанного эфира, отличного от эфира космического. Этот довод является гораздо более обоснованным, чем отвлечённое рассуждение, и он показывает, что даже душа может быть определена в понятиях материи и вовсе не представляет собой «вещество, из которого сотканы мечты».

Было показано, что в пользу существования этого второго тела свидетельствуют хорошо удостоверенные факты помимо психической религии, но для тех, кто исследовали эту религию, оно является центром всей системы. Тело это достаточно реально для того, чтобы быть воспринятым ясновидящими, услышанным яснослышающими и даже для того, чтобы быть запечатлённым на фотографической пластине. Относительно последнего феномена, о котором у меня было несколько весьма благоприятных возможностей составить своё мнение, я питаю сомнений не более, чем в отношении существования обычной фотографии. Астрономы уже доказали, что сверхчувствительная фотопластина гораздо более надёжный регистрирующий инструмент, нежели сетчатка человеческого глаза, и что при длительной экспозиции она может зафиксировать наличие звёзд, которых глаз никогда не видит. Судя по всему, мир духов настолько реально близок к нам, что самая незначительная помощь, расширяющая возможности нашего восприятия, при правильных условиях медиумизма оказывается достаточной, чтобы устранить всю разницу. Так, фотографическая пластина, вместо глаза, может привести лицо дорогого нам человека в видимый спектр в то время, как труба, действующая в качестве мегафона, может воспроизвести знакомый голос в случаях, когда шёпот духов без механической поддержки оставался бы неслышим. Звуковой феномен может достичь такой силы, что в одном зарегистрированном мною случае собака, услышав голос умершего хозяина, пришла в столь сильное возбуждение, что порвала цепь и оставила глубокие царапины

на внешней стороне двери комнаты, где проходил сеанс, в попытках ворваться в закрытое помещение.

Итак, мы сказали достаточно много о духовном теле, отметив, что его присутствие отрицается лишь представителями одной-единственной системы взглядов. А теперь обратимся к тому, что происходит в момент смерти в соответствии с наблюдениями ясновидцев, с одной стороны, и согласно посмертным рассказам самих умерших, с другой. Наличие подобного параллельного подтверждения при согласовании деталей картины даёт основания считать полученные сведения истиной.

При безболезненном и естественном процессе умирания более лёгкое тело высвобождается из более тяжёлого и медленно выходит из него, пока не окажется целиком рядом с ним. Оно сохраняет за собой тот же ум, те же эмоции, те же очертания, что и тело, лежащее на смертном одре, воспринимает всех присутствующих рядом, но не имеет возможности дать им знать о себе, за исключением тех случаев, когда среди них оказывается человек, обладающий более тонким духовным зрением – ясновидящий. Как, спросим мы, более тонкое тело может видеть без естественных органов зрения? А как жертва гашиша видит своё бесчувственное тело со стороны? Как доктор из Флориды увидел своего друга? Духовное тело имеет свои способности к восприятию, которые дают ему такую возможность. Больше этого мы ничего сказать не в состоянии. Ясновидящему новый дух видится как туманная фигура. Зрению обыкновенного человека он недоступен. Другому духу он, без сомнения, представляется нормальным и вещественным, как мы представляемся вещественными друг другу. Есть указания на то, что со временем духовное тело становится более тонким, а это значит, что к материальному оно ближе всего в момент смерти или сразу вслед за нею, чем по прошествии ряда месяцев или лет. Стало быть, появления умерших наиболее зримы и чаще всего наблюдаются во время смерти; именно поэтому упомянутый доктор в состоянии каталепсии и был увиден и признан своим другом. Молекулы его эфира, если позволительно так сказать, всё ещё были обременены той материей, от которой они только что отделились.

Что происходит с духовным телом, этой драгоценной ладьёй, несущей в себе нашу суть в плавании по неизведанным морям, после отделения его от более грубой материи? Очень много сообщений, устных и письменных, дошло до нас, в которых подробнейшим образом

описываются переживания и впечатления людей в мгновение смерти и сразу же вслед за ним. Устные сообщения поступают от трансовых медиумов, органы речи которых в течение сеанса оказываются под контролем потусторонних умов. Сообщения, автоматически написанные, получаются в результате аналогичного воздействия на пишущую функцию человеческого тела. При этих словах критик закономерно и вполне разумно возразит: «Какая чепуха! Как вы можете проверить это утверждение медиума, если он сознательно или бессознательно претендует на водительство извне?». Это здоровый скептицизм, и им должен руководствоваться всякий экспериментатор, исследующий нового медиума. Доказательства должны содержаться в самом сообщении. Если их в нём нет, то мы, как правило, должны принять более естественное объяснение, нежели то, которое требует очень многих допущений.

Но на самом деле эти доказательства в сообщениях неизменно присутствуют, причём в столь очевидных формах, что никто не может отрицать их. Есть один профессиональный медиум, к которому я направил многих матерей, нуждавшихся в утешении. Я всегда прошу своих подопечных сообщать мне о результатах их визитов, и вот их письма, полные удивления и выражений благодарности, лежат сейчас передо мной.

«Благодарю Вас за этот прекрасный и интересный опыт. Медиум не сделала ни единой ошибки, называя их имена, и всё, что она сказала, было правильно». В этом случае между мужем и женой была размолвка перед смертью мужа, но медиум смогла без подсказок объяснить и прояснить всё дело, правильно сообщив реальные обстоятельства, имена всех затронутых лиц и указав причины неприбытия известных писем, что и послужило причиной размолвки. Следующий пример также касается мужа и жены, только в данном случае в живых остался муж. Он пишет: «Сеанс был как нельзя более успешным. Среди прочего я сказал фразу своей жене по-датски (она по происхождению датчанка) и сразу же – без малейшего колебания со стороны медиума – получил ответ на неё по-английски». В следующем случае человек лишился очень близкого друга, он пишет: «С миссис Б. у меня были сегодня самые изумительные результаты. Я не могу найти слов, чтобы выразить радость, которую я испытал. Примите мою самую горячую благодарность за оказанную Вами помощь». Следующий говорит: «Миссис Б. была просто восхитительна. Если бы только больше

людей могло узнать, каких страданий они в состоянии избежать благодаря содействию настоящего медиума!». В данном случае жена вступила в контакт с мужем, и медиум правильно назвала пятерых умерших родственников, бывших в компании с мужем. Следующий случай касается матери и сына. «Я виделась сегодня с миссис Б. и добилась самых удивительных результатов. Она почти всё сказала мне совершенно правильно – ошибок очень мало». Следующее письмо аналогично: «Всё прошло вполне успешно. Мой мальчик даже напомнил кое о чём, что знали только он и я». Другая говорит: «Мой мальчик напомнил о дне, когда он посеял на газоне семена репы. Об этом мог знать только он».*

Таковы типичные образцы писем, которых у меня большое количество. Они написаны людьми, которые живут среди миллионов других людей в Лондоне или в провинции и о делах которых у медиума не было ни малейшей возможности получить информацию обычным путём. Среди весьма многочисленных клиентов, которых я направил к этому медиуму, было крайне мало таких, чьё обращение закончилось полной неудачей. Когда я сообщил о своих результатах сэру Оливеру Лоджу, он заметил, что его собственный опыт с другим медиумом был почти идентичен. Не преувеличение сказать, что наша британская телефонная сеть, вероятно, дала бы куда больший процент ошибочных звонков. Что может любой критик Спиритизма противопоставить этим фактам, кроме их игнорирования или искажения? Вообще говоря, здоровый скептицизм является основой всякого точного наблюдения, но постепенно наступает время, когда дальнейшее неверие начинает означать либо преступное невежество, либо обычную глупость. Так вот, в области спиритических исследований и общения с духами это время давно пришло.

В моём собственном случае медиум правильно назвала девичью фамилию дамы, которая умерла в нашем доме, передала несколько весьма характерных посланий от неё, очень точно описала двух единственных собак, которых мы когда-то держали, и в конце концов сказала, что у одного молодого офицера сейчас в руке золотая монета, по которой я могу без труда его узнать. На войне я потерял шурина, военного врача; в своё время в качестве первого гонорара я дал ему гинею, которую он всегда носил с собой на цепочке. Это обстоятельство было известно лишь двум-трём близким родственникам; таким образом, тест выглядел

* Продолжение см. в **Приложении, раздел IV. (Й.Р.)**

вполне убедительно. Медиум не делала ошибочных утверждений, хотя некоторые и были несколько неопределёнными. После того, как я заявил о подлинности способностей этого медиума, несколько журналистов попытались провести с ней контрольные сеансы, а надо сказать, что контрольный сеанс в большинстве случаев начинается с нарушения психических условий, из-за чего достижение положительного результата невероятно затрудняется. Тем не менее один из журналистов – г-н Улисс Роджерс – добился весьма положительного результата. Другой же, посланный газетой «Труф», потерпел полную неудачу. Необходимо понять, что эти силы действуют не из медиума, а через его посредство, и что они выказывают весьма мало сочувствия к проницательному журналисту, стремящемуся получить лишь умный ответ; к матери же, потерявшей сына и всем исстрадавшимся сердцем молящейся о том, чтобы ей был дан знак, свидетельствующий, что её любимое дитя не навсегда покинуло её, у них совершенно другое чувство. Теперь, когда этот факт понят нами, равно как и то, что приказные методы с нашей стороны могут вызвать у обитателей мира иного лишь улыбку сожаленья, мы постараемся найти более разумный способ подвергнуть духовные явления нашему контролю.*

На этих результатах, которые могут быть подтверждены и другими медиумами, я остановился, чтобы показать: у нас есть твёрдые и основательные причины говорить, что устные послания поступают не от самих медиумов. Читая «Психические исследования» Артура Хилла,** можно найти даже ещё более убедительные случаи. Говоря о письменных сообщениях, я уже упоминал «Врата Памяти», но имеется огромная масса материала, доказывающего, что, несмотря на ошибки и неудачи, действительно существует канал связи, порой уклончивый и прерывистый, но не имеющий никакого отношения к случаям совпадения и обмана. Именно этими способами мы обычно получаем психические сообщения, хотя вертящиеся столы, аспидные доски и предметы, которые могут быть приведены в движение действием животно-магнитной силы, о чём мы уже говорили достаточно прежде, равно могут служить той же цели. Зачастую устно или письменно передаются сведения, которые не могли быть известны никому из заинтересованных лиц. Г-н Уилкинсон сообщает подробности случая, когда его погибший сын обратил внимание на тот факт, что среди

* См. Приложение, раздел IV. (А.К.Д.)

** “Psychical Investigations” by Arthur Hill.

его имущества не заметили одну редкую вещь – монету, погнутую пулей, каковая и была найдена после данного указания. Сэр Вильям Баррэт рассказал, что один молодой офицер в посмертном послании сообщил о своём решении подарить другу перламутровую булавку. Никто не знал о существовании этой булавки, но когда её начали искать, то нашли среди его вещей. О смерти сэра Хью Лэйна было сообщено на приватном сеансе в Дублине задолго до того, как были опубликованы подробности гибели «Лузитании».* В то утро на сеансе в нашем маленьком кружке мы получили сообщение: «Это ужасно, ужасно и сильно повлияет на исход всей войны», между тем как в то время мы были вполне уверены, что катастрофа не повлекла за собой значительных человеческих жертв. Таких примеров очень много, и они приводятся здесь, единственно чтобы показать, сколь бессмысленно искать причину этих посланий в телепатии. Лишь одно-единственное объяснение может охватить собой все факты: послания эти суть то, чем они являются по словам их авторов, т.е. послания умерших, заключённых в оболочку духовного тела, причём это тело ясновидящие не раз видели встающим со смертного одра, исследователи спиритических явлений его не раз фотографировали, указания на него имеются в религиях всех эпох, и это же тело при благоприятных обстоятельствах снова материализуется, приобретая временную осязаемость и твёрдость, что позволяет ему ходить по земле или в комнате и разговаривать как обычный смертный независимо от того, было ли это две тысячи лет назад в Иерусалиме или в лаборатории г-на Крукса на Морнингтон-роуд в Лондоне.

Давайте на мгновение остановимся на фактах, удостоверенных Круксом. Они описаны им в небольшой книге, которая, к сожалению, не столь общедоступна, как следовало бы.** В ходе этих поразительных экспериментов, продолжавшихся в течение ряда лет, мисс Флорри Кук, девушка 16-18 лет, неизменно находилась в кабинете профессора Крукса, смежном сеголабораторией. Зрители собирались в лаборатории, которая была отделена от кабинета занавесом, задрёрнутым таким

* Касательно двух последних случаев читатель может найти все детали в «Голосах из пустоты» (“Voices from the Void”), книге г-жи Трэверс-Смит, в которой приводится ряд хорошо удостоверенных фактов этого рода. (А.К.Д.)

** Речь, повидимому, идёт о книге “Psychic Force and Modern Spiritualism” by Sir William Crookes, New York, 1871. Следует назвать также и другую работу Вильяма Крукса, посвящённую данному предмету: “Researches in the Phenomena of Spiritualism”, 1874.

образом, что в нём оставалось небольшое отверстие, через которое была видна медиум, лежащая в бессознательном состоянии на диване. Дверь лаборатории была закрыта изнутри на замок. По прошествии непродолжительного времени через это отверстие в комнату входила дама, наружностью своей ни в чём не походившая на мисс Кук. Она сообщила при первом появлении, что при жизни её звали Кэти Кинг, заявив, что она – материализовавшийся дух, миссией коего было «нести смертным знания о бессмертии».

Всё в ней отличалось большой красотой: лицо, стать и манеры. Она была на четыре с половиной дюйма выше, чем мисс Кук; блондинка, тогда как медиум была брюнеткой и настолько отличалась от неё, насколько только одна женщина может отличаться от другой. Пульс незнакомки был значительно медленнее. В течение сеанса она была единственной из компании, кто ходил по комнате, обращаясь к каждому из присутствующих лиц со словами. Она не возражала против того, чтобы её фотографировали и проводили с ней всевозможные эксперименты.* Было сделано сорок восемь снимков с ней – более или менее удачных. В некоторых случаях её видели вместе с медиумом. В конце концов однажды она простилась со всеми, сказав, что её миссия на этом закончилась и что теперь её ждут другие дела. Когда она окончательно исчезла, то вместе с ней должен был бы исчезнуть и материализм, придай человечество этим фактам подобающее значение.

Так что же честный, беспристрастный исследователь может возразить против такой истории, как эта? И, заметьте, это лишь одна история среди множества других, хотя мы в данную минуту сосредоточимся только на ней. Был ли профессор Крукс лжецом и клятвопреступником? Но ведь при его опытах присутствовали и свидетели, иногда число их на сеансе достигало восьми человек. И есть фотографии, на многих из них видна также мисс Кук, из чего нетрудно заключить, что обе женщины насколько одна на другую не похожи. Или Крукс был добросовестен, но впал в заблуждение? Но можно ли

* По данному поводу Леон Дени в своей книге «После Смерти» писал: «Вечерами, в течение ряда месяцев, перед глазами исследователей появлялся дух молодой и милостивой женщины по имени Кэти Кинг, который приобретал на некоторое время все качества и свойства человеческого тела, наделённого органами и способностью ощущения, беседовал с Круксом, его супругой и со всеми присутствующими, позволял проводить с собою все необходимые опыты, давал до себя дотронуться, себя аускультировать и фотографировать, после чего эта дама растворялась в воздухе, как лёгкий туман». (Примеч.И.Р.)

вообразить такое? Прочтите его изложение и посмотрите, можете ли вы найти какое-то другое решение, не подтверждающее, что всё это – абсолютная правда. Если человек в состоянии прочитать взвешенный, осторожный отчёт Крукса и всё-таки остаться неубеждённым, тогда, определённо, его ум устроен не по законам человеческой логики.*

В конце концов, спросите себя, имела ли какая другая религия в мире такое доказательство своей абсолютной истинности, которое имеет в данном случае Спиритизм в опытах Крукса? Разве церковные ортодоксы не в состоянии видеть, что вместо того, чтобы оспаривать подлинность этой истории или говорить нелепости о демонах, им следует приветствовать то, что по существу является окончательным ответом материализму – их единственному и опасному врагу. Сейчас, когда я пишу, мой взгляд падает на лежащее у меня на столе письмо одного молодого офицера, который утратил всякую веру в бессмертие души и сделался абсолютным материалистом. «Я стал бояться возвращения домой, потому что не выношу лицемерия и прекрасно понимал, что моя позиция глубоко огорчит некоторых членов моей семьи. Ваша книга принесла мне невыразимое утешение, и я могу теперь с доверием и радостью смотреть в будущее». Точно ли это плоды от древа Дьяволова? Вы-то как думаете, критик-ортодокс, или, может быть, всё-таки рискнёте посмотреть правде в глаза?

Вступив таким образом в контакт с дорогими нам умершими, мы, естественно, начинаем спрашивать их, как обстоят их дела и каковы условия их существования. Это вопрос чрезвычайной жизненной важности, ибо не приходится сомневаться, что то, что вчера случилось с ними, завтра произойдёт и с нами. И тут их ответ переполняет нас величайшей радостью. В Новом Откровении человечеству нет ничего важнее этого. Оно отменяет все ужасные страхи и домыслы, основанием которых является больное воображение и неистовая восточная фразеология. Мы приходим к тому, что здраво, к тому, что исполнено меры, к тому, что разумно, нам открываются бесконечность эволюции и Благодать Божья. И не было на свете больших сознательных

* Данный выпад, в частности, может быть адресован и Ф.Энгельсу, который по поводу опытов Крукса сделал вполне партийные, но совершенно несообразные, алогичные выводы. Его суждения по вопросу о Спиритизме, написанные именно в связи с опытами Крукса, в советские времена стали классикой, казённым советским философам виделось, что в них проблема Спиритизма решена раз и навсегда, а фраза о «самом диком из всех суеверий» при всей её нелепости сделалась крылатой. (И.Р.)

богохульников, которые бы так глубоко оскорбляли Божество, чем те экстремисты (независимо от того, были ли они кальвинистами, католиками, [православными, – *И.Р.*], англиканцами или иудеями), которые своим искажённым умом рисовали неумолимого истязателя в качестве Управителя Вселенной!

Истинность того, что нам сообщается о потусторонней жизни, по самой своей природе никогда не может быть установлена абсолютным образом. Тем не менее, она гораздо ближе к степени полной доказанности, чем у любого предшествующего ей религиозного откровения. Налицо неоспоримый факт, что эти отчёты смешаны с другими, касающимися нашей нынешней жизни, которые зачастую оказываются абсолютно верными. Если дух в состоянии сообщить нам истину о нашем мире, то трудно предположить, что он находится в полном заблуждении по поводу своего собственного. И, кроме того, есть большое взаимное сходство в отчётах такого рода, хотя происходить они могут от людей весьма далёких друг от друга. Таким образом, хотя они и не являются – если использовать современный жаргон – *вполне достоверными*, тем не менее они удовлетворяют всем требованиям правдивости. Целый ряд книг, привлёкших к себе куда меньше внимания, чем оне того заслуживают, дают описание будущей жизни со всевозможными подробностями. Таких книг не найти в привокзальных киосках или в обычных библиотеках, но сам факт их регулярного переиздания говорит о том, что есть гораздо более глубокая читающая публика, которая достаёт то, чего хочет, вопреки всем искусственным препятствиям.

Просматривая список прочитанных мною книг, я нахожу, наряду с дюжиной очень интересных и подробных рукописных отчётов, такие опубликованные сообщения, как «Книга Клода», исходящая, как в ней указано, от молодого британского авиатора; «Живёт твой сын» – от американского солдата; «Рядовой Даудинг»; «Рэймонд» – от британского солдата; «Погибают ли мысли?» (содержит сообщения нескольких британских солдат и других лиц); «И был мне Голос», где всем известный королевский адвокат при посредстве медиумизма своих двух молодых дочерей приводит очень полное описание жизни в загробном мире; «После Смерти» с рассказами об экспериментах знаменитой Джулии Эймс; «The Seven Purposes» – от американского журналиста и многие другие. Все эти книги весьма разнятся в литературном отношении, совсем не одинакова и сила оказываемого ими воздействия,

однако непредубеждённый ум, знакомясь с ними, сразу же обратит внимание на общее сходство столь различных отчётов в отношении условий жизни в духе. Анализ обстоятельств указывает нам на то, что некоторые из этих книг вышли из печати в одно и то же время, а это исключает возможность того, чтобы одне из них послужили источником вдохновения для написания других. «Книга Клода» и «Живёт твой сын» появились почти одновременно по обе стороны Атлантики, что не мешает тесному параллелизму в описании потусторонней жизни. «Рэймонд» и «Погибают ли мысли?» также находились в печати в одно и то же время, но общая картина, даваемая ими, в точности та же самая. Разумеется, согласованность свидетельств надлежит здесь, как и в любом другом деле, принимать как доказательство их истинности. Различия же, как мне кажется, заключаются в попытках духов рассказать о своём собственном будущем – тема, касающаяся размышлений о перевоплощении и тому подобном; всё это кажется довольно туманным как для них, так и для нас. Такие различия появляются при попытках философского осмысления вопроса, где в зависимости от приверженности к той или иной системе взглядов снова начинают преобладать индивидуальные мнения.

Из всех этих отчётов наибольшего изучения заслуживает «Рэймонд». Причина этому в том, что данная книга была составлена из записей нескольких знаменитых медиумов, работавших независимо друг от друга, а затем её проверил и прокомментировал человек, который является не только одним из светил мировой науки и, по всей видимости, одним из передовых умов Европы, но и исследователем, накопившим уникальный опыт в реализации мер предосторожности, необходимых при наблюдении психических явлений. Великодушие и душевная мягкость, отличающие молодого солдата, оказавшегося по ту сторону завесы, его горячее желание рассказать о своём опыте также являются фактором, который вполне удовлетворит тех, кто уже убедились в возможности общения с умершими. По всем этим причинам книга эта является как нельзя более важным документом; поистине не будет преувеличением сказать, что она – одно из самых важных свидетельств в литературе последнего времени. Это, как я считаю, подлинный рассказ о жизни в потустороннем мире; нередко он гораздо более интересен косвенными свидетельствами и намёками, нежели прямыми утверждениями, хотя последние отмечены печатью абсолютной достоверности и искренности. Но подборка материала в определённом смысле неудачна. Сэр Оливер не всегда владеет даром

писать так, чтобы быть понятным обычным людям, и его более глубокие и тяжеловесные мысли преграждают путь ясным высказываниям его сына. В своём стремлении быть абсолютно точным, сэр Оливер воспроизвёл тот факт, что временами Рэймонд говорит напрямую, а порой контрольный дух сообщает слова Рэймонда, так что в одном и том же разделе повествование идёт то от первого, то от третьего лица, в результате чего человеку, который плохо разбирается в обсуждаемом предмете, оказывается чрезвычайно трудно уразуметь, о чём идёт речь. Я уверен, сэр Оливер не обидится, если я скажу, что, успокоив свою совесть выпуском данной книги, ему следует заняться её переработкой и выпустить новое издание, в котором не будет ничего, кроме слов самого Рэймонда и духов, его друзей. Такая книга, изданная по низкой цене, может, я думаю, оказать поразительное действие на умы и сердца людей и поднять новое Учение на ту высоту, которая указана ему Богом.

Здесь уже столько говорилось о медиумизме, что, может быть, стоит рассмотреть это любопытное явление несколько более пристально. Вопрос о медиумизме – что он собой представляет и каково его действие – является одним из самых загадочных во всей череде вопросов, которыми занимается наука. Уже много раз высказывалось недоумение: коли умершие живы, то почему мы слышим о них только через посредство людей, которые никоим образом не отмечены особыми дарами ума и нравственности и которым к тому же зачастую надо платить за их услуги? Это вполне убедительный и достойный внимания довод, и всё же, когда мы получаем телеграмму от брата из Австралии, мы не говорим: «Экая странность, что Том не связался со мной напрямую, а что для этого на телеграфе потребовалось присутствие сего необразованного малого!». Медиум поистине является пассивной машиной, телеграфным служащим и телетайпом одновременно. Собственно от него не исходит ни одного послания, но все они поступают через его посредство. Почему медиум больше, чем кто-либо другой, обладает способностью осуществлять данный процесс – очень интересная проблема. Эту способность лучше всего определить как свойство его организма предоставлять энергии своего тела, физические и ментальные, в распоряжение внешнего влияния. В высших формах медиумизма происходит временное угасание личности медиума и замещение её другой личностью; обычно это бывает так называемый *контрольный дух*. В этих случаях медиум может полностью лишиться сознания, а может и сохранить его и испытывать

ощущения, находясь за пределами своего физического тела, в то время как его телесное жилище оказывается занято временным обитателем. Либо медиум может сохранять сознание, но при этом его зрение и слух настраиваются на более высокую волну, чем у обычного человека, и тогда он оказывается в состоянии видеть и слышать то, что находится за пределами наших органов чувств.* Или же при пишущем медиумизме, называемом обыкновенно «автоматическим письмом», под контролем духов находятся моторные центры мозга, управляющие нервами и мышцами руки, тогда как все прочие части организма медиума остаются в нормальном состоянии. Либо же медиумизм может принять более материальную форму выделения странной белой, неустойчивой тестообразной субстанции, называемой эктоплазмой, которая множество раз была сфотографирована исследователями-учёными на разных стадиях её образования и которая, повидимому, обладает имманентным [неотъемлемым] свойством принимать форму человеческого тела либо его частей, начав с расплывчатой массы и приобретая в конце концов совершенное сходство с человеческими членами. Либо эктоплазма (которая, являясь, повидимому, эманацией медиума до такой степени, что независимо от своего веса остаётся частью его субстанции) может быть использована в качестве стержней или рычагов для передвижения предметов или поднятия тяжестей. Мой друг, суждению и искренности которого я абсолютно доверяю, присутствовал на одном из опытов д-ра Кроуфорда с Кэтлин Голайер, которая, надо заметить, не является платным медиумом. Мой друг дотронулся до энергетического столба, образованного действием медиума, и обнаружил, что его можно ощутить рукой, хотя он и не виден глазом. По всей видимости, мы соприкасаемся здесь с какой-то совершенно новой формой материи и энергии. Нам мало известно о свойствах этой необыкновенной субстанции, за исключением того, что в своей материализованной форме она, как кажется, чрезвычайно чувствительна к действию света. Построенная из неё фигура, когда она отделяется от медиума, растворяется в свете гораздо быстрее, чем

* Здесь Конан-Дойль предельно ясно объясняет суть ясновидения и яснослышания – двух способностей чувственного восприятия, которые отличают наделённых ими медиумов от обычных смертных. По сути дела такого рода зрение и слух полностью соответствуют зрению и слуху, каковыми обладают развоплощённые души. Зная это, нетрудно понять смысл древнеиндийского изречения: «На самом деле смерть не разрушает человека, она лишь делает его невидимым». (И.Р.)

снеговик под действием тропического солнца, в результате чего на двух фотографиях, сделанных со вспышкой одна за другой, можно будет увидеть совершенную человеческую фигуру на первой и аморфную массу на второй.

Когда же не отделившаяся от медиума эктоплазма подвергается внезапному воздействию света, то она с огромной силой устремляется назад. Несмотря на насмешки скептиков, вполне удостоверен факт, что некоторые медиумы получили сильные повреждения из-за отката эктоплазмы после того, как самозванные контролёры неожиданно зажигали свет. В своих недавних опытах профессор Жэле описывает, как эктоплазма появляется на чёрном платье медиума, выступая на нём словно иней, затем соединяется в длинное полотно белой субстанции, медленно опускающееся вниз, пока не составит перед медиумом своего рода фартук.* Этот процесс он проиллюстрировал исчерпывающей по своей длительности серией фотографий.

Это лишь некоторые из свойств медиумизма. Есть ещё столь красивое явление, как производство огней, и более редкое, хотя и более ценное как средство доказательства, производство спиритической фотографии. Сам факт, что полученный снимок ни в коей мере не соответствует фотографиям человека, сделанным при жизни, должен заставить умолкнуть насмешников, хотя есть такая порода фанатических скептиков, которые не перестали бы зубоскалить, даже если бы к нам спустился архангел и протрубил на Трафальгар-сквер. Г-н Хоуп и г-жа Бакстон, из Кру, довели этот род медиумизма до высшей степени совершенства, хотя и многие другие работают в том же направлении. Правда, надо отметить, что в некоторых случаях оказывается трудно определить, кто именно является медиумом в групповой фотографии. Достаточно вспомнить групповое фото одной семьи, снятое обычным образом в одной хорошо известной государственной школе и присланное мне фотографом-профессионалом: младший сын, который умер, проявился на снимке, сидя между двумя своими братьями.

Что касается личностных качеств медиумов, то они представляются мне как очень средние образцы человеческой породы, не имеющие особой склонности ни к добру, ни к пороку. Я знаю очень многих медиумов, и мне ни разу не встретилось ничего хотя бы отдалённо

* Касательно опытов профессора Жэле см. в **Приложении, раздел I**. (А.К.Д.)

напоминающего «Густую грязь» («Sludge»), стихотворение, которое Браунингу было извинительно написать в каком-нибудь пароксизме домашней ссоры, но каковое совершенно непросительно публиковать вновь и вновь после того, как было признано, что оно представляет собой нелепый вымысел, а сам предмет изложения явно надуман. Наши критики нередко используют слово «медиум», как если бы речь необходимо шла о *профессионале*, а между тем каждый исследователь спиритических явлений добился своих наилучших результатов как раз с помощью любителей. На двух самых продуманных и убедительных сеансах из всех, на которых мне когда-либо довелось ассистировать, медиумы – в обоих случаях это были люди весьма умеренного достатка – оказались решительно настроены против того, чтобы извлекать из своего дара прямую или косвенную выгоду, хотя вся процедура была связана для них с большой тратой физических сил. Я ни разу не слышал, чтобы священник какой-либо конфессии достиг такой степени альтруизма, да и неразумно было бы рассчитывать на это. Что касается профессиональных медиумов, то, например, г-н Ваут-Питерс, самый знаменитый из них, является страстным коллекционером старинных книг и авторитетом в вопросах английской драмы елизаветинской поры. Мистер Дикинсон, другой весьма примечательный распознаватель духов, правильно назвавший двадцати четверых из них кряду на двух сеансах в течение одного дня, работает портовым грузчиком. Томас, сильный медиум в деле производства физических явлений, работает шахтёром. Дикинсон – один из самых одарённых ясновидцев в Англии, хотя Том Тиррел, ткач, Аарон Уилкинсон и другие также добиваются поразительных результатов. Тиррел, неподражаемый типаж, напоминающий Св. Антония Падуанского, – настоящий святой во плоти, его обожают животные и дети; он – словно фигура, сошедшая со страниц церковной легенды.

Большинство медиумов относятся к своему дару очень серьёзно и видят свою работу в религиозном свете. Нет надобности отрицать, что они подвергаются специфическим соблазнам, ибо дар их – я постоянно это подчёркиваю – имеет прерывистый характер, и признать его временное отсутствие в том или ином случае значит для них обескуражить своих клиентов, что, несомненно, требует нравственной твёрдости, превышающей силы среднего человека. Другой соблазн, которому уступали некоторые великие медиумы, – пьянство. Оно приходит к ним вполне естественным путём, поскольку перенапряжение

медиумической способности оставляет человека в состоянии физической протрации, алкоголь же приносит желанное облегчение; искать прибежище в нём может стать в таком случае привычкой, и в конечном итоге – проклятием. Алкоголизм всегда ослабляет нравственное чувство, и такие переродившиеся медиумы оказываются гораздо более готовы пуститься в обман, в результате чего случается, что некоторые из них, заслужившие уважение и выдержавшие все нападки враждебного критицизма, на старости лет бывают разоблачены как недостойные обманщики.* Тысячу раз жаль, что такое может происходить, но если бы Архивная Палата раскрыла все свои секреты, то выяснилось бы, что пьянство и нравственное перерождение никоим образом не ограничиваются лишь одними медиумами. В то же время медиум обладает такой специфической чувствительностью, что ему, или ей, лучше в течение всей жизни придерживаться абсолютной трезвости, что впрочем многие из них и делают.

Что касается метода, которым они добиваются своих результатов, то у трансовых медиумов не остаётся об этом никаких воспоминаний, тогда как к нормальным ясновидящим и яснослышающим информация поступает различными путями. Зачастую это не более, чем сильное умственное впечатление, в результате которого даётся имя или называется адрес. Порой медиумы говорят, что читают буквы, которые видят написанными перед собой. Иногда духовные фигуры, повидимому, напрямую говорят с ними. «Они кричат это мне в уши», – сказал один медиум. Учитывая всё это, нам следует получать как можно больше отчётов из первых рук, лишь тогда мы сможем сформулировать законы, управляющие этими явлениями.

В предыдущей книге** автор уже указывал, хотя нелишне будет повторить это ещё раз, что каждому следует осторожно контролировать свои посещения сеансов, а сами сеансы должны проводиться с должным

* Конан-Дойль объясняет здесь механизм нравственной деградации некоторых медиумов, что позволяет теперь людям, изучающим сей предмет, не впадать в недоумение. Не секрет, что сёстры Фокс, с именем которых связано возникновение новейшего Спиритизма, также сделали горячими приверженицами Бахуса и в конце жизни позволяли себе заявления, порочащие дело, которому они положили столь блестящее начало. Даваемое Конан-Дойлем объяснение очень важно и само по себе, но человеку, стремящемуся самостоятельно разобраться в сложностях медиумических проявлений, оно позволяет понять, как могли произойти те прискорбные скандалы, которые в конце карьеры постигали многих ранее вполне заслуженных медиумов. (И.Р.)

** «Новое Откровение» (И.Р.)

уважением. Однажды убедившись в абсолютном существовании незримого мира и в его близости к нам, исследователь уже воспринял самое большее из того, что могут дать ему психические исследования, и отныне он может регулировать свою жизнь в соответствии с линиями, которые, как показало Учение из мира потустороннего, являются наилучшими. Совершенно правы наши критики, говоря, что непрерывное и продолжительное занятие делами мира иного может отвлекать внимание человека и ослаблять его силы как раз тогда, когда необходимо обратиться к нашим обязанностям в мире земном. Сеанс с целью удовлетворить любопытство или случайный интерес, безусловно, не может обладать возвышающим воздействием, и тот, кто организует эти сеансы, выступая в качестве торговца острыми ощущениями, может превратить это святое и достойное изумления дело в столь же низменное занятие, как и чрезмерное увлечение спиртным. С другой стороны, когда сеансы служат тому, чтобы сообщить нам об условиях существования тех, кого мы лишились, или дать утешение тем, кто страстно желают слова из мира потустороннего, тогда сеанс действительно становится благословенным даром Божиим, коим следует пользоваться с надлежащей умеренностью и благодарностью. Наши любимые имеют в том мире, в своём новом окружении, свои собственные приятные задачи и цели, и хотя они и уверяют нас, что всегда рады пожать нам руку, которую мы им протягиваем, мы всё же не должны неосмотрительно вторгаться в их жизненный уклад без разумных на то причин.

Несколько слов следует сказать и по поводу страха перед демонами и злыми духами – вопрос, который, очевидно, имеет большую важность в глазах некоторых критиков разбираемой проблемы. При более пристальном взгляде на это чувство, заботящее главным образом ретивых последователей Церкви, обнаруживается, что оно таит в себе нечто эгоистичное и трусливое. Указанные злонамеренные создания в действительности являются нашими братьями, отставшими, правда, от нас в развитии, но идущими к той же цели, что и мы. А задержались в развитии они, быть может, по причинам, связанным отчасти с земными условиями нашего существования. Наши сострадание и симпатия должны обратиться к ним, и если такие существа в самом деле проявятся на сеансе, то истинно христианское отношение к ним, на мой взгляд, будет состоять в том, чтобы увещевать их и молиться о них, дабы помочь в продвижении по их трудному пути. Те спириты,

которые отнеслись к ним таким именно образом, при последующих проявлениях могли заметить происшедший в них прогресс. В «Проблесках последующей жизни» адмирала Азборн-Мура** можно найти поразительные записи одного американского спиритического кружка, члены которого целиком посвятили себя миссионерской деятельности такого рода. Есть определённый смысл верить в то, что существуют формы несовершенного развития, которым можно в гораздо большей степени оказать помощь на земле, нежели путём чисто духовных влияний потустороннего мира – по той, может быть, причине, что эти существа гораздо ближе к земному уровню, нежели к духовному.

Недавно меня попросили оказать влияние на одну очень шумную сущность, которая посещала старый дом, в коем, как имелось сильное основание думать, когда-то произошло преступление. Несчастный дух назвал несколько имён, правильность которых подтвердилась, и дал описание чулана, о существовании которого прежде не подозревали и который после предпринятых поисков был найден. Завязав контакт с этим духом, я попытался образумить его и объяснить, сколь эгоистично с его стороны причинять страдания другим ради удовлетворения каких-то своих чувств мести, принесённых из земной жизни. Затем мы молились о его благополучии, призывали его подняться к более высоким помыслам и получили очень торжественное обещание, подтверждённое наклоном стола, что он исправится и перестанет докучать обитателям старого дома. Через некоторое время я получил от них удовлетворённые донесения о том, что дух сдержал слово, и теперь там всё спокойно.

Давайте же теперь рассмотрим, какова она, жизнь в потустороннем мире, в том виде, как показывает нам её Новое Откровение.

* * *

* “Glimpses of the Next State” by Admiral Usborne Moore.

Глава Четвёртая

МИР, НАС ОЖИДАЮЩИЙ

Коснёмся прежде всего посланий, в которых рассказывается о жизни после смерти и которые адресованы нам непосредственно теми, кто сейчас такой жизнью живут. Я уже настаивал на том факте, что эти послания предъявляют три весомых требования к нашей вере. Первое заключается в том, что они сопровождаются «знаками» в библейском смысле слова, т.е. что им сопутствуют явления в форме «чудес». Второе то, что во многих случаях в этих посланиях содержатся сведения о нашей жизни здесь, правильность которых подтверждается и узнать о которых медиумы никак не могли, если только мы не будем апеллировать к телепатии или бессознательной памяти. Третье состоит в том, что все послания независимо от источников, из коих они исходят, обнаруживают удивительное взаимное сходство. Следует отметить, что различия во мнениях в данном случае становятся наиболее заметны лишь тогда, когда наши потусторонние корреспонденты начинают говорить о своём будущем, каковое в равной мере может служить предметом предположений как для них, так и для нас. Так, по вопросу о реинкарнации налицо явное расхождение во взглядах, и хотя сам я придерживаюсь мнения, что совокупность имеющихся свидетельств говорит не в пользу этой восточной доктрины, остаётся тем не менее неопровержимым фактом, что она поддерживается некоторыми посланиями, во всех отношениях представляющихся нам подлинными, и потому по данному вопросу лучше всего оставить свой разум открытым.*

Прежде, чем перейти к содержанию посланий, я хотел бы подчеркнуть второй из этих трёх пунктов, дабы укрепить доверие читателя к подлинности сведений о фактах нашей земной жизни, сообщаемых нам оттуда. С этой целью я приведу развёрнутый пример, указав подлинные имена участников. В роли медиума выступил г-н Феникс из Глазго, с которым у меня имеется личный опыт проведения поразительных сеансов. Вызывателем явился г-н Эрнест Оутен, председатель Северного спиритического союза, человек истинной честности и испытанной точности суждения. Диалог, происходивший

* См. в этой связи наше примечание в «Новом Откровении» к «Дополнительным свидетельствам» в конце раздела I. (И.Р.)

при посредстве прямого звучания голоса в трубке, действовавшей как мегафон, выглядел следующим образом:

Голос: Добрый вечер, господин Оутен.

Г-н Оутен: Добрый вечер. Кто вы?

Голос: Меня зовут Милль. Вы знаете моего отца.

Г-н Оутен: Нет, я не припоминаю никого с таким именем.

Голос: Вы же разговаривали с ним вчера.

Г-н Оутен: Ах, да! Вспомнил. Я познакомился с ним случайно.

Голос: Я бы хотел, чтобы вы передали ему от меня послание.

Г-н Оутен: Какое же?

Голос: Скажите ему, что он не ошибся в полночь прошлым вторником.

Г-н Оутен: Очень хорошо. Я так и скажу ему. Вы давно перешли туда?

Голос: Не очень давно. Но наше время отличается от вашего.

Г-н Оутен: Кем вы были при жизни?

Голос: Военным врачом.

Г-н Оутен: Как вы погибли?

Голос: В результате взрыва на военном корабле во время войны.

Г-н Оутен: Передать что-нибудь ещё?

В ответ прозвучал мотив арии Азучены из «Трубадура», насвистанный весьма точно, после чего последовал известный фокстрот. Затем голос произнёс: «Это тест для отца».

Воспроизведение беседы, разумеется, не вполне дословное, но оно сжато передаёт суть. Г-н Оутен сразу же зашёл к г-ну Миллю-старшему, который не является спиритом, и каждая деталь, указанная на сеансе, подтвердилась. Молодой Милль погиб так, как было рассказано. Г-н Милль-старший объяснил, что, когда он в полночь в указанную дату сидел у себя в кабинете, то вдруг услышал мотив из «Трубадура», который так любил его сын, и поскольку он не смог установить происхождение музыки, то в конце концов решил, что она плод его воображения. Тест, связанный с фокстротом, служил указанием на мелодию, которую молодой человек имел обыкновение играть на флейте, но которая была столь стремительной, что ему никогда не удавалось сыграть её правильно, что было в семье предметом шуток.

Я так долго рассказываю эту историю, чтобы читатель мог понять, что когда Милль-младший и другие, подобные ему, дают столь убедительные доказательства точности, которые мы в состоянии проверить сами, то нам следует отнестись очень серьёзно к их утверждениям, касающимся жизни, коию они ведут теперь, – хотя сама природа таких отчётов позволяет нам проверять их, лишь сопоставляя один с другим.

Теперь позвольте мне вкратце изложить, в чём суть этих утверждений. Умершие говорят, что они в высшей степени счастливы и не желают возвращаться назад. Они среди друзей, которых они любили когда-то в земной жизни и затем потеряли; друзей, которые встретили их на пороге нового мира при их смерти, и вот теперь они продолжают свой жизненный путь вместе. У них весьма много самых разных занятий, близких им по духу. Мир, в котором они обретают себя после смерти здесь, очень похож на мир, покинутый ими, но всё в нём как бы настроено одной октавой выше, чем у нас. Мелодия играется на октаву выше, но ритм при этом остаётся прежним, соотношение нот также не изменилось, хотя общий итог оказывается другим; так и с переходом в мир иной. Каждая земная вещь имеет там свой эквивалент. Скептики потешались по поводу наличия в том мире спиртного и табака, но ведь если все вещи там воспроизводятся, то быть и этим. Если бы ими злоупотребляли, как здесь, то это было бы и впрямь дурным известием, но ни о чём подобном не сообщалось, и в послании Рэймонда, столь долго подвергавшемся всяческому пересудам, на их появление указывается не как на привычную практику, а скорее в юмористическом ключе; тем не менее, это может служить примером возможностей, имеющихся в потустороннем мире. Хотел бы я знать, нашёлся ли среди множества духовных особ, воспользовавшихся этим эпизодом, дабы атаковать собственно Новое Откровение, хоть один человек, который вспомнил бы о другом и единственном в своём роде примере, связывающем спиртное с потусторонней жизнью, – о словах самого Христа, когда он говорит: «Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего».

Однако данный вопрос не более, чем одна из многих деталей, а обсуждать детали в предмете столь огромном и столь плохо различимом – занятие всегда неблагодарное. Самая мудрая женщина, которую я знал, как-то сказала мне: «Там могут и вполне должны быть весьма удивительные вещи, потому что если бы факты той жизни были

сообщены нам прежде, чем мы вступим туда, мы бы никогда не смогли в них поверить». Самая простая идея о грядущей жизни заключается в том, что там получают развитие дары, коими мы обладаем уже сейчас. Есть там сфера деятельности для человека действия, интеллектуальная работа для мыслителя, художественная, литературная, драматическая и религиозная для тех, чья Богом данная сила направлена в эту сторону. Всё, что мы имеем в нашем мозгу и характере, мы уносим с собой туда. Никто не может быть настолько стар, чтобы ему не стоило учиться, потому что выученное он сохранит.

В том мире у любви нет физической стороны, как и нет деторождения, однако союз супругов, любящих друг друга, там более тесен, а говоря в общем, между полами существуют более глубокие дружба, симпатия и товарищество. Каждый мужчина или каждая женщина рано или поздно находят свою духовную «половину». Души детей вырастают до взрослого состояния, так что мать, потерявшая девочку двух лет от роду и умирающая двадцатью годами позже, находит взрослую дочь двадцати двух лет, дожидаящуюся её прихода. Старение, возникающее главным образом за счёт механического обызвествления наших артерий, исчезает, и каждый индивидуум достигает своего естественного роста и наружности, отмеченной совершенной мужественностью или женственностью. Пусть ни одна женщина не оплакивает свою утраченную красоту, и ни один мужчина – утраченную силу тела и ума. Всё это они вновь обретут по ту сторону завесы. Ибо нет там ни уродства, ни телесной немощи, всё сохраняет норму и достигает своего расцвета, своего наивысшего развития.

Прежде чем оставить этот раздел темы, я должен сказать ещё пару слов об облике эфирного тела. Это тело – само совершенство. Иначе не могло бы и быть в наши дни, когда такое множество наших героев было покалечено в войнах. Невозможно покалечить эфирное тело, любые увечья его физического спутника никак его не затрагивают. И первые слова, которые на недавнем сеансе д-ра Абрахама Уоллеса сказал один пришедший дать о себе весть дух, были: «У меня снова есть левая рука». Родимые пятна, уродства, слепота и прочие несовершенства никоим образом не являются постоянными и исчезают без следа в той счастливой жизни, что нас ожидает. Таково Учение из мира загробного: совершенное тело ожидает каждого.

«А как же, – скажет критик, – описания, данные ясновидящими, или вообще видения, когда можно было увидеть старика-отца, одетого

в старомодный наряд другой эпохи, или бабушку с кринолином и шиньоном? Это что, небесные одеяния?». Дело в том, что такие видения не являются самими духами, они лишь образы, проекции, которые создаются перед нами или направляются духами в наш мозг или мозг ясновидящего с целью облегчить узнавание. Отсюда седые волосы и отсюда же старый наряд. Когда действительно видят живого духа, он является в совершенно другом облике, облачённый в развевающиеся одежды – в таком виде традиционно описывали ангелов, – и он воспринимается как живое существо, которое своим цветом и плотностью недвусмысленно указывает на духовные условия своего существования, и, вероятно, его форма есть не что иное, как конденсация ауры, окружающей нас при земной жизни.

Это мир всеобщей симпатии. Лишь те, кто соединены её узами, встречаются там. Там нет ни мрачного мужа, ни ветреной жены, чтобы докучать невинному супругу. Всё лишь улада и покой. Жизнь в том мире – длительный и целительный отдых после нервного напряжения материальной жизни и в преддверии новых испытаний в будущем. Обстановка домашняя и интимная. Сообщества счастливых душ живут в уютных усадьбах со всей приятностью, какую доставляют музыка и красота. Восхитительные сады, прекрасные цветы, зелёные рощи, прелестные озёра, животные – домашние любимцы – всё до малейших подробностей описано в посланиях путешественников-первопроходцев, которые наконец смогли дать о себе весть тем, кто остался копошиться позади, в нашем старом поблекшем доме. Нет там ни бедных, ни богатых. Профессионал может продолжать заниматься там своим ремеслом, но занимается он только ради того удовлетворения, которое приносит хорошо выполняемая работа. Каждый служит сообществу по мере своих сил. Их навещают посланцы вышних сфер, кого в Священном Писании именуют *ангелами*, дабы направлять обитателей того мира и помогать им. Но надо всеми, наполняя пространство своей аурой, пребывает великий дух Христа – само средоточие разума, справедливости, сочувственного понимания, предметом предпочтительной заботы коего является планета Земля со всеми её мирами.

Это место духовной радости и веселья. Есть в том мире всевозможные виды игр и спорта, за исключением всего того, что может причинить боль низшим формам жизни. Пищи и питья в грубом смысле не существует, но, как кажется, там имеются удовольствия вкуса, и это отличие порождает неясность, не дающую толком понять

смысл посланий по этому поводу. Однако выше всего ценятся ум, энергичность, сила характера, сила духа, и если они устремлены к добру, то делают человека лидером там, как это случается и здесь. Бескорыстие, терпение и духовность в том мире, как и в нашем, определяют душе более высокие места, причём последние нередко достигаются благодаря тем самым невзгодам нашей жизни, которые представляются нам здесь такими бессмысленными и жестокими, но на самом деле являются для нас благоприятной возможностью ускорить своё духовное развитие, без чего наша материальная жизнь была бы бесплодна и напрасна.

Новое Откровение упраздняет идею о гротескном аде и фантастическом рае, вводя вместо них концепцию постепенного восхождения по ступеням существования без чудовищной перемены, которая бы в мгновение ока превращала нас из человека в ангела или демона. Эта система взглядов хотя и отличается от предшествующих идей, не идёт, как мне кажется, радикальным образом вразрез со старыми формами веры. На старинных картах составители имели обыкновение помечать белые пятна, указывающие на неисследованные районы, надписями: «здесь живут антропофаги», «здесь владения людоедов» или «место произрастания мандрагоры». Так и в нашей теологии имелись плохо изученные области, которые по общему согласию были оставлены незаполненными, ведь ни один человек в здравом уме не верил в тот рай, что описан в наших книгах псалмов – этакую страну музыкальной праздности и бесплодного монотонного поклонения. Стало быть, внося ясность в представление об обитателях этих неведомых пространств, новая система ничего не упраздняет. Мы просто стираем на наших теологических картах белые пятна, нанося соответствующие рисунки и надписи.

Позволено, однако, спросить: допустим, существование такой жизни и такого мира, как они были описаны, вполне удостоверено, но что происходит тогда с теми, кто не заслужил столь благоприятной доли? Что послания из мира иного говорят о них? Но здесь как раз и не следует быть слишком категоричными, ибо нет смысла заменять одну догму другой. Можно обрисовать лишь общий смысл на основе имеющейся информации, достоверность которой нам вполне гарантирована. Естественно, что те, с кем мы вступили в контакт, – это души, которые мы в подлинном смысле слова можем назвать *блаженными* (т.е. исполненными благодати, – *И.Р.*), потому что если к вызыванию духов

подходить с почтительностью и верой, то на наш призыв закономерно откликаются именно такие души. То, что имеется множество менее удачливых, чем оне сами, явствует из их постоянных намёков на возрождающую и возвышающую миссионерскую деятельность, которая входит в число их занятий. Они, повидимому, спускаются в низшие области и помогают их обитателям достичь той степени духовности, которая позволит тем перейти в высшую сферу. Это напоминает то, как если бы студент старшего курса приходил в класс к студентам младших курсов, чтобы провести занятия с отстающими. Такое понимание проясняет замечание Христа, когда он говорит, что в раю больше радости по поводу спасения одного грешника, нежели прихода девяносто девяти праведников, ибо скажи он это о земном грешнике, то тот определённо должен был бы стать праведником в этой жизни и тем перестал бы быть грешником прежде, чем достиг бы рая. Но если говорить о грешнике, спасённом из низшей сферы и перенесённом в более высокую, то слова эти точно описывают происходящее.

Когда мы взираем на грех в свете знания, даваемого современной наукой, с присущей современному сознанию мягкостью, а также с характерным для него чувством справедливости и умеренности, то грех перестаёт быть той чудовищной тучей, которая омрачала весь горизонт средневековому теологу. Человек был гораздо более жесток и непреклонен по отношению к самому себе, нежели то может позволить Себе милосердный Бог. Правда, после всех дедукций, после всех исключений и поправок, которые необходимо сделать при таком понимании, остаётся ещё многое, что указывает на необходимость индивидуального усилия, а также на возможность сознательной слабости воли и преступной испорченности характера, когда грешник, говоря словами Горация, «зрит высшее и ему рукоплещет, но влечься к низкому не перестаёт». Но когда, с другой стороны, мы делаем скидки – а разве может наше человеческое прощение итти в какое-либо сравнение с прощением Божиим? – на грехи, которые являются неизбежным производным недостаточного развития, на грехи, которые обусловлены наследственностью и врождённым нездоровьем, а также на грехи, которые заложены в сугубо физических причинах нашего существования, то общая сумма активного греха значительно уменьшается. Можно ли, например, вообразить, чтобы Провидение, всемудрое и всемилосердное, как то провозглашается каждой верой, могло наказывать злополучного негодяя, который вынашивает преступные мысли в своей низколобой

голове? Ведь врачу порой достаточно бросить беглый взгляд на черепную коробку, чтобы предсказать преступление. В своих худших формах любое преступление – от Нерона до Джека-Потрошителя – было плодом абсолютного умопомешательства, и те ужасные национальные пороки, о которых шла речь, повидимому, служат недвусмысленным признаком коллективного национального безумия. Вполне определённо, стало быть, есть надежда, что нет никакой надобности в грозной преисподней для дальнейшего наказания тех, кто были жестоко обделены на земле. Некоторые из наших умерших заметили, что ничто не удивило их до такой степени, как выбор тех, кому в том мире было оказано наибольшее уважение. Так что ни в коей мере, разумеется, не оправдывая порока, вполне можно представить, что человек, чьё органическое устройство с непреодолимой силой ориентирует его именно в эту сторону, по справедливости может рассчитывать на соболезнование и симпатию. Возможно даже, что такой грешник, если он не настолько глубоко погряз в пороке, как был бы должен, стоит выше, чем человек, родившийся праведным и им оставшийся, но к концу жизни несколько не улучшившийся. Ведь первый продвинулся в своём развитии, а второй нет. Но самый обычный недостаток, тот, носители которого заполняют собой духовные госпитали иного мира и который служит временной преградой естественному счастью посмертной жизни, это – грех Томлинсона из стихотворения Киплинга, самый обыкновенный порок в респектабельном британском обществе – грех условности, грех недостатка сознательного усилия и грех неразвитости, всех этих суррогатов духовности, сдобренных самодовольством и привычкой к удобствам. Это человек, вполне удовлетворённый тем, что препоручил заботу о своём спасении Церкви или более высокой силе без упорного труда своей собственной души; именно такой человек находится в поистине смертельной опасности. Все Церкви, христианские и нехристианские, хороши, пока они побуждают активную духовную жизнь индивидуума, и все они пагубны с момента, когда позволяют ему думать, будто через какой-нибудь ритуал или какой-то особый фасон веры он сможет добиться для себя хоть небольшого преимущества перед своим соседом или тем или иным способом обойтись без личного усилия, которое является единственной лестницей на небеса.

Это, разумеется, в равной мере приложимо и к сторонникам Спиритизма. Если вера не утверждается делами, то она тщетна. Можно весьма удобно прожить эту жизнь, бездумно следуя в процессии за

каким-либо уважаемым лидером. Но умирают не в процессии, умирают в одиночестве. И вот тогда приходится в одиночестве принимать удел того уровня, который уготован нам трудами всей жизни [или отсутствием оных].

Какое же наказание последует для неразвитой души? Оно таково: душа должна быть помещена туда, где она *будет* развиваться; сожаление и грусть при этом, по всей видимости, всегда будут неизменным уделом таких душ. Несомненно, жизненный опыт подсказывает нам, что невыносимо самодовольные и антипатичные люди смягчаются, характер их обретает красоту, а мысль – милосердие, когда жизнь достаточно долго и достаточно сильно плавит их в своём горниле. В «Библии» говорится о «тьме внешней, где плач и скрежет зубовой». «Библия» – книга восточной поэзии, и зачастую она оказывала дурное влияние из-за нашей привычки читать и понимать её буквально, как если бы то была западная проза. Когда житель Востока говорит о стаде в тысячу верблюдов, он вместо этого обязательно скажет, что верблюдов так много, как волос на голове или звёзд на небе. Именно делая скидку на восточную манеру выражать мысли и следует подходить к тем зловещим и ужасным описаниям, которые омрачили жизнь столь многим впечатлительным детям, а столь многих серьёзных взрослых привели в дома умалишённых. Новое Откровение учит нас, что действительно существуют места «тьмы внешней», но как бы ни были темны эти неудобные залы ожидания, из всех них в конечном счёте открывается путь на небеса. Это конечный путь следования всего человеческого рода, и не будь так, это стало бы упрёком Всевышнему. Мы не вправе выдвигать догматических утверждений о мирах искупления, но мы располагаем очень ясным учением о том, что они существуют и что «ничейная земля», отделяющая нас от собственно рая, то «третье Небо», на которое был вознесён Св. Павел, – странное непродолжительное переживание, выпавшее ему при жизни, – является тем самым местом, которое соответствует астральному плану у мистиков и «тьме внешней» в «Библии». Здесь томятся те самые привязанные к земному духи, мирские интересы коих обременили их и совлекли вниз, пока всякое духовное побуждение в них не угасло. Это люди, жизнь которых была сосредоточена на деньгах, на светском честолюбии или чувственных удовольствиях. Человек, одержимый единственной идеей, если только эта идея не была духовной, также наверняка попадёт туда. И совсем необязательно для этого быть злым человеком, ведь брат Джон из

Гластонбери, так сильно любивший своё великое аббатство, что никогда не мог расстаться с ним, тоже находится среди духов, привязанных к земному. К самым материальным, наиболее типичным в этом смысле категориям духов относятся те из них, которые действуют очень близко к нашему материальному миру; они оказывались видны даже людям, не обладающим сильным психическим зрением. Насколько мы можем судить по известным нам законам, управляющим *той* материей, призрак, вероятно, никогда бы не смог проявиться, если бы находился в одиночестве. Субстанция, необходимая для его появления, извлекается им из самого зрителя; озноб, шевеление волос и другие неприятные симптомы, на которые жалуются в таких случаях, в значительной мере обусловлены внезапным посягательством на жизненные силы зрителя. Это, однако, уже теоретические рассуждения, и они отстоят весьма далеко от отношений психической науки и религии, рассмотрение которых было целью настоящих глав.

Упомяну об одном странном совпадении, которое, на мой взгляд, выходит за рамки простого совпадения. По достижении определённого уровня в изложении трудного вопроса о промежуточном состоянии, я почувствовал острую необходимость в дальнейшем самопросвещении, и тут по почте ко мне пришла одна старая книга, высланная мне совершенно незнакомым человеком; в ней имеется следующий пассаж, написанный автоматически и опубликованный в 1880 г. Он вполне разъясняет дело, и не только вполне подтверждает сказанное, но и добавляет кое-что новое.

«Часть духов не может продвинуться далее пограничной области; это те, которые никогда не помышляли о духовной жизни и были целиком погружены в земное, в земные заботы и удовольствия; к ним относятся даже умные мужчины и женщины, которые жили чисто интеллектуальной жизнью, не освещённой духовностью. Очень многие не использовали предоставленных им возможностей и томятся теперь тоской по растроченному впустую времени, стремясь вновь оживить впечатления земной жизни. Они узнают, что в мире сем упущенное время может быть возмещено, хотя и дорогой ценой. В пограничной области много не ведающих покоя духов, бывших на земле стяжателями, не знавших иного дела, кроме добывания денег; они продолжают посещать места, в коих прежде познали свои надежды и радости. Зачастую именно им суждено всего дольше оставаться здесь... О многих нельзя сказать, что они несчастны. Эти духи испытывают облегчение от

того, что могут обходиться без своих земных тел. Через пограничную область проходят все, но многие едва замечают это. Пограничная земля для них в буквальном смысле мимолётна, и они в ней не задерживаются, сразу же переходя в место отдохновения, о котором мы вам говорили». Анонимный автор после того, как его послание в духе было записано, упоминает интересный факт о находке в катакомбах* христианской надписи на латыни: NICEFORUS ANIMA DULCIS IN REFRIGERIO, т.е. «Никифор, нежная душа в месте отдохновения». Ещё одно свидетельство тому, что раннехристианская концепция сильно походила на то, что сегодня предлагает психическая наука.

Вот и всё, что касается пограничной земли, промежуточного этапа существования. У современной христианской догмы нет для неё наименования, кроме того, что это некое туманное чистилище, преддверие ада, о котором упоминается время от времени и которое определяют как место, в коем пребывали души праведников, умерших до эпохи Христа. Мысли о том, что надо пересечь пространство прежде, чем достигнешь по ту сторону завесы устойчивого состояния, присутствует во многих религиях. У римлян и греков она приняла аллегорическую форму реки и лодки, перевозящей умерших на другой берег. Постоянно сталкиваешься с подробностями, которые заставляют думать, что давным-давно в истории мира существовало подлинное Откровение, смысл которого со временем затуманился и исказился. Так, д-р Мюир в своём изложении «Ригведь», описывая верования первых арийских завоевателей Индии, говорит: «Однако ранее, нежели *нерождённая часть* (т.е. эфирное тело, – А.К.Д.) может завершить своё движение к третьему небу, она должна пересечь широкий пролив мрака, оставив за собой на земле всё дурное, и дух, двигаясь по тропам, пройденным ранее отцами, воспаряет в сферы вечного света, вновь обретает там своё тело в духовной славе, получает от Бога восхитительное жилище и вступает в гораздо более совершенную жизнь, которую увенчивает исполнение всех желаний; он допускается в присутствие богов и участвует в их радостях и удовольствиях». Если мы заменим «богов» на «ангелов», то придётся признать, что Новое Откровение из современных духовных источников имеет много общего с верованиями наших арийских предков.

* Раннехристианские захоронения в Италии и на территории прочих провинций Римской Империи. Ранние христиане были вынуждены прятаться от преследователей в пещерах, и тела умерших хоронили в нишах, выдолбленных в стенах скалы. (И.Р.)

Таков в очень сжатом выражении мир, который открывают нам эти удивительные послания, пришедшие из-за могилы. Можно ли признать то, что мы здесь видим, неразумным? Противоречит ли это в чём-либо нашим понятиям о справедливости? Или оно, напротив, настолько разумно, что, имея теперь этот ключ, мы можем с предельной ясностью видеть, что это как раз то направление, которому лучше всего следовать даже ценой собственной жизни? Природа и эволюция не благоприятствуют внезапным, ничем не подготовленным процессам. Если человек имеет склонности к занятиям техникой, литературой, музыкой и т.д., то они являются составной частью его характера, и всякая попытка жизни или перехода в иную жизнь без них означала бы утрату своей индивидуальности, своего «я» и превращение в совершенно другого человека. Стало быть, чтобы личность сохранилась, эти качества должны пережить самоё смерть. Но в сохранении этих качеств не было бы никакого смысла, если они не найдут себе средств выражения, а средства выражения, очевидно, требуют определённых материальных посредников, агентов, а также разбирающихся ценителей, публику. Далее, чувство стыда стало среди цивилизованных народов неотъемлемым свойством и требует прикрытия некоторых частей нашей телесной формы в том случае, если личность продолжит своё существование. Наши желания и симпатии побудят нас жить с теми, кого мы любим, что повлечёт за собой создание какого-то подобия дома, в то время как человеческая потребность в отдыхе ума и частной жизни повлечёт за собой существование также отдельных комнат. Таким образом, исходя из принципа сохранения личности, можно даже без Откровения из потустороннего мира создать дедуктивным методом вполне аналогичную систему, следуя лишь доводам здравого смысла.

Что касается самого существования этой страны счастья, то оно, пожалуй, доказано гораздо более полно, нежели какая иная известная нам религиозная концепция.

Можно с полным правом спросить, до какой степени столь точное описание жизни по ту сторону могилы является лишь моей собственной концепцией и в какой мере его разделяют более великие умы, изучавшие данный предмет? Я отвечаю, что сказанное – мой собственный вывод, сделанный на основе анализа большого числа наличествующих свидетельств из мира иного, и что основные черты этого мира уже многие годы приняты тем великим множеством молчаливых активных тружеников во всех странах, которые рассматривают это дело со

строго религиозной точки зрения. Я полагаю, что имеющиеся данные в достаточной степени подтверждают эту веру. С другой стороны, те, кто подошли к данной теме с холодностью и осторожностью, характерными для научного склада ума, часто будучи наделены сильнейшим предубеждением против догматических верований прошлого и вполне естественно опасаясь возможного возобновления теологических распрей, зачастую предпочли не дойти до полного принятия. Они заявляют, что позитивные доказательства здесь невозможны и что мы можем вводить себя в заблуждение либо отражениями наших собственных мыслей, либо впечатлениями, полученными от медиума. Профессор Цолльнер, например, говорит: «Содержание духовных откровений для науки является совершенно бесполезным, наука должна руководствоваться лишь наблюдением фактов и выводами, логически и математически объединяющими их в систему».

Данное высказывание немецкого учёного целиком разделяет и профессор Рейхель. Такая позиция, по видимости, служит указанием на желание обойти молчанием религиозную сторону вопроса, и это действительно характерно для большинства наших крупнейших сторонников от науки. Таковую точку зрения вполне можно понять, и всё же при более внимательном рассмотрении подобный подход оказывается не чем иным, как своеобразным расширенным материализмом. Допускать, как то делают эти учёные, что духи возвращаются, чтобы говорить с нами, что они дают все необходимые доказательства тому, что они есть утраченные нами друзья, и всё-таки оставаться глухими к содержанию посланий, которые они направляют нам, значило бы, наверное, доводить научную осторожность до полного абсурда. Зайти так далеко и однако отказываться итти дальше – пребывать долго в подобном положении невозможно. Если, например, в посланиях Рэймонда мы находим множество упоминаний мельчайших подробностей его домашней жизни на земле, правильность которых самым поразительным образом подтвердилась, то разумно ли вычёркивать всё то, что он рассказывает нам о доме, в котором живёт теперь?

Уже давным-давно мой ум нашёл достаточно подтверждений истинности многого того, что представляется на первый взгляд невозможным и невероятным. В своё время у меня в руках оказался пространный рассказ, полученный с помощью столоверчения, об условиях жизни в потустороннем мире. Детали излагаемого показались мне невероятными, и я отложил отчёт в сторону; однако оказалось,

что все детали того описания полностью согласуются с другими откровениями подобного рода. То же случилось и с посланием, автоматически написанным г-ном Губертом Уэйлзом, которое я привёл в моей предыдущей книге. Он бросил его в ящик стола, сочтя не заслуживающим серьёзного рассмотрения, и лишь потом выяснилось, что оно также вполне гармонирует с остальными. Ни в одном из этих случаев, стало быть, не может быть речи о телепатии или предрасположенности медиума как о возможном объяснении.

В целом я склоняюсь к мысли, что все эти полные сомнений и нерешительно настроенные учёные, имеющие, кстати, собственные исследования, достойные внимания, попросту ограничили круг своего чтения и своё мышление объективной стороной вопроса и не осознают, какое огромное количество доказательств предоставляет нам его субъективная сторона, дающая точную картину потусторонней жизни. Эти учёные пренебрегают документами, казалось бы не имеющими объективной доказуемости, недостаточно, на мой взгляд, понимая, что общая согласованность свидетельств, равно как и сам факт идентификации свидетеля, являются объективным доводом в пользу истинности. Некоторые к тому же усложняют дело, предсказывая существование в природе какого-то четвёртого измерения, но сам термин является абсурдом, как абсурдны все термины, не находящие соответствующего ощущения в человеческом мозгу. Нам и без того хватает тайн, ждущих от нас своего разрешения, чтобы беспричинно создавать ещё и новые. Если твёрдое тело проходит сквозь твёрдое, то, разумеется, проще предположить, что совершается это за счёт дематериализации и последующего синтеза – это, по крайней мере, процесс, который укладывается в человеческой голове, – нежели приводить объяснение, которое само нуждается в ещё более сложном объяснении.

Вследующей, последней, главе я попрошу читателя сопровождать меня в анализе «Нового Завета», который будет осуществляться с позиций психической науки с тем, чтобы впоследствии можно было судить, в какой степени она проясняет вещи, казавшиеся ранее смутными и придаёт разумность тому, что прежде выглядело безнадежно запутанным.

* * *

Глава Пятая

ПРОВОЗВЕСТИЕ ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ

В «Новом Завете» наличествует множество эпизодов, которые можно взять в качестве отправных точек, чтобы проследить близкую аналогию между аномальными явлениями, ознаменовавшими первые годы Христианства, и теми, что ставят в затруднение сегодняшний мир в связи с современным спиритизмом. Многие из нас охотно допускают, что постоянные требования Христианства к человеческой расе вызваны его специфическими доктринами, которые совершенно независимы от чудес, единственное назначение коих имело целью оказать впечатление на ничем не пробиваемое самодовольство бездуховной расы и тем самым силой направить внимание тогдашних людей к новой системе мысли, предлагаемой Христианством. Совершенно то же самое можно сказать и о современном Откровении. Демонстрация силы, простирающейся за пределы человеческих возможностей и человеческого опыта, есть не более, чем способ привлечь внимание. Если повторить где-то уже использованное мною сравнение, то все эти явления не более, чем скромный телефонный звонок, возвещающий, что нам имеют сообщить нечто чрезвычайно важное. Что касается Христа, Нагорная проповедь была куда более значима, чем всё множество совершённых им чудес. То же самое можно сказать о посланиях из мира потустороннего: они бесконечно важнее, чем явления, их сопровождающие. Вульгарный ум может выставить историю Христа в весьма вульгарном свете, если он настаивает на чуде с хлебами и рыбой. Так же точно вульгарный ум может овульгарить психическую религию, настаивая на движении мебели и летающих бубнах. В каждом из этих случаев чудеса и явления – лишь неоспоримый знак способности, самая суть которой находится на более высоких планах бытия.

Во второй главе «Деяний Апостолов» констатируется, что они, христианские вожди, были *единодушно вместе*. Словосочетание «единодушно вместе» как нельзя более удачно передаёт наличие симпатии, которая всегда присутствует в спиритических кружках как средство, способствующее достижению наилучших результатов,

и как раз симпатия настойчиво игнорируется определённым классом исследователей. Затем «внезапно сделался шум с неба, как бы несущегося сильного ветра», а потом «явились им разделяющие языки, как бы огненные, и почтили по одному на каждом из них». Здесь вполне определённый и ясный перечень весьма характерной последовательности явлений. Давайте же сравним с ним результат, полученный профессором Круксом в ходе его исследований в 1873 году. Он принял тогда против возможного подлога все меры предосторожности, какие ему мог подсказать богатый опыт наблюдателя и точного экспериментатора. В опубликованных им заметках сообщается: «Я увидел светящиеся точки, метавшиеся по комнате, а затем поместившиеся на головах присутствующих». Или вот ещё: «Этим движениям, – и то же самое я могу сказать о каждом роде явлений, – обыкновенно предшествуют порывы холодного воздуха, порой усиливающиеся до настоящего ветра, который сдувал у меня со стола листы бумаги...»

Итак, разве не странно, что мы сталкиваемся не только с теми же самыми явлениями, но и что эти явления проявляются в той же самой последовательности: сначала порывы ветра, а после огни? При нашем незнании законов эфирной физики, незнании, которое понемногу начинает рассеиваться, мы можем лишь сказать, что здесь перед нами имеются определённые указания на некий общий закон, который увязывает воедино оба этих эпизода несмотря на разделяющие их девятнадцать веков. Чуть ниже в «Деяниях» сообщается, что «дом сотрясся, где они находились». Многие современные наблюдатели психических явлений были свидетелями вибрации стен комнаты, как если бы мимо проезжал грузовой автомобиль. Именно на такие феномены, по всей видимости, намекает Св. Павел, когда говорит: «Наше евангелие явлено вам не только в славе, но и в силе». Проповедник Нового Откровения может с полным основанием сказать то же самое. Так, что касается знаков, явленных в день Пятидесятницы, я могу поистине утверждать, что испытал их все на собственном опыте – внезапный холодный ветер, смутные колеблющиеся языки пламени – при медиумическом содействии г-на Феникса, психика-любителя из Глазго. Пятнадцать участников сеанса были единомышленны в своих свидетельствах по данному поводу, и в силу какого-то совпадения вышло так, что всё происходило в комнате, расположенной в самой верхней части дома.

В предыдущем разделе своего эссе я заметил, что невозможно дать никакого философского объяснения явлений, известных как спиритические, которое бы не свидетельствовало, что все они, несмотря на различия в форме проявления, исходят из единого центрального источника. Св. Павел, по видимости, не один раз утверждает это, когда говорит: «Но всё тот же самый дух совершает сие, разделяясь для каждого человека многожды по желанию». Разве наша сегодняшняя теория, которую нам диктуют факты, может быть выражена в более сжатом виде? Апостол перечислил различные дары, и мы обнаруживаем, что они весьма близки к тому, что уже известно нам. Во-первых, есть «слово мудрости», «слово знания» и «вера». Всё это, будучи взято в связи с Духом, по видимости, служит указанием на более высокий характер сообщений, приходящих из мира иного. Затем следует целительство, которое и сегодня при определённых условиях практикуется в высшей степени сильным медиумом, обладающим способностью передавать энергию, при этом он отдаёт ровно столько, сколько слабый получает, что подтверждается словами Христа: «Кто коснулся Меня? Много добродетели (т.е. энергии, – *А.К.Д.*) ушло из Меня». Затем мы подходим к совершению чудес, которое мы можем назвать просто *производством явлений*, сюда входит много феноменов разного рода: аппорты (когда предметы переносятся на расстоянии), левитация (поднятие в воздух как предметов, так и человеческого тела), производство огней и другие дива. Затем следует дар пророчества, являющийся действительной и вместе с тем прерывистой, а зачастую и обманчивой формой медиумизма – всего более обманчивый характер она имела у ранних христиан, которые, очевидно, все ошиблись относительно приближавшегося падения Иерусалима и разрушения Храма. Эти события они могли лишь смутно предвидеть и отождествляли их с «концом света». Данная ошибка повторялась ими столь часто и столь явно, что игнорировать её или отрицать поистине нечестно. Затем мы приходим к способности «различения духов», что вполне соответствует нашему ясновидению, и, наконец, – к любопытному и обычно бесполезному «дару языков», который наблюдается также и сегодня. Припоминаю, как некоторое время назад я прочитал книгу «И был мне Голос», изданную известным адвокатом,* в которой он описывает, как его юная дочь начала бегло писать по-гречески, правильно расставляя все надстрочные знаки. Сразу вслед за

* A King's Counsel, "I Heard a Voice", Kegan Paul edit. (*И.П.*)

тем я получил письмо от не менее знаменитого врача, который желал знать моё мнение по поводу одного из своих детей. Ребёнок написал значительное количество текстов на средневековом французском. Оба этих недавних случая, несомненно, подлинны, но что касается третьего, когда один неграмотный человек нарисовал несколько невразумительных знаков, которые неким экспертом были объявлены раннекельтскими письменами, то эта история не представляется мне убедительной. Но поскольку огам (раннекельтское письмо, – *Й.Р.*) действительно представляет собой комбинацию прямых линий, то данный случай с определёнными оговорками всё же можно принять.

Таким образом, явления, связанные со становлением Христианства, и те, которые заявили о себе в современном духовном движении, вполне аналогичны. Что касается дара учеников, в соответствии с тем, что сообщают Св. Матфей и Св. Марк, то единственным дополнением к достигнутому в наши дни является только воскрешение из мёртвых. Если бы кто-нибудь из учеников Христовых действительно поднялся до такого уровня мощи, когда жизнь, действительно угасшая, была бы возрождена, то он, несомненно, далеко бы превзошёл всё то, что сообщается в анналах современного медиумизма; но такое оказалось под силу только их великому Учителю. Ясно, стало быть, что такая способность должна быть чрезвычайно редка, иначе бы она была использована ранними христианами для оживления тел их мучеников, попыток к чему, по всей видимости, даже не предпринималось. Для Христа такая способность, без сомнения, допускается; более того: в описании воскрешения, проведённого Христом, имеются некоторые штрихи, придающие ему исключительную убедительность в глазах современного исследователя психических явлений. Так, при описании воскресения Лазаря, произошедшего после того, как тот пролежал четыре дня мёртвый, – поистине самое изумительное из чудес Христовых – сообщается, как Христос, приближаясь к могиле: он *стонал*.^{*} Почему стонал он? Ни один исследователь «Библии», очевидно, не смог дать удовлетворительного ответа на этот вопрос. Но всякий, кто слышал, как стонет медиум в момент, предшествующий исключительно сильному проявлению медиумической энергии, увидит в этом эпизоде тот самый штрих практического знания, по которому он может судить

* В русском синодальном переводе «Библии» это место – как и многие другие – завуалировано. (*Й.Р.*)

о достоверности описываемых событий. Само чудо, добавлю я, от того ничуть не становится менее чудесным и всё равно находится за пределами человеческих возможностей, потому что оно произведено за счёт расширения рамок естественного закона, и это расширение отличается своей степенью от того, что мы можем сами удостоверить или тем более совершить.

Хотя наши современные проявления никогда не достигали того уровня, который упоминается в библейских текстах, они имеют некоторые особенности, о которых не сообщается в «Новом Завете». Яснослышание, т.е. способность слышать голос духов, наблюдается как раньше, так и теперь, а вот «прямой голос», т.е. восприятие звука голоса, который все присутствующие могут слышать своими материальными ушами, – это ныне хорошо удостоверенный феномен, о котором гораздо реже упоминалось в древние времена. Новейшим свидетельством служит и спиритическая фотография – явление, когда фотокамера запечатлевает то, что не может видеть человеческий глаз. Ничто не является доказательством для тех, кто не изучает доказательств. Но лично мне – я готов под присягой удостоверить – известно несколько случаев, когда облик умершего, получившийся на негативе, не только не составляло труда опознать, но он также совершенно отличался от любой фотографии, сделанной при жизни.

Что касается методов, посредством которых ранние христиане общались с духами, или со «святыми», как они называли умерших единоверцев, то об этом у нас, насколько мне известно, свидетельств не имеется, хотя слова Св. Иоанна: «Братия, не всем духам верьте, но испытайте духов, от Бога ли они», очень ясно показывают, что общение с духами было занятием привычным и что ранним христианам, как и нам, в процессе общения досаждали вторжения нежелательных духовных сущностей. Некоторые исследователи полагают, что «Ангел Церкви», о котором упоминается в выражениях, наводящих на мысль, что речь идёт о человеке, был на самом деле медиумом, освящённым для содействия той или иной конгрегации верующих. Поскольку у нас имеются ранние указания на наличие епископов, дьяконов и других церковных лиц, то трудно сказать, кем ещё мог быть этот «ангел». Это, однако, остаётся чистым предположением.

Другое предположение, которое, быть может, окажется куда более плодотворным, касается принципа, в соответствии с которым Христос избрал двенадцать своих главных последователей. Из всего множества

людей он выбрал двенадцать человек. Почему именно их? Не из-за их ума и образованности, ведь Пётр и Иоанн, самые выдающиеся из них, нарочито описываются как «простые и тёмные люди». Не из-за их праведности, ибо один из учеников оказался большим негодяем, и все они оставили своего Учителя в беде. И не из-за их веры, ибо верующих было много. И тем не менее ясно: они были избраны согласно некоему принципу, так как призывались по одному или по двое. В двух случаях это были пары братьев, как если бы в основании подобного выбора могли лежать некоторый семейный дар или особенность.

В конечном счёте, нет ничего невозможного в том, что дар этот являлся психической способностью и что Христос, высший носитель этой способности, когда-либо появлявшийся на Земле, желал окружить себя другими её обладателями, одарёнными ею в меньшей степени. Вероятно, он сделал это по двум причинам. Первая: психический кружок является огромным источником энергии для того, кто сам психик, что постоянно подтверждается и нашим собственным опытом: сочувственное и готовое помочь окружение создаёт атмосферу, благоприятную для проявления психических способностей. До какой степени Христос был чувствителен к такой атмосфере, свидетельствует замечание евангелиста о том, что когда Христос прибыл в свой родной город, жители которого не могли отнестись к нему серьёзно, то оказался не в состоянии произвести никакого чуда. Вторая причина может заключаться в том, что он желал, чтобы ученики действовали как его заместители – как при его жизни, так и после смерти, и что для этого были необходимы определённые психические способности, данные от природы.

На тесную связь между апостолами и чудесами, указывает в своей интересной работе, выпущенной в свет в виде небольшой книги под названием «Иисус из Назарета» д-р Абрахам Уоллес.* Не подлежит сомнению, что ни один из евангелистов не сообщает ни о каких чудесах (помимо изгнания бесов) до того времени, пока Христос не начал собирать свой кружок. В этом кружке наиболее одарены в психическом плане были, по всей видимости, трое: Пётр и двое братьев-рыбаков, сыновья Зеведеевы – Иоанн и Иаков. Эти трое и созывались всякий раз, когда была нужда в создании наиболее благоприятной психической атмосферы. Следует вспомнить, что когда дочь Яира восстала из

* Опубликовано в шестипенсовом издании компанией «Лайт паблишинг», Лондон, Куин-сквер, 6. Это же издательство предлагает небольшую по объёму, но содержательную книгу д-ра Эллиса Пауэлла на ту же тему. (А.К.Д.)

мёртвых, это случилось в присутствии и, возможно, не без содействия трёх названных ассистентов. Опять же при Преображении: невозможно читать отчёт об этом удивительном проявлении, не вспоминая на каждом шагу о своих собственных спиритических занятиях. И этот вопрос замечательно разбирается в «Иисусе из Назарета», и было бы неплохо, если бы эта небольшая книжка с её учёной интонацией, широтой взгляда и психическим знанием оказалась в руках каждого читающего «Библию». Д-р Уоллес указывает на то, что самое место – горная вершина – с чистым воздухом и отсутствием каких-либо помех идеально подходило для манифестации такого рода; дремотное состояние апостолов является полной аналогией того, что ощущают члены психического кружка, вносящие свою долю психической энергии; преобразование лица и сияющие одежды – хорошо знакомые явления; и, наконец, самое главное: возведение трёх алтарей лишено всякого смысла, тогда как сооружение трёх шатров или *кабинетов* (в данном случае спиритический термин, – *И.Р.*) при альтернативном прочтении, – одного для медиума и по одному для каждой из материализованных форм, создаёт абсолютно достаточные условия для получения самых совершенных результатов.

Объяснение Уоллеса является характерным примером работы современного ума и современного знания, выхватывающих лучом своего прожектора событие, остававшееся прежде в тени.

Когда мы переводим библейский язык в термины современной психической религии, взаимосвязь и соответствие между древним и современным знанием становятся очевидными. Только теперь, вместо «Вот чудо!», мы говорим: «Это спиритическое явление». «Ангел Господен» становится у нас «Высшим Духом». Если прежде говорилось о «гласе с неба», то сейчас мы говорим о «прямом голосе». «Его глаза отверзлись, и он узрел видение» попросту значит, что «он стал ясновидящим». Только оккультист может понять Св. Писания как действительную и точную запись событий.

Есть много других, менее значительных пунктов, которые, повидимому, приводят историю Христа и апостолов в очень тесное соприкосновение с современными психическими исследованиями и являются солидным подтверждением точности значительной части повествования «Нового Завета». Самым впечатляющим эпизодом, на мой взгляд, являются действия Христа, когда ему был задан вопрос, требовавший незамедлительного решения, а именно об участи

женщины, уличённой в прелюбодеянии. Что же он сделал? То, чего меньше всего можно было ожидать или помыслить в подобном случае: прежде, чем ответить, он наклонился и что-то написал пальцем на песке. Уже второй раз он делает это, когда ему задают коварный вопрос. Может ли кто из теологов дать объяснение такому действию? Я дерзну выдвинуть утверждение, что среди многих форм медиумизма, коими Христос владел в самой высшей форме, естественно, было и автоматическое письмо, через каковое, призывая подотчётные ему великие силы, он получал требуемый ответ. Охотно допуская, что природа Христа была сверхъестественна в том смысле, что по своим способностям он недостижимо возвышался над обычными людьми и далеко превосходил пределы для них возможного, позволительно всё же задаться вопросом, всегда ли эти силы вмещались в его человеческом теле и сколь часто он обращался к духовным ресурсам вне своих телесных пределов? Если бы он говорил, используя единственно своё человеческое тело, он, несомненно, оказался бы подвержен ошибкам, как и все мы: ведь рассказывается же, как он спрашивал самаритянку о её муже, на что та ответила, что у неё никогда не было мужа. В случае же с женщиной, застигнутой в прелюбодеянии, действия Иисуса можно объяснить, лишь предположив, что он мгновенно открыл канал к надчеловеческому знанию и мудрости, что и дало сразу решение в духе милосердия и терпимости.

Интересно проследить, какое впечатление эти явления или рассказы о них производили на тогдашних правоверных иудеев. Большая часть их откровенно не верила в эти чудеса, в противном случае они не преминули бы стать последователями Христа или, по меньшей мере, относились бы к такому чудотворцу с уважением и восхищением. Нетрудно представить, как они качали бородами головами, как заявляли, что с такими вещами им сталкиваться не приходилось, и, может статься, вспоминали какого-нибудь местного фокусника, который не очень честно заработал несколько динариев, подражая тем же явлениям. Были, правда, и другие, которые не могли отрицать, потому что либо видели сами, либо встречались с теми, кто видел. Такие резко заявляли, что всё шло от дьявола, лишая тем Христа одного из самых сильных доводов, основанных на здравом смысле, – качестве, в котором у него не было равных. Те же два класса оппонентов – скептики и дьяволоборцы – противостоят сегодня и нам. Воистину ничто не ново под луной, и всё возвращается на круги своя.

Есть одно направление мысли, на которое можно указать в надежде, что оно найдёт развитие от умов и писаний тех, кто глубоко изучил возможности психической силы. Вполне возможно, хотя, согласен, в нынешних условиях это не было достаточным образом доказано, что медиум, обладающий большой силой, может заряжать своей энергией других наподобие того, как магнит, если потерять им кусок железа, может также и его сделать магнитом. Одной из наиболее хорошо удостоверенных способностей Д.Д.Хоума было то, что он мог без всяких последствий вынимать из огня горящие угли и держать их в руке. Далее он мог – и тут мы приближаемся к исходной теме – класть их на голову того, кто не боялся обжечься. Зрители не раз описали, как Хоумом на серебряную шевелюру г-на Картера Холла возлагались пылающие угли, и г-жа Холл упоминала, что после этого она вычёсывала из его волос крупички золы. По всей видимости, Хоум в этом случае был в состоянии передать свою силу другому лицу, совсем как Христос, когда он левитировал над озером, был способен передать ту же силу Петру, и она сохранялась в Петре, пока его вера была тверда. В этой связи возникает вопрос: если Хоум сосредотачивал всю свою энергию на передаче этой силы, то как долго эта сила у данного лица сохранялась? Эксперимент для выяснения этого никогда не проводился, хотя он весьма способствовал бы прояснению разбираемой темы. Ведь, допуская, что сила может передаваться, становится вполне ясно, как кружок Христа был способен послать в мир семьдесят учеников, одарённых способностью творить чудеса. Ясно также, почему новые ученики должны были вернуться в Иерусалим – «для крещения духом», если пользоваться их выражением, – перед тем, как продолжать свои странствия. И если бы они, в свою очередь, пожелали послать своих учеников, разве не возложили бы на них руки, не совершили над ними пассы и не попытались бы *намагнитить* их тем же способом – если только это слово в состоянии выразить подобный процесс? Не обнаруживаем ли мы здесь смысл *рукоположения* священников епископом – церемонии, которой по сию пору придаётся большое значение, но которая вполне может быть пережитком чего-то действительно жизненно важного – дара сотворения чудес? Когда же наконец по прошествии времени или из-за отсутствия свежей подпитки эта сила иссякает, пустой ритуал продолжает исполняться и благословляющий и благословляемый не понимают, что значили руки епископа и какая сила из них исходила.

Сами слова «возложение рук», по видимости, наводят на мысль о чём-то, отличном от просто благословения.

Наверное, сказанного достаточно, дабы показать читателю, что возможно выдвинуть такой взгляд на жизнь Христа, который будет строго согласовываться с самым современным психическим знанием и который, вместо того чтобы упразднить Христианство, лишь обнаружит поразительную точность некоторых дошедших до нас подробностей и подтвердит новейший вывод, гласящий, что те самые чудеса, которые были камнем преткновения для многих честных, серьёзных умов, в итоге могут стать неоспоримыми и убедительными доводами в пользу истинности всего новозаветного повествования. И заслуживает ли эта линия мысли огульного осуждения и анафем, изливаемых на неё теми, кто претендуют говорить от имени религии? В то же время, хотя мы приводим доводы в подтверждение чудес «Нового Завета», было бы неправильно, если бы те или иные замечания такого рода цитировались как утверждения в поддержку его *буквальной* точности. Идея буквальной точности «Нового Завета» в прошлом стала источником многих зол. Было бы хорошо, хотя в реальности это и недостижимо, если бы оказалась предпринята понастоящему честная, сделанная с открытым умом попытка вычлнить из этих текстов очевидные подлоги и вставки, их искажающие и снижающие ценность тех частей, которые действительно стоят выше всяких подозрений.

Стоит, например, упомянуть, что в «Новом Завете» со слов, якобы, самого Христа сообщается, будто Захария, сын Варахии, был забит до смерти в приделе Храма; и вот – не правда ли курьёзное совпадение? – о данном инциденте независимо рассказывает Иосиф Флавий, указывая при этом, что случилось сие тридцатью семью годами позже, во время осады Иерусалима?* Это недвусмысленно указывает нам, что данное евангелие, в его настоящей форме, было написано после падения Иерусалима и что писатель внёс в свой рассказ по меньшей мере один посторонний инцидент, поразивший его воображение. К сожалению, такой пересмотр на основе всеобщего согласия был бы величайшим из чудес, ибо два самых первых фрагмента, которые подлежали бы изъятию, относились бы к «Церкви» – установлению и идее, совершенно, надо сказать, неведомой во дни Христа. Поскольку цель вставки совершенно ясна, не может быть сомнений в их

* Речь идёт об эпизоде, рассказанном в «Еванг. от Матфея», гл. XXIII, ст.35 и в «Иудейской войне» Иосифа Флавия. (*И.Р.*)

подложности, но, учитывая, что на одном из них основана вся система папской власти, приходится ожидать, что они скорее всего сохранятся ещё в течение какого-то времени. Недостоверность текста, на который мы намекаем, помимо прочего, явствует из того факта, что он предполагает, будто Христос и рыбаки разговаривали друг с другом на латыни и греческом до того хорошо, что каламбурили на этих языках. Пожалуй, недостаток нравственной смелости и интеллектуальной честности среди христиан покажется нашим потомкам столь же странным, как нам представляется удивительным, что великие мыслители античности могли верить, или хотя бы утверждать, будто они верят в богов, живущих на вершине горы Олимп, делящихся на мужчин и женщин и друг с другом ссорящихся.

Как мы видим, пересмотр в самом деле необходим, равно как и перестановка акцентов, о которой я уже говорил ранее, дабы вернуть великую христианскую идею в русло разума и прогресса. Ортодокс, который вследствие своей привычной веры или по какой-либо другой причине не вникает глубоко в такие материи, едва ли может представить, о какие камни преткновения разбили себе ноги его более критичные братья. Такая позиция не требует от него умственных усилий, ибо рассуждение неприемлемо для веры. Выражения вроде «спасённый кровью Агнца» или «крещённый Его драгоценной кровью» наполняют их души приятным и нежным волнением, тогда как на более вдумчивый ум они оказывают совершенно иное впечатление.

Не говоря уже о явной несправедливости искупления чужой вины, исследователю совершенно ясно, что в целом эта кровавая метафора на самом деле заимствована из языческих ритуалов митраизма, когда неопита действительно помещали под быком в обряде *тавроболия* (жертвоприношения быка (лат.), – *Й.Р.*) и он оказывался насквозь пропитан льющейся на него сверху сквозь решётку кровью убитого животного. Такие напоминания о грубой стороне язычества непродуктивны для вдумчивого и впечатлительного современного ума. Но что всегда сохраняет свою свежесть, свою полезность и красоту, так это память об исполненном доброты и кротости Духе, который во плоти странствовал по горным склонам Галилеи, вокруг которого собирались дети, который встречался со своими друзьями в невинном товариществе, который избегал формализма и церемоний, страстно стремясь всегда к внутренней сути; который прощал грешника, защищал бедного и в своих решениях всегда принимал

сторону милосердия и широты взгляда. Если к этому характеру вы добавите те изумительные психические способности, о которых мы уже говорили, то вы поистине найдёте самый превосходный характер во всей мировой истории, характер, который, очевидно, стоит ближе к Всевышнему, чем кто-либо ещё. Если сравнить общее воздействие его Учения с более суровым учением христианских Церквей, то поражаешься, как в своём догматизме, упорстве в отстаивании формы, в своей исключительности, пышности и нетерпимости они смогли так далеко отдалиться от своего Учителя, что когда смотришь на него и на них, то чувствуешь, что налицо абсолютный и непримиримый антагонизм и что нельзя говорить о Церкви *и* Христе, но только о Церкви *или* о Христе.

И тем не менее каждая Церковь воспитывает прекрасные души, хотя можно спорить о том, *вращивает* ли она их или попросту *вбирает* в себя. Если вы прожили долгую жизнь и встречались с немалым числом своих человеческих собратьев, то для подтверждения этой мысли вам достаточно обратиться к своему личному опыту. Я сам провёл семь наиболее ярких лет жизни среди иезуитов – церковного ордена, наиболее пострадавшего от клеветы, – и нашёл их людьми достойными уважения и добрыми; достоинства их неисчислимы, а единственный недостаток – в узости, которая ограничивает мир Матерью-Церковью. Они были спортсменами, учёными и джентльменами, и я не могу припомнить ни одного примера использования ими той казуистики, в которой их постоянно упрекают. Некоторые из моих лучших друзей принадлежали к приходскому духовенству Англиканской церкви – мужи поистине доброго и святого нрава, стеснённые финансовые обстоятельства которых зачастую были укором равнодушным людям, принимавшим их духовное водительство. Я знал также прекрасных людей среди нонконформистского духовенства, которые часто становились поборниками свободы, хотя их взгляды, повидимому, и не отличались особой свободой, когда оказывалась затронутая область их собственной мысли. Каждая вера выдвигала людей, которые делали честь всему человеческому роду. Мэннинг или Шрусбери, Гордон или Доллинг, Бут или Стопфорд-Брук – все в равной степени вызывают восхищение, сколь бы ни были различны корни, давшие им жизнь. Среди большой массы людей также имеются многие тысячи прекрасных душ, воспитанных по старинным понятиям, душ, которые никогда слыхом не слыхивали об общении с духами или о какой

другой материи из тех, что обсуждаются на этих страницах, и которые, однако, достигли такого состояния чистой духовности, что всем нам остаётся им только завидовать. Кто не слышал о деве-тётушке, о вдовствующей матери, о благородном старце, достигших высот бескорыстия, распространяющих вокруг себя добрые мысли и дела? Но их простая, глубоко укоренившаяся вера пришла к ним от отцов с санкции того или иного духовного авторитета. У меня была такая тётушка, я помню её маленькую, смиренную фигурку, истощённую постом и милосердием; помню, как в любые часы она брела в церковь из дома, который был для неё всего лишь комнатой ожидания между службами. И взгляд её печальных, удивительных серых глаз до сих пор обращён на меня. Такие люди – лишь инстинктом, вопреки всяким догмам – достигали зачастую высот, до которых нас никогда не сможет вознести ни одна философская система.

Но, в полной мере признавая прекрасные плоды каждой веры, которые могут служить лишь доказательством врождённой доброты цивилизованного человечества, нам приходится сказать, что Христианство, вне всякого сомнения, потерпело жестокую неудачу и распалось и что этот распад стал явлен каждому ужасной катастрофой, которая случилась с миром.* Может ли самый оптимистичный апологет утверждать, будто это – вполне удовлетворительные плоды религии, столько столетий безраздельно господствовавшей в Европе? Кто из её воспитанников оказался хуже – прусские лютеране, баварские католики или народы, взращённые в традициях православия? И если у нас, в западной части Европы, дела обстоят чуть лучше, то не заслуга ли это скорее нашей более старой и высокой цивилизации, равно как и более свободного политического устройства, удержавших нас от всех жестокостей, эксцессов и безнравственности, которые отбросили мир назад, в тёмные века? Недостаточно сказать, что они случились вопреки Христианству и что поэтому Христианство не подлежит осуждению. Правда, что учение Христа не подлежит осуждению, ибо при передаче оно часто искажалось. Но Христианство взяло под контроль нравственную жизнь Европы и должно было стать движущей силой, которой надлежало обеспечить, чтобы моральные устои не рассыпались на куски при первом же напряжении. Ибо именно с этих позиций следует судить Христианство, и приговор может быть только один: оно потерпело неудачу. Оно не было активной силой,

* Снова имеется в виду мировая война. (И.Р.)

контролирующей умы людей. А почему? Такое могло случиться только потому, что в нём не хватало чего-то существенного, чего-то *жизненно важного*. Люди не принимают Христианство всерьёз. Люди не верят в него. Во множестве случаев его деятельность сводится к словоизлияниям, а как раз действенность слов в наше время в серьёзной степени ослабла.

Мужчины, в отличие от женщин, как в высших, так и в низших классах общества, в большинстве случаев перестали проявлять живой интерес к религии. Церкви утратили власть над народом – и утратили её очень быстро. Маленькие интимные кружки, съезды, комитеты, ассамблеи ещё собираются, обсуждают и принимают решения всё более узкого характера. Но народ идёт своим путём, и религия мертва везде, где заменой ей в состоянии стать интеллектуальная культура и хороший вкус. Но вся беда в том, что когда религия мертва, расцветает материализм, а о том, что он может сделать, можно судить на примере довоенной Германии.

Сейчас, стало быть, религиозным учреждениям не время обескураживать своих слепых приверженцев; вместо этого нужно серьёзно подумать, хотя бы ради самосохранения, как они могут приблизиться к общему уровню человеческой мысли, поднявшейся теперь так высоко над ними? Я утверждаю, что Церкви в состоянии добиться большего, чем просто достичь того же уровня – оне могут повести всех за собой. Но для этого Церковь должна, с одной стороны, иметь твёрдую решимость отсечь от своего тела все отмершие ткани, безобразящие его и служащие только обузой. Она должна отбросить всё, что в ней противоречит разуму, и принять требования человеческого разума, который отвергает, и совершенно правильно, многое из того, что она ему предлагает. В конце концов, она должна собрать свежие силы, впитать в себя всю новую правду и всю новую энергию, которые в избытке даёт ей новая волна вдохновения, ниспосланная в мир Богом, – волна, которую человечество, обманутое и сбитое с толку мнимой мудростью, воспринимает с таким упрямым и стойким неверием. Когда Церковь совершит всё это, она обнаружит не только то, что она ведёт мир с очевидным правом на лидерство, но и то, что после долгих блужданий ей удалось наконец вернуться к своему Учителю, урок которого она столь долго искажала.

* * *

П Р И Л О Ж Е Н И Я

I

ОПЫТЫ ДОКТОРА ЖЭЛЕ

Нельзя представить себе ничего более фантастического и невероятного, чем результаты недавних опытов профессора Жэле, во Франции. Перед такими результатами ум даже вполне подготовленного, опытного исследователя психических явлений бывает потрясён, в то время как ортодоксальный учёный, не обращавший на эти исследования внимания, оказывается абсолютно беспомощен. В своём отчёте о проделанных исследованиях, который он представил в январе прошлого года в Генеральном институте психологии в Париже, д-р Жэле говорит: «Я не только утверждаю, что не было подлога, я говорю: не было никакой возможности сделать подлог. Почти в каждом случае материализация проводилась у меня на глазах, и я имел возможность наблюдать все фазы её становления и развития». Он добавил, что по ходу опытов более сотни экспертов, главным образом докторов наук, проверяли и контролировали получавшиеся результаты.

Вкратце эти результаты можно представить следующим образом. Из тела медиума, девушки по имени Ева, выделялась своеобразная беловатая субстанция, выделение происходило частично через кожу, частично через руки, частично же через отверстия на лице, особенно через рот. Этот процесс был многократно сфотографирован на каждой стадии, и фотографии приложены к опубликованному изданию. Эта субстанция, достаточно твёрдая чтобы до неё можно было дотронуться или её сфотографировать, была названа *эктоплазмой*. Это совершенно новый вид материи, и он, несомненно, происходит непосредственно из тела медиума, а затем по окончании опыта абсорбируется его организмом. Эктоплазма выделяется в таких количествах, что порой закрывает собой тело медиума, как фартук. На ощупь эктоплазма мягкая и клейкая, но форма и даже цвет её бывают разные. Производство её, повидимому, мучительно для медиума, так как вызывает у него стоны, и какое-либо грубое обращение с эктоплазмой также на нём сказывается. Внезапная вспышка света, которой сопровождается

фотографирование, необязательно может повлечь за собой втягивание эктоплазмы, но всегда вызывает спазм у медиума. При поглощении эктоплазма не оставляет следов на одежде, через которую она прошла.

Это достаточно удивительно, но куда более фантастично то, что ещё предстоит сказать. Наиболее характерное свойство этой эктоплазмы, вполне проиллюстрированное фотографиями, то, что она принимает форму частей человеческого тела – пальцев, рук, лиц, которые поначалу выглядят какими-то намёками и набросками, но быстро перегруппировываются и улучшаются, пока не становятся неотличимы от живых. Разве это не самое странное и необъяснимое из всего, что до сей поры довелось наблюдать человеческому глазу? Обыкновенно эти лица и руки имеют естественный размер, но нередко они оказываются довольно миниатюрными. Случается, что, будучи поначалу миниатюрными, они вырастают до полного размера. При первом появлении в эктоплазме конечности выглядят уплощённо, но затем начинают быстро округляться, пока по завершении процесса не приобретают все три пространственных характеристики. Материализовавшаяся форма может быть всего лишь имитацией, вроде руки, сделанной из воска, а может быть и наделена жизненностью; такая рука в состоянии пожать другую руку, вызвав у последней всю гамму ощущений, какие вызывает пожатие чужой руки.

Лица, возникающие таким поразительным путём, вполне достойны изучения. Они, по видимости, не представляют никого из тех, кто при жизни были знакомы доктору Жэле. * У меня при взгляде на них складывается впечатление, что они скорее должны относиться к кругу знакомств медиума, так как принадлежат девушкам, встречающимся в низших и средних классах французского общества, к которым принадлежит и сама Ева. Я бы добавил, что сама Ева присутствует на фотографиях рядом с этими материализованными фигурами. Лица девушек в целом хорошенькие и не лишённые пикантности, хотя и довольно заурядного, неутончённого типа. Эти характеристики не относятся к большой и тщательно сделанной фотографии, на которой видна очень красивая молодая женщина с печатью высокой духовности на лице. Некоторые из лиц сформировались не до конца, из-за чего выглядят нелепо и отталкивающе.

Что прикажете нам делать с данным явлением? Учтите: оно не такого свойства, чтобы пробовать обмануть себя утверждениями вроде

* Д-р Жэле пишет мне, что они неизвестны ни ему, ни медиуму. (А.К.Д.)

«здесь какая-то ошибка или надувательство». И то, и другое исключено. Помимо проведённых по каждому из этих результатов тщательных проверок, ещё следует учесть, что они весьма близки к тому, чего достигли в ходе своих опытов Ломброзо в Италии, Шренк-Нотцинг в Германии и многие другие добросовестные исследователи. Рассуждая об этих фактах, мы постоянно должны держать в уме одно: аномальный характер их происхождения. По самой осторожной оценке, на миллион человек едва ли приходится хотя бы один, наделённый способностями производить эти явления – если только к способностям может быть причислено свойство, не зависящее от нашей воли. Свой острый ум и не знающую покоя деятельность доктор Жэле посвятил выяснению того, как всё-таки происходят медиумические материализации, и, даже предполагая (что предположить вполне справедливо), что каждый материализующий медиум, дабы получить результат, проходит через тот же самый процесс, такие медиумы всё же встречаются до крайности редко. Д-р Жэле в качестве аналогичного явления с материальной стороны упоминает существование дерматоидных кист – весьма таинственных образований, которые как маленькие опухоли появляются в любой части тела, чаще всего над бровями, и в которых при вскрытии обнаруживаются волосы, зубы или эмбриональные кости. Нет сомнений, говорит он, что это довольно грубая аналогия, но дерматоидная киста, по крайней мере, находится на том же плотско-кровяном физическом плане, что и её содержимое, тогда как применительно к эктоплазме мы имеем дело с совершенно новым и странным образованием.

Невозможно точно сказать, что происходит в случае с эктоплазмой – ни по поводу её живой связи с медиумом, ни о том, как и почему она исчезает, что не позволяет её отделить и подвергнуть хотя бы самому приблизительному химическому анализу, который бы мог показать, состоит ли она из привычных нам земных элементов. Не является ли она скорее некой коагуляцией эфира? Это ввело бы в наш мир совершенно новую, дотоле неведомую субстанцию. Такое предположение кажется тем более вероятным, что сравнение с аналогичной субстанцией, исследованной на сеансах д-ра Кроуфорда в Белфасте, которая едва видима глазом и всё же способна удерживать вес в 150 фунтов, указывает на совершенно новое явление в области материи.

Но, отложив в сторону как не имеющее отношение к сути настоящего изложения всё, что касается происхождения и природы эктоплазмы, мне представляется, что имеется достаточно места

для перспективного направления мыслей, если мы возьмём опыты Жэле в качестве исходного пункта и направимся в сторону других проявлений психоматериальной активности. Прежде всего, давайте возьмём классические опыты Крукса с Кэти Кинг – результат, столь долго стоявший особняком, но к пониманию которого теперь можно постепенно приблизиться благодаря появлению промежуточных ступеней. Так, теперь вполне можно предположить, что в течение тех долгих периодов, когда Флорри Кук лежала в тёмной лаборатории, периоды, которые длились по часу, а иногда и дольше, эктоплазма выделялась из неё как и из Евы. Затем эктоплазма собиралась поблизости от неё в некое клейкое облако или столб, из которого уже описанным образом постепенно начинала формироваться фигура Кэти Кинг, и в конце концов соединение разрывалось и законченное человеческое тело выступало и показывалось на пороге смежной комнаты, являя собой человеческую личность как нельзя более отличную (за исключением пола) от медиума, и всё же составленную целиком или частично из элементов, извлечённых из бесчувственного тела медиума. До этого момента опыты Жэле достаточно хорошо разъясняют, что происходило в лаборатории Крукса. И однако здесь, на мой взгляд, спирит должен быть готов к возражению гораздо более серьёзному, нежели нелепые суждения о подлоге или оптической иллюзии. Вот оно. Если тело Кэти Кинг (духа) извлечено из тела Флорри Кук (медиума), то что может нам гарантировать, будто жизнь в новообразованном теле не является воплощением одной из тех личностей, из коих составлено сложное существо, называемое Флорри Кук? Этот тезис заслуживает самого тщательного анализа. В этом случае недостаточно указать на превосходство характера проявившегося существа, ведь если предположить, что Флорри Кук представляет собой некую среднюю производную от составляющих её конфликтующих личностей, то одна из них может оказаться значительно выше, чем их средняя составляющая. Не вдаваясь в эту проблему, можно лишь сказать, что заявление духа о своей индивидуальности нельзя сбрасывать со счетов, так же как и то, что отдельный факт должен рассматриваться во взаимосвязи с другими психическими явлениями, если мы действительно стремимся найти правильное объяснение.

Но давайте теперь представим, что человек обладает способностью испускать невидимую субстанцию, в которой формируются лица, представляющие, как кажется, отдельные

индивидуальности, и в предельном случае развиваются в совершенно независимые человеческие формы. Рассмотрим этот из ряда вон выходящий факт: не окажется ли, что благодаря развитию или видоизменению указанного процесса мы можем получить ключ к *modus operandi** других психических явлений? Мне представляется, что мы можем, как минимум, получить намёки, носящие, правда, лишь вероятностный характер, на то, как получаются некоторые результаты, до сих пор остававшиеся необъяснёнными. Эти соображения могут лечь в основу гипотезы, опровержение, корректировка или подтверждение которой будет делом будущих наблюдателей.

Я намерен выдвинуть следующую мысль. Если сильный медиум для производства материализаций может выделить облако материи, доступной зрению, то не может ли медиум, обладающий меньшей силой, испустить подобное же облако с аналогичными свойствами, которое окажется недостаточно плотно, чтобы быть доступным зрению среднего человека, но всё же в состоянии произвести воздействие на сухую пластину в фотокамере и на зрение ясновидящего? Если это так – а это соображение не выглядит слишком смелым, – то мы сразу получаем объяснение как спиритической фотографии, так и зрительной способности ясновидящего. Под объяснением я понимаю здесь лишь общий механизм процесса, а не знание о природе стоящих за ним сил, которая всё равно остаётся для нас тайной, даже если мы примем утверждение Жэле о том, что оне «идеопластичны».

Здесь, я думаю, мы делаем некоторую попытку обобщения, которая, возможно, поможет распознать первые признаки порядка в этом хаосе. Можно понять, что более тонкая эманация, доступная лишь ясновидящему, распространится гораздо дальше, чем плотная материализованная эктоплазма, и хотя она наделена тем же свойством быть носителем жизни, жизненные формы в этом случае будут доступны только глазу ясновидящего. Так, когда г-н Том Тиррел или другой исполнитель стоит на сцене, его эманация наполняет весь зал. В этой эманации, как и в видимой эктоплазме при опытах Жэле, образуются лица или фигуры тех обитателей иного мира, которых привлекает к сцене их симпатия к отдельным членам аудитории. Их видит и описывает г-н Тиррел, который с его тонко настроенными чувствами (тщательно оберегаемыми, для чего он едва ест и пьёт в день демонстрации) может слышать этот более тонкий и высокий

* способ, методы или механизм действия кого-либо или чего-либо (*лат.*)

голос, произносящий их имена, старые адреса, послания и обращения. Или, например, когда г-н Хоуп и г-жа Бакстон стоят, соединив руки над фотокамерой, они действительно испускают туманную эктоплазму, из которой образуются фигуры и образы, появляющиеся на фотографической пластине. Возможно, это происходит именно таким образом. Может быть, я выбрал для объяснения неудачную аналогию, но здесь мною предложена всего лишь гипотеза, и я не пытаюсь выдать её за нечто большее.

II

ОДИН ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Я хорошо ознакомлен с рядом событий, имевших в последнее время место в Америке, и могу поручиться за реальность происшедшего в той мере, в какой может это сделать человек, ручающийся за факты, произошедшие не с ним. У меня нет ни малейшего сомнения в их истинности, а подобные примечательные двойные доказательства продолжения жизни после смерти, думается мне, нечасто становятся достоянием печати. Нью-йоркским издательством «Харперс» недавно была выпущена книга, озаглавленная «Семь целей».* Её автор, мисс Маргарет Камерон, описывает в ней, как у неё внезапно развилась способность автоматического письма. В то время она не была спириткой. Её рука находилась под влиянием, и она написала (частично при помощи планшетки) значительное количество текстов, полностью выходящих за пределы её познаний и особенностей характера. На высказанное ею сомнение, не является ли написанное некоторым образом продуктом её подсознательного «я», появилась надпись, гласившая, что с ней сообщается некий Фред Гейлорд и что его целью является передать послание своей матери. Юноша был совершенно незнаком мисс Камерон, но она знала его семью и потому направила послание им, в результате чего его мать пришла к ней, удостоверилась в подлинности происходящего, обменялась сообщениями с сыном

* “The Seven Purposes” by Mrs. Margaret Cameron, Harpers, New York. (*И.П.*)

и в конце концов, вернувшись домой, сняла траур, потому что у неё появилось ощущение, что мальчик не *умер* в старом понимании слова, а что он скорее как бы *живёт за границей*.

Это первое доказательство сверхъестественного посредничества мисс Камерон, но со временем она продемонстрировала такую осведомлённость, которую не могла бы приобрести обычным, естественным путём: она стала широко использовать фразы и идеи, характерные для покойного. Но вот что произошло дальше. Гейлорд – это был всего лишь псевдоним, так как дело имело столь приватный характер, что настоящее имя, которое мы обозначим как Бриджер, не могло быть раскрыто. Через несколько месяцев после выхода книги мисс Камерон получила письмо от незнакомки, живущей в тысяче миль от неё. Я видел и это письмо, и всю переписку. Незнакомка, г-жа Николь, заявила, что в качестве теста она хотела бы спросить, не является ли подлинным именем того, кто представлен в книге как Фред Гейлорд, Фред Бриджер, поскольку у неё есть психические (т.е. *спиритические*, – *И.Р.*) основания считать именно так. Мисс Камерон ответила, что так оно и есть, и выразила большое удивление по поводу того, что столь тайное и частное дело нашло надлежащее подтверждение. Тогда г-жа Николь объяснила, что она и её муж (оба занимаются журналистикой и оба совершенные агностики) обнаружили, что она обладает способностью автоматического письма. И пользуясь своей способностью, она получала сообщения, которые, как утверждал её корреспондент, исходили от Фреда Бриджера, с которым они были знакомы при жизни. Прочитав книгу мисс Камерон, они получили от Фреда Бриджера заверение, что в книге мисс Камерон под именем Фреда Гейлорда фигурирует он.

Теперь, говоря об этих фактах, а это, несомненно, факты, можно спросить, что материалист или скептик могут сказать в ответ на это дважды удостоверенное свидетельство сохранения личности после смерти и возможности общения с умершими? Разве может телепатия, если понимать это слово традиционно, служить объяснением тому, как мисс Камерон стали доступны интимные особенности, характеризующие молодого Бриджера? А кроме того, как мы действием той же телепатии объясним возможность раскрытия г-же Николь идентичности сообщавшегося с нею Фреда Бриджера и Фреда Гейлорда, о котором шла речь в книге мисс Камерон? Факт возвращения умершего представляется мне здесь как нельзя

более достоверным, хотя, как и прежде, я настаиваю на том, что наибольший интерес представляет не сам факт возвращения тех, кого мы утратили, а содержание посланий из мира иного, которое они нам приносят с собой.

III

СПИРИТИЧЕСКАЯ ФОТОГРАФИЯ

По этой теме я рекомендовал бы читателю ознакомиться с книгой Коутса «Фотографирование невидимого».** Там на разумных основаниях и без излишнего давления на читателя удостоверяется реальность этого как нельзя более примечательного явления, которое иллюстрируется также многими примерами. Как всегда, указывается, что тщательно приняты все возможные меры предосторожности против подлога, каковой не исключается полностью только в практике французского спиритического фотографа Бюгэ.

Существует, однако, большое число случаев, когда фотография, сделанная с соблюдением жёстких условий контроля, исключаяющих всякую попытку подлога, воспроизводит черты умерших. В этом деле, разумеется, есть свои ограничения и закономерности, которые нуждаются в тщательном наблюдении и анализе. Лица умерших получаются в некоторых случаях настолько чёткими и объёмными, что кажется, будто они сняты с живой натуры, хотя и не соответствуют никаким изображениям или фотографиям данного лица, сделанным при жизни. Лишь одного такого случая, абсолютно недоступного критике, вполне хватило бы, чтобы удостоверить жизнь после смерти, а такие случаи, между тем, исчисляются не единицами, а сотнями. С другой стороны, многие изображения, полученные в тех же самых условиях жёсткого контроля, по всей видимости, являются лишь подобиями или портретами умершего, составленными некой психической силой, которая не обязательно является индивидуализированным духом. В некоторых случаях, достоверность которых не подлежит сомнению,

* “Photographing the Invisible” by Coates.

мы имеем репродукцию уже существующего портрета, как если бы сознательная разумная сила (независимо от того, какова её природа) консультировалась с ним, чтобы узнать, как ранее выглядел умерший, и затем воссоздала его облик в полном соответствии с оригиналом. В таких случаях лицо духа может быть совершенно плоским, а не объёмным. Тщательный анализ показал, что о существовании этого прототипа фотографу ничего не было известно.

Два наиболее отважных сторонника, которых когда-либо производил Спиритизм, покойный У.Т.Стед и покойный архидьякон Коллей – имена, которые будут много значить в грядущие дни, – придавали большое значение спиритической фотографии как окончательному и неопровержимому доказательству продолжения жизни. В своей последней работе «Доказательства истинности Спиритизма» знаменитый ботаник профессор Хенслоу привёл случай, поистине стоящий выше всякой критики. Этот исследователь рассказывает, как он передал спиритическому кружку в Кру опечатанную пачку пластин с намерением получить психофотографии не прибегая к фотокамере и без экспозиции. После того, как его спросили, на какой из пластин в опечатанной пачке он желал бы получить изображение, он ответил: «На пятой». На этой пластине после проявки была обнаружена страница текста «Нового Завета», взятая из Александрийского свитка, хранящегося в Британском музее. Репродукции как оригинала, так и его психофотографической копии можно найти в книге профессора Хенслоу.

Я и сам бывал в Кру и добился результатов, заслуживавших бы изумления, не сделай тесное знакомство с явлениями этого рода подобные чудеса для меня делом привычным. Три пластины, помеченные, а затем обработанные, проявленные и закреплённые единственно моей рукой, превратились в психические негативы. В каждом случае я видел негатив, когда он ещё был мокрый, в затемнённой комнате. Образчик этих результатов я воспроизвожу на вклейке N1, которой для неподвзятого ума вполне достаточно, чтобы служить положительным доказательством всего вопроса о продолжении жизни. Тремя участниками сеанса были г-н Оутен, г-н Уолкер и я. Я оказался несколько затемнён психическим облаком. В этом облаке появилось послание-приветствие ко мне от покойного архидьякона Коллея. Для сравнения образец прижизненного почерка Коллея приведён на вклейке N2. Сзади видна попытка материализации,

затемнённая облаком. Пометка в углу пластины является моим идентификационным знаком. Надеюсь, сказанного достаточно, чтобы понять: ничья рука, помимо моей, никогда не дотрагивалась до этой пластины, и я ни на секунду не упускал её из виду, за исключением времени, когда она была помещена в проявочный бачок, для чего я прошёл прямо в затемнённую комнату и там же распечатал пластину. Что в состоянии возразить на это критики?

Благодаря любезности бесстрашных пионеров нашего движения – г-на и г-жи Хьюит-Маккензи – мне дозволено опубликовать также другой пример спиритической фотографии. Снимок сделан при удивительных обстоятельствах. Приезд в Кру г-на и г-жи Хьюит-Маккензи, у которых погиб сын, не дал результатов: на полученной фотографии были запечатлены лишь они. Вернувшись разочарованными в Лондон, они смогли вступить в контакт со своим сыном благодаря медиумическому посредничеству г-жи Леонард. Они спросили его о причинах неудачи. Сын ответил, что условия были неподходящи; однако несколько дней спустя ему удалось воспроизвести своё изображение на пластине леди Гленконнор, которая приехала в Кру по аналогичному делу. Родители связались с этой дамой, и та ответила, что обнаружила на своей пластине лицо незнакомца. Получив фотографию с этого негатива, они сразу же узнали сына и увидели, что он, в качестве доказательства воспроизвёл пулевое ранение на левом виске. На вклейке N3 мы можем видеть их доблестного сына при жизни, а вклейка N4 воссоздаёт его образ после смерти. Вот мнение художника-миниатюриста, нарисовавшего портрет молодого солдата, – оно достойно быть упомянутым как доказательство тождества: «После того, как я нарисовал миниатюрный портрет Вашего сына Уилла, я уверен, что знаю малейшую черту, малейшую складку его лица, и могу заявить, что вполне убеждён в сходстве, которое обнаруживает спиритическая фотография. Правда, брови, нос, глаза и, особенно, слегка сжатый рот – на ней отмечены печатью болезни, и не имеют никакого отношения к его настоящему облику. Укладка волос на лбу и висках также явно напоминают фотографию, сделанную незадолго до его гибели».

IV

ЯСНОВИДЕНИЕ Г-ЖИ Б.

К моменту, когда эта книга поступила в печать, результаты, полученные клиентами этого медиума, были таковы: из пятидесяти попыток сорок две оказались успешными. Всё было проконтролировано и зарегистрировано мною лично. Эти протоколы представляют собой наиболее убедительное доказательство реальности спиритического ясновидения. Г-ном Э.Ф.Бенсоном, проанализировавшим некоторые из писем, была предпринята попытка объяснить результаты на основе телепатии. Он допускает, что «вкусы, наружность и характер покойных часто указываются правильно; медиум упоминает много имён, и хотя происхождение некоторых из них выяснить не представляется возможным, большинство совпадает с именами родственников и друзей». Но такое утверждение само по себе уже исключает чтение мыслей как объяснение происходящего, ибо совершенно отсутствуют доказательства того, что чтение мыслей способно достичь такого совершенства, чтобы извлечь образ умершего из ума собеседника, правильно определить его имя, а затем увязать с ним конкретные и детально описанные действия, к которым умерший имел отношение. Подобное объяснение вовсе не является объяснением, но лишь претензией на него. Но даже если за такой теорией признать определённую степень правдоподобия, то всё равно окажется, что в этих отчётах имеется множество случаев, которых подобный ход мысли никак не объясняет. Ведь там были описаны не известные никому из присутствующих подробности, которые при последующей проверке подтвердились, а также случаи, когда ошибки в мыслях участников сеанса корректировались самим медиумом, находившимся под водительством духов. Лично я считаю, что собственный отчёт медиума касательно способа получения этих поразительных результатов абсолютно достоверен и что другого объяснения им я представить не могу. Разумеется, у неё бывают неудачные дни, и, кроме того, условия всегда оказываются менее благоприятными, когда при беседе складывается не религиозная, а скорее следственная атмосфера. Но именно эта прерывистость в получении результатов,

как я уже указывал, является характеристической чертой духовного ясновидения по сравнению со чтением мыслей, которое в своей наиболее совершенной форме становится почти автоматическим.

Могу также добавить, что постоянно практикуемая некоторыми исследователями психических явлений привычка не обращать никакого внимания на слова самого медиума о том, как он, или она, добивается результата, и заменять их усложнёнными и ничем не подкреплёнными объяснениями собственного изготовления столь же оскорбительна, сколь и неразумна.

Критиками указывалось, что пятном, лежащим на результатах, достигнутых г-жой Б., и на её репутации, является то, что она дважды подвергалась полицейскому преследованию. Но в действительности это пятно ложится не на медиума, а на наш закон, пребывающий в столь варварском состоянии, что подлинный ясновидящий в соответствии с ним подвергается таким же преследованиям, что и самозванец, и никакие строго установленные принципы психической науки законом этим не признаются. Медиум при таких обстоятельствах оказывается скорее мучеником, чем преступником, и его убеждения не могут порочить его репутации.

* * *

1919 г.

(перевод Йога Раманантаты)

The unknown and the marvellous press upon us from all sides. They loom above us and around us in undefined and fluctuating shapes, some dark, some shimmering, but all warning us of the limitations of what we call matter, and of the need for spirituality if we are to keep in touch with the true inner facts of life.

*A. Conan Doyle**

ЗАПИСКИ О СПИРИТИЗМЕ

(1887 – 1930 гг.)

**перевод с английского
М.Б.Антоновой и П.А. Гелевы**

**составление и редакция
Йога Раманантаты**

* «Неведомое и удивительное окружает и подталкивает нас со всех сторон. Оно роится над нами и кругом нас в неясных и переменчивых формах, как тёмных, так и ослепительно ярких, но которые все указывают нам на ограниченность того, что мы называем «материей», и на главенство духовности, которою нам следует дорожить, если только мы не желаем утратить связь с сокровенно-подлинными основами жизни». А.Конан-Дойль. (*англ.*)

ПРЕДИСЛОВИЕ

(от издателя и переводчика)

Сэр Артур Конан-Дойль (1859-1930 гг.) – крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права – более 40 лет жизни посвятил изучению спиритизма. Всем предубеждённым в данном вопросе скептикам следует понять, что если человек столь рационального и аналитического склада ума изучал предмет этот до такой степени серьёзно, то, стало быть, тема эта не может быть отнесена на счет иллюзии или фигурировать под вывеской «самого дикого из всех суеверий», как считают марксисты, или «наиболее безумного и губительного из предрассудков», как то полагают теософы. И сам Конан-Дойль, и другие приверженцы спиритической философии были прекрасно знакомы с такого рода критикой, но тем не менее имели свои причины не признавать её правомерности.

Касательно сомнений в самой реальности этих явлений Конан-Дойль писал: «Мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на тех, кто отрицает существование этих явлений. Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило, никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, которые уже есть. Похоже, каждый считает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново потому только, что лично ему требуются какие-то сведения».

Практически нет таких логических, зрительных, слуховых и осязательных доказательств продолжения жизни и сохранения нашей личности после смерти этого физического тела, которые бы не были получены сэром Конан-Дойлем в ходе его исследований. «Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться неубеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него были бы веские причины сомневаться в здравии собственной психики. Тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь покров, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Есть нечто более сильное,

чем просто вера, и это – знание... Так вот, я утверждаю эти вещи, потому что у меня есть знание о них. Я не *верю*, я *знаю*».

Таким образом, исследования прогрессивно мыслящих медиков последнего времени (Р.Моуди, Э.Кюблер-Росс, М.Сабома, Дж.Ритчи и других) находят своё подтверждение в исследованиях, проделанных в этой области ранее на совершенно иной методологической основе, поскольку между средствами и приёмами спиритизма и реаниматологии нет ничего общего. Учение спиритизма, стало быть, является могучим союзником современных исследователей посмертного опыта, ибо оно объективно показывает, что впечатления и переживания реанимированных не являются, как пытаются утверждать критики, иллюзией, вызванной действием медицинских препаратов или субъективным восприятием процесса распада сознания.

Говоря о чрезвычайной важности спиритизма, Конан-Дойль, как и другие серьёзные представители данной школы, в то же время указывает на нежелательность чрезмерного увлечения материальной стороной этих явлений, так называемым «психизмом» или «медиумизмом», ибо не в этом состоит действительное назначение спиритизма: «Мне думается, однако, что культом спиритических сеансов сильно злоупотребляют. Если вы уже имели раз возможность убедиться в истинности этих явлений, то физические сеансы сделали своё дело, и тот, кто тратит время на то, что бегаёт от одного сеанса к другому, подвергает себя опасности стать всего лишь простым охотником за острыми ощущениями. Здесь, как и во всяком культе, есть опасность, что форма заслонит собою суть, и в погоне за физическими доказательствами человек может забыть, что настоящая цель этих сеансов, как я пытаюсь в данной работе показать, состоит в том, чтобы дать нам уверенность в ожидающем нас будущем и духовные силы в настоящем для того, чтобы достичь должного понимания преходящей природы материи и всезначимости того, что нематериально».

Обращаясь ко всем этим любителям вертеть блюда, подсчитывать удары и крутить столы Конан-Дойль вопрошает: «Удовлетворимся ли мы тем, что будем созерцать эти явления, не обращая никакого внимания на то, что эти явления значат, словно группа дикарей, изумлённо глядящих на радиоаппарат и несколько не интересующихся содержанием и смыслом передаваемых им сообщений, или же мы со всей решимостью возьмёмся за осмысление этих тонких и едва уловимых высказываний, пришедших к нам из

загробного мира, и за построение такой религиозной концепции, которая будет основана на посюстороннем человеческом разуме и на потустороннем духовном вдохновении? Эти явления уже переросли пору детских игр, они покидают возраст спорных научных новшеств и принимают, или примут, очертания фундамента, на котором будет построено вполне конкретное здание религиозной мысли, в некоторых своих частях воссозданное из материала старых зданий, в других же строящееся из совершенно нового материала».

Спиритическое Учение не было понято и признано земным человечеством в ту пору, когда оно было предложено ему Космическими Силами (вторая половина XIX века – первая четверть XX)*, и претерпело значительные искажения (отсюда и правомерная критика такого выродившегося спиритизма со стороны г-жи Рерих). И в результате этого человечество в XX веке погрузилось во мрак материалистического и безбожного варварства, закономерно приведшего к чудовищному геноциду.

Как бы то ни было, но есть и иной, истинный Спиритизм, к знакомству с которым мы предлагаем читателю обратиться в том числе и через многолетние искания такого человека, как сэр Артур Конан-Дойль. Ещё и сегодня не поздно, и если идеи Третьего Откровения будут человечеством признаны и претворены в жизнь, то участь нашей планеты может ещё измениться к лучшему. Не забудем, что главный принцип такого спиритизма – ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ, и главный девиз его: «Без любви к Богу и любви к ближнему – нет спасения!»

Павел Гелева

02.XII.1992.

* Безусловно чистыми источниками такого спиритизма являются творения Аллана Кардека и Леона Дени, создававшиеся ими в сотрудничестве с Духовной Иерархией. (П.Г.)

НЕОЖИДАННОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Милостивый государь!

Я полагаю, что весьма полезна практика, бытующая среди сторонников учения о духовном возрождении, равно как и иных деятельных религиозных течений самого разного толка. Она состоит в том, что каждый новый член должен представить собравшейся конгрегации описание того способа, посредством которого ему удалось достичь некоего неопределённого результата, известного среди них как «обретение спасения». Подобная практика оказалась бы в настоящее время полезной и среди спиритуалистов, так как первые шаги искателя истины пролегают по столь одинокой и коварной тропе, что для него всегда поучительно услышать, где споткнулись или оступились на ней другие путники, поскольку сам он не может быть уверен, следует ли он в данный момент за путеводной звездой или же его манит блуждающий огонёк: это выяснится лишь тогда, когда нога его ступит наконец на более твёрдую почву, и он так узнает, что им всё было сделано правильно. Нет пользы в том, чтобы говорить смиренному искателю, неуверенному в себе и опутанному предубеждениями раннего образования, о психографии, материализации и других сложных явлениях. Он жаждет такого доказательства, которое будет более в пределах его собственного опыта и которое сможет убедить его рассудок, не будучи при этом столь подавляющим, чтобы ошеломить его или смутить. Это, таким образом, должно быть моей апологией в преддверии того, что я собираюсь сообщить по поводу события, которое, после многих месяцев изучения, наконец абсолютно определённо показало мне, что разум может существовать отдельно от тела.

Несколько месяцев назад я прочитал «Мемуары» судьи Эдмондса, вслед за этим я прочёл книгу Альфреда Рассела Уоллеса, трактат генерал-майора Дрейсона и другие сочинения на эту тему. Оценив приведённые в них доказательства, я мог теперь сомневаться в существовании описанных явлений не больше, чем в существовании львов в Африке, ведь хотя я и бывал на этом континенте, но мне при этом ни разу не посчастливилось увидеть хотя бы одного из них.

Я чувствовал, что если человеческое свидетельство – касательно как качества, так и количества очевидцев – вообще может что-либо доказать, то *это* оно уже доказало. Тогда я принялся за работу по организации «Кружка шестерых», который собрался девять или десять раз у меня на дому. У нас были такие явления, как послания, передававшиеся соответственным числом ударов в столе, и даже несколько писаний, проведённых под контролем, но ни разу не произошло что-то, о чём можно было бы говорить как о бесспорно убедительном доказательстве. Эта сложная машина – человеческое тело – способна выделять странные трюки, и я никогда не был полностью удовлетворён полученными результатами из-за скрытых возможностей бессознательной мозговой деятельности, непреднамеренного мышечного движения и эффекта, производимого дюжиной тяжёлых рук, лежащих на одном лёгком столе. Я был убеждён, что если другим и удавалось добиться получения явлений, то у меня это никак не выходило.

Но вот на прошлой неделе двое друзей пригласили меня принять участие в сеансе с пожилым джентльменом, о котором было известно, что он обладает значительной медиумической силой. Впервые я имел возможность участвовать в сеансе с кем-то, кто не был новичком или исследователем подобно мне. Здесь я должен заметить, что на протяжении нескольких дней я пребывал в сомнениях относительно того, стоит ли мне читать сочинение Лея Ханта, озаглавленное «Комические драматурги периода Реставрации». Вопрос заключался в том, будет ли засорение ума, произведённое господами Конгривом, Уичерлеем & К^о, как-то компенсировано картиной нравов и обычаев тех дней, собранных на их страницах и разбираться в которых у меня были свои особые причины. Я всё обдумывал этот вопрос, но за день или два до сеанса выбросил его из головы. Во время сеанса наш медиум быстро вошёл в контакт и в состоянии транса произнёс сообщение, содержащее много интересного и серьёзного. Затем он, как ясновидящий, описал одну-две сцены, проверить которые у нас не было возможности. Встреча, таким образом, уже оказалась интересной, но всё ещё не исключала возможности обмана. Затем мы предложили ему писать. Медиум взял карандаш и после нескольких конвульсивных движений написал по записке каждому из нас. Предназначенная мне гласила: «Этот джентльмен – врач. Передайте ему от меня, чтобы он не читал книгу Лея Ханта». Теперь, сударь, я

должен поклясться, что совершенно никому не было известно о моём намерении познакомиться с данной книгой. Более того, это не могло быть и чтением мыслей, поскольку мысленно за весь день я ни разу не обратился к вопросу о книге. Могу только сказать, что если бы я хотел получить какое-то контрольное, подтверждающее сообщение, то я не смог бы выбрать ничего более подходящего. Данный случай не может объяснить ни одна гипотеза, помимо той, которую выдвигают спириты. Записка, предназначенная для одного из моих друзей, затрагивала его частные дела и оказалась столь же поразительно верна, как и моя.

Позвольте мне в заключение призвать всех исследователей никогда не отчаиваться в возможности получения личных доказательств продолжения жизни после смерти, но упорно продолжать работу, невзирая на любое количество неудач, пока наконец убеждённости не придёт к ним. А она непременно придёт. Пусть исследователь сперва заслужит успех своим терпением и серьёзностью – и он достигнет успеха. Но, самое главное, пусть каждый искатель истины помнит, что явления – это лишь средство для достижения цели, само по себе не имеющее смысла и полезное лишь в силу того, что оно даёт нам уверенность в существовании жизни после смерти, и к этой жизни мы должны подготавливать себя, изгоняя прочь все наши низменные животные чувства и поощряя возвышенные благородные порывы. Если человек переступает порог сеансной комнаты не с этими мыслями, то весь сеанс опускается до уровня театра или цирка, т.е. делается обычным прибежищем для увеселения глупого и праздного любопытства. Пусть человек осознает, что душа человеческая, выходя из телесной оболочки, определяет свою судьбу в точном соответствии со своим состоянием; что это состояние зависит от общего итога его дел и мыслей при жизни в теле; что всякий злой поступок запечатлевается в духе и влечёт за собой соответствующее ему наказание с тою же определённой, с какою человек, шагнувший из окна третьего этажа, упадёт на землю; что ни запоздалое раскаяние, ни какие-либо уловки не помогут злодею укрыться от последствий его собственных действий, и что закон этот претворяется сам собою и неотвратимо.* Таков, я думаю, урок, преподанный нам Спиритизмом,

* Здесь хочется привести и слова Дж.Конрада: «Каждый шаг – поступок: за него неизбежно приходится отвечать. И тщетны слёзы, скрежет зубовой и сожаления слабых, кто мучается, объятый страхом, когда приходит миг оказаться лицом к лицу с последствиями собственных действий». (И.Р.)

а всяческие явления и феномены – лишь свидетельства истинности этого ключевого, наиважнейшего факта.

Благоволите извинить моё пространное вторжение на Ваши страницы.

С совершенным почтением,

А.Конан-Дойль,
доктор медицины

«Ивнинг ньюс, Портсмут»
20 ноября 1889 г.

ПО ПОВОДУ КРИТИКИ Г-НА ШАТТА

Милостивый государь!

Я с большим интересом прочитал весьма выдержанное письмо «Церковнослужителя широких взглядов», а также ответы, которые оно за собой повлекло. Правда, с моей точки зрения, автор уклоняется скорее именно в сторону узости, а не широты взглядов, но хорошо само по себе то, что каждая ступень развития религиозной мысли имеет своих поборников. Из столкновения многих мнений может, как известно, высечься искра истины.

В целом, позиция «викария из Саутси» представляется мне довольно уязвимой. Так, он поддерживает тезу об абсолютной и исключительной боговдохновенности «Библии». Но разве он не знает, что в этой книге есть утверждения, которые, как нам доподлинно известно, неверны? Следует ли эти неправды и заблуждения приписывать самому Божеству? Нелепость предположения очевидна. Неужели же Всевышний, обладатель всякого знания, мог бы впасть в ошибки, которым бы улыбнулся сегодняшний школьник? Принадлежит ли Ему авторство утверждения, будто мир был сотворён за шесть дней и что сотворение это состоялось всего лишь около пяти тысяч лет назад, или будто Иисус Навин приказал солнцу остановиться, нимало не считаясь с тем, что оно, относительно Земли, и так неподвижно, а вертится именно сама Земля? Если это так, то приходится тогда скорбеть о нас, раз мы создаём себе такие представления о Божестве. Если же это не так, то что остаётся от абсолютной боговдохновенности Писания?

Уинвуд Рид в своей книге «Мученичество Человека» замечает, что в эпоху Реформации люди сбросили идолов из камня и глины, для того чтобы поставить на их место идола из бумаги и типографской краски. Давайте возьмём из «Библии» всё, что есть в ней хорошего, и употребим с пользой. Но во имя благоговения перед Создателем и уважения к собственному разуму давайте воздержимся от того, чтобы приписывать Всевышнему те свойства, каковые уподобляют Его самому заурядному, хотя и сильно увеличенному в своих размерах человеку, исполненному мелких страхов, зависти и мстительности – качеств, воистину достойных

осуждения лишь в нас самих. Нам не нужна какая-то книга или некое откровение для того, чтобы сказать нам о Его мудрости и силе. Нам довольно звёздных небес, в коих вращаются над нами миллионы миров, дабы понять это с гораздо большей ясностью, чем то могли бы донести до нас слова какого-нибудь еврейского пророка, и есть в нас некое нравственное чувство, ведущее в равной мере как агностика, так и христианина. Чем шире наши взгляды, тем лучше, ибо какой бы широты ни достиг ум человеческий, он будет всё ещё бесконечно узок в сравнении с той конечной истиной, что должна обнять собою всю Вселенную и всё то, что в ней заключается. Пока что же, лучшие наши устремления могут быть выражены словами поэта: «Нет вещи в мире, созданной без цели, нет в нём и *ни единой* жизни, которая была бы предназначена забвению или могла бы быть отринута, словно какой-то мусор, в небытие, ведь в мире, созданном Богом, каждая его частица необходима великому целому».*

Искренне Ваш,
«Врач из Саутси».

P.S. Некий джентльмен, как я вижу, желает знать, в чём, собственно, современная мысль превосходит мысль века XVI-го. Один из признаков прогресса состоит в том, что сегодня дискуссия на эту тему может вестись с учтивостью и без того, чтобы у кого-либо из участников её возникла надобность, и тем более, желание сложить костёр из своих оппонентов.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К РОМАНУ «ПИСЬМА СТАРКА МОНРО»

I

Человек, который заявляет, что мы ничего не можем знать, на мой взгляд, так же неразумен, как и тот, который утверждает, что всё было открыто нам в божественном откровении. Абсолютно

* Стихи А. Теннисона:

That *nothing* walks with aimless feet,
That *not one* life shall be destroyed,
Or cast as rubbish to the void,
When God has made the pile complete.

невыносимой породой людей, я считаю, являются те самоуверенные учёные, которые досконально знают свою узкую область и которым вместе с тем не хватает воображения, дабы уразуметь, какой ничтожной малостью являются сомнительные знания, коими они располагают, в сравнении с необъятностью того, что остаётся нам неизвестным. Такой человек считает, будто существование Вселенной объясняется действующими в ней законами, словно закон не нуждается в своём создателе точно так же, как и существующий материальный мир! Движение снаряда может быть объяснено законами физики, отчего, однако, необходимость наличия инженера ни в коей мере не становится менее очевидной. В нашем мире так уж устроено, что как только появляется фанатик с какого-либо рода крайностями, тут же в противовес ему возникает фанатик прямо противоположного толка, который сводит на «нет» усилия первого. Стоило появиться мамелюку, как тут же возник крестоносец. Раз есть фении,* то нате, пожалуйста, и оранжиста. Каждое действие имеет своё противодействие, у каждой силы – свой откат. Точно так же и эти ограниченные учёные попросту противопоставлены тем джентльменам, которые до сих пор верят, будто мир был сотворён в 4004 году до Р.Х.

В конце концов, истинная наука должна быть солидарна с религией, так как наука есть накопление фактов; а все факты создают основание, из которого мы можем сделать выводы о том, что мы собой представляем и ради чего мы находимся здесь. Но несомненно, что чем более мы всматриваемся в методы, посредством коих получают результаты, тем более поразительной и изумительной становится та Великая Незримая Сила, что стоит за всеми фактами материальной природы, – Сила, которая в целостности и сохранности несёт Солнечную систему в бесконечности космоса и одновременно соизмеряет длину хоботка насекомого с глубиной чашечки содержащего нектар цветка. Что представляет собою этот Центральный Ум? Можно дать догматику-учёному микроскоп с 300-кратным увеличением или телескоп с шестифутовым рефлектором, но ни в микро-, ни в макром мире он не сможет обнаружить следов величайшей силы, движущей всем сущим.

Что сказали бы мы о человеке, которому было предложено рассмотреть огромную и прекрасную картину и который ограничился

* Фении – члены «Ирландского революционного братства», основанного в 1858 году. Боролись за независимость Ирландии от Англии, применяя при этом заговорщицкую и террористическую тактику. (И.Р.)

бы тем, что сказал, что толкование её рисунка, данное кем-то ранее, ошибочно, и из того сразу заключил бы, что картина не была написана художником, или ещё стал бы утверждать, что у него нет никаких средств выяснить, *нарисована* она художником или нет? В последнем случае, на мой взгляд, мы имеем в чистом виде выражение позиции самых крайних агностиков. Можно было бы спросить: «Разве существование картины не является само по себе свидетельством того, что над ней поработал умелый художник?». Тогда приверженец подобных взглядов ответил бы: «Да нет, почему же? Вполне возможно, что картина произвелась сама собой с помощью действия определённых правил. Кроме того, когда я впервые увидел картину, я был уверен, что она произвелась за неделю, но, внимательно её изучив, я могу с полной уверенностью сказать, что для составления её потребовалось довольно значительное время. Поэтому я остаюсь при том мнении, что в высшей степени сомнительно, чтобы она вообще была когда-то нарисована».

Если, с одной стороны, отбросить эту чрезмерную научную щепетильность, а с другой, веру – на том основании, что обе они давно не выдерживают никакой критики, – тогда останется совершенно ясный вывод, что Вселенная самим фактом своего существования подразумевает наличие своего Создателя; а уже из этого факта мы можем вывести некоторые из Его неотъемлемых свойств, как-то: Его могущество, Его мудрость, Его предвидение малейших нужд Его созданий и способность их удовлетворить. С другой стороны, нам не следует быть чрезмерно настойчивыми в прояснении тайны, которая скрывается в боли, жестокости – во всём, что нам представляется тёмным пятном на Его работе. Лучшее, что мы можем сказать о них, это то, что есть основание *надеяться*, что вещи сии не так дурны, как нам кажется и, вероятно, ведут к некой более высокой цели. Плач измученного ребёнка и крики истязаемого животного – это вещи, которым философу труднее всего дать разумное объяснение.

II

Я изучил основоположения нескольких религий. И во всех них меня покорила необходимость насилия, которое я должен совершить над собственным разумом, дабы признать догмы любой

из них. Религиозная этика по большей части восхитительна. Однако это же можно сказать и об этике британского законодательства. Но сам план творения, на котором религиозная этика построена! Право слово, самое поразительное из всего, что я видел за время своего непродолжительного земного странствия, – это то, что такое множество одарённых людей – глубоких философов, хитроумных законников, вполне здравомыслящих светских людей – смогли принять подобное объяснение фактов жизни. Перед лицом их явного одобрения моё собственное мнение не могло бы сделать ничего лучшего, как затаиться внутри меня самого. Да вот только мне придаёт смелости довод, коий совсем не трудно найти при некотором размышлении: ведь величайшие законники и философы Древнего Рима и Греции тоже были все согласны по поводу того, что у Юпитера имелось множество жён и что он большой поклонник выпивки.

Не подумайте, будто я стараюсь принизить чью-либо точку зрения. Требуя терпимости к себе, мы ведь в первую очередь сами должны распространять её на других. Я просто объясняю здесь, какова моя позиция, как не раз делал это и прежде. И я прекрасно знаю, какой мне уготован ответ. Мне так и слышится строгий голос, вещающий: «Имейте веру! Рассудок – не помощник в таком деле». Что ж, чья-то совесть допускает подобные вещи, моя же ни за что мне такого не позволит. Я ведь так ясно вижу, что вера – не добродетель, а порок. Это коза, затесавшаяся среди овец. Если человек по собственной воле закрывает глаза и отказывается от зрения, то всякий согласится с тем, что это безнравственно и оскорбляет природу. И это, однако, не мешает теологам советовать человеку закрыть глаза рассудка – дара куда более ценного – и отказаться от духовного зрения при рассмотрении самого насущного жизненного вопроса.

III

В мире сем я вижу крепкие основания для надежды, а что касается мира грядущего, то я твёрдо верю, что всё будет к лучшему. Я готов принять всё, что ни сочтёт нужным уготовить нам Верховный Владыка – от полного исчезновения до вечного блаженства.

Но многое в перспективах этого мира настраивает сердце человеческое на поющий лад. Добро оказывается всегда поверх зла, как масло поверх воды в бутылке. Человечество неуклонно развивается. Совершается всё меньше преступлений. Роль образования и культуры всё возрастает. Люди грешат меньше и думают больше. Когда мне встречается какой-нибудь малый грубой наружности, я не могу удержаться от мысли, что он и ему подобные суть представители вида, который скоро исчезнет с лица земли, как то когда-то случилось с динозаврами. Но мне кажется, что в интересах зоологических наук нам следует сохранить несколько экземпляров Билла Сайкса, дабы дети наших детей могли видеть, что это был за человек.

И затем, чем более мы прогрессируем, тем наша склонность к прогрессу усиливается. Наше продвижение вперёд происходит не по арифметической, а по геометрической прогрессии. Мы содержим в себе всеохватывающий интерес ко всему капиталу знания и добродетели, накопленному от начала времён. Предполагается, что между эпохами палеолитического и неолитического человека уместится около 80 тысяч лет. И всё же за это время человек только и смог сделать, что научился обтачивать каменные орудия вместо того, чтобы обкалывать их. Но за время жизни наших отцов каких только изменений не свершилось? Железная дорога и телеграф, хлороформ и электричество. Нынешние десять лет значат больше, чем прежние десять тысяч, не столько за счёт обострения нашего интеллекта, сколько потому, что знание, которым мы располагаем, указывает нам путь к гораздо большему. Первобытный человек шёл медленно и постоянно спотыкаясь, мы же стремительно идём вперёд к неведомой нам цели.

И хотел бы я знать, в чём она состоит, эта цель! Разумеется, я говорю о нашей жизни в здешнем материальном мире. С тех самых пор, как человек впервые нацарапал иероглифы на остраконе или накалякал письма краскою на листе папируса, он наверняка должен был так же страстно желать узнать это, как и мы сегодня. Я полагаю, что нам сегодня *известно* немного больше, чем им. У нас есть временной отрезок протяжённостью более трёх тысячелетий, из коего мы можем рассчитать путь, по которому пойдут наши потомки. Но вот только обольщаться не стоит: этот временной отрезок такой крошечный в сравнении с протяжённостью эпох, которые Провидение употребляет для исполнения Своих замыслов, что наши расчёты и выводы касательно Его деятельности скорее всего окажутся эфемерны.

Разумеется, примесь догматизма неизбежно присутствует, коль скоро мы берёмся определять законы касательно своего будущего развития; ибо как мы можем знать, что природою для нас не предусмотрены фазы, о которых у нас нет и понятия? В конце концов, несколько секунд представляют гораздо больший отрезок дня, чем средняя продолжительность нашей жизни применительно к периоду, в течение коего продолжается известное нам время существования мира. Но если бы человек жил только несколько секунд в течение этого дневного времени, а также его сын и сыновья его сыновей, то что бы их объединённый опыт, после сотен поколений, мог сказать им о таком явлении, которое мы называем «ночью»? Так что вся наша история и знание никак не гарантируют нас от того, что мир не предназначен для прохождения через какие-то состояния, о которых мы не можем составить себе никакого понятия.

Поглотит ли цивилизацию варварство? Вот в чём вопрос. Прежде это уже случалось, потому что цивилизации прошлого были лишь крошечными искрами, вспыхнувшими во мраке. Но наша цивилизация, скорее всего, не исчезнет, а вырастет и усложнится. Человек покорит воздушные просторы и морские глубины. Успехи профилактической медицины искоренят болезни и приведут к тому, что причиной смерти останется только старость. Образование и более социалистическая организация общества покончат с преступлениями. Англоговорящие нации объединятся с центром в Соединённых Штатах. Постепенно европейские государства последуют их примеру. Война сделается редкой, но зато, наверное, более ужасной. Современная форма религий упразднится, но суть её останется, так что единая, вселенская вера будет воспринята всей цивилизованной Землёю. Эта вера будет проповедовать доверие к Руководящей Силе вселенной, но и тогда мы будем знать об этой Силе не больше, чем теперь.

IV

Мы знаем, что многие постоянные явления Вселенной *не* являются случайностью. Не случайность, что небесные тела, вращаясь

по своим орбитам, не сталкиваются друг с другом.* Не случайность, что семя обладает приспособлением, перемещающим его на подходящую почву. Не случайность, что существо приспособлено к среде, в которой оно обитает. Покажите мне кита, одетого в толстое пальто из жира, и мне не нужно уже другого доказательства существования высшего замысла. Но в согласии с логикой, как кажется мне, *всё* должно быть либо замыслом, либо случайностью. Я не вижу, как можно было бы провести прямо через всю Вселенную раздел и сказать, что всё по правую сторону является случайностью, а всё по левую предопределено. Нам пришлось бы тогда утверждать, будто вещи, принадлежащие к одному и тому же классу, в действительности разделены непроходимой пропастью и что менее важные регулируются, тогда как более высокие нет. Поясню: мы будем вынуждены допустить, что число сочленений на задней ноге у блохи подразумевает прямое вмешательство Творца, тогда как несчастный случай, в результате которого в театре погибла тысяча людей, зависел от падения на пол восковой свечи и был непредвиденным изъяном в цепи жизненных событий. Так вот мне представляется, что подобное немислимо.

* Здесь невольно вспоминается изумительная глава «О вольнодумцах» в книге Жана Лабрюйера «Характерь», где по аналогичному поводу он говорит, в частности, следующее:

«Итак, я стою на Земле, которая не что иное, как песчинка, которая ни на чём не держится и словно висит в воздухе. Вокруг неё, на высоте, превосходящей все наши понятия, вращается почти бесконечное число огненных шаров невыразимой и потрясающей воображение величины, которые вот уже на протяжении невообразимого количества лет изо дня в день проносятся через безмерные и беспредельные просторы неба. С вас мало этого? Тогда представьте себе, что Земля сама с непостижимой скоростью вращается вокруг Солнца, и все эти шары, все эти колоссальные движущиеся тела не препятствуют вращению соседних, не мешают друг другу, не сталкиваются между собой; в самом деле, что стало бы с Землёю, если бы мельчайшее из них по ошибке встретилось с нею? Напротив, все они занимают свои места, блюдут предустановленный порядок и так невозмутимо следуют назначенным им путём, что ничей слух неспособен услышать их ход, а простолюдины даже не подозревают об их существовании. О, несравненная предусмотрительность случая! Даже разум не сумел бы устроить всё это обдуманнее! Меня смущает только одно: эти огромные тела так точны и постоянны в своём беге, вращении и взаимодействии, что даже некие крохотные животные, затерянные в одном из уголков того неизмеримого пространства, которое называется Вселенной, нашли, понаблюдав за светилами, способ безошибочно предсказывать, в какой точке своего пути окажутся последние через две, четыре, двадцать тысяч лет, начиная с сегодняшнего дня. Вот это и озадачивает меня. Если столь непререкаемые законы соблюдаются лишь благодаря случаю, то что же такое тогда порядок и закон?» (Примеч. *Й.Р.*)

Очень поверхностный довод сказать, что если человек фаталист, то он поэтому перестанет бороться и будет покорно дожидаться того, что ему пошлёт судьба. Утверждающий это забывает, что среди прочих predetermined вещей есть и та, что мы, люди северных рас, *будем* бороться и *не* будем сидеть сложа руки. Но после борьбы, когда человек сделал всё, что знал и мог, и когда, несмотря на это, ожидаемый результат не наступает, пусть он выждет лет десять прежде, чем утверждать, что это невезение. Тогда, скорее всего, полученный итог окажется основной линией его судьбы, которая действует ради определённой цели. Иной человек теряет богатство, но зато приобретает серьёзность. Другой теряет зрение, но это ведёт его к духовности. Девушка утрачивает красоту, зато становится симпатичнее. Мы думаем, что смело идём своим путём, тогда как на самом деле нас всё время держит за руки великая длань Всевышнего.

V

Вообще говоря, человеческая неразборчивость, путающая Творца вселенной с кротким иудейским философом, прямо-таки поразительна. Но я хотел бы привлечь внимание ещё и к другому факту. Ведь если бы Христос был всего лишь хрупким смертным, вроде нас, то его жизнь была бы исполнена для нас гораздо более глубокого смысла. Она тогда бы могла служить идеалом, достичь которого мы бы стремились. А если, с другой стороны, его природа была столь принципиально отлична от нашей, что он и мы находимся на качественно несовместимых уровнях, то его существование теряет для нас всю свою «соль». Для меня совершенно очевидно, что при таком взгляде на вещи, его жизнь утрачивает для нас всю свою красоту и не содержит никакого нравственного урока. Если он был Богом, тогда он *не мог* грешить, и больше здесь говорить не о чем. Потому что обычному человеку, который не Бог и не Божий сын, который грешит по своей природе, совершенно нечему научиться на примере жизни, подобной *этой*. Нам говорят, что *он победил грех* – теологи обыкновенно считают, что повторение цитаты или фразы может служить аргументом. Лёгкая же победа! – скажем на это мы. Римские императоры, как известно, в боевом облачении и в полном

вооружении спускались иногда на цирковую арену и бились с каким-нибудь несчастным гладиатором, обряженным в свинцовую фольгу, проткнуть которую не составляло ни малейшего труда. Согласно расхожим понятиям о жизни нашего Учителя, он противостоял искушениям мира сего с таким преимуществом, что те оказывались для него всего лишь бессильной бронёю из свинцовой фольги, а не теми грозными противниками, каковыми они являются для нас. Признаюсь, что лично я больше симпатизирую слабостям Христа, нежели его добродетели и мудрости, так как оне, полагаю, гораздо ближе мне, принимая во внимание мою собственную слабость. Может быть, «слабость» – не совсем подходящее слово, и лучше сказать «наиболее человеческие черты». И это – его упрёк сибаритам. Разгон, который он учинил торговцам в храме. Вспышки его негодования и гнева в адрес фарисеев. Его довольно неразумное раздражение против смоковницы за то, что она не приносит плодов зимой. Его вполне человеческое недовольство женщиной, которая суетится, когда он говорит. Его согласие с тем, что благовоние лучше было использовать на него, чем употребить деньги, коих оно стоило, на оказание помощи бедным. Его сомнения в себе накануне перелома – всё это позволяет мне увидеть и любить в нём именно *человека*.

VI

Отец Л. представляется мне идеалом священника – готовность к самопожертвованию и чистота мыслей, здравый смысл и природное чувство юмора. Но он обладает не только добродетелями, но и пороками своего сословия: его взгляды крайне реакционны. Мы с жаром обсуждали религиозные проблемы, но теология, которую он отстаивал, застыла где-то в раннем плиоцене. По сути дела, он вполне мог бы обсуждать свои взгляды с духовником при дворе Карла Великого, и после каждого утверждения они наверняка обменивались бы рукопожатиями. Он вполне готов признать сей факт, да ещё усматривает в нём несомненное достоинство. Он называет это постоянством. Интересно, отличайся наши астрономы, инженеры и законодатели таким же постоянством, где бы тогда оказалась наша современная цивилизация? Неужели религия является единственной областью мысли, у которой нет никакой нужды

в развитии, где веки вечные следует соотноситься со стандартом, установленным две тысячи лет назад? Неужели теологи не видят, что человеческий мозг, развиваясь, должен иметь и больший кругозор? Недоразвитый ум создаёт недоразвитого Бога, и кто дерзнёт заявить, будто наш ум достиг уже хотя бы средней степени своего развития? Истинно вдохновенный теолог, будь то мужчина или женщина, прежде всего – человек большого ума. Не лысина, выбритая на макушке; не волосы, достигающие до плеч или собранные в косицу, а лишь культурный, сформированный ум понастоящему возводит человека в разряд избранных.

VII

Правда должна быть такой же широкой, как Вселенная, которой она даёт объяснение, и во всяком случае гораздо шире всего, что в состоянии вместить человеческий ум. Протест против узкой, сектантской мысли всегда выражает стремление к истине. Кто смеет заявлять, будто он имеет монополию на Всевышнего? Это было бы наглостью со стороны Солнечной системы, поступи она так, и всё же сотни мелких шаек торговцев тайною ежедневно тем только и занимаются, что во всю декларируют свою мнимую монополию. Вот в чём состоит истинное богохульство и безбожие.

VIII

Примечательно, что неверующий может быть таким же фанатиком, как и любой верующий, и что в своём противоборстве с догмой человек может быть весьма догматичен. Но, следует иметь в виду, что именно такие люди являются настоящими врагами свободомыслия. И если что и способно повредить последнему, так это именно богохульные и глупые карикатуры, коие так часто в ходу в некоторых атеистических изданиях.

У каждого движения имеется своя толпа последователей, бредущих кто в лес, кто по дрова. Мы словно комета, яркая в голове,

но рассеивающаяся разрежёнными газами в хвосте. Однако каждый человек может говорить за себя, и я не чувствую, что такое обвинение меня касается. Я фанатичен лишь в отрицании фанатизма, и оно представляется мне столь же правомерным, как насилие применительно к самому насильнику. Если только учесть, какое действие искажение религиозного чувства оказывало в ходе мировой истории (вспомните ожесточённые войны христиан и мусульман, католиков и протестантов; преследования, пытки, домашнюю вражду, мелочную злобу, при этом *каждая* вера повинна в пролитии крови), то останется только изумляться, что человечество не поместило единогласно фанатизм в разряд первейшего из смертных грехов. И, без сомнения, утверждение о том, что ни чума, ни оспа не принесли человечеству столько несчастья и горя, как фанатизм, звучит вполне банально.

Меня нельзя обвинить в фанатизме, потому что я от всего сердца уважаю каждого доброго католика и каждого доброго протестанта, а также потому, что я охотно готов признать: каждая из этих форм веры была могучим орудием в руках непостижимого нам Провидения, управляющего всем и вся. Так же, как в ходе истории подчас обнаруживалось, что самые далеко идущие и восхитительные последствия могут проистекать от преступления, так оказывается оно и в религии: хотя вера основана на совершенно нелепом представлении о Создателе и Его путях, всё же она может оказаться весьма полезной для людей принявшей её эпохи. Но если она правильна для тех, чьим интеллектуальным запросам она удовлетворяет, то со стороны тех, чьи запросы она удовлетворить не в силах, справедливо протестовать против неё; в результате именно этого процесса вся масса человечества постепенно приходит в брожение, а затем делает ещё один шаг вперёд в своём духовном восхождении.

Католицизм отличается большей проработанностью деталей, но протестантство более рационально. Протестантство приспособляется к современной цивилизации, католицизм же рассчитывает на то, что цивилизация приспособится к нему. А народ перепрыгивает с одной большой ветки на другую и воображает, будто совершил великолепную перемену, в то время как ствол самого дерева треснул под тяжестью прыгунов и обе ветви в их нынешнем облики раньше или позже обречены на общую гибель. Движение человеческой мысли, при всей его медлительности, неуклонно продолжается в сторону истины, и всевозможные формы религии,

каждая из которых, повторяю, достойна восхищения в своё время, но которые человек отбрасывает по мере того, как продвигается, подобны буйкам, сбрасываемым с борта корабля, чтобы служить для указания скорости и направления его движения.

IX

Мне говорят, что критицизм, подобный моему, исполнен одной лишь страстью разрушения и ничего не в состоянии предложить взамен тому, что он упраздняет. Это не совсем так. Думаю, есть некоторые изначальные, доступные нам истины, не требующие от нас веры для их принятия. И этих истин вполне довольно, чтобы дать нам *практическую* религию, разумную в своей сути до такой степени, что она будет привлекать к себе думающих людей вместо того, чтобы отвращать их, как то было прежде.

Когда все мы вернёмся к этим немногим изначальным и неопровержимым фактам, появится наконец надежда, что можно положить конец мелким разногласиям и распрям между различными религиями, и тогда единая человеческая семья сможет влиться в единую обстоятельную систему мысли.

Когда я впервые вышел из пределов веры, в которой оказался воспитан, у меня какое-то время было такое чувство, что почва ушла у меня из-под ног. Не стану преувеличивать и говорить, будто ощущал свою никчёмность и погрузился в беспросветный мрак духовный. Нет, молодость от этого оберегается жаждой деятельности. Но я испытывал какое-то смутное, непрестанное беспокойство, какую-то мучительную пустоту и неприютность, которых прежде в жизни не замечал. Я настолько, оказывается, отождествил религию с «Библией», что не мог помыслить их раздельно. Когда выяснилось, что фундамент ложен, то и всё здание моей религии с грохотом рассыпалось у меня на глазах. И тогда на помощь мне пришёл добрый старина Карлейль,* с его-то помощью и трудами собственных раздумий я воздвиг свой маленький домишко, в коем с той поры укрываюсь от религиозной непогоды сам и в котором, помимо того, могу приютить одного-двух своих друзей.

* Томас Карлейль (1795-1881) – английский философ, историк и публицист. (И.Р.)

Самое первое и главное, что следует усвоить, так это то, что существование Создателя и указание на Его свойства ни в коей мере не зависят от слов древнееврейских поэтов, ни от изготовленной людьми бумаги и типографской краски. Напротив того, все подобные попытки осознать Его неизбежно умаляют и принижают Его, заключая Беспредельность в узкие рамки человеческих понятий, причём сделано это было в ту эпоху, когда эти понятия в основном были гораздо менее духовны, чем ныне. Ведь даже самый материалистичный из современных умов покоробит утверждение, будто Божество требует от нас массовых казней, а пленных царей приказывает изрубить в куски на жертвенном камне.

Подготовив таким образом свой ум к принятию более высокой (хотя, быть может, и менее ясной) идеи Божества, начинайте изучать Его в Его делах, неподдельных и нерукотворных. Природа является истинным откровением Божества человеку. Ближайший зелёный луг – это вдохновенная страница, на которой вы прочтёте всё, что вам необходимо знать.

Признаюсь, я никогда не был в состоянии понять позицию атеиста. В конечном счёте я пришёл к тому, что вообще не верю в его существование и рассматриваю это слово лишь как форму упрёка со стороны теологов. Под атеизмом можно понимать лишь переходное состояние, временную фазу умственного развития, отрицательную реакцию на человекоподобные представления о Боге. Но я не могу себе и представить, будто человек, пристально изучающий Природу, станет отрицать, что законы, действующие в ней, указывают на существование ума и силы, давших им рождение. Само существование Вселенной является неопровержимым доказательством наличия её Творца так же, как существование стола автоматически указывает на предварительное наличие столяра. Таким образом, об этом Творце можно составить то или иное понятие, но невозможно быть атеистом.

Мудрость, сила и средства, направленные к достижению цели, – всё вписано в дивную систему Природы. Какие же ещё доказательства может нам дать после этого книга? Если человек, взирая на мириады звёзд, воображает, будто оне и их неисчислимые спутники движутся с безмятежным достоинством в пространстве, избегая пересекать орбиты друг друга; если, говорю я, взирая на всё это, человек не может осознать свойств Творца без помощи книги Иова, то его склад ума являет собой величайший абсурд во Вселенной. Но ведь не только в большом мы

видим постоянно присутствующую заботливость некой разумной силы. Самая малая малость не оказывается оставлена ею без попечения. Мы видим, что мельчайшие хоботки насекомых идеально приспособлены для чашечки цветка; что микроскопический волосок и клетка служат в теле определённой цели во благо целого. И какая разница, происходит ли это в результате особого акта Творения или в результате эволюции? Ну, мы знаем, что фактически это произошло в результате эволюции, но ведь сама эта эволюция служит лишь указанием на действие определённых законов. Она указывает на них, но их не объясняет.

И если эта сила позаботилась о пчеле, снабдив её собирательным аппаратом и хоботком, позаботилась о невзрачном семени, наделив его множеством приспособлений, благодаря которым оно достигает наиболее подходящей для него почвы, то мыслимо ли, чтобы мы – высочайшее из всех Её творений – оказались обделёнными? Такое *немыслимо*. Сама эта идея несовместима с системой Творения в том виде, как оно предстаёт перед нами. И я ещё раз повторяю: чтобы достичь уверенности в существовании мудрого Провидения, нам не нужно никакой веры.

А вместе с этой уверенностью мы уже имеем всё необходимое для основополагающей религии. Что бы ни происходило после смерти, наш долг и обязанности в нынешней жизни вполне ясно очерчены перед нами. И этические нормы всех религий до такой степени совпадают, что никакого разногласия мнений по этому поводу быть не может. Последняя Реформация упростила католицизм. Грядущая же упростит протестантизм. И ещё одна реформация, когда мир созреет для неё, совершится в свой час. Постоянно совершенствующийся ум будет открывать перед нами всё более широкую религию. Разве не восхитительно думать, что эволюция продолжает жить и что дело её совершается, и что если предком своим мы имеем человекообразную обезьяну, то потомками нашими в конце концов окажутся архангелы?

Х

Я не верю ни во что способное ограничить силу и доброту Всевышнего. И моя церковь всегда при мне. Кирпичи и известковый раствор не воздвигнут лестницы на небеса. Вместе с Христом я верю,

что сердце человеческое – лучший храм Всевышнего. И мне очень жаль, что кто-то по данному поводу не согласен с основателем христианства.

XI

Я не обладаю красноречием, у меня нет такой профессии. Но я говорю внятно и говорю не более того, что подразумеваю и могу доказать.

Я не претендую на то, будто знаю, что такое истина, ибо она безгранична, а я ограничен; но зато я очень хорошо знаю, что истиной никак не является. Неправда, что религия достигла своего апогея девятнадцать веков назад и что мы навеки вечные осуждены ссылаться на то, что было записано и сказано в те дни. Нет, религия – в высшей степени живое дело, она постоянно растёт и действует, она способна к бесконечному расширению, углублению и развитию, как и все другие сферы мысли. В старые времена было сказано и передано нам много вечных истин в книге, некоторые части которой действительно могут быть названы «святыми». Но осталось ещё и много такого, откровение чего нам ещё только предстоит; и если мы станем отвергать эти вещи потому только, что их нет на страницах «Библии», то мы уподобимся тому учёному, который не принимает в расчёт спектральный анализ Кирсгоффа потому только, что о нём ни слова не сказано в книге Альберта Великого. Современный пророк может носить пальто из тонкого сукна и печататься в журналах и тем не менее служить каналом, по которому передаётся тончайшая струя из хранилищ истины. Всевышний ещё не сказал Своего последнего слова роду людскому, и Он может говорить устами шотландца или американца с тем же успехом, как прежде говорил устами израильтянина. «Библия» – это такая книга, которая передаётся нам маленькими порциями и на последней странице коей должно быть написано не «Конец», а «Продолжение следует».

XII

Я питаю самое высокое уважение к человеческому телу и считаю, что оно было опорочено и оклеветано богословами и святошами:

«наша грубая оболочка», «наша недостойная смертная плоть» – такие и другие подобные им выражения, на мой взгляд, являются скорее богохульством, чем благочестием. Не хвала Творцу поношение Его творения.

XIII

Мне, как медику, довелось однажды иметь дело с дерматоидной кистой, и я остался под неизгладимым впечатлением. Эти кисты представляются мне одной из мельчайших трещинок, через которую можно глубоко заглянуть в тайну лабораторий природы. Пациент пришёл ко мне со вздутием над бровью. Вскрыв его, полагая, что это нарыв, я обнаружил внутри немного волос и рудиментарную челюсть с находящимися в ней зубами. Подобные случаи в хирургии не редкость, и нет такого музея патологии, в котором не имелось бы тому примеров.

Но о чём это нам говорит? Столь удивительное явление должно иметь глубокий смысл. И он, по моему мнению, может состоять лишь в том, что *каждая* клетка в теле обладает определённой латентной силой к воспроизводству всего индивидуума, вернее сказать, его физической оболочки, часть которой она составляет. И, может быть, при каких-то особых обстоятельствах, связанных, например, с какими-то нервными и вазулярными возбуждениями, одна из этих микроскопических единиц телесной структуры берёт и вдруг делает неуклюжую попытку в данном направлении.

XIV

Каждый из нас идёт своей дорогой. Почему я должен обращать других в свою веру? Мне не хотелось бы ради абстрактной истины лишать других людей их детской веры, которая облегчает им жизнь и делает её богаче. В своих бессвязных записках я дал бы неверное понятие о себе, коли вы смогли бы углядеть в них ожесточение против общепринятых форм веры. Я далёк от того, чтобы утверждать, будто

оне все ложны; и я гораздо лучше выражу свою позицию, если скажу, что все оне истинны. Провидение не пользовалось бы ими, не будь оне наиболее подходящими и в этом смысле божественными орудиями. Но то, что оне содержат *окончательную* истину, это я отрицаю, с этим я согласиться не могу. Более простая и более вселенская вера займёт их место, когда ум человеческий созреет для такой перемены. И я верю, что эта новая религия будет основываться на тех критериях абсолютной и доказательной истины, о которых я говорил. Но старые религии до сих пор более подходят к складу некоторых умов и возрастов. Если оне достаточно хороши для Провидения, дабы пользоваться ими в Своих целях, то оне достаточно хороши и для нас, чтобы мириться с ними. Нам остаётся только ждать выживания самой истинной. Если и казалось, что я говорю что-то против них, то на самом деле я говорил против их сторонников, желавших бы ограничить благодать Всевышнего лишь незначительной группой своих приверженцев, или тех, кто желают замкнуть религию за Великой Китайской стеной, не позволяя ей принять в себя новооткрывшиеся истины и без всякой надежды на развитие в дальнейшем. Именно с такими людьми первопроходцы прогресса не могут заключить перемирия.

1894 г.

НЕТ НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО

Не бывает ли иногда так, чтобы умершие возвращались в наш материальный мир с краткосрочным визитом? Даже скептический и рациональный д-р Джонсон держится по данному поводу мнения, что утверждать обратное – значит оспаривать неизменное и постоянное согласие свидетельств всех времён и народов, потому что как самые варварские, так и самые цивилизованные из них сообщали о появлениях умерших и верили в них. Он же добавляет, что сомнение отдельных придир едва ли в состоянии опровергнуть бесспорное для многих, тем более что некоторые из тех, кто отрицают появление призраков на словах, подтверждают его своими страхами на деле.

1895 г.

**«Дэйли экспресс»
7 августа 1906 г.**

СТАНОВИМСЯ ЛИ МЫ МЕНЕЕ РЕЛИГИОЗНЫ? (1)

Милостивый государь!

Мне представляется, что в значительной части корреспонденции, фигурирующей на Ваших страницах в связи с религией, настойчиво просматривается одно и то же заблуждение. И заблуждение это заключается в постулате, будто любая форма ритуала, включая сюда и ритуал хождения в большое каменное здание с целью причащения к великому Незримому, имеет некоторое отношение к истинной религии.

Урок, который преподала мне сама жизнь, гласит, что это совершенно не так.

Я знал самых восхитительных людей, которые ходили в храм, и я знал самых дурных людей, которые делали то же самое. Я знал самых восхитительных людей, которые туда не ходили, и я знал самых дурных, которые также воздерживались от этого. Мне ни разу не встретился человек, который был бы добр потому только, что он ходил в церковь, или зол потому, что не ходил туда. И тем не

менее в большинстве опубликованных статей такого рода практика расценивается как признак возрастания или убывания религии. Но между этими вещами нет никакой связи.*

Действительными признаками возрастания истинной религиозности в обществе являются:

1) наличие более мягкого и вместе с тем более широкого взгляда на эти темы, что позволяет людям, независимо от их веры, жить в мире, дружбе и милосердии;

2) улучшение криминальной статистики;

3) снижение потребления спиртного, являющееся показателем того, что человек обретает больший духовный самоконтроль;

4) уменьшение числа внебрачных связей, являющееся показателем того, что человек обретает больший контроль над своей животной природой;

5) появление большего интереса к чтению, к посещению лекций, к занятию наукой, являющееся показателем того, что ум берёт перевес над телом;

6) увеличение счетов в сберегательных банках, говорящее о бережливости и самоотречении;

7) процветание торговли, являющееся свидетельством большей деятельности и эффективности;

8) увеличение числа благотворительных учреждений и проявление со стороны человека чувства ответственности перед животными.

* Любопытными в этой связи представляются нам и соображения немецкого писателя И.Г.Зейме. В своей книге «Mein Sommer 1805» он пишет: «Ничто более не свято, и всюду с религией обходятся презрительно. Причина сего явления лежит главным образом в том, что людям повсеместно навязывают в качестве сути религии вещи, каковые состоят с ней лишь в весьма отдалённом родстве, а то и не имеют к ней вовсе никакого отношения. Холодная, зачастую противоречивая и рассудку противная догматика, пустые формулы и ничего не значащие церемонии повсюду вменяются людям как нечто существенное и неоспоримо важное в то самое время, как первейшие и святейшие принципы разума, действительно составляющие прочнейшее основание, на котором покоится религия, остаются в небрежении. Учение о Боге и Провидении, о добродетели и пороке, равно как о праве и долге, о счастье и страдании затрагивается теологами лишь в той мере, в какой они это находят нужным для обоснования своих целей. То, что человеку всего важнее и вечно должно быть важнее всего – его обязанности и права – об этом его намеренно держат в неведении и показывают ему лишь вещи, в коих он совершенно ничего не может понять и каковые недолго смогут представляться ему достойными уважения, потому как разум их не одобряет. И так ведут себя все христианские секты». (Примеч. И.Р.)

Такого рода практические показатели, которые действительно отражают происходящий прогресс, гораздо более ценны, чем сугубо поверхностные оценки, затрагивающие соблюдение ритуала, которое может итти, а может и не итти в ногу с качеством жизни.

Есть особая агрессивная форма религии, сама именующая себя «догматической верой». Она принесла человеческому роду больше вреда, нежели чума и голод. Ей мы обязаны не только всей кровавой историей мусульманства, но и всеми убийствами, которые покрыли позором, одно за другим, каждое из направлений христианства.

От имени Христа, этого Апостола мира, сия чудовищная школа мысли, всего лишь через несколько веков после его смерти, учинила такие распри и убийства, о каких и слыхом было не слыхано во времена язычества. Было подсчитано, что только по поводу гомоусианского вопроса – филолого-теологической проблемы, связанной с произнесением дифтонга, – сотни тысяч людей лишились жизни как поборники и жертвы веры.* Крестовые походы, убийства альбигойцев и севеннов,

* Учения о гомоусии и гомиоусии – единосущие и подобосущие (*греч.*). Ариане утверждали, что Бог-Сын в Троице всего лишь подобен Богу-Отцу, их противники, – что Отец и Сын одинаковы по самой своей сущности. В другом месте Конан-Дойль по этому поводу пишет:

«В середине IV-го века состояние христианской религии было возмутительно и позорно. В бедах кроткая, смиренная и долготерпеливая, она сделалась, познав успех, самонадеянной, агрессивной и безрассудной. Язычество ещё не умерло, но быстро угасало, находя самых надёжных приверженцев либо среди консервативной знати из лучших родов, либо среди тёмных деревенских жителей, которые и дали умирающей вере её имя. Меж двумя этими крайностями заключалось громадное большинство рассудительных людей, обратившихся от многобожия к единобожию и навсегда отвергших верования предков. Но вместе с пороками политеизма они расстались и с его достоинствами, среди которых особенно приметны были терпимость и благодушие религиозного чувства. Пламенное рвение христиан побуждало их исследовать и строго определять каждое понятие в своём богословии; а поскольку центральной власти, которая могла бы проверить такие определения, у них не было, сотни враждующих ересей не замедлили появиться на свет, и та же самая пламенная верность собственным убеждениям заставляла более сильные партии раскольников навязывать свои взгляды более слабым, повергая Восточный мир в смуту и раздор.

Центрами богословской войны были Александрия, Антиохия и Константинополь. Весь север Африки тоже был истерзан борьбою; здесь главным врагом были донатисты, которые охраняли свой раскол железными цепями и боевым кличем «Хвалите Господа!». Но мелкие местные распри канули в небытие, когда вспыхнул великий спор между католиками и арианами, спор, рассекший надвое каждую деревню, каждый дом – от хижины до дворца. Соперничающие учения о гомоусии и гомиоусии, содержавшие в себе метафизические различия настолько тонкие, что их едва можно было обнаружить, поднимали епископа на епископа и общину на общину. Чернила богословов и кровь фанатиков лились рекою с обеих сторон, и кроткие последователи Христа с ужасом убеждались, что их вера в ответе

Тридцатилетняя война, инквизиция, надругательства католиков над протестантами и не менее постыдные надругательства протестантов над католиками, преследования неконформистов Церковью, преследования квакеров неконформистами, неисчислимые семейные трагедии и тирании – воистину, если принять всё это во внимание, то читатель будет вынужден допустить, что вера, в её положительно-агрессивном понимании, принесла более зла, нежели голод и чума, вместе взятые.

Все секты были введены в заблуждение людьми одного и того же склада ума, отмеченного нетерпимостью, и все они повинны в пролитии крови. Я знаю лишь четыре культа, сторонники которых могут, думается мне, сказать, что руки их не запятнаны кровью, и это – первоначальные буддисты, квакеры, унитарии и агностики. Разумеется, атеисты не могут претендовать на это, ибо их эксцессы во Франции (во время Революции, а также в 1870 году) были столь же отвратительны, как и у Церкви.*

И что же было коренной причиной всего этого? Только одно: говорить, будто вы верите в то, что ум ваш не может постичь, и в то, что ваш свободный разум зачастую бы отверг. Например, А. выдвигает утверждения, проверить которые нет ни малейшей возможности, и называет всё это своей верой. Б. имеет право делать то же самое. Затем А. и Б. ненавидят друг друга самой священной ненавистью, и вот вам начало одной из мрачайших глав мировой истории. Мы же, подобные остаткам команды, спасающейся на утлом обломке того мира после кораблекрушения, движемся сегодня по поверхности безграничного океана и, живя в мире друг с другом, имеем и без того довольно дел, чтобы не устраивать яростных ссор по поводу того, что находится за линией горизонта.

за такой разгул кровавого буйства, какой ещё никогда не осквернял религиозную историю мира. Многие из них, веровавшие особенно искренне, были потрясены до глубины души и бежали в Ливийскую пустыню или в безлюдье Понта, чтобы там, в самоотречении и молитвах, ждать Второго пришествия, уже совсем близкого, как тогда казалось. Но и в пустынях звучали отголоски дальней борьбы, и отшельники из своих логовищ метали яростные взоры на проходивших мимо странников, которые могли быть заражены учением Афанасия или Ария». (*Примеч. И.Р.*)

* А если мы добавим сюда все зверства, которые совершили над верующими «коммунистические» режимы в России и других странах социалистического лагеря, то всё, соделанное атеистами ранее, о чём говорит здесь Конан-Дойль, представится нам лишь робкой репетицией в преддверии той чудовищной бойни, которую человеческие нетерпимость и недомыслие устроили в нашем XX веке. (*И.Р.*)

Быть может, вы скажете, что как раз в этих самых словах я выказываю религиозную нетерпимость. Но это определённо не так. Если человек на своём пути получает помощь и поддержку от Папы римского, будучи католиком, или от епископа, будучи англиканцем, или от простого священника, будучи нонконформистом, то в каждом из подобных случаев это будет прекрасно, воистину прекрасно, если только всё это позволяет ему стать более добрым, более благородным человеческим существом. Каждая форма веры восхитительна, когда она совершает это. Но когда она обращается в нетерпимость и презирает и оскорбляет тех, кто прибегает к иным методам, то всё это оказывается уже современной мещанской ярмаркой тех пороков, которые в истории отметили собой самые мрачные и самые кровавые из человеческих преступлений.

Артур Конан-Дойль

СТАНОВИМСЯ ЛИ МЫ МЕНЕЕ РЕЛИГИОЗНЫ? (2)

(ответ сэра А.Конан-Дойля)

Господа! У меня не было желания оказаться втянутым в трясину теологической дискуссии; но в ответ на категорический вопрос г-на Поллока касательно моего взгляда на ряд текстов я могу лишь напомнить ему слова Основателя Христианской Веры о том, что *буква убивает* и что *добродетель обретается только в духе*.

Настаивать на буквальном значении текстов – значит, говоря словами Уинвуда Рида, «сбросить идолов из дерева только за тем, чтобы поставить на их место идолов из бумаги и типографской краски». Эти печатнобумажные идолы были и являются оружием теологов и клерикалов, с помощью его они с самых первых дней христианства посеяли раскол и смуту. Каждая секта может найти себе подтверждение в тексте, и вместе с тем любая другая может найти там же подтверждение для того, чтобы оспаривать первую.

Когда, например, католик находит своё учение о причастии в буквальных словах текста: «Се есть тело моё, и се есть кровь моя», то, кажется, ничто не может быть в словах выражено более ясно. И тем не менее протестант решительно отрицает правомерность такой трактовки и настаивает на метафорическом понимании. Для унитария же существует множество текстов, которые ясно показывают ему, что Христос не имел притязаний на Божественность.

Если мы примем во внимание источник происхождения евангелий, их перевод с языка на язык и сам по себе факт, что каждый пересмотр уличал текст в ложности, то нам будет совершенно непостижимо, как было бы можно из таких данных построить какую-либо абсолютно жёсткую и неопровержимую систему.

Но дух «Нового Завета» в достаточной степени прозрачен – в нём и заключается оправдание христианства.

Артур Конан-Дойль

**СТАНОВИМСЯ ЛИ МЫ
МЕНЕЕ РЕЛИГИОЗНЫ? (3)**
(общий итог)

Сэр! У меня не было намерения вновь вмешиваться в интересную полемику, происходящую на Ваших страницах, но столь многие из участников её указывали на моё первоначальное письмо, что могло бы показаться неучитивым, если бы я оставил без внимания их возражения.

Эти возражения по большей части исходят со стороны церковнослужителей. Во все времена любая попытка как-то расширить горизонты мысли и раздвинуть сферу приложения милосердия в истолковании отношений между человеком и его Создателем всегда встречала решительное противодействие со стороны церковников. Однако история учит, что этому противодействию никогда не удавалось остановить постепенное высвобождение человеческого разума из железных оков ритуала и догмы; самое большее, что ему иногда удавалось сделать, – это слегка затормозить подобное высвобождение. Мы в наш век достаточно удачливы уже тем, что и в самом духовенстве, на всех ступенях его иерархии, имеются люди, которые признают, что их религии должны становиться более терпимыми и выказывать более понятливости, если только они не хотят, чтобы цивилизованный мир от них полностью отвернулся.

Но тот, кто знает, сколь велик процент самых серьёзных и мыслящих людей в нашей стране, уже вышедших за пределы догматической веры, согласится, что такой исход ни в коей мере не является невероятным.

Слово «религия» по ходу полемики постоянно используется там, где, как мне кажется, было бы более уместным употребить термин «ритуал». Религия есть связь между каждой человеческой душой и Создателем, и внешним выражением её являются поступки индивида. Все канонические предписания, ритуалы и догмы являются орудиями души в её развитии. До тех пор, пока они содействуют этому развитию, существование их оправдано. Но как только их содействие прекращается, они становятся окаменелыми формами,

препятствующими нормальной жизни и росту, и тогда существованию их нет уже никакого оправдания. Но всегда «по плодам их узнают их», и если применять именно этот критерий, то необходимо признать, что Англия сделала значительные шаги вперёд по пути улучшения и поэтому стала более религиозной в истинном смысле слова.

О каких, спрашивается, «благочестивых днях» скорбят здесь некоторые? Те ли это, что были отображены Хогартом и описаны Филдингом? Когда ещё Англия была столь рассудительна, столь разумна, столь благовоспитанна, столь процветающая и трудолюбива, как сегодня? Что же до упадка этих форм и церемоний, то, невзирая на то, что многие оплакивают их, другие могут видеть в этом упадке только зарю более здоровых, добрых и милосердных дней. Я верю, что наши потомки, оглядываясь на наш век, не только будут видеть в нём век тьмы и предрассудка, но и признают за ним значительный прогресс по сравнению с ещё более тёмными веками, ему предшествовавшими.

Настаивать на догме и ритуале, или «религии» в смысле, в котором ошибочно употребляют это слово, – значит неизбежно приводить человечество к вечному расколу на соперничающие фракции, поскольку невозможно себе даже представить, будто какая-то одна секта окажется в состоянии поглотить все другие. Один из Ваших корреспондентов очень хорошо говорит о нашем небольшом земном корабле, плывущем по космическому морю с приданным ему компасом. Но по опыту мы ведь знаем, что нет двух людей, которые бы одинаково видели и читали показания компаса. Божественный Создатель действительно даровал нам такой компас, и это есть разум – благороднейшая из всех человеческих способностей. И разум этот говорит нам, что если только каждая секта ослабит непреклонность своей доктрины и станет настаивать на пунктах, которые объединяют её с соседями, вместо того чтобы подчёркивать и усиливать те, что её изолируют, то появится определённая надежда на постепенное примирение теологических разногласий, которые, как я уже сказал, не имеют никакого отношения к истинной религии и были на протяжении всей человеческой истории только источниками кровопролития и всяческих бедствий, причём в гораздо большей степени, чем все иные причины их, вместе взятые.

Некоторые из Ваших корреспондентов-церковнослужителей называют меня агностиком. Какою бы ни была моя личная вера, этот вопрос представляет для других весьма микроскопический интерес.

Но поскольку слово сказано, то я должен заявить, что не являюсь агностиком, хотя и выказываю к этой школе мысли то уважение, которое питаю ко всем серьёзно мыслящим людям. Я сторонник христианской системы в её простейшей и наименее догматической форме, поскольку в целом она есть самая благородная школа мысли, выработавшаяся по ходу развития земного человечества, хотя она и была настолько сильно обременена фанатиками и формалистами, что порой вообще затруднительно увидеть её первоначальные черты. Не бритая голова (или чрезмерно длинные волосы и окладистые бороды, как то принято в православии, – (И.Р.), но всеохватывающее милосердие в сердце составляет суть этой веры. Я являюсь также убеждённым теистом и глубоко верю в непосредственное влияние, которое Направляющая Сила оказывает на дела этого мира.

Наконец, я должен сказать, что не верю в то, будто Божественное Послание человеческой расе было раз и навсегда передано две тысячи лет назад, но считаю, что каждое произведение в прозе или стихах, при условии, что оно содержит в себе нечто полезное для индивидуальной души, является в определённом смысле посланием Мира Иного – посланием, которое растёт и развивается, как то и положено всему живому.

Свои размышления на эту тему мне бы хотелось завершить словами поэта, созвучными с тем, что было сказано выше: «Все системы и школы нашей мысли преходящи: оне приходят в свой день и затем исчезают. Но все оне суть искры, вспыхивающие от света Твоего, ибо Ты, Господь, ярче их всех»*.

Артур Конан-Дойль

* Стихи А. Теннисона:
Our little systems have their day;
They have their day and cease to be;
They are but broken lights of Thee;
For Thou, oh Lord, art more than they.

«Скотсмен»
15 октября 1900 г.

ДОКТОР КОНАН-ДОЙЛЬ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Милостивый государь!

Мне пришлось подождать, пока не спадёт ажиотаж вокруг избирательной кампании, прежде чем адресовать Вам это письмо в надежде, что Вы поможете мне таким образом обратиться к избирателям центрального района по поводу недавней предвыборной гонки.

Наверняка те, кто следил за событиями в этом избирательном округе, помнят, как утром в день выборов на стенах появились триста плакатов, утверждавших, будто бы я – папский заговорщик и эмиссар иезуитов, призванный вести подрывную работу среди прихожан-протестантов. Нет сомнения в том, что эти плакаты, встречавшие рабочих, когда те утром шли на работу, нанесли мне значительный ущерб. Если я добавлю, что оказавший решающее влияние на ход выборов плакат не содержит в себе ни слова правды, то станет ясно, что инцидент являет собой пример вопиющего общественного скандала. В самый последний момент, когда не оставалось времени для опровержения с моей стороны, избиратели оказались вдруг под воздействием злобного и клеветнического заявления.

Я никогда не стал бы афишировать свои религиозные взгляды, но тема была поднята настолько недвусмысленно, что теперь этого невозможно избежать. Позвольте мне раз и навсегда прояснить свою позицию.

Я не являюсь последователем Римской Католической церкви; более того, не был им со школьной скамьи. В течение двадцати лет я страстно выступал в поддержку полной свободы совести и считаю, что любая заскорузлая догма недопустима и в сущности антирелигиозна, поскольку голословное заявление она ставит, вытесняя логику, во главу угла, чем провоцирует озлобленность в большей степени, нежели любое иное явление общественной жизни. Нет, наверное, ни одной книги, в которой я не пытался бы выразить это своё убеждение; одна из них – «Письма Старка Монро» – целиком посвящена этой теме.

Если я добавлю, что посещаю в Лондоне церковь мистера Войзи на Своллоу-стрит, то станет очевидно, насколько терпим я в своих религиозных взглядах, основывающихся на почтительном теизме, а не на учении той или иной секты. Думаю, самый благоприятный с точки зрения счастья человечества ход развития религиозной мысли в будущем состоит в том, чтобы представители различных вероисповеданий обратили своё внимание на имеющуюся между ними общность вместо того, чтобы делать упор на разделяющие их догматические и ритуальные элементы, к сути христианства не имеющие никакого отношения.

Вот и всё о предмете, к обсуждению которого мне не хотелось бы возвращаться. Мои давние связи с католической церковью не оставили во мне никаких горьких чувств по отношению к этому глубокоуважаемому институту, в рядах которого состоят самые благочестивые люди из тех, что встречались мне на жизненном пути. Вспоминая собственный опыт недавнего прошлого, я могу достаточно ярко представить себе, каким клеветническим нападкам они подвергаются. Но каждый человек несёт в себе собственные душу и разум; руководствуясь их зовом, он и должен идти вперёд. Этот прямой путь открылся передо мной с той поры, как я оставил позади детские годы.

Таковы мои религиозные убеждения; пусть теперь читатели сами судят, насколько несправедливы были обвинения, использованные в этих оскорбительных плакатах. В высшей степени авторитетные источники проинформировали меня о том, что недавно принятый Закон о противоправных действиях от 1895 года предоставляет мне реальный способ юридического воздействия на нарушителей. Однако, как бы ни наказали теперь человека, несущего ответственность за появление плакатов, ничего этим уже не исправишь. Я предпочёл бы огласить факты в надежде, что это само по себе предотвратит повторение столь вопиющего безобразия.

Искренно Ваш,

А.Конан-Дойль

«Реформ-клуб», Лондон
13 октября 1900 г.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ДУШОЙ, КОГДА МЫ ТЕРЯЕМ СОЗНАНИЕ? (1)

Моё внимание к этому вопросу было довольно энергично привлечено двумя недавними событиями, одно из которых произошло со мной лично, а другое случилось в моей семье.

Первое, и менее значительное, касается лично меня. Две недели назад мне пришлось быть под наркозом у дантиста. Меня привезли туда в кэбе жена и двое сыновей. Затем перед началом операции они уехали. Всё то время, что я находился под действием наркоза, я очень ясно сознавал, что вернулся в движущийся кэб и что я мог очень живо видеть его пассажиров, хотя при этом и понимал, что они видеть меня не могли. Впечатление это, разумеется, было совершенно субъективно, что однако нисколько не мешало ему быть очень отчётливым.

Второй случай гораздо более убедителен. Мой пятилетний сын Эдриан тяжело заболел воспалением лёгких и лежал в полукомадном состоянии с температурой 40 градусов. Моей жене, ухаживавшей за ним, что-то понадобилось в другой комнате, и она на минуту вышла из детской. Старший сын, Дэннис, сидевший на стуле, соскочил в это время на пол и нечаянно наступил при этом на нескольких оловянных солдатиков. Жена, боясь оставлять больного надолго без присмотра, быстро вернулась в комнату. Больной ребёнок при её приходе открыл глаза и сказал: «Дэннис плохой: он топчет моих солдатиков!»

За пять дней своей болезни Эдриан ни разу не вспомнил о солдатиках, стало быть, это замечание выходило за рамки совпадения. Не могло это быть и передачей мысли моей жены, поскольку ясно, что она думала в эту минуту лишь о больном. Я могу объяснить это только предположением (которое, впрочем, подтверждается большим количеством доказательств) о том, что душа в таких случаях может быть и, вероятно, всегда бывает вне тела, и что порой, при довольно редких условиях, определить которых мы пока ещё не можем, она оказывается способна передать телу наблюдения, произведённые ею во время её независимого полёта.

Эти условия должны были существовать в классическом случае сэра Райдера Хаггарда. Напомню, что несколько лет назад он написал

письмо в «Таймс», в котором обстоятельно изложил все подробности. У него пропала любимая собака. Во сне он увидел, что она лежит возле железной дороги, место это живо запечатлелось в его уме. Предпринятые розыски действительно позволили найти её в этом самом месте. Нет никакой причины к тому, чтобы именно этот участок железнодорожного пути случайно привиделся ему во сне вместо какого-то иного, соседнего.

Другой классический пример – история ред-барнского убийцы в XVIII столетии. В этом случае матери трижды приснилось, что она видит труп дочери спрятанным на известном чердаке. Чердак осмотрели, и тело было найдено. История сообщает великое множество подобных случаев. Все они находят приемлемое объяснение в предположении, что душа обладает способностью перемещения подобной той, что имеется у воздушного шара, привязанного нитью, – эта-то «нить» мгновенно и возвращает её назад в тело. В таком предположении нет ничего сверхъестественного. Оно лишь раскрывает новый закон в области, до сей поры мало ведомой. По видимости, существует некий барьер, своеобразный «выключатель» между телесной жизнью и жизнью вне тела. Когда этот выключатель по какой-то причине не срабатывает, то воспоминания из одной жизни переносятся у нас также и в другую.

Эта тема имеет глубокое религиозное значение. Есть, на мой взгляд, нечто крайне удивительное в том, что Церкви проявляют так мало интереса к психическим исследованиям. Этот предмет затрагивает самые основы существования Церкви. Это единственный путь доказать самостоятельность души, и по меньшей мере он означает собой *возможность* её существования отдельно от органов тела. Если мы признаём факт, что привязанный воздушный шар может висеть в воздухе и быть отдельным от того, к чему он привязан, то нетрудно сделать и следующий шаг, признав существование этого шара и после того, как привязывающая его к земле нить оборвётся. Самые последние успехи знания – а каждый такой успех воистину возобновлённое Божественное откровение – даёт нам причины для уверенности в том, что это так и есть. Мейерс, Герней и Ходсон – такие же посланцы истины из Мира Потустороннего, как Исайя или Амос, но только по британской моде они говорят холодно и ясно, не прибегая к страсти и декламации, украшающей речь на Востоке. Их послание коснулось слуха многих и укрепило их дух, но оно, как мне

кажется, не оказало никакого прямого религиозного влияния, чего мы вправе были бы от него ожидать. Лично мне не известен ни один довод в пользу сохранения нашей индивидуальности после смерти, помимо фактов, доставленных психическими исследованиями. Но они настолько сильны, что должны перевесить все прочие, подобно тому как положительное всегда должно перевешивать отрицательное. Одна сотня тщательно наблюденных, изученных и удостоверенных фактов будет всегда более убедительна, нежели миллион отрицаний, не подкреплённых исследованием.

С совершенным почтением,

Артур Конан-Дойль

«Лайт»

13 мая 1916 г.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ДУШОЙ, КОГДА МЫ ТЕРЯЕМ СОЗНАНИЕ? (2)

Сэр! Я должен снова писать под тем же заголовком, чтобы поблагодарить многочисленных корреспондентов, откликнувшихся на поднятый мною вопрос. Помимо писем, адресованных в «Лайт», я получил множество примеров, посланных мне в частном порядке, и аналогичная переписка с читателями была проведена в хорошо известном лондонском еженедельнике «Т.П.'с Уикли». В результате удалось собрать огромную массу вполне определённых свидетельств. Этот материал я изложу в более пространной статье, объём которой позволит мне уделить внимание доказательствам и сделать некоторые общие выводы.

Мисс Лилиан Уайтинг и двое других корреспондентов не разделяют моей теории о том, что душа, или дух, в это время вылетает из тела, словно воздушный шар, привязанный на психической нити, с помощью которой она может быть мгновенно возвращена в тело. Они придерживаются по этому поводу той точки зрения, что мы обладаем естественным духовным зрением, которое всеохватывающе и только лишь притупляется телом. Однако, поскольку во всех приведённых случаях в пространственно-временном отношении получены вполне определённые результаты и поскольку выдвигаемая ими точка зрения

может объяснить далеко не все случаи, а только некоторые из них, то я продолжаю придерживаться мнения, что вылетание и парение сенситивного организма, ограниченного в своей возможности восприятия, является предположением, всего более приближающимся к объяснению фактов.

Примеров так много, они настолько хорошо удостоверены и настолько выходят за рамки совпадения, что остаётся только удивляться тому, как человек, называющий себя учёным, мог пренебречь ими как «недостойными научного рассмотрения». Такие учёные, составившие себе о Вселенной концепцию а priori, попросту игнорируют самые элементарные факты, стоящие на пути их гипотезы. Остаётся только поражаться тому, что умы столь острые внутри своей специальной сферы оказываются настолько неряшливы и нелогичны, как только они выйдут за её пределы. Невозможно забыть знаменитые слова Гексли, произнесённые после того, как он услышал или прочитал какие-то глупости по поводу спиритического сеанса. «Если это правда, – сказал он, – то это интересует меня не больше, чем поповские сплетни в монастыре». И это человек, который сделал себе имя тщательной классификацией раков и медуз, что однако нисколько не помешало ему проглядеть целый класс новых и неведомых существ из-за того только, что какие-то отдельные ментальные феномены, с которыми он поначалу столкнулся, оказались не соответствующими его предвзятым идеям о том, какими бы им следовало быть. Это так же разумно, как если бы какой-нибудь отшельник, выйдя в мир, отказался признать существование человеческой расы из-за того только, что первым ему встретился беспризорный мальчишка, произведший на него весьма плохое впечатление. Так называемая наука в течение ста лет отрицала месмеризм. Затем она назвала его «гипнотизмом» и признала его. Несомненно, придёт день, когда она найдёт новое название и множеству психических феноменов, оспариваемых ныне, и тем доставит себе полное умиротворение.*

Ваш, и т.д.,
Артур Конан-Дойль

* Похоже, этот день, если ещё и не пришёл, то уже грядёт. И наша нынешняя наука действительно собирается доставить себе умиротворение, о котором идёт речь, называя вещь эвфемистическими и неточными именами «новой психологии», «парапсихологии», «экстрасенсорики» и т.п., вместо запретного, но зато настоящего имени, которое звучит коротко и ясно – Спиритизм. (И.Р.)

«Дэйли мэйл»
7 февраля 1917 г.

«ПРИВИДЕНЩИНА»

Озаглавив таким образом свои комментарии о спиритуализме в «Дэйли мэйл», выказал ли тем г-н Киплинг Каммен свой ум и чувство юмора?

Каково бы ни было его личное мнение, он должен вполне сознавать, что если сам он дал как нельзя более поверхностный обзор предмета, то зато у множества первоклассных умов убежденность в сохранении нашей индивидуальности и возможности сообщения после смерти возникла в результате тщательного и длительного изучения улик и фактов действительности.

Люди самых высоких моральных качеств не только в этой стране, но и в Америке, Франции, Германии, России и Италии подтвердили наблюдения друг друга, и многие, бывшие поначалу материалистами, смогли впервые получить более широкое представление о Вселенной благодаря именно психическим исследованиям. Некоторые смогли притти к таким результатам благодаря вере, но поскольку разные религии ведут человека по разным направлениям, то ему оказывается затруднительным узнать, какой же из них он должен следовать, если только он не достаточно самонадеян, чтобы поверить, будто ему посчастливилось родиться именно там, где религия исповедуется истинная.

Лично я не знаю, не ведаю ни одного весомого довода в пользу продолжения нашей жизни после смерти (ведь все аналогии, имеющиеся в природе, на первый взгляд, дают нам доводы как раз против такого её продолжения), помимо того только, который доставляется нам опытами в психических исследованиях. И поэтому придание этим исследованиям разных глупых и пошлых названий никоим образом не может быть полезным.

Артур Конан-Дойль

ОТЕЦ ВОГАН И СПИРИТИЗМ

Уважаемые Господа!

История его собственного ордена, столь часто подвергавшегося несправедливым нападкам, должна была бы научить отца Вогана тому, что следует быть более умеренным в порицаниях, когда делаешь их другим.

Его статья о Спиритизме на Ваших страницах обнаруживает всю нетерпимость и дух травли, отличавшие в своё время печально известную инквизицию. «Воистину это так, и я объявляю, что мы должны очистить страну от этих шарлатанов!» Используя такие слова, он, видимо, не имеет в виду медиумов-обманщиков, тем более что предложение продолжается с плохо завуалированным намёком в сторону сэра Оливера Лоджа. Если бы падре Воган ограничился выпадом против медиумов-обманщиков, то он имел бы на своей стороне как существующие английские законы, так и всех порядочных спиритов, ибо эти шарлатаны всегда были проклятием движения.

Однако, из контекста видно, что он ополчается как раз на тех, кто верят в то же, во что верят те немногие, кто действительно наблюдали и изучили факты. Эти верования сводятся, во-первых, к тому, что умершие, пережив смерть, сохраняются в том же виде, в каком мы знали их прежде; во-вторых, что общение с ними не является абсолютно невозможным; и, в-третьих, что многие люди убедились в реальности грядущей жизни или же были обращены в веру о ней подобными опытами и таким образом извлекли для себя из этих последних огромную духовную пользу. В самом деле, можно сказать, что единственный убедительный ответ материализму заключается именно в феноменах Спиритизма.

Я могу заверить отца Вогана, что люди, верящие в это, так же добры и серьёзны, как и он, и отличаются даже гораздо большей открытостью ума и милосердием. Когда же он говорит о преследовании их за веру и убеждения и о необходимости «очистить» от них Англию, то переходит на язык, который звучал зловеще в пятнадцатом веке и уж совершенно неуместен в веке двадцатом.

Артур Конан-Дойль

«Дэйли экспресс»
2 ноября 1917 г.

ГОЛАЯ ПРАВДА

Сэр! Отвечаю на вопрос Вашего корреспондента. Причина того, что духи носят одежду, заключается в том, что благопристойность не прекращается вместе с жизнью. Разве когда-нибудь было в обычае Церкви изображать ангелов голыми?

Артур Конан-Дойль

«Лайт»
26 января 1918 г.

В ПОДДЕРЖКУ ЖУРНАЛА «ЛАЙТ»

Сэр! Прошу принять мой взнос в размере 10 фунтов стерлингов в качестве годовой подписки на Ваш журнал. Если у журнала возникнут финансовые трудности, то я всегда готов присоединиться к тем, кто возьмут на себя их покрытие. Богатство, несомненно, изнеживает как отдельного человека, так и всякое предприятие, но Вы, думается мне, находитесь в таком положении, что имеете право не просить помощи, а требовать её, подобно тому как апостол Павел требовал от первых церквей необходимых денег для себя и для своей проповеднической деятельности. Вы представляете самое жизненно важное религиозное дело, какое сейчас только есть на Земле, Вы даёте единственно убедительный ответ против материализма, и немислимо допустить, чтобы Вы испытывали трудности из-за недостатка средств.

Ваш Артур Конан-Дойль

ЧЕРИТОНСКОЕ БОМБОУБЕЖИЩЕ

Сэр! В статье под заголовком «Два привидения – причина аварий во время войны» Вы, опираясь на авторитет г-на Каннингэма Крэйга, утверждаете, что странные феномены в Черитоне вызваны «выделением природного газа». Будет ли мне позволено сказать, что подобное объяснение представляется верхом нелепости всякому, кто ознакомился с фактами на месте происшествия? В данном случае существует по меньшей мере семь свидетельств касательно левитации тяжёлых предметов, каковыми являются обломки кирпича, стулья и ломы, и я сам видел выбоины, сделанные в свежей кирпичной кладке попаданием в неё тяжёлых снарядов. В самом деле, необходимо крайнее легковерие, чтобы уверовать в то, будто всё это вызвано выделением природного газа.

Было зарегистрировано множество случаев полтергейста, или проявления озорных духов, и все случаи эти весьма близки к черитонскому феномену, каковой, таким образом, никак не может рассматриваться как совершенно изолированный факт, но скорее лишь как подтверждение множества предшествующих примеров.

Артур Конан-Дойль

«Джорнэл оф Сэсайти
фор Сайикл ризёч»
Январь 1919 г.

ПРОРОЧЕСТВО

Сударыня! Утром 4 апреля 1917 года я проснулся с таким впечатлением, будто во время сна мне была передана некая важная информация. У меня было ощущение, что информация эта имела

характер самый утешительный. Однако мне припоминалось всего лишь одно слово: «Пьяве». Оно буквально звучало у меня в голове. Пьяве! Пьяве! Казалось, что это какое-то ключевое слово и, сумей я сосредоточиться на нём, мне тем самым удалось бы добраться до сути и всего сообщения.

Несомненно, слово это где-то попадалось мне во время чтения. Вполне определённо и то, что во время посещения итальянского театра военных действий я переезжал и через саму реку, но названия больших рек мне не запомнились, за исключением разве что Изонцо, по берегам которой в ту пору как раз проходила линия фронта. Слово «Пьяве», таким образом, ничего для меня не значило. Всё это, однако, произвело на меня в то утро такое сильное впечатление, что я сразу же пошёл в кабинет и заглянул в указатель атласа. Так я узнал, что слово это является названием реки, находящейся на расстоянии 50 миль в тылу от тогдашней линии итальянского фронта, по всей ширине которого союзники вели победоносное наступление. В ту пору всего невероятнее было представить, будто линия фронта сможет ещё настолько отодвинуться назад и достигнуть Пьяве. Тем не менее, повторяю, я находился под столь сильным впечатлением от узанного во сне, что сразу же решил сделать соответствующую запись. Из неё следовало, будто мне известно, что некоторое важное событие в ходе всей войны должно будет произойти на данном рубеже. Я пометил запись 4-м апреля 1917 года. Всё это по моей просьбе было удостоверено двумя свидетелями. На основании того, что пробуждение у меня сопровождалось приподнятым состоянием духа, я сделал вывод, что событие это должно быть благоприятного свойства, хотя мне и было совершенно непонятно, как это благоприятное для исхода войны событие могло произойти где-то в тылу, а не на передовой.

То, что итальянская армия шесть месяцев спустя была отброшена со своих позиций назад, сегодня является уже историческим фактом. Во время этого отступления я отослал скреплённый печатью конверт в О.П.И., сопроводив его соответствующим объяснением. Армия, отступая, поочерёдно задерживалась на определённых позициях, таких как Тальяменто, где казалось возможным закрепиться, и в конце концов отступление остановилось всё-таки именно на рубеже Пьяве, хотя он и расценивался как непригодный для обороны из-за чрезмерного удаления командного пункта от передовой. Такой была

ситуация в феврале 1918 года, когда я писал «Новое Откровение». Описывая это событие, я сказал тогда: «Если только не произойдёт что-то ещё, то можно считать, что ссылка на данное название целиком подтвердила свою правильность, и я полагаю, что кто-то из друзей, живущих в мире ином, предупредил меня о грядущем событии. Я, однако, надеюсь ещё, что здесь имелось в виду событие и более важное, чем простое прекращение отступления, и что некая окончательная победа союзников, если она произойдёт на этом рубеже, означает собою реальность того необычного способа, каким это географическое название попало в мою голову». Это суждение вышло из печати в апреле 1918 года.

А теперь следует напомнить, что первое сражение у Пьяве произошло 17 июня 1918 года. Это не было решающей победой, но всё же это была победа, и необходимо учесть, что дата эта обозначила поворотную точку в ходе всей войны. До этого времени союзники в том году понесли три поражения: во второй битве при Сомме, в битве при Лиссе и во второй битве при Эне. И 17 июня перспективы вырисовывались весьма мрачные. Но после победы при Пьяве союзники больше ни разу не отступили и на всех фронтах одерживали одну победу за другой, кульминацией чего в Италии и стала вторая битва при Пьяве, имевшая для исхода войны решающее значение. Таким образом, передав мне название «Пьяве», мой ангел-хранитель вручил мне ключевое слово, раскрывающее всю ситуацию.

Неужели же кто-то дерзнёт объяснить это совпадением? Думаю, что такое немыслимо. Если даже моему подсознанию и было известно, что есть в Италии река под названием «Пьяве», всё равно это не смогло бы передвинуть итальянскую армию на её берега. Было ли это в таком случае телепатией? Но ни один человек на свете не мог тогда предвидеть такой именно ход событий. Что же, спрашивается, это было? Я утверждаю, что единственно возможное объяснение следующее: мои друзья из мира иного, зная о том, сколь сильно я был озабочен таким положением дел, дали мне утешение и соответствующее знание. Обыкновенный дух, насколько мне известно из теории и собственного опыта, обладает лишь весьма ограниченным и неопределённым даром пророчества. Таким образом, у меня есть некоторые причины надеяться, что моя информация пришла из более высокого источника. Почему именно

мне было оказано такое предпочтение перед другими, остаётся для меня вопросом, выходящим за пределы моего разума.

*Артур Конан-Дойль**

«Нэйшн»
8 февраля 1919 г.

НОВЫЙ СПИРИТУАЛИЗМ

Сэр! Я замечаю, что г-н Клодд сокрушается по поводу моей неспособности понять принципы научного исследования. Это и в самом деле прискорбно, но поскольку я заблуждаюсь вместе с Лоджем и Уоллесом, Фламарионом и Ломброзо, Рише и Джеймсом, Мейерсом и Круксом, то я всё ещё не отчаиваюсь даже перед критикой г-на Клодда.

Что касается довольно грубых и приблизительных проверок полковника Уоррена, то моему оппоненту прекрасно известно, что, если бы рукопись, претендующая на то, что она окончание «Эдвина Друда», появилась, то он первый бы и опроверг её как подложную. Что же касается сообщений с кораблей, то, читай он внимательней, он

* Скреплённое печатью письмо, на которое выше ссылается сэр Артур Конан-Дойль, было получено секретарём Общества психических исследований 7 ноября 1917 года (в роковой, к слову сказать, для России день) с пометкой – «вскрыть конверт только по требованию отправителя». Такое требование поступило 20 ноября 1918 года, и члены лондонского О.П.И. прочитали следующее:

«Уиндлшэм, Кроуборо, Суссекс

4 ноября 1917 г.

Весенним утром 1917 года я проснулся со словом «Пьяве» в голове, которое звучало как кульминационный пункт моего сновидения, из коего я однако больше ничего вспомнить не мог. Само слово мне ни о чём не говорило, но я смутно чувствовал, что это какое-то географическое название. Из указателя в атласе мне стало известно, что это название реки на незначительном удалении от тогдашней линии итальянского фронта. На указанные факты я в то же утро обратил внимание жены и шурина, сказав им при этом, что в этом месте обязательно должно будет произойти какое-то важное событие. После этого итальянцы перешли в наступление и река Пьяве оказалась в глубоком тылу. Теперь события пошли в обратную сторону, но упоминания об этом рубеже я ещё не встретил. Сейчас речь идёт о Тальяменто. Поэтому мне важно изложить события, расставив все даты, и вложить информацию для хранения в нейтральные руки.

Артур Конан-Дойль»

узнал бы, что подобные подробности отмечались и прежде. Возьмём самый очевидный пример – книгу «У.Т.Стед вернулся?» Джеймса Коутса, изданную в 1913 году «Фаулером и К^О», в которой приводятся различные отчёты о гибели «Титаника» и описание того, как он сам утонул. Совокупность фактов такого рода впечатляет и действует убедительно, насколько я могу сказать по прошествии двадцати четырёх лет изучения мною данной области. Чего здесь не хватает, так это серьёзности и активности самих исследователей, которые, вместо того чтобы искать и действовать самим, сидят и ждут, что им принесут всё готовое.

Ваш, и т.п.,

Артур Конан-Дойль

«Каммэн сенс»

12 июля 1919 г.

СОВРЕМЕННЫЕ ЧУДЕСА – ОТВЕТ ДЖЕРОМУ К.ДЖЕРОМУ

Милостивый государь!

Мистер Джером К.Джером обращается ко мне со страниц Вашей газеты с настоятельной просьбой ответить на несколько вопросов касательно Спиритизма. Я счастлив сделать это, хотя и вынужден заметить, что, если бы он прочитал, пусть даже бегло, материалы по данной теме, ему не пришлось бы задавать подобные вопросы.

1. Почему на спиритических сеансах с производством физических явлений медиума связывают?

– Потому что иначе скептики заявили бы, что полученные явления он сделал своими руками. В некоторых случаях медиума по тем же соображениям помещали даже в запертую клетку.

2. Почему сеансы проходят в полумраке?

– Потому что опыт показал, что лучшие результаты получаются в темноте. Было бы более убедительно, если бы это было не так. Точно так же было бы более убедительно, если бы фотографии можно было проявлять вне тёмной комнаты. В каждом случае физический закон является препятствием.

3. Для чего нужен бубен?

– Это единственный инструмент, который своим дребезжанием показывает своё местоположение в тёмной комнате. Светящийся крест также подходит для этой цели и иногда применяется в настоящее время.

4. Чем объяснить ребячливый характер получаемых посланий?

– Смерть ничего не меняет, и по ту сторону встречаются все уровни развития интеллекта – от эльфа и феи до архангела. Мы получаем то, чего мы заслуживаем. Прийди м-р Джером ко мне и проштудируй по этой теме 120 книг, составляющих мою рабочую библиотеку, он бы узнал, что тон сообщений ни в коей мере не настолько низок, как он полагает. Некоторые из них, напротив, настолько высоки, настолько сложны, что ум смертного едва может им следовать.

М-р Джером сетует, что стучи в Гайдсвилле не открыли ничего чудесного. Я же полагаю, что, открыв наличие разума, существующего отдельно от обычной материи, они *уже* открыли кое-что чудесное – воистину самое чудесное и удивительное из того, что удалось узнать нашему веку. Я согласен с тем, что многие проявления кажутся ребяческими, но если взглянуть на силу, стоящую за ними, их вызывающую и производящую, то они тогда перестают быть таковыми и становятся вместо этого отправной точкой важнейших размышлений и экспериментов. Обращение было сделано к невежественному и материалистическому поколению, и, чтобы вывести людей из их ограниченного самодовольства, потребны были именно такие грубые и примитивные явления. Нам бы показалось лучшим, если бы некий архангел появился на Трафальгар-сквер и сделал соответствующие заявления, но я подозреваю, что проблема была намеренно затемнена, чтобы нам иметь заслугу в применении своих умственных сил и терпения.

Мистер Джером сравнивает наши современные чудеса с теми, что описываются в «Новом Завете». Но я полагаю, что это всё *те же самые* чудеса. За исключением «воскресения из мёртвых», я не могу назвать ни одного чуда в «Новом Завете», которое бы не было авторитетно заверено как имевшее место при спиритических опытах.

Я сам на практике сталкивался с такими явлениями, как порывы ветра, языки пламени и прямой голос. Что же до налёта «забавности», лежащего на наших современных чудесах, и отсутствия такового на чудесах евангельских, то всё зависит от настроения, в котором описывается какое-либо событие. Я не сомневаюсь, что если бы некий циничный журналист рассказывал истории о хлебах и рыбе или о Гадаринских

свиньях, то он вполне мог бы сделать их уморительными, хотя на самом деле это не отражает сути происходящего.*

Я не могу осветить здесь все вопросы, но я частично попытался сделать это в своём «Новом Откровении» и буду рад послать экземпляр книги м-ру Джерому. Меня мало волнует проблема увеличения рядов новообращённых, но если бы я смог доставить радость своему старому другу, радость, которую приносит это знание, я бы не пожалел труда ради этого.

Искренне Ваш,

Артур Конан-Дойль

**«Каммэн сенс»
16 августа 1919 г.**

МИСТЕР ДЖЕРОМ И ДУХИ

Милостивый государь!

В связи с тем, что м-р Джером К.Джером уже дважды выступил на Ваших страницах, Вы, быть может, благосклонно позволите мне не отстать от него. По его замечаниям я вижу, что он настроен скептически по отношению к фактам физических явлений Спиритизма. Но из каждого слова его статьи становится ясным, что он никогда не проверял указанных фактов и что, не считая моего собственного краткого изложения сути предмета, которое он прочитал в промежутке между двумя своими статьями, он совершенно не знаком с доказательствами и фактами. При таких обстоятельствах, чего стоит его несогласие во взглядах? Мнение столь умного человека, как он, имеет совсем иной вес, чем мнение первого встречного, если только этот последний не обладает действительным знанием в затронутой области. Выражаясь яснее, внимательно ли г-н Джером прочёл описание лабораторных опытов сэра Вильяма Крукса, данное им самим в период с 1871 по 1873 гг.? Прочёл ли он рассказ об исследованиях профессора Кроуфорда из Белфаста в период с 1915 по 1919 гг., составляющий два тома? Читал ли он о недавних опытах д-ра Жэлле, которые были перепроверены и

* Такого рода опыт был сделан Лео Таксилем в его «Забавном Евангелии». Весьма назидательное сочинение. (*И.Р.*)

подтверждены сотнею французских учёных, специализирующихся в различных областях знания? Читал ли он труд профессора Шренк-Нотцинга, немецкого исследователя? Видел ли он книги знаменитого профессора Ломброзо и описание его двадцатилетней работы в этой области? Все эти материалы сопровождаются фотографиями. Обвиняет ли он всех этих выдающихся учёных в подделке фотографий, что было бы сделано ими без малейшей личной причины и воистину с реальным риском загубить свою научную репутацию? Если он не справлялся у этих авторитетов, тогда у него нет права так безапелляционно выражать своё отношение и высмеивать тех, кто изучал перечисленные работы. Если же, с другой стороны, он справлялся у этих авторитетов, и попрежнему остался скептиком, то склад его ума выше моего понимания. Мне кажется, что самая глупейшая теория, когда-либо изобретённая в человеческой голове, состоит в том, будто огромное число людей во множестве разных стран могли в течение семидесяти лет изучать этот вопрос, заявлять, что они лично добились вполне определённых и значительных результатов (причём иногда они проделывали свои опыты не в одиночку, но собравшись вместе) – и что всё это, тем не менее, оказалось невообразимым вздором и чьей-то злой шалостью. Может ли кто серьёзно попрежнему придерживаться теории подобной этой? Я наблюдаю, что противники движения всё более и более отходят от неё и начинают придерживаться альтернативной, но весьма противоречивой точки зрения, согласно которой это знание является запретным.

Цитируя несколько небольших примеров аномальных явлений, приводимых в моей книге, м-р Джером полностью их искажает, демонстрируя тем самым ту чрезвычайную неточность и небрежность, которые кажутся характерными для любого полемиста, нападающего на Спиритизм. Например, вспоминая о даме, путём автоматического письма описавшей ужасную катастрофу «Лузитании», м-р Джером замалчивает тот факт, что это писалось ею в тот момент, когда у нас были все основания считать, что катастрофа обошлась без человеческих жертв. В этом, собственно, и заключается суть этой истории. Опять же, описывая мой сон, в котором я говорю о Пьяве, он не упоминает того, что до этого момента я никогда не слышал такого названия и что, когда мною была сделана запись об этом сне, линия фронта там ещё не проходила. В этом, опять же, и заключалась вся соль рассказа. Что же касается довода, будто по факту левитации Хоума не следует доверять свидетельству таких трёх здравомыслящих и добросовестных мужей, как

лорд Адайр, лорд Ситон и капитан Уинн, видевших всё это воочию, и только на том основании, что лжесвидетельства стоили жизни мнимым ведьмам в Средние Века, то я с трудом могу поверить, чтобы м-р Джером стал серьёзно поддерживать подобный довод. Кстати сказать, я довольно хорошо знаком с «историей колдовства» и могу заверить, что главной особенностью судебных процессов Средневековья была неграмотность и общая беспристрастность свидетелей, а отнюдь не их лжесвидетельства.

М-р Джером крайне озабочен желанием узнать, что есть наша «новая религия». Полагаю, он найдёт нечто очень похожее, если обратится на девятнадцать веков назад и изучит христианство от Христа. Там он прочтёт о точно таких же знаках и чудесах, которые мы называем сегодня «явлениями» или «феноменами»; там он прочтёт о «различении духов», каковое мы называем «ясновидением», и там же узнает о множестве нелепостей и искажений, которые, однако, не смогли помешать новому движению завоевать мир, и именно это, будучи преемником христианства, должен сделать Спиритизм. Однако на сей раз мы должны следить за тем, чтобы священный огонь не загасили формализм и вмешательство материализма. Я согласен с м-ром Джеромом в том, что мы на своём веку стали очевидцами ряда ужасных этапов человеческой истории. В то же время я уверен, во всей мировой истории не было ничего, что можно сравнить с бескорыстием и благородством поведения Британской империи в целом и всех британцев в отдельности – я говорю о том бескорыстии и благородстве, которые мы выказали в течение пяти лет этой страшной мировой войны.* Правда, что наше настоящее

* Отдавать должное, так отдавать. Если говорить о бескорыстии в этой войне, то нельзя умолчать и о подвиге России, которая, верная своим союзническим обязательствам, в невыгодных для себя военных условиях, открыла второй фронт и, отвлекши тем на себя основные силы Германии, спасла Францию от окончательного разгрома. Ставки с самого начала были сделаны так, что выиграть в этой войне Россия ничего не могла, а могла лишь потерять. И она потеряла всё, когда в большой, изнурённой мучительной войною стране власть захватили тлетворные микробы – большевики. По своей сути это были полчища трусливых шакалов, дерзнувших всей массой наброситься на быка лишь после того, как он был изранен и обескровлен в ничейной схватке с тигром. Но после того, как он пал под их натиском, он уже не мог рассчитывать на пощадку. Не могла рассчитывать на пощадку и израненная Россия, попавшая в цепкие лапы большевиков. Россия потеряла всё. И когда весь мир сравнительно благоенствовал, она была лобным местом, была Голгофой, на которой распинали человеческий дух и убивали человеческую мысль. Вот цена благородства царской политики. Попрежнему прав Пушкин: в отношении России Европа всегда была столь же невежественна, сколько и неблагодарна. Всё это, впрочем, ни в коей мере не умаляет тех дифирамбов, которые наш автор поёт своему отечеству. (И.Р.)

и будущее могут не соответствовать столь высокому уровню, но по крайней мере в военное время нация поднялась вся, без исключения, до необычайной степени духовного величия. Сам я вовсе не разделяю той точки зрения, будто Христос был бы способен стоять в стороне и наблюдать жестокость или насилие, не вмешиваясь. Вместо этого я предпочитаю верить, что он был среди нас, что он стал бы первым, кто пошёл на риск принять второе мученичество в защиту справедливости и свободы. Он внёс бы свой вклад в дело изгнания немцев из Бельгии с тою беззаветностью, с какой изгнал торговцев из Храма. Не могу принять бесцветного, бесчувственного, беспомощного прочтения его характера, предлагаемого некоторыми. Однако я уже достаточно сказал и не должен более перегружать Ваших гостеприимных страниц.

Ваш, и прочая,

Артур Конан-Дойль

«Ивнинг стандарт»
6 ноября 1919 г.

ОПАСНОСТЬ СПИРИТИЗМА

Сэр! Из Ваших публикаций я понял, что г-н Мэги вынуждает меня представить письмо г-на Форбса Уинслоу, в котором тот отрекается от своих прежних взглядов на Спиритизм, в особенности же от всего, имеющего отношение к психическим расстройствам.

В связи с этим я прилагаю основную часть письма, написанного им в 1912 году. Утверждения, приводимые г-ном Мэги, были сделаны в 1877 году. Оригинал можно видеть в редакции «Ту уорлдз», Корпорейшн-стрит, 18, Манчестер. Оно было написано в ответ на прямой вопрос по этому поводу, заданный покойным Дж.Дж.Морсом.

Мне хочется верить, что г-н Мэги принесёт свои извинения и сообщит адрес того священника, который, как утверждается, предложил 50 фунтов стерлингов за предоставление этого документа. Можно надеяться, что это был последний из тех мифических 10.000 душевнобольных.

Искренне Ваш,

Артур Конан-Дойль

«Дэйли мэйл»
16 декабря 1919 г.

ХУДОЖНИЦА-МЕДИУМ

(СЭР А.КОНАН-ДОЙЛЬ И МИССИС СПЕНСЕР)

Господа!

На заре нашего движения госпожою де Морган и другими было предсказано, что развитие медиумической практики пойдёт по линии от примитивных материальных явлений, обычных в настоящее время, к более тонким и интеллектуальным доказательствам истинности Спиритизма, которые человеческая раса будет более расположена принять. За последние

50 лет это пророчество вполне доказало свою справедливость. Стуки и щелчки, левитация и даже материализация стали гораздо менее частыми и постепенно вытесняются иными проявлениями. Доказательства, присущие той стадии, были представлены, и она оказалась исчерпанной. С другой стороны, никогда прежде у нас не наблюдалось подобного расцвета более тонких фаз вмешательства духов, их фотографирования, инспирированных обращений, писаний и рисунков, и в особенности такого взрыва ясновидения или «различения духов», каковое Св. Павел причислял к наиболее ценным духовным дарам.

Цель данного моего письма заключена, однако, в том, чтобы указать на некоторые из более интеллектуальных доказательств вмешательства духов, которые, быть может, способны воззвать к тем умам, что уже отошли от грубых и примитивных проявлений, оправдываемых единственно потребностями этого материального века, в котором мы живём. О письме под духовным водительством многое можно сказать, ибо ни одна из существующих философий не обладает такой литературой, как та, что возникла вокруг Спиритизма. Тем же, кто воображают, будто послания под водительством имеют незначительную интеллектуальную ценность, я назову лишь две недавних книги: «Вторую Книгу Клода» и «Письма с Того Света».* В этих книгах содержится самая суть спиритуалистического знания. Причём последняя из них включает множество пророчеств, которые отличаются немалыми литературными достоинствами по сравнению с тем временем, когда ещё только начинали получать послания. И если только эти две книги не продиктованы действительно свыше, то что тогда нам следует думать о трансцендентных интеллектуальных способностях тех двух женщин, чьими руками эти тексты были написаны?

Однако на рисовании под водительством я бы хотел остановиться особо, потому что, когда шедевр создаётся тем, кто не обладает никакими техническими навыками, и картина эта выставляется для всеобщего созерцания, то даже самые скептические умы оказываются вынуждены признать существование чего-то, что недоступно их пониманию. Недавно стали известны символические рисунки г-на Чарльза Хорсфолла, и, проверив их, я определённо убедился, что это действительно рисунки медиумические по происхождению и глубокие по смыслу.

Тем не менее, я могу понять позицию тех, кто, не признавая мистицизма, не в состоянии уразуметь, что существуют предметы

* «Claude's Second Book» (Methuen); «Letters from the Other Side» (Watkins). (И.П.)

столь сложные, что их невозможно представить в рисунке, но только с помощью схемы.

Таким людям я бы порекомендовал ознакомиться с изображением головы Христа, выставленной сейчас в Уокер-гэллерии на Нью-Бонд-стрит. Этот рисунок, по моему мнению, является самым совершенным изображением головы Основателя Христианства, которое когда-либо было создано, и я хорошо понимаю поступок великого художника в Париже, который, увидев рисунок, немедленно пал на колени.

Это действительно самое восхитительное произведение, в нём ощущается внутренняя душа, которой так недостаёт в работах старых мастеров, чьи Христы и Девы кажутся мне частенько квинтэссенцией материализма и вульгарности.

И эта-то восхитительная работа была выполнена за считанные часы женщиной, которая, как меня заверили её родные, в нормальном своём состоянии не обладает художническим даром. Вот высший пример работы духовного ума через материальную смертную оболочку.

Артур Конан-Дойль

«Таймс»
30 декабря 1919 г.

«ОТРЕЧЕНИЕ»

Милостивый государь!

В ответ на письмо майора Виктора Спенсера, помещённое в Вашей газете, да будет мне позволено отречься от упоминания мною когда бы то ни было имени миссис Спенсер в связи с психическими явлениями. Обратившись к опубликованному оригинальному материалу, можно увидеть, что именно её семья первая упомянула в этой связи её имя и что именно один из близких родственников сказал: «Миссис Спенсер обладает большой медиумической силой». То же самое утверждается и по поводу рисунка, сделанного в перевернутом виде: «Закончив, она поразилась тому, что же такое она нарисовала. И только перевернув рисунок, можно было увидеть, что это превосходно

нарисованная голова Христа». В доказательство моих утверждений прилагаю вырезку с отмеченными в тексте местами.

Майор Спенсер, разумеется, имеет право на собственный взгляд по поводу психических явлений и их значения, но течение событий, полагаю, свидетельствует против него.

Искренне Ваш,

Артур Конан-Дойль

**«Саутпорт визитер»
22 января 1920 г.**

СПИРИТИЗМ И ЦЕРКОВЬ

Сэр! Я должен отметить, что некоторые из моих преподобных критиков, по всей видимости, унаследовали духовный дар прорицания, поскольку они нападают на меня прежде, чем узнают, *что* я, собственно, скажу. Они также не преминули повторить старую позорную историю об американских психиатрических больницах, якобы, битком заполненных спиритами. В этой сказке нет ни слова правды. Единственные статистические данные, которые я смог обнаружить, собраны д-ром Юджином Кроуэллом, обследовавшим психиатрические больницы Новой Англии, где Спиритизм – явление вполне обыкновенное, и установившим, что из 16.000 душевнобольных спиритами являются только четверо, а 222 оказались (я очень сожалею) священнослужителями. Этот миф обязан своим возникновением утверждению покойного д-ра Форбса Уинслоу, сделанному им в 1876 году, но от которого, однако, в последующем он отказался, сам став спиритом. В моём распоряжении имеется копия его отказа. Что же до утверждений других клерикалов, будто спириты выказывают неуважение к Богу и Христу, то заявления эти обусловлены полнейшей неосведомлённостью в данной области, свойственной столь многим из этих джентльменов, вся работа которых однако, по словам преподобного Оуэна, состоит лишь в том, чтобы как раз в этих самых вещах хорошо разбираться. Истинный Спиритизм не принадлежит ни к какому вероисповеданию, но лежит в основе всех религий, и его в равной мере могут исповедовать англиканец, католик, сектант и даже

унитарий. При этом индуист и мусульманин могут быть спиритами точно так же, как и христианин. Компромисс не может быть достигнут единственно с материалистом, поскольку наши взгляды диаметрально противоположны.

Ваш, и прочая,

Артур Конан-Дойль

«Саутпорт визитер»

12 февраля 1920 г.

СПИРИТИЗМ И СУМАСШЕСТВИЕ (1)

Милостивый государь!

Я должен извиниться, что оставил без ответа письмо преподобного Тэрстона. Когда я писал в прошлый раз, я был вдали от дома и вынужден был положиться на свою память. Она не совсем подвела меня, но я всё-таки перепутал два ряда цифр, каждый из которых прекрасно подходит для моей цели. Первый ряд составлен д-ром Кроуэллом, совершенно правильно цитируемым преподобным Тэрстоном. Эти данные показывают, что на 32313 пациентов-мужчин приходится 215 священнослужителей, тогда как общее число спиритов (и мужчин, и женщин), находящихся на лечении, составило лишь 45 человек. Нет также никаких причин к тому, чтобы думать, будто слово «спириты» было применено к одним только медиумам. Это явствует из результатов исследования, проведённого «Бритиш медикэл джорнэл», как сообщено 13 февраля 1879 года. Журнал констатирует: «Мы не преминули просмотреть целый ряд отчётов американских государственных психиатрических лечебниц за последние годы. В этих отчётах представлены таблицы, приводящие причины, послужившие толчком к умопомешательству среди пациентов, общее число которых составляет 14550 человек. Из этого количества больных лишь четыре случая связано со спиритизмом». Журнал добавляет: «Перед нами лежит прошлогодний 62-ой отчёт Комиссариата по Призору душевнобольных, в котором не значится ни одного случая, обусловленного спиритизмом».

Следовало бы добавить, что с начала войны в этой стране наблюдалось значительное усиление Спиритизма, и всё же общая статистика по домам умалишённых ещё более снизилась. Доклад от 1 января 1919 года показывает 10%-ное понижение в сравнении с аналогичным докладом за 1918 год.

На факты эти указывается достаточно часто, и поэтому игнорирование или искажение их больше не может иметь никакого оправдания.

Ваш, и т.д.,

Артур Конан-Дойль

«Саутпорт визитер»

2 марта 1920 г.

СПИРИТИЗМ И СУМАСШЕСТВИЕ (2)

Сэр! Я охотно отдаю должное сдержанности письма преподобного Тэрстона. Но фактом остаётся то, что когда крепкое вино религиозной эмоции достаётся неврастенику, то не имеет большого значения, к какой именно секте он или она принадлежат, потому что нам всем в таком случае предлагается жить под стеклянным колпаком. Неврастеник-католик ожидает стигматов, пуританин заикливается на предопределении и, если угодно, спирт безвозвратно погрязает в оккультных исследованиях. Все они находятся в нездоровом состоянии ума, в каковое их повергает чрезмерное увлечение идеями, сама же природа идеи значения не имеет. Я, однако, приводил цифры и утверждения авторитетов, которые, как я надеюсь, убедили Ваших читателей в том, что Спиритизм может выдержать испытание и этого рода, ибо в сравнении со всеми иными видами культа он всего менее располагает людей к умопомешательству.* Ваш, и прочая,

Артур Конан-Дойль

* См. по этому поводу также у Аллана Кардека: «Книга Духов», Введение, XII и «Книга Медиумов» конец §222. (*И.Р.*)

«Джон О'Лондон'з уикли»
27 марта 1920 г.

ПО ПОВОДУ ДОВЕРИЯ К МИССИС ПАЙПЕР

Забавно видеть, что столь безобидное словосочетание как «правдоподобное искажение» вызывает гнев г-на Клодда. Он сам между тем является наиболее невоспитанным из спорщиков. Каждый, кто не согласен с ним, тут же становится «нахалом», «самозванцем» или просто носителем «тошнотворного вздора». Как известно, именно он поставил в кавычки звание доктора наук у г-на Кроуфорда и заявил, намекая на сэра Оливера Лоджа и на меня, что «рыцарем в наше время стать очень легко».* И вот теперь он жалобно визжит, когда его слегка стукнули. В самом деле смешно. Ваш, и т.п.,

Артур Конан-Дойль

«Ту уорлдз»
1 октября 1920 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ СЭРА АРТУРА КОНАН-ДОЙЛЯ

Мой дорогой редактор!

Только что прибыли в Бомбей. Меня уверяют, что плавание наше оказалось самым жарким из всех, бывших когда-то прежде. В Красном

* В английском официальном языке слово «сэр», стоящее перед именем и фамилией, является титулом и указывает на то, что данное лицо принадлежит к рыцарскому сословию. По английскому обычаю в рыцари посвящает король или королева за выдающиеся военные или государственные заслуги. Но за последние столетия стало также традицией производить в рыцари за чрезвычайные заслуги в науке, искусстве и других областях. Так Оливер Лодж и Вильям Крукс были произведены в рыцари: английское государство тем показало, что оно ценит их высокие научные достижения. Конан-Дойль также был произведён королевой в рыцари в знак высокой оценки его литературной деятельности (имелось в виду создание им образа Шерлока Холмса, одной из страстных почитательниц которого была английская королева**). Равным образом в рыцари был посвящён и другой беллетрист, а также оккультный мыслитель, – Генри Р.Хаггард. (*И.Р.*)

** По другой версии рыцарское звание писателю было пожаловано за его выдающиеся усилия в попытке довести до мирового общественного мнения британский взгляд на войну в Южной Африке. (*И.Р.*)

море было действительно очень жарко. Я прочёл лекцию о наших истинах пассажирам первого класса, когда мы проплывали южнее Крита, и другую – пассажирам второго класса во время пребывания в Красном море, при этом, как вы понимаете, случилось много споров, большей частью благодушных и умных. Не думаю, что когда-либо прежде на одном корабле собралось бы так много спиритов, так как число убеждённых сторонников велико, а число серьёзных исследователей и того более. Если даже дальше и не произойдёт ничего существенного, то уже и сейчас моё путешествие вполне оправдалось, ибо большой корабль подобен гороховому стручку, из которого горошины разбрасываются по всему миру: на нашем корабле собраны отборные множества людские. Диапроекторов нет, но я показываю психические фотографии по утрам в 10 часов, объясняя их технологию, и обыкновенно у меня столько слушателей, со сколькими я могу управиться. Парсы (индийские зороастрийцы) проявляют особенный интерес к данной теме, при этом они гораздо разумнее многих наших доморощенных критиков. Насколько я понимаю, они все разделяют нашу точку зрения. Есть у меня небольшое число буддистов и мусульман. Феномены у них проявляются так же, как и у нас, но они выполняются как чудеса факирами и не разработаны в смысле научном или философском.

Всегда Ваш,

А.Конан-Дойль

**«Дэйли телеграф» (Сидней)
16 октября 1920 г.**

ХАРАКТЕР Д.Д.ХОУМА

Милостивый государь!

Моё внимание только что было привлечено анонимной атакой (ибо я полагаю, что «Джон Доу» всего лишь псевдоним), имеющей целью опорочить г-на Д.Д.Хоума. *Поскольку сам Хоум не принадлежит

* В русских дореволюционных изданиях фамилия Хоум (Hume) ошибочно писалась «Юм» либо «Хьюм», что по-английски было бы «Hume». В этом вопросе мы не считаем возможным следовать традиции и пишем так, как будет единственно правильно. (И.Р.)

более к нашему миру и не может ответить своим посмертным клеветникам, и поскольку случилось так, что мне кое-что известно из затронутых по этому поводу фактов, то, может быть, Вы предоставите мне право такого ответа. Мне кое-что известно об этом потому, что недавно я выпустил в свет новое издание жизни Хоума, и, занимаясь им, я внимательно ознакомился со всеми документами, имеющими отношение к процессу г-жи Лайон. Отчёт об этом, с заявлением прокурора и письмами г-жи Лайон, был опубликован самим Хоумом во втором томе его исследований, что, согласитесь, было бы достаточно странно со стороны человека действительно виновного.

Одна-единственная проверка покажет, сколь полно характер его неуязвим для предпринятой против него атаки. Хоум был человеком весьма обаятельным, и поэтому имел много друзей среди людей несомненно честных и порядочных. К ним относились Бульвер-Литтон, лорд Данрейвен, его сын, лорд Адайр, лорд Линдсей, Роберт Чамберс (издатель), Сэмюэль Картер-Булль (издатель журнала «Арт джорнэл») и множество других почтенных людей, именами которых я мог бы исписать всю страницу. Ваш корреспондент утверждает, будто один из них, доподлинно знавший все факты, имеющие отношение к делу, после суда разорвал отношения с г-ном Хоумом. Я утверждаю как раз обратное: их дружба, по видимости, ещё более укрепилась, и в 1868 году, т.е. двумя годами позже, Хоум был на «ты» с названными мною титулованными особами. Как бы это могло случиться, если бы он, как то заявляет г-жа Лайон и безосновательно утверждает судья Гиффорд, устроил бесчестную подделку? Надо сказать, что данный судья отличался ярко выраженными материалистическими взглядами, и его мнение о медиумизме, в котором он равным счётом ничего не смыслил, ничуть не более неблагоприятно, чем могло бы быть его мнение о христианском божестве, решишь он его высказать. Приводить его мнение по поводу Хоума и спиритов – всё равно что сослаться на суждение римского трибуна о ранних христианах. В обоих случаях обвиняемым не пришлось бы рассчитывать на сочувствие.

Ваш корреспондент возводит обвинение на Хоума, попросту принимая на веру всё то, что говорит миссис Лайон, без учёты того, что сказано самим Хоумом ей в опровержение. Ваш корреспондент опускает тот факт, что судья признал миссис Лайон виновной в грубом лжесвидетельстве. Это заявление было им сделано, когда г-жа Лайон попыталась втянуть в дело г-на Уилкинсона, адвоката Хоума.

Но было совершенно ясно показано, и это остаётся фактом, что оба – и Картер Холл, представлявший Хоума как его друг, и Уилкинсон, представлявший его как адвокат – умоляли г-жу Лайон не возбуждать подобного дела и подумать о собственной семье. На это она ответила, что у неё нет близких родственников и что она приняла решение. Это была полубезумная особа, которая отличалась манией писать завещания, а затем отменять их. В данном случае она оказалась настолько связанной первоначальным заявлением, что не могла аннулировать его, и единственным для неё способом выйти из этого дела стало утверждение, будто всё обусловлено обманом. В поддержку выдвинутого ею обвинения не нашлось ни единой улики, одно только её слово, и поскольку на карту оказались поставленными 35.000 фунтов стерлингов и судья уличил её во лжесвидетельстве, то вся эта история не является шибко-то солидным основанием, чтобы возводить хулу на человека, который ни разу в жизни ни с кого не взял денег за оказанные им медиумские услуги. С какой бы стати он поступил по-иному и с этой женщиной? Разве не очевидно, что она лгала? Такова, разумеется, была точка зрения друзей Хоума, и я сердечно её подтверждаю. Я думаю, что он действовал честно и тактично в самых трудных обстоятельствах, и если г-н Доу, нападая на Спиритизм, вынужден вернуться во времена настолько отдалённые, как год 1869, чтобы там позаимствовать столь слабый довод как тот, что приведён им, то, значит, его запас возражений не блещет особенным богатством.

Помимо нападков на Хоума, Ваш анонимный корреспондент делает и ещё один важный выпад: он начинает своё письмо с утверждения, будто «большинство медиумов, работа которых послужила основой для моей веры и которые дали мне необходимые доказательства её истинности, либо отбывают теперь свой срок в тюрьме, либо, по общему признанию, очень часто оказывались уличены в обмане». Здесь уж необходим г-н Хьюз, для того чтобы изобрести опровержение, адекватное по своей ложности подобному утверждению. Медиумы, с которыми я имел дело, были в большинстве своём любителями, за всю свою жизнь не заработавшими на этом занятии ни шиллинга. Это такие люди, как Ивэн Пауэлл, Слоун, Феникс и другие. Так что подобная тирада является лишь примером наглой клеветы и беззастенчивой лжи людей, ополчившихся против нашего Дела.

Артур Конан-Дойль

ПРОБУДИСЬ, АВСТРАЛИЯ!

[Главному редактору
«Интернэйшнл сайик гзетт»]

Мой дорогой Льюис!

Буквально пара слов, чтобы показать Вам, что со мной ещё не покончено, невзирая на все взлёты и падения, постигшие меня здесь. Взлёты постоянны, падения временны, так что всё хорошо. К первым принадлежат мои лекции в залах, до отказа заполненных публикой, её симпатия и благосклонность, а также огромный интерес и утешение, доставляемые мне моей миссией. Тому у меня имеется достаточно доказательств. Падения же связаны с бойкотом, объявленным мне здешней прессой, что частично обусловлено невежественным недостатком соразмерности, а частично моральной трусостью и страхом обнаружить позднее, что они поставили не на ту лошадку и, помимо того, предоставили ей наиболее благоприятные условия. Австралийцы сильно отстали и находятся в этом отношении далеко позади таких стран, как Исландия или Дания, в знании того, что уже было сделано. Они всё ещё пребывают на той стадии, когда простой народ воображает, будто всё это лишь карточные фокусы, и что стоит опытному иллюзионисту вдруг крикнуть: «Эй, престо!» – как тут же Крукс, Ломброзо, Лодж и все прочие несчастные простаки будут посрамлены и поставлены на место! Это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Они славный народ, эти австралийцы – добрый, гостеприимный, прямодушный – но, Боже! они лишены духовности и пребывают в каком-то сонном царстве, не возмущаемом ни единой живой и свежей мыслью. Они находятся на том уровне, на котором была старая добрая Англия перед войной. Но приливная волна всколыхнёт и их – может быть, это происходит уже сейчас. Они в настоящий момент на той стадии, когда встречи деловых людей происходят в час ленча, и при этом они молятся о расстройстве моих планов! Они молились, когда я плыл к ним морем, по крайней мере пресвитерианцы, чтобы я не достиг их страны! Это было близко к убийству, если они

действительно надеялись, что их скверные молитвы будут услышаны. В результате оказалось, что наше плавание было восхитительно.

Искренне Ваш,

А.Конан-Дойль

«Гранд-Отель», Мельбурн, 3 ноября 1920.

«Лайт»

18 июня 1921 г.

ФОТОГРАФИИ ФЕЙ

Джентльмены!

В своей недавней статье г-н Патрик заявил, что фотографии фей, опубликованные в «Стрэнде», являются грубой подделкой. Фотографии эти были увеличены, и негативы их исследовались несколькими наиболее компетентными профессиональными фотографами Англии, которые не смогли найти в них изъяна. Г-н Патрик даже не удосужился взглянуть на негативы, хотя г-н Гарднер готов был представить их на рассмотрение любому исследователю. Его критика, стало быть, не имеет никакой ценности, помимо той, что она является монументальным примером безответственности и неряшливой распущенности, с каковыми он и его собрат г-н Уотли Смит подходят к предмету довольно важному.

Ваш, и т.д.,

А.Конан-Дойль

«Ивнинг стандарт»

14 сентября 1921 г.

О КНИГЕ СЭРА КОНАН-ДОЙЛЯ*

Сэр! Не стану сетовать на неточности, которыми грешит статья господина Мак-Каба, ибо и так ясно: всё, противоречащее его убеждениям (которые сводятся к тому, что человек после смерти отправляется в мусорный ящик), не вправе рассчитывать на терпимое к себе отношение.

* Речь идёт о книге «Странствия спиритуалиста». Рецензия на неё Джозефа Мак-Каба была опубликована 13 сентября 1921 года. (*И.Р.*)

Я прошу его только быть осторожнее с Марком Твенем. Реплика последнего (о том, что, не подставляя другую щеку, он бьёт по щеке подставленной) в изложении господина Мак-Каба лишается смысла. Так что к классике ему бы лучше не прикасаться.

Что касается остальной части этой ругательной статьи, то мне остаётся лишь вновь расписаться (на радость автору) в своём интеллектуальном падении, процитировав одного духа-китайца: «Он хороший человек, но глупый человек. Всё впереди. Сам узнает».

Артур Конан-Дойль

**«Таймс литэ러리 сапплмент»
29 сентября 1921 г.**

ДАРКИ ИЗ КРАЙСТЧЁРЧА

Сэр! Не вдаваясь в полемику о спиритизме – это такая тема, о которой выводы можно делать только на основании личного опыта, – я бы хотел сказать пару слов о Дарки, терьере из Крайстчёрча, который лаем даёт ответы на заданные ему вопросы. Сотни людей протестировали способности этой собаки, а публичная демонстрация их позволила собрать значительную сумму на нужды инвалидов войны. Комиссия в составе трёх человек, одним из которых является г-н Пойнтон, всем известный мировой судья, провела исследования и составила доклад, в котором заявляется, что комиссии не удалось найти никаких признаков фокуса и что на 90% вопросов были даны правильные ответы. Мне не удалось добиться столь же впечатляющих результатов, но и то, что вышло, было само по себе примечательно. Что касается способности к ясновидению, к мысли о которой я склоняюсь в своей книге,* то передача мысли в данном случае была самым естественным объяснением обсуждаемого феномена. Ваш критик приводит этот случай в качестве примера моей «поразительной доверчивости». Я же полагаю, что только «поразительная недоверчивость», в этом, как и во многих других случаях, может заставить человека отрицать должным образом удостоверенные факты.

С совершенным почтением,

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

* Речь идёт о «Странствиях спиритуалиста». (И.Р.)

ПСИХИЧЕСКИЕ ФОТОГРАФИИ

Сэр! В Вашем любезном обзоре моей книги «Странствия спиритуалиста» – которая, кстати сказать, стоит 12 шиллингов и 6 пенсов, а не 18 шиллингов, указанных в Вашей газете – Ваш рецензент комментирует мой отказ предъявить оклендским фотографам негативы и добавляет: «Следует ли считать, что на том дело и кончилось?»

Ясное дело, я не мог возить с собой по всему свету негативы, которые мне не принадлежат, но возражение снимается теперь, когда я снова дома и вполне готов подействовать тому, чтобы Ваш критик или какой иной компетентный наблюдатель получил возможность изучить эти негативы.

Негативы с изображением фей хранятся у г-на Э.Л.Гарднера, Крэйвен-роуд, 5, Харлсден, С.З. Они были обследованы крупнейшими английскими авторитетами в области фотографии, которые не нашли в них каких-либо изъянов. Если принять во внимание, что данные фотографии – первые снимки, которые дети сделали в своей жизни, то невозможно представить, чтобы они были способны к такой технической манипуляции, которая обманула бы экспертов.

Что же касается обширной подборки чисто психических или спиритических снимков, часть которых я надеюсь в скором времени выставить в Лидсе, то они находятся в руках г-на Ф.Барлоу, Бринтайрион, Спрингфилд-роуд, Моузли, Бирмингем, который, я уверен, будет рад оказать содействие любому честному критику, предоставив ему доступ к негативам.

Дело усложняется полнейшим незнанием обычными фотографами психической науки или результатов, накопленных опытным путём после исторического события в 1861 году, когда Мумлер в Бостоне получил на фотопластине первые экстраснимки. Что можно сделать в этом случае с людьми, никогда слыхом не слыхавшими о психографиях и знать не знающими, что вы имеете в виду, говоря о вещах, являющихся самыми основами в данной области? Психографией* называется изображение,

* Не следует путать «психографию» (психическую разновидность фотографии) с «психографией» – одним из способов медиумического писания. (И.Р.)

получившееся на фотопластине совершенно без всякого воздействия на неё света, когда образ передаётся каким-то иным путём, неведомым нашей современной науке, хотя здесь и возможна некоторая аналогия с тем, как нынче воспроизводят изображения на больших расстояниях при помощи беспроводной трансляции. Мне самому удалось, будучи в Кру, получить изображение на фотопластине, принесённой мною и затем мною же и обработанной. Эта пластина не вскрывалась и не была вставлена в камеру, мы просто держали её между нашими руками, и в результате на ней получилось лицо моей сестры, умершей 30 лет назад. Такая психография – и я полагаю, что нормальная психическая фотография именно такова – не зависит от законов распространения света, поэтому можно представить, до чего в состоянии договориться фотограф-критик, который станет судить о её достоверности по контрастности и иным подобным тестам.

Г-н Трейлл Тэйлор провёл исчерпывающее исследование этих психических фотографий, используя собственный аппарат и свои реактивы. Он являлся главным редактором «Джорнэл оф бритиш фотографи», не будучи спиритом. Тэйлор получил множество снимков в контрольных условиях. При этом он заметил, что при использовании стереоскопической камеры, все окружающие предметы выглядели соответственным образом объёмно, и одно только психическое лицо получалось плоским. Это доказывает, что психические изображения поступают на фотопластинку напрямую, а не через посредство объектива. Я надеюсь показать некоторые из снимков Трейлла Тэйлора на выставке в Лидсе.

Фотографические феномены представляют весьма малый раздел одной большой темы, но они очень важны, поскольку являются единственным доказательством, которое может быть показано широкой публике. Трудно и непристойно производить серьёзные медиумические опыты на эстраде перед публикой. Принимая во внимание то, что психическая фотография – это частный путь, ведущий к единому общему знанию, я заклинаю Ваших читателей навсегда отказаться от объяснения этих явлений с помощью слова «подделка», которым и без того долго морочили публику. Такие объяснения выглядят недопустимой глупостью в глазах всякого, кто самолично занимался этим делом и кто знаком с другими совершенно здоровыми и порядочными людьми, также свидетельствующими в пользу существования данных фактов. С другой стороны, есть

ещё такая область, как материализация мыслеформы, которая даёт разумный повод для обсуждения, в особенности если взять её в связи с эктоплазмическими формами. Сделав все возможные допущения насчёт материализации мыслеформ – а к этому прибегает каждый осторожный исследователь, – Вы придёте наконец к вопросу о том, о чьей мысли идёт здесь речь, и ответ на него станет сутью всей проблемы. Большинство из нас, как и д-р Кроуфорд, оказывается принуждено безусловно признать, что речь идёт о независимом от нашей воли, разумном и незримом помощнике, или со-труднике, даже когда он производит, как это у него иногда получается, изображения, напоминающие или воспроизводящие модели, уже существующие. Проблем в этой области много, но само по себе глупое отрицание не поможет нам продвинуться вперёд.

Ваш, и прочая,

Артур Конан-Дойль

«Дэйли экспресс»

4 ноября 1921 г.

ТРАГЕДИЯ В СТРИТХЭМЕ

Сэр! В сообщении о парне, убившем двоих детей, Вы позабыли упомянуть его вероисповедание. И поступили правильно: никакая религия не в силах полностью подавить в человеке дурное начало. Почему же в случае с семьёй Коутсов Вы крупным заголовком сообщаете, что они были спиритами?

Сотни тысяч граждан нашей страны исповедуют это Учение – конечно, среди них могут найтись слабые люди. Во всяком случае, эта история никоим образом не обнажила связи между убеждениями этих людей и их поступком – скорее, жалким, нежели злым.

Артур Конан-Дойль

Отель «Гроссвенор», Лондон

НА РОДИНЕ СПИРИТИЗМА

[Главному редактору
«Интернэйшнл сайик гзетт»]

Мой дорогой Льюис!

Наша поездка была беспрецедентна в своём успехе, и все нью-йоркские рекорды оказались побиты, когда я в седьмой раз собрал аншлаг в Карнеги-Холле, который по вместимости не уступит нашему Куинз-Холлу. Когда мы проезжали Рочестер, мне пришла в голову мысль: не делает нам чести тот факт, что там до сих пор не стоит достойный памятник, увековечивающий событие, имевшее столь большое значение для будущего.* Моя идея заключается в том, что ради этого стоит устроить международный сбор пожертвований со стороны всех, кому событие это пошло на пользу, и таким образом установить изящный обелиск с соответствующей надписью. Если мы не возьмёмся за дело серьёзно, то больше этого не сделает никто. Не провентилировать ли Вам данный вопрос в «Гзетт» с тем, чтобы увидеть, как люди это воспримут. Я бы сделал первоначальный взнос в пятьдесят фунтов стерлингов. Думаю выступить с этим предложением в Чикаго, где спириты устраивают в нашу честь большой приём. Но большого проку не будет, пока дело не примет международный размах. Я знаю, как сильно нам не хватает денег во всех направлениях нашей деятельности, но нам действительно нужно вовлечь в это дело некоторых из тех богачей, которым священное знание сделало немало добра.

Артур Конан-Дойль

* В Рочестере жила семья Фокс. Установленный ими в середине XIX века контакт с духом, послужил мощным толчком к возрождению Спиритизма. Подробнее смотрите об этом нашу статью: «Спиритизм – Учение о Духе». (Й.Р.)

ПО ПОВОДУ СПИРИТИЧЕСКИХ ФОТОГРАФИЙ

Сэр! Совсем недавно Вы бросили мне вызов в связи с тем, что было сказано мною об этом предмете. Я ответил, что напишу Вам, когда буду располагать более полной информацией. Полноты пока ещё нет. Когда же она будет достигнута, то брошюра, которая появится, охватит собой все известные факты. Она должна быть готова в течение осени.*

Пока что же, раз Вы поставили этот вопрос на обсуждение, я воспользуюсь данным обстоятельством, с тем чтобы попросить публику не делать преждевременных заключений насчёт человека, который, как я думаю, находится в очень трудном положении и при этом не располагает теми легальными средствами возмещения морального ущерба, к которым может прибегнуть любой британец. Таким атакам следовало бы быть тем более осторожными, если не было понято, что медиум при современной неосведомлённости публики в этих вопросах является на суд в крайне неблагоприятных условиях.

В то время как готовится более полный обзор данной темы, было бы только справедливо, если бы г-н Хоуп сразу сказал, что всё расследование, предпринятое его друзьями, направлено к тому, чтобы показать, что брошюра, выпущенная с такой недостойной поспешностью и прежде, чем у него появилась какая-то возможность устроить защиту, является документом, который никоим образом не может выдержать беспристрастного критического разбора.

Обвинение, следует напомнить, заключалось в том, что психическая фотография должна была появиться на меченой фотопластине, поскольку все пластины в пачке без вскрытия её подвергли действию рентгеновских лучей, что, как предполагалось, должно было оставить на них определённую метку. Психическая фотография в конце концов появилась на немеченой пластине, что сочли абсолютным доказательством того, что пластины были заменены

* Речь идёт о книге Конан-Дойля «Факты в пользу спиритической фотографии»: Sir Arthur Conan Doyle, «The Case for Spirit Photography», George H. Doran Company, New York, 1922. (И.Р.)

Хоупом. Существовало и несколько более мелких пунктов, но этот был главным, и, будь он устранён, прочее обратилось бы в тривиальность.

Но мы можем теперь требовать исключения этого капитального пункта обвинения. Дело в том, что исследователи, г-да Прайс и Сеймор, действовавшие в качестве доверенных лиц г-на Дингуолла из Общества психических исследований, не сочли нужным выяснить тот факт, были ли рентгеновские метки сделаны так, чтобы оставаться постоянными, или же оне могли исчезнуть.

Что было бы извинительно для других, не представляется таковым для г-на Дингуолла: в самом деле, кажется невероятным, чтобы полномочный ответственный за проведение исследований дал своё подтверждение работе, проделанной столь неряшливым и ненаучным образом.

Были приложены все усилия к тому, чтобы опорочить доброе имя человека и перечеркнуть плоды его пятнадцатилетней деятельности в области психизма на основании одного только голословного утверждения, которое можно было бы легко проверить и которое, будучи проверенным, показало бы свою полную несостоятельность.

Опыты, проделанные в других местах с аналогичными пластинами, мечеными тем же способом, доказали, что при пятнадцатисекундной экспозиции фотографический свет оставляет метки нетронутыми, но за этим пределом метки бледнеют и исчезают, так что пластина становится совершенно свободной от них, хотя с увеличением выдержки, скажем до 25 секунд, метки возвращаются уже в необратимой форме.

Так вот, г-н Прайс по ходу опыта сделал запись, что хотя длительность экспозиции и не была замерена (только представьте себе такой научный эксперимент!), но он медленно считал до 19 таким образом, что, согласно его же показаниям, экспозиция была достаточно длительной, чтобы достичь как раз той временной точки, когда метки должны были исчезнуть, а вместе с ними исчезла и главная улика, удостоверяющая подлинность пластины, что и привело к возникновению данного скандала.

Я не стану сейчас занимать места разбором более мелких пунктов обвинения, поскольку они незначительны сами по себе и будут полностью разъяснены в брошюре. Однако друзья г-на Хоупа почувствовали необходимость в подобного рода промежуточном заявлении, чтобы предостеречь суд от принятия ошибочного решения.

Речь не идёт о том, чтобы предать эту историю забвению, напротив того, она должна быть тщательно расследована и представлена на суд общественности. Тем временем следует напомнить, что голословным утверждениям своих недругов г-н Хоуп противопоставил письменное показание под присягой о своей полнейшей невинности в возводимых на него обвинениях.

Артур Конан-Дойль

«Лайт»

18 ноября 1922 г.

СПИРИТИЗМ И ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ

Ни в коей мере не претендуя на то, чтобы влиять на политические убеждения моих друзей-спиритуалистов, я желал бы обратить их внимание на тот факт, что нынешняя редакция закона о колдовстве, в том виде, в каком он предлагается лордом Верховным судьёй, совершенно для нас неприемлема, поскольку она делает употребление действительно существующих психических способностей столь же преступным, как и мошенническую имитацию этих способностей. Лично я не буду голосовать ни за одного кандидата, который не возьмёт на себя обязательство голосовать за упразднение столь реакционного закона. Люди, интересующиеся психическими исследованиями, представляют собой теперь слишком многочисленную группу, и если они все станут придерживаться определённой линии поведения, то даже и в этот последний час, они смогут оказать значительное влияние.

С совершенным почтением,

Артур Конан-Дойль

«Ту уорлдз»
19 января 1923 г.

ГАЙДСВИЛЬСКИЙ МЕМОРИАЛ (1)

Сэр! Когда я был в Америке, зашла речь о том, что следует воздвигнуть мемориал на пожертвования спиритов всего мира в честь великого события в Гайдсвилле в 1848 году, которое изменило и просветлило жизнь столь многих. Последующая резолюция Национальной Ассоциации Америки постановила (и я полагаю, мудро), что Мемориал, построенный в Вашингтоне, принесёт больше пользы нашему Делу, чем тот, который был бы воздвигнут в таком труднодоступном местечке, как Гайдсвилль. Меня просили стать секретарём и казначеем движения в Великобритании, и я мечтаю, когда вернусь в Америку в конце марта, привезти с собой изрядную сумму в качестве нашего вклада в это предприятие.

В настоящее время у меня на руках лишь 100 фунтов стерлингов, пожертвованных моей женой и мною. Если Ваши читатели пожелают выслать мне некоторые суммы, пусть даже самые незначительные, оне будут приняты с благодарностью. Я буду хранить адреса жертвователей и оставлю их деньги в своих руках до тех пор, пока абсолютно не уверюсь в надлежащем осуществлении проекта. Наша помощь была бы особенно высоко оценена именно сейчас, так как американцы понимают, сколь сильному давлению мы подвергаемся. Они понимают, что мы совершаем своего рода самопожертвование, содействуя сооружению памятника, которого многие из нас никогда не увидят. Это, однако, возвеличит Дело, значащее больше, чем деньги. Мы будем признательны и за частные дары, и за церковные пожертвования.

С совершенным почтением,

Артур Конан-Дойль

«Лайт»
8 февраля 1923 г.

МЕМОРИАЛ В ВАШИНГТОНЕ (1)

Леди и джентльмены!

Вернувшись из Соединённых Штатов в июне прошлого года, я привёз с собой в американских деньгах порядка 2.000 фунтов стерлингов, почти все из которых потрачены на Дело спиритуализма. Я прошу всех, кто разделяют наши убеждения и одобряют мою работу, показать это одобрение на деле, выслав мне денежные пожертвования, которые я смогу взять с собой, когда в марте поеду в Америку, в качестве нашего британского вклада в Международный Мемориал в Вашингтоне, который должен быть сооружён в честь прорыва за грань между жизнью и смертью, происшедшего 31 марта 1848 г. в Гайдсвилле. Сведенборг* и Дэвис**, разумеется, проложили путь, но не подлежит сомнению, что самый первый из тех прямых контактов, которые с той поры сделались таким бесценным утешением для столь многих из нас, произошёл именно тогда, и это воистину величайшая дата в истории человечества со времени Великого Откровения, происшедшего две тысячи лет назад. Давайте же своими делами покажем, что мы понимаем это и высоко ценим.

Артур Конан-Дойль

* Эммануил Сведенборг (1688-1772) – шведский учёный и философ-мистик, теософ-спирит. Его наиболее часто читаемый труд – «Рай и ад». (*И.Р.*)

** Эндрю Джексон-Дэвис (1826-1910) – американский медиум, *автоматически*, т.е. под водительством духов написавший ряд прекрасных философско-спиритических книг, среди которых: «Век нынешний», «Великая Гармония», «Философия духовного общения», «Внутренняя жизнь» и др. (*И.Р.*)

«Лайт»
10 марта 1923 г.

МЕМОРИАЛ В ВАШИНГТОНЕ (2)

Сэр! Отклик на мой призыв о пожертвовании средств на строительство главного мемориала в честь нашего Дела оказался столь незначителен, что я не могу заставить себя назвать собранную сумму. Вследствие чего я возвращаю деньги всем сделавшим пожертвования и выражаю им свою признательность.

Искренне Ваш,
Артур Конан-Дойль

«Нью-Йорк таймс»
2 сентября 1923 г.

КОНТАКТ С ОСКАРОМ УАЙЛЬДОМ, ПРИЗНАННЫЙ ПОДЛИННЫМ

Милостивый государь!

Вы когда-то позволили мне использовать Вашу газету, чтобы держать американскую публику в курсе событий, происходящих в настоящее время в Европе в связи с таким наиважнейшим предметом, как психические доказательства спиритических явлений. В прошлый раз я дал описание опытов д-ра Шренк-Нотцинга с медиумом Вилли в Мюнхене. Я рассказал, как он продемонстрировал таинственное вещество эктоплазмы сотне неверующих учёных, включая 26 университетских профессоров, и все они как один были вынуждены признать свидетельства их собственных органов чувств.

Вторая подобная массовая демонстрация только что завершилась в Париже и привлекла значительно меньшее внимание общественности, чем она того заслуживает. В самом деле, одна из странных черт полемики по этому вопросу состоит в том, что, когда получают отрицательный результат – который, естественно, ничего не значит – то в прессе поднимается настоящая буря, в то время как положительные результаты,

каковые имеют исключительно важное значение, встречаются с полнейшей апатией. Человеку навязывается вывод, будто люди инстинктивно отвергают идею о том, что существование наше после смерти действительно продолжается и что мы вполне определённо отвечаем за наши деяния, частные или общественные.

Это новое доказательство было осуществлено д-ром Жэле из Метаспсихического Института в Париже. Он собрал 34 знаменитости и на успешных сеансах показал обычные психические явления Спиритизма, используя в качестве медиума некоего Яна Гусика, поляка по национальности. Результаты были совершенно убедительны, и все наблюдатели подписали своё полное согласие с ними. Среди подписавшихся фигурируют: д-р Рэм, научный редактор газеты «Магэн»; Синисти, редактор «Пти Паризьен»; Юк, редактор «Депэш де Тулуз»; дюжина ведущих врачей парижских больниц; Марсель Прево из Французской Академии; Бейль из Префектуры полиции; несколько литераторов и, наконец, трое великих учёных: Рише, Фламарион и сэр Оливер Лодж.

Явления, под которыми подписались эти джентльмены, суть движения предметов, производимые без касания и на удалении от медиума, а также лёгкое постукивание, происходящее вне пределов досягаемости медиума. Кроме того, зафиксированы и многие другие явления. Свои «символ веры» свидетели этого события заключают такими осторожными словами: «Мы просто подтверждаем наше убеждение, что данные явления не могут быть истолкованы как иллюзия и что обман был невозможен».

Они удостоверяют тот факт, что все эти различные явления выказали признаки разума, стоящего за ними. Действительно, они отвечают на вопросы и повинуются приказам. Поскольку реальность этих фактов, безусловно, не подлежит обсуждению, мы оказываемся перед вопросом: чей это разум? Разум ли это бессознательного медиума, действующий независимо? Или это коллективное сознание собравшихся? Или же это внешний независимый разум, направляющий эксперимент?

Справедливости ради скажем, что даже среди наиболее опытных исследователей психических явлений нет единого ответа на данный вопрос. Мы должны помнить, что многие из лучших умов континента исходят с позиций крайнего материализма. Сэр Дэвид Брустер сказал: «Дух есть последнее, что я соглашусь допустить», и, хотя этому высказыванию уже 60 лет, оно всё ещё выражает строй мышления

большинства. Такие люди, как Рише или Нотцинг были обращены из материализма в нечто подобное сверхматериализму, которому остался всего лишь шаг, но шаг жизненно важный, для того чтобы возвыситься и поднять их до спиритуализма. Чтобы совершить этот шаг, им нужно, полагаю, отойти от того физического уровня, на котором они проделали столь великолепную работу, и более тщательно исследовать ментальную и религиозную стороны проблемы, не забывая тех методов анализа и точного мышления, каковые применялись ими по отношению к явлениям низшего порядка. Не требуется верить, нужно просто перенести их нынешние экспериментальные методы на явления иного уровня. В силу того, что они уже готовы допустить движение эктоплазмической фигуры по комнате, её способность говорить и утверждать себя как индивидуальность, пропасть, которую им предстоит преодолеть, чтобы допустить и истинность этой индивидуальности и то, что развоплощённая душа действительно способна найти средства, чтобы заявить о себе в нашем более низком мире материи, не покажется столь уж велика.

Недавно в Англии возникла любопытная психическая и литературная проблема в результате появления рукописного текста, претендующего быть посланием от Оскара Уайльда. Уайльд был человеком с ярко обозначенной и своеобразной манерой мышления и образа выражения. Можно подделать почерк, но манеру мыслить и выражать свои мысли вряд ли удастся скопировать полностью, ибо это означало бы, что копиист столь же умён, как и оригинал. Однако и образ мышления, и манера выражать свои мысли в этом послании выглядят вполне достоверно. Здесь есть места, которые и сам Уайльд уже не смог бы улучшить. При жизни он обладал удивительным чувством цвета, которое часто проникало в его сочинения, придавая им особенную яркость. Так, в частном письме ко мне он говорит об «осенней луне цвета мёда». Послание также достаточно хорошо демонстрирует это качество писателя. «Я движусь в вечных сумерках, но я знаю, что в мире за багровым закатом должен следовать яблочно-зелёный рассвет». Или опять: «Вспыхнувшие розами анемоны, будто звёзды, освещали лесные тропы». И ещё: «Уже май, подобно белому туману, пробирается по узким улочкам и сквозь живые изгороди, и год за годом боярышник приносит кроваво-красные плоды после белой смерти своего мая».

Другой отличительной чертой Уайльда был его причудливый, парадоксальный юмор. И юмор этот явно присутствует в данном послании. «Быть мёртвым – самое скучное занятие в жизни, если,

конечно, исключить семейную жизнь и обед в обществе школьного наставника!» Последние четыре слова чисто уайльдовские. «Моя жизнь походила на оплывшую свечу», – пишет он теперь.*

Хотел бы я посмотреть на человека с действительно критическим литературным чутьём, который бы, прочитав это послание, усомнился в том, что оно действительно исходит от Уайльда. Можно имитировать черты лица, присвоить имя, но невозможно поддерживать обман в течение долгого общения, ведя его от имени великого писателя. Воистину уже не осталось такого доказательства под небесами, которое бы не было представлено нам, и находящиеся в мире ином должны временами испытывать отчаяние, пытаясь проникнуть в наш затемнённый ум!

Артур Конан-Дойль

* Разумеется, по случаю присутствия на одном из этих сеансов г-на Дингуолла, бывшего тогда одним из руководителей О.П.И., дух Оскара Уайльда не преминул написать весьма занимательную речь, в которой в присущей писателю манере высмеял этого деятеля, много вредившего делу Спиритизма:

«Быть мёртвым – самое скучное занятие в жизни, если только не считать семейную жизнь или обед в компании школьного учителя. У Вас есть сомнения по поводу того, что это действительно я? Ничуть не удивительно, я и сам порой сомневаюсь в этом. Но в ответ на Ваши сомнения в мой адрес я мог бы сказать: а в себе, простите, Вы несколько не сомневаетесь? Я всегда восхищался Обществом Психических Исследований. Это самые невероятные скептики на свете. Их кредо – всегда во всём сомневаться. Они ни за что не удовлетворятся, пока не исследуют вас на свой лад: тип-видимость-образ-форма. Настоящее привидение должно было бы сильно их испугаться. Я иногда подумываю о создании здесь, у нас, некоей Академии Райских Скептиков, которая могла бы стать для нас своего рода аналогией Общества Психических Исследований, бытующего среди живых. Туда бы не принимался никто моложе шестидесяти, и мы могли бы называться Обществом Теней Бездеятельных в связи с дряхлостью. Нашей первой задачей могло бы стать исследование, является ли, скажем, г-н Дингуолл тем, за кого он себя выдаёт? А также, фантазия он или реальность? Истина или выдумка? И если бы вдруг было решено, что он реальность, то мы, естественно, очень сильно бы в этом усомнились».

Дух Оскара Уайльда неспроста издается над этим председателем О.П.И. и спрашивает, тот ли он в действительности, за кого себя выдаёт. Дело в том, что главной задачей О.П.И. было доскональное изучение всех спиритических явлений и содействие распространению идей Спиритизма. Однако при этом председателем Общества Психических Исследований стало на позиции, откровенно враждебные задачам Спиритизма. Председатель и его окружение открыто вредили делу Спиритизма и подвергали осмеянию все сколько-нибудь серьёзные исследования в этой области. Это обстоятельство и вынудило Артура Конан-Дойля (тогда старейшего члена Общества) незадолго перед смертью выйти из О.П.И. и призвать всех других серьёзных изыскателей последовать его примеру – факт красноречивый и дающий пищу для размышлений. Подробнее об этом смотрите ниже: «Отречение от Общества Психических Исследований». (И.Р.)

«Лайт»
10 ноября 1923 г.

«ВНЕШНИЕ ПРЕДЕЛЫ»

Сэр! Рассказ о духовном поиске человека редко находит себе достойное воплощение на театральной сцене, так что каждый успех такого рода достоин поддержки. Не сомневаюсь, что зрители, побывавшие на спектакле «Внешние пределы» в театре «Гэррик», поблагодарят меня за то, что я обратил их внимание на эту пьесу – самое смелое, оригинальное и захватывающее произведение из всех, что мне приходилось видеть на лондонских подмостках.

Искренно Ваш,

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс
4 ноября 1923 года

«Эдвертайзер»/»Эхо», Тенет
16 февраля 1924 г.

ОТВЕТ «ПСИХОНО»

Сэр! Поздравляю Вас с превосходной работой, которую Вы провели в Кенте. Особый интерес вызвала у меня запись о «Втором пришествии», поскольку та же информация вышла из-под пера моей жены. При этом был также указан 1925 год; ангельское провозвестие было обещано в Праздник урожая этого года.

Искренно Ваш,

Артур Конан-Дойль

Уиндлшем, Кроуборо, Сассекс

ОСКАР УАЙЛЬД

Милостивый государь!

Я бы желал со всей учтивостью и вместе с тем со всей решительностью выразить своё полнейшее несогласие с г-ном К.У.Соулом в том, что он говорит касательно стиля Оскара Уайльда.

У Уайльда, на что часто и указывалось, было два различных стиля, каждый из которых ярко выражен и индивидуален и совершенно отличен от другого. Один – поэтический, полный украшений и вычурности с красивыми словесными эффектами и обильным использованием цвета. В послании он представлен такими фразами: «от багрового вечера до яблочно-зелёной зари»; «вспыхнувшие розами анемоны, будто звёзды, осветили лесные тропы» или «май, подобно белому туману, пробирается по узким улочкам и сквозь живые изгороди». Второй его стиль эпиграмматичен, остроумен, имеет налёт цинизма и полон парадоксов. В послании мы встречаем и это: «Смерть – самое скучное событие в жизни, если не считать супружества и обеда в обществе школьного учителя». – «Совет, который подадут, всегда плох». – «Самому Богу неизвестно, что делать с человеческим усердием». – «Женщина, довольствующаяся тем, что имеет, всегда была бы очаровательна». Трудно, заметив эти аналогии, столь близкое сходство, усомниться в том, что за этими фразами скрывается ум Оскара Уайльда.

Идея о том, будто еженедельные литературные конкурсы с раздачей призов в состоянии произвести обилие «Барри» и «Стивенсонов», наделённых к тому же всеми отличительными качествами оригинала, совершенно определённо не выдерживает критики и едва ли была рассчитана на то, чтобы к ней отнеслись серьёзно. В самом деле, нетрудно создать короткую комическую пародию с помощью преувеличения особенностей стиля, но для того, чтобы писать или говорить точно в том же стиле и с соблюдением всех оригинальных черт автора, нужен ум, равный по силе своему прототипу, а такой ум, несомненно, предпочёл бы показать себя в чём-то более значимом, чем пародия.

Г-н Соул претендует на то, будто он по всем упоминаниям определил «вероятные источники». Но ведь когда дело касается

человека, вся жизнь которого проходила на виду и который был одним из столпов литературы, то трудно представить, чтобы в его жизни могло оказаться что-то важное, нечто такое, что, возникая сейчас в его памяти, не было бы уже прямо или косвенно упомянуто ранее в том месте или ином. Помимо того, такое объяснение означало бы, что медиумы-автоматисты перерыли всю уайльдовскую литературу. У нас есть их заверение в том, что это не так и что их знакомство с ней было весьма ограниченным. Что касается выдвигаемого ложной критикой предположения, будто медиумы предварительно выучили значительные порции послания наизусть, то оно, разумеется, стало бы прямым обвинением в преднамеренном обмане, что ни в коей мере не может быть оправдано, если учесть характер и общественное положение данных медиумов. Такие предположения делать слишком легко, и они должны быть исключены из рассмотрения.

Приняв во внимание различного рода подтверждения, проступающие по мере анализа этого послания от Оскара Уайльда, а именно:

- 1) наличие его тяжёлого стиля;
- 2) наличие его лёгкого стиля;
- 3) воспроизведение особенностей характера;
- 4) воспоминание отдельных эпизодов его жизни, некоторые из которых совсем мало известны;
- 5) воспроизведение его почерка;
- 6) (и, на мой взгляд, далеко не последнее) сходство условий потусторонней жизни, описываемых им, с тем, что наше психическое знание определило бы такому человеку, как он,

– я склонен считать, что данный случай является свидетельством, обладающим исключительной силой. Я совершенно согласен, что «Жорж Пельгам» и «Дионисово Ухо»* действуют очень убедительно, но для меня эта уайльдовская история убедительна даже в ещё большей степени.

Искренне Ваш, *А.Конан-Дойль***

* Здесь имеются в виду две книги: «О некоторых феноменах транс» Ричарда Ходсона и «Дионисово ухо» Джеральда Бальфура. Русским текстом первой мы располагаем и надеемся опубликовать её со временем. (*И.Р.*)

** Ориентация в этом вопросе сегодняшнему читателю затруднена тем, что фамилии главного медиума и одного из главных критиков в этом случае совпадают: С.Дж.Соул и, соответственно, К.У.Соул. (*И.Р.*)

Г-Н МАСКЛАЙН И ДЕЛО СЛЭЙДА

Милостивый государь!

На Ваших страницах я встретил утверждение, будто ещё отец г-на Невилла Масклайна вместе с профессором Рэем Ланкастером разоблачили г-на Слэйда в 1876 году. Я не буду ничего говорить по поводу утверждаемого разоблачения, а только замечу, что г-н Слэйд тут же поехал прямо в Лейпциг, где представил профессору Цёльнеру и троим его коллегам одно из наиболее полных доказательств психической силы, когда-либо отмеченных научными наблюдениями. Кажется невероятным, хотя и не невозможным, что он сделал подделку в Лондоне и показал, на что он действительно способен, в Германии. Его достижения были удостоверены самим Беллакини, придворным иллюзионистом, который заявил, что такие результаты находятся далеко за пределами искусства.

Пункт, который, однако, я желал бы прокомментировать, состоит в том, что обвинителями были д-р Брайен Донкин и профессор Ланкастер и что улика Масклайна являлась лишь косвенной. По ходу разбирательства он засвидетельствовал, что стол, используемый медиумом, был столом «с секретом». Это, несомненно, повлияло на решение комиссии. Но фактом является то, что теперь стол этот выставлен на обозрение в штаб-квартире Лондонского спиритуалистического альянса на Куинз-сквер, 5, и всякий может убедиться, что это самый обыкновенный стол, без каких-либо «секретов».

То пари на тысячу фунтов стерлингов, на которое намекает Ваш сотрудник, просто-напросто рекламная бравада, не имеющая какого-либо значения. Когда я в прошлом году был в Америке, знаменитый Гудини точно так же заявил, что он в состоянии сделать всё, что было сделано медиумами. Я тут же принял вызов и поставил условием, что он должен дать мне описание моего близкого родственника, умершего уже давно, и что это должно быть настолько ясно сделано, чтобы я и сидящие рядом со мной могли по этому описанию узнать его. Мне нет надобности говорить, что о пари более не было речи.

Ваш, и т.д.,

Артур Конан-Дойль

«Таймс»

17 декабря 1924 г.

ПЕРЕДАЧА МЫСЛИ

Д-р Холдейн претендует, будто телепатия есть не что иное, как результат вибраций тончайших звуковых волн. В очень многих отмеченных случаях феномен заключался в воспроизведении рисованных диаграмм. Действительно ли д-р Холдейн считает, будто звуки пишущего карандаша могут дать понятие о форме рисуемой фигуры?

Артур Конан-Дойль

«Лайт»

24 января 1925 г.

БИБЛИОТЕКА-МАГАЗИН СПИРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дорогие Друзья! Мне давно кажется, что одним из слабых мест в нашем психическом движении является полнейший разрыв между нашей превосходной литературой и человеком на улице. Он, как правило, совершенно не подозревает о её существовании. В попытке преодолеть эту трудность я и намереваюсь открыть книжный магазин и библиотеку спиритической литературы в самом центре Лондона, в Эбби-хаузе на Виктория-стрит, напротив Динз-ярда и в двух шагах от Вестминстерского аббатства. Я бы попросил всех сторонников психических исследований поддержать это рискованное предприятие в тех пределах, в каких это может быть сделано без ущерба торговле психическими книгами, уже осуществляемой Лондонским спиритуалистическим альянсом или издательством «Ту Уорлдз». Я желаю открыть тем новое поле деятельности, а не вторгаться на старое. Будут продаваться только книги по психизму, большой запас которых всегда должен иметься в наличии, и будет делаться всё возможное, чтобы удовлетворить запросы посетителей. Если у кого-

нибудь из читателей имеются дубликаты книг, которые они могли бы пожертвовать библиотеке, то они окажут мне услугу, выслав их по указанному адресу заведующему после начала февраля месяца.

Искренне Ваш,
Артур Конан-Дойль

«Нортэрн уиг энд Белфаст пост»
12 мая 1925 г.

О ФОТОГРАФИЯХ ФЕЙ

Сударь! В Вашем сегодняшнем выпуске я усмотрел намёк на «Фотографии фей», сделанный таким образом, словно бы оне уже нашли какое-то объяснение или были как-то дискредитированы. Но это не так. Предпринятые расследования как касательно девочек, так и негативов (причём последние были освидетельствованы лучшими экспертами Великобритании) не смогли сколько-нибудь поколебать значимость имеющихся доказательств. Более того, появившиеся новые факты лишь прибавили им веса. Среди них выделяется письмо, написанное одною из девочек в возрасте 10 лет своей подруге в Южной Африке. В этом письме рассказана вся эта история, как она и произошла в своё время, хотя до широкой публики она дошла лишь несколько лет спустя. Чем являются эти маленькие фигурки и на каком удалении оне находятся, остаётся, как я утверждаю в своей книге,* открытым вопросом, но честность девочек не подлежит сомнению, и подлинность негативов никоим образом не была поставлена

* Автор имеет в виду свою книгу «Нашествие фей»: Sir Arthur Conan Doyle, «The Coming of the Fairies», New York, George H. Doran Company, 1922. Надо признать, что это прискорбная история. Наш автор сделался здесь жертвой самой нелепой мистификации, что в дальнейшем позволило недобросовестным критикам наклеить на него ярлык «человека легковерного».

И всё же никакие ярлыки не могут поколебать силу железной логики или достоинство доводов А.К.Д. в том, что касается природы и характера спиритического учения, а также его аргументированную критику существующих на сегодняшний день религий. При этом не преминем повторить, что «нашествие фей» не имеет к теме Спиритизма никакого отношения и что попытки, на основании этого конфуза, подвергнуть сомнению основные выводы Конан-Дойля о спиритическом учении являются постыдным примером недобросовестного и поверхностного критиканства, на которое так горазды все недалёкие люди. (*И.Р.*)

под сомнение. Разумеется, всё это не имеет никакого отношения к Спиритизму, который соотносится единственно с судьбой души человеческой.

Ваш, и т.д.,

А.Конан-Дойль

«Лайт»

4 июля 1925 г.

ПРОЕКТ ПСИХИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Дамы и господа!

Я основываю небольшой музей психических экспонатов при Психическом Книжном Магазине, Эбби-хауз, Виктория-стрит. Положение в самом центре города не преминет привлечь к коллекции внимание, что позволит ей стать мощным центром пропаганды. Я был бы сильно признателен всем, кто пожелали бы дать в дар, одолжить или продать соответствующие предметы. В настоящее время у меня имеется пара восковых перчаток, одолженных мне Психическим Колледжем, а также Гарскадденова коллекция фотографий и некоторые другие снимки. При таком ядре у меня не должно быть особых трудностей в том, чтобы собрать стоящую коллекцию. Может быть, те, кто желают помочь мне, будут так любезны, что уже сейчас вышлют мне ряд предметов, с тем чтобы я смог сказать им, насколько выигрышно их удаётся разместить на нашем довольно ограниченном пространстве.

Артур Конан-Дойль

СПИРИТИЗМ И ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Спиритизм, несомненно, наиболее важное дело на свете и заслуживает того, чтобы ему уделили время. При этом людей следует порицать только за то, что они пренебрегают им, но отнюдь не за то, что подходят к нему с осторожностью. Я повторил бы здесь от собственного имени слова Теккеря. Он сказал одному оппоненту: «То, что Вы говорите,

совершенно естественно, но если бы Вы видели то же, что довелось видеть мне, Вам бы пришлось изменить своё мнение». Нам следует приравнивать свои теории к фактам. Мы же до сей поры приравнивали факты к своим теориям. Если Вы пока ещё не среди наших сторонников, то это и совершенно правильно с Вашей стороны. Чтобы понять это Учение, Вам нужно время. Мне самому на то понадобилось много лет. Сейчас же для меня нет ничего важнее этого, потому что я *знаю*, что здесь истина. Ведь знать – не то же, что верить. Спиритизм неисчерпаем. Это понимаешь, когда начинаешь его постигать. В нём десятки разных, достойных изучения областей. Когда вещи эти коснутся лично Вас, тогда только Вы и сможете понять и оценить всю их силу.

Я много выступаю с лекциями. Но у меня никогда нет желания обратиться к аудитории в свою веру. Я вообще не склонен питать доверие к подобным внезапным обращениям. Всё это мелко и поверхностно. Я стремлюсь единственно к тому, чтобы представить людям дело с наибольшей ясностью. Я просто говорю им всю правду, как она есть, и объясняю им, почему мы знаем, что это правда. На этом моя задача, собственно, и исполнена. Люди могут после этого принять предложенное мною или его отвергнуть. Если они мудры, то они непременно исследуют пути, мною указанные. Если же мудрость им не свойственна, то они просто упустят свой шанс. Я не хочу оказывать на них никакого давления или обязательно превращать их в своих сторонников. Это, в конце концов, их дело, а не моё. Как тонко подметил Лабрюйер: «Нужно стремиться лишь к тому, чтобы мыслить и говорить согласно истине, без всякого желания привить наши вкусы и убеждения другим: предприятие сие и без того грандиозно».

Наука постепенно выметает из мира застарелую паутину предрассудков и суеверий. Мир походил до этого на старый, запылённый чердак, но вот хлынули солнечные лучи, и наполнили весь его светом: рассеянная в воздухе пыль начала при этом оседать на пол. И всё же, что касается до науки и учёных, я могу сказать только одно: именно научное мышление лежит в основании всего нашего материализма. Как велика могла бы быть наука, если бы осознала собственную ограниченность! Показателен сам по себе факт, что многие учёные мужи, когда оказываются затронуты их симпатии и предрассудки, демонстрируют самое смехотворное пренебрежение ко всем собственным принципам. Между тем, среди принципов науки нет другого более непререкаемого, как тот, что всякий вопрос должен

быть всесторонне рассмотрен прежде, чем его можно будет признать несостоятельным. На примере беспроводной связи или летательных аппаратов тяжелее воздуха мы могли в последние годы наблюдать в суждениях учёных самые неприличные несообразности. Опаснее всего заявлять *a priori*^{*}, что какая-то вещь совершенно невозможна. И тем не менее это ошибка, в которую впал чуть ли не каждый критик, выступающий от лица науки. Такие учёные пользовались авторитетом, который они заслуженно приобрели в освоённой ими специальности, для того, чтобы подорвать доверие к области, в какой они ничего не смыслят. Сам по себе факт, что человек был крупным авторитетом в физиологии или физике, никоим образом не делает его авторитетом также и в области психической науки.

В мире науки полным-полно глупцов и разных болванов, лишь тормозящих мировой прогресс. Они признаются в том, что ничего по данному поводу не читали, и я уверен, также ничего не видали. И тем не менее они используют положение и имя, приобретённые ими в других материях, для того, чтобы дискредитировать множество людей, которые, как бы к ним ни относиться, несомненно, весьма серьёзны и вдумчивы.

Наука очень помогла нам в создании комфорта, но ещё вопрос, отвечает ли комфорт этот нашим действительным задачам в этой жизни. Несомненно то, что обыкновенно он был нашим бедствием, потому что этот комфорт назвался «прогрессом», и тем у нас создалось впечатление, будто мы действительно движемся вперёд, «прогрессируем», тогда как на самом деле мы не только топчемся на месте, но и неуклонно сползаем назад.

На это, разумеется, могут возразить: «А беспроводный телеграф? А сигнал S.O.S. на море? Разве они не служат благу человечества?». Я целиком согласен, порой всё это оказывается и впрямь очень удачно. Я ценю, например, свою настольную электрическую лампу, а она ведь продукт науки. Наука даёт нам, как я уже сказал, комфорт, а подчас и безопасность. И тем не менее я не склонен превозносить её и её дары, потому что она затемняет и искажает самое для нас жизненно важное, именно – цель нашей жизни и задачи в ней. Мы были помещены на этой планете не за тем, чтобы ездить на автомобиле со скоростью 50 миль в час, или чтобы перелетать Атлантику на самолёте, или посылать в другой конец Земли сообщения по проводам или без оных. Всё это украшения и удобства

* *a priori* – заранее, не зная дела, предубеждённо (лат.)

нашей жизни, но не более того. Однако наши учёные настолько приковали наше внимание к этим украшениям, что мы, хлопоча с ними, забыли за этим занятием главную цель, ради которой мы здесь.

Не то важно, с какой скоростью вы едете, но цель вашего путешествия. Не то важно, посредством каких технических ухищрений вы посылаете своё сообщение на расстояние, а то, сколь значимо само ваше сообщение. И тогда выясняется, что этот так называемый «прогресс» на каждом шагу оказывается нашим бедствием, и всё же до тех пор, пока мы пользуемся словом, мы будем путать этот мнимый прогресс с реальным прогрессом и воображать при этом, будто заняты тем, ради чего Бог послал нас в сей мир, а посланы мы сюда были за тем, чтобы готовиться к следующей фазе жизни. Есть подготовка ума, а есть подготовка духа, и мы пренебрегаем обеими. Стать на старости лет лучше и добрее, изжить в себе эгоизм, расширить свой умственный кругозор, сделаться сердечнее и терпимее – вот зачем мы здесь находимся, вот каковы наши задачи в жизни. Наш мир, вся наша планета – это фабрика душ, но она пока что выпускает скверную продукцию.

Несомненно, прежде мир человеческий был более жесток, чем сейчас, но ведь никогда у него не было и таких преимуществ, как у нас, и всё же никогда ранее столько образованности, знания и так называемой «цивилизации» не превращалось во зло. Мы научились строить воздушные корабли. И мы пользуемся ими, чтобы бомбить города. Мы научились плавать под водой. И это умение пригодно нам лишь на то, чтобы убивать моряков и топить корабли. С помощью химии мы приобрели власть над материей. И мы пользуемся ею, чтобы изготавливать взрывчатые вещества и отравляющие газы. Наше положение всё ухудшается. В настоящее время каждая нация на Земле строит тайные замыслы о том, как ей лучше всего отравить и извести другие народы. Разве Бог для этого сотворил нашу планету, и насколько вероятно, что Он позволит миру и далее идти в тартарары?

Наибольшая опасность для человека или нации наступает тогда, когда интеллектуальная сторона оказывается более развитой, нежели духовная. А разве не таково положение в сегодняшнем мире? Наши духовные проводники говорят о том, что все чаши вышнего терпения переполнены. Есть война, голод, мор, землетрясения, наводнения и иные напасти, но всё завершится в мире, в неопикуемой радости и красоте.

Я получил указание распространять послание всюду, где, на мой взгляд, есть уши, чтобы услышать. Наши наставники желают, чтобы

человеческая раса постепенно поняла реальное положение вещей, с тем чтобы избежать потрясения или паники. Я лишь один из многих, кто призваны нести людям благую весть.

Ситуация теперь достигла апогея. Самая идея прогресса была извращена, материализована. Она связана с тем, чтобы быстро ездить, быстро передавать информацию, строить новые машины и механизмы. Всё это лишь ублажение самого заурядного честолюбия. Подлинный же прогресс – это прогресс духовный. Человечество уделяет ему внимание только на словах, а на деле бежит ложною дорогой материального знания. Даже в области психических исследований, существует особая порода психических изыскателей, совершенно не способных воспринять самое очевидное. Они злоупотребляют своими умственными задатками, сиюсья найти окольный путь, в то время как перед ними лежит самая прямая и свободная дорога, по которой они никак не желают идти. Когда человеческая раса начнёт наконец своё продвижение в это новое для неё царство,* данные интеллектуалы составят её абсолютный тыл.

Высший Разум признаёт, что среди всей апатии, охватившей человечество, немало также честного сомнения, переросшего допотопные религии и имеющего право на более свежие свидетельства, а не на те только, что были даны человечеству в античности. И вот свежие свидетельства эти были явлены нам, и они сделали жизнь после смерти столь же ясной и ослепительной, как ясно и ослепительно лишь солнце на небесах. И это-то свидетельство было высмеяно учёными, осуждено Церковью, сделано предметом насмешек для прессы и с презрением отброшено в сторону. Это было последним и крупнейшим промахом человечества. Положение сделалось безнадежным. Ситуация вышла из-под контроля. После того, как дар небес был отвергнут возникла нужда в самых крутых мерах. И гром грянул. Десять миллионов юношей полегли на поле брани, а двадцать миллионов других оказались искалеченными. Это было первое грозное предупреждение Бога человечеству.** Но и оно было

* *Царство Божие*, которое, как сказано, Великим Учителем, обретается лишь «внутри нас». (И.Р.)

** Напомним древнее изречение: кого Бог хочет наказать, того Он лишает разума. И разума оказались лишены Германия, Россия, а вслед за ними и вся Европа, ибо то, что творилось в Европе и России с 1914 года, весь этот кровавожидный апофеоз глупости, можно объяснить только массовым ослеплением и помешательством. (И.Р.)

оставлено без внимания. Всё тот же тупой материализм как и ранее возобладал. Тем не менее снова человечеству были предоставлены годы на то, чтобы одуматься, но до сих пор никаких перемен ни в чём не оказалось видно. Напротив того, к старым порокам нации добавили вороха новых, а всякий порок ведь необходимо требует своего искупления. И вот Россия стала выгребной ямой.* Германия и не думала раскаиваться в своём поистине чудовищном материализме, ставшем первопричиной войны. Испания и Италия погрузились во мрак атеизма и предрассудка. Франция осталась без религиозного идеала. Англия оказалась во власти смятения и путаницы, переполненная твердолобыми сектами, напрочь лишёнными силы и мысли. Америка злоупотребила предоставленными ей прекрасными возможностями, и вместо того, чтобы стать младшей и любящей сестрой истерзанной Европе, затормозила в ней всякое экономическое восстановление, требуя денег; она обесчестила подпись собственного президента и отказалась присоединиться к лиге Мира, в которой сосредоточилась тогда вся надежда на будущее и выживание человечества. Все, таким образом, прегресли, но некоторые больше других, и кара всем будет отмерена в точной пропорции.

И кара сия грядёт. Под руководством философии материализма человечество движется по ложному пути. Чем дальше, тем всё более и более ясно, что путь этот – путь страданий, и человечество должно приступить к постижению этих тайн или погибнуть.

Вот в точности слова, которые меня просили Вам передать:

«Мы не хотим, чтобы люди пугались, но чтобы они начали изменяться, развиваясь по более духовной линии. Мы не собираемся докучать людям, мы стремимся лишь подготовить их, пока ещё не поздно. Мир не может продолжать жить той жизнью, какой жил ранее. Иначе он разрушит самого себя. И прежде всего мы должны развеять тёмную тучу теологии, зависшую между человечеством и Богом.

Скоро придёт день, когда вся истина станет ясна, и все эти извращённые Церкви будут сметены с лица земли вместе со своими жестокими доктринами и карикатурами на Бога, каковые оне распространяют. Любовь! – это и всё, что требуется. Какое значение,

* Мы надеемся, читатель понимает, что наш автор имеет в виду. Конан-Дойль в отличие от Бернарда Шоу, Герберта Уэллса, Романа Роллана и прочих западных писателей, никогда не строил себе иллюзий на счёт того, что творилось в России. И этого ему здесь простить никогда не могли. (И.Р.)

во что вы верите, если только вы сами добры, кротки и бескорыстны, как Христос был кроток, бескорыстен и добр в давние времена?

Откройте людям всю правду о смерти. Бог желает, чтобы они её знали. Именно за этим Он и позволяет нам общаться с вами. Смерти нет. Это то же самое, как если бы вы просто перешли в другую комнату. Попав сюда, вы оказываетесь не в состоянии поверить в то, что вы уже умерли. И мы тоже не могли поверить в это. Скажите людям всю правду! О, насколько же она важнее всего, о чём вы говорите между собою. Если бы ваши газеты – хотя одну неделю – уделили столько внимания психическим темам, сколько посвящают его футболу, то правда о жизни после смерти стала бы известна всем.

Когда мы говорим о материальном или механическом прогрессе, мы не можем не понимать, что прогресс этот ложный – это не настоящий прогресс. Если вы сконструировали автомобиль для того, чтобы проехать на нём тысячу миль в год, а затем придумали новый – для того, чтобы в следующем году можно было проехать уже две тысячи миль, то не думайте, что достигли тем вершины прогресса! Мы же хотим для вас прогресса истинного: чтобы вы поняли силу разума и духа, удостоверились в том, что мир духов реально существует.

Мы можем оказать неоценимую помощь в достижении настоящего прогресса, если только люди всей Земли помогут нам в этом, но мы не можем навязывать свою помощь силой тем, кто не готов принять её. Это ваша задача – подготовить людей к этому. Некоторые из них безнадежно невежественны, но мы должны заронить в них семена прогресса, даже если не сможем увидеть их всходы.

Духовенство ограничено в своих идеях и повязано системой, которая, на наш взгляд, давно устарела. Воздействовать на людей устаревшими взглядами – это всё равно, что пытаться накормить их вчерашним обедом. Мы хотим свежей духовной пищи, нас не устраивают объедки. Мы знаем, насколько совершенен и велик Иисус, прекрасно ощущаем его силу и любовь. Он может помочь всем нам, но Христос всегда разжигал в наших сердцах яркий костёр, а не ворошил старые угли.

Вот, чего мы хотим – огня энтузиазма, который будет разожжён на алтарях Знания и Воображения. Многие люди пытаются быть энтузиастами, используя своё воображение, но не знают того, что воображение – лишь врата познаний. Церкви дано право учить людей, но она не может осуществить его.

Кто-то должен показать, как действует спиритическое Учение на практике. Тот мир, в котором вы живёте, предоставляет вам единственную возможность воплотить своё знание и веру в действии. На нашем духовном уровне знание и вера – это дело, а не теория, и оно сразу даёт плоды. К сожалению, многие на Земле на словах согласны с этим, но дальше слов не идут. Церковные проповедники учат, но не могут подкрепить своё учение реальными делами. В этих целях иногда бывает полезна даже простая грифельная доска, в которой мы зачастую так нуждаемся. Вы должны не только читать лекции, но и – для большей наглядности – отображать свои тезисы на грифельной доске. Таким образом физические явления могут совершить переворот в сознании.

Нам трудно бороться за нашу веру, потому что против нас выступает мощная коллективная сила. Но когда наступит переворот в сознании людей и они отринут своё невежество и тупой антагонизм, это немедленно расчистит дорогу значительно более полному проявлению наших сил, чем те, которые мы можем продемонстрировать на сегодняшний момент.

На преодоление этой стоящей перед нами стены мы тратим более девяноста процентов наших сил. На что она уходит? На поиски слабых мест в стене невежества, которая разделяет нас. Многие из вас подтачивают и крушат эту стену со своей стороны, чтобы помочь нам пробиться сквозь неё. Вы помогаете нам, потому что не вы выстроили эту стену. Пройдёт ещё немного времени, и мы разрушим её и объединимся. И это будет кульминацией всех усилий: мы увидим встречу духа и материи».

Вот что мне было велено передать Вам. Распространяйте эту весть всюду, где только могут быть души, способные воспринять её. Говорите им: «Покайтесь! Переделайтесь! Настало время».

Артур Конан-Дойль

1925 г.

МЕДИУМИЧЕСТВО, СИЛЫ ЗЛА И КРУЖКИ «ДУХОВНОГО СПАСЕНИЯ»

Психическая сила во всём многообразии своих проявлений встречается именно в бедных кварталах, но это определённо было её главной особенностью ещё с самого начала: рыбаками, плотниками, погонщиками верблюдов – вот кем были пророки во времена античности. В настоящее же время самые высшие психические дары в Англии встречаются среди рудокопов, разнорабочих, грузчиков, барочников и уборщиц. Колесо истории, таким образом, вертится, и всё повторяется в нашей жизни.

Медиумическая способность вырабатывается и развивается упражнением. Можно почти сказать, что она «заразна». Это именно и имелось в виду в раннехристианской Церкви под «рукоположением». Оно означало передачу способности к «сотворению чудес». Мы теперь не можем делать это так быстро. Но если человек, будь он мужчина или женщина, принимает участие в спиритическом сеансе с желанием развивать в себе эту способность и, в особенности, если сеанс этот происходит в присутствии настоящего медиума, то не исключена возможность того, что силы проявят себя.

Но при некоторых обстоятельствах это их проявление может оказаться даже хуже фальшивого медиумичества, потому что оно может быть употреблено во зло. Уверяю Вас, что разговоры о чёрной магии и злых существах не порождение предрассудка. Такие вещи действительно случаются и сосредотачиваются вокруг нечистого медиума. И Вы можете тогда попасть в такую область, каковая сродни общепринятым понятиям о колдовстве. В психическом мире подобное стремится к подобному себе, и Вы в таких случаях получаете то, чего Вы достойны. Среди спиритов считается чуть ли не аксиомой, что характер духов, проявляющихся во время спиритического сеанса, является в значительной мере выражением общей интеллектуальной и моральной природы участников сеанса. Если Вы сидите за спиритическим столом со злыми людьми, то к Вам придут и злые посетители. Так что есть в этом деле и опасная сторона.

Но что, скажите, в нашем мире не имеет своей опасной стороны, будучи неумело применено или доведено до крайности? Между тем эта опасная сторона существует совершенно отдельно от

правоверного Спиритизма, и наше знание – самый эффективный способ противодействия ей. Я считаю, что ведьмы и колдуны Средневековья – вполне реальные факты и что самый лучший способ дать отпор таким приёмам – это культивировать высокие стороны души. Пустить же это дело на самотёк – значит оставить данную область силам зла.

Кто-то, возможно, примется доказывать, будто предмет, таящий в себе подобные возможности, лучше вообще не трогать. Ответом на это, вероятно, может служить то, что злоторные проявления, по счастью, оказываются весьма редки, в то время как утешение, ежедневно доставляемое общением с духами, осветило новым светом не одну тысячу жизней. Мы ведь не прекращаем исследование неведомой земли из-за того, что там порой попадаются зловредные существа. Точно так же и здесь, повторяю, отказаться от изучения этой области значило бы оставить её во владении этих самых сил зла и вместе с тем – лишиться самих себя того знания, которое помогло бы нам понять образ действия этих сил и свести на нет их усилия.

Говорю об этих злых силах, потому что мы постоянно приходим в соприкосновение с ними. И когда происходит вторжение таких сил, мы совсем не стремимся обязательно отделаться от них. Встреча с ними – часть нашего дела, предмет особых наших забот. Если мы можем помочь какому-либо низшему духу, то помогаем ему; а сделать это нам возможно, лишь побуждая его рассказать нам о своих тревогах. Многие из этих духов отнюдь не злы. Это лишь бедные, невежественные создания, развитие которых застопорилось и которые страдают от последствий узких и ложных взглядов, привитых им ранее в нашем земном мире. Мы стараемся помочь им – и нам это удаётся. В чрезвычайно интересном случае, который был тщательно изучен исландским Обществом психических исследований в Рейкьявике, некая грозная и привязанная к земле сущность сама же объяснила, что в бытность свою человеком она была рыбаком весьма грубого и вспыльчивого нрава, покончившим жизнь самоубийством. Она подчинила себе медиума, буквально поработила его и последовала за ним на сеансы, проводимые Обществом, где неопишимо перепугала всех собравшихся, пока не была экзорцирована средствами, подобными описанным в моём романе.* Обстоятельный отчёт об этом случае приведён в «Протоколах» Американского Общества психических

* Речь идёт о романе «Страна туманов», произведении пропагандистском; входит в серию «приключений профессора Челленджера». (И.Р.)

исследований, а также в «Сайик ризёч» за январь 1925 года, являющемся органом Психического колледжа. Исландия, следует заметить, – страна, весьма продвинутая в психической науке, и соотношение между численностью её населения и предоставившимися возможностями убедиться в продолжении нашего посмертного существования, вероятно, таково, что ставит её впереди любой иной страны. Епископ Рейкьявикский является председателем Психического общества, что, несомненно, должно послужить уроком нашим английским прелатам, отмежевание коих от всякого изучения данного предмета находится на грани непристойности. Ведь предмет этот имеет самое непосредственное отношение к природе души человеческой и её участи в Мире Ином, и тем не менее среди духовных наших пастырей приверженцы этих исследований встречаются гораздо реже, нежели среди представителей любых иных профессий.

Итак, мы стараемся помочь этим заблудшим душам – и нам это удаётся. Мы знаем, что нам это удаётся, потому что со временем оне сами сообщают нам об этом, и развитие их продолжается. Такие методы часто используются нашими сторонниками. Кружки спиритов, занимающиеся подобной душеспасительной деятельностью, именуются «кружками духовного спасения». Среди скрупулёзных и достойных доверия исследователей в данной области можно назвать Таузера из Мельбурна и Мак-Фарлейна из Саутси. Оба они методично занимались в «кружках духовного спасения» с целью оказать помощь духам, привязанным к земле. Подробные записи экспериментов, проведённых лично мною в такого рода кружках, можно найти в четвёртой и шестой главах моих «Странствий спиритуалиста».* Могу добавить, что и в моём собственном домашнем кружке, при медиумичестве моей супруги, нам выпала честь принести надежду и знание некоторым из этих несчастных существ.

Полные отчёты целой серии подобных драматических бесед можно найти на завершающих ста страницах последней работы адмирала Азборн-Мура «Проблески последующей жизни».** Следует отметить, что адмирал не присутствовал лично на этих сеансах, но что они проводились людьми, к которым он питал полнейшее доверие, и что результаты были подтверждены письменными показаниями под присягой со стороны участников сеансов. «Высокий характер

* “Wanderings of a Spiritualist” by Sir Arthur Conan Doyle.

** “Glimpses of the Next State” by Admiral Osborne Moore.

г-на Линдера Фишера, – говорит адмирал, – является достаточной гарантией их достоверности». То же самое может быть сказано и о Э.Дж.Рэндалле, опубликовавшем множество аналогичных случаев. Он является одним из ведущих юристов Буффало, в то время как г-н Фишер – преподаватель музыки в том же самом городе.

Естественное возражение в этом случае сводится к тому, что, даже если не ставить под сомнение честность исследователей, то общее восприятие опыта всё же может оказаться некоторым образом субъективным и не соответствующим действительным фактам. Имея в виду это, адмирал говорит: «Я навёл справки касательно того, действительно ли каждый из духов, давших понять, что они вступили в новое состояние сознания, был удовлетворительным образом удостоверен. В результате выяснилось, что данные многих из них подтвердились, и это послужило достаточной причиной для того, чтобы счесть совершенно бесполезным разыскание их родственников и места их проживания в земной жизни на предмет подтверждения. Такого рода розыски требуют много времени и труда и всегда заканчиваются тем же результатом, именно – подтверждением сказанного». В одном из случаев, который приводится на стр. 524, говорится о некоей светской даме, умершей во сне. Во всех подобных случаях возвращающийся дух не осознаёт, что его земная жизнь завершилась.

Драматичная история, в которой речь шла о духе человека, проявившегося в самый момент несчастного случая, повлёкшего за собой его смерть (на самом деле этот случай касался сразу нескольких человек и имена, при этом упомянутые, были впоследствии проверены по газетным сообщениям об этой катастрофе), приводится г-ном Э.Дж. Рэндаллом. Другой пример, сообщаемый этим же джентльменом, может быть предложен вниманию тех, кто ещё не осознали, сколь неоспорима и убедительна очевидность и сколь необходимо нам пересмотреть свои взгляды на природу смерти. Всё это приводится им в книге «Мёртвые не умирают».*

«Приведу инцидент, уклоняющийся в чисто материальную сторону. Я был одним из душеприказчиков отца, и после смерти и раздела его имущества, говоря со мной уже из мира потустороннего, он как-то раз сказал мне, что я проглядел один пункт в завещании, о котором он был теперь намерен мне напомнить.

* Или другой перевод названия книги “The Dead Have Never Died” by Mr.E.G.Randall: «Мёртвые и не думали умирать».

Я ответил: «Твой ум и так всегда был сосредоточен на накоплении денег. К чему ещё и теперь тратить время, которое так ограничено, на разговоры об имуществе? Оно уже разделено».

«Да, – ответил он, – я знаю, но мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы заработать свои деньги, и поэтому я не хочу, чтобы они пропали впустую. Ещё осталась сумма, о которой ты ничего не знаешь».

«Хорошо, – сказал я, – коли так, расскажи, в чём дело».

И он сообщил следующее:

«За несколько лет до отъезда я дал взаймы под расписку небольшую (хотя как сказать!) сумму Сузанне Стоун, проживавшей в Пенсильвании, и получил от неё вексель. По законам этого штата я был вправе востребовать деньги через суд без возбуждения дела. Не знаю отчего, у меня возникло нехорошее предчувствие, и до истечения срока платежа я решил на всякий случай заверить вексель у нотариуса в Эйри, штат Пенсильвания, и тот сделал приписку, которая давала мне право удержать имущество заёмщика до уплаты долга. В моих бухгалтерских книгах нет никаких ссылок ни на вексель, ни на эту приписку. Будь любезен поезжай в Эйри, зайди в нотариальную контору, найди приписку и забери её. Есть много и других вещей, о которых ты ничего не знаешь. Эта – одна из них».

Я был весьма удивлён, получив подобные сведения столь необычным образом, и, разумеется, справился об этой приписке у названного нотариуса. В результате я узнал, что она сделана 2 октября 1896 года, и ввиду несомненного факта задолженности получил по этой приписке с должника 70 долларов вместе с процентами. И вот я спрашиваю, было ли известно кому-нибудь ещё о существовании этого векселя и приписки, кроме самого должника и нотариуса в Эйри? Лично мне, определённо, об этом ничего известно не было. У меня не имелось даже причины подозревать о существовании векселя и приписки. Медиум, в присутствии которого происходила эта беседа, также ничего не мог знать по данному поводу, и тем не менее я получил денежную сумму, объявленную мне столь неординарным способом. Голос, звучавший при этом, несомненно принадлежал моему отцу, как, впрочем, и на сотне иных подобных сеансов, когда мне приходилось с ним разговаривать, и я привожу именно этот пример к пользе тех, кто имеют обыкновение измерять ценность всякой вещи лишь с денежной точки зрения».

Однако, самые поразительные из всех этих посмертных сообщений находятся в книге «Тридцать лет среди умерших» доктора

Викленда из Лос-Анжелеса.* Книгу эту, равно как и множество иных бесценных книг такого рода, можно приобрести только в Психическом книжном магазине на Виктория-стрит в Лондоне.**

Д-р Викленд и его жена, воистину героическая женщина, проделали работу, которая заслуживает самого пристального внимания психиатров всего мира. Если только автору удастся отстоять свою правоту, а позиция его в данном случае весьма сильная, то он тем самым не только революционизирует все наши представления о безумии и сумасшествии, но и существенно изменит наши взгляды в криминологии, поскольку нам станет ясно, что мы наказываем как преступников тех людей, которые гораздо более заслуживают сострадания, нежели осуждения.

Создав теорию о том, что многие маньяки являются попросту жертвами одержания, подчинёнными неразвитым сущностям, и экспериментально выяснив (впрочем, метода его в данном случае мне не вполне понятна), что эти сущности до чрезвычайности чувствительны к статическому электричеству, пропущенному через захваченное ими тело, он на основе этой гипотезы создал курс лечения, дающий замечательные результаты. Третьим фактором в его системе было обнаружение того, что подобные сущности значительно легче изгоняются из захваченного ими обиталища, когда для их временного приёма в наличии было предусмотрено некоторое свободное от души тело. В этом и заключается героизм г-жи Викленд, весьма очаровательной и культурной дамы, находящейся в гипнотическом трансе рядом с субъектом в готовности принять в себя захватчика, как только тот будет изгнан из одержимого им тела. Личность и характер этого неразвитого духа определяются, когда он говорит устами этой дамы.

Субъекта привязывают к электрическому стулу – это привязывание крайне необходимо, поскольку многие из них являются неистовыми маньяками – после чего включается ток. Эта электризация не воздействует на пациента, поскольку характер её статичен, но причиняет сильнейшие неудобства паразитирующему духу, каковой тут же старается найти приют в бессознательном теле г-жи Викленд. Затем следуют изумительные разговоры, подробнейшим образом приведённые в данном томе. Дух-одержатель подвергается

* “Thirty Years Among The Dead” by Dr. Wickland.

** Библиотека-магазин, основанная и руководимая самим А.Конан-Дойлем.
(И.Р.)

перекрёстному допросу со стороны доктора, который увещевает его, объясняет ему все невыгоды его положения и в конце концов отпускает, либо передав его заботам какого-нибудь непременно присутствующего при этой процедуре высшего духа, либо, если одержатель не проявляет готовности к раскаянию, отдаёт его во власть некоего более сурового духовного распорядителя.

Для учёного, не знакомого с психическими исследованиями, такого рода утверждение, будучи подано в неприкрытом виде, звучит просто дикостью, но мне-то нет надобности требовать от д-ра Викленда доказательств его правоты, я просто говорю, что наш опыт в кружках духовного спасения содержит в себе общую идею, и что, как было признано, д-ру Викленду удалось добиться полного исцеления в случаях, которые были неизлечимы всеми другими методами. Как бы то ни было, всё это является очень убедительным подтверждением нашей теории.

По всей видимости не каждый открыт для подобного вторжения, но лишь те, кто наделены необходимой для того психической чувствительностью. Это открытие, когда оно будет в полной мере разработано, станет одним из основополагающих фактов психологии и юриспруденции будущего.

Итак, повторю: медиумические способности даются лишь избранным и даются оне ради утешения человечества и доказательства бессмертия нашего. Оне никогда не предназначались для использования в бытовых, житейских целях. Когда же кто-то пытается употребить их для этого, то ничего, кроме неприятностей, как для медиума, так и для клиента не происходит.

Артур Конан-Дойль
1925 г.

О ЛЮБВИ И БРАКЕ НА НЕБЕСАХ

Я скажу лишь несколько слов об этом. Хочу, чтобы вы поняли, что каждой женщине предназначен один и только один мужчина, и лишь одна женщина – каждому мужчине. Когда эти двое наконец встречаются, их былые пути сливаются воедино, и тогда мужчина и женщина составляют

единое целое во всей бесконечной последовательности существования. Покуда же они не встретились, все прочие союзы оказываются лишь случайностями, не имеющими значения. Раньше или позже, но каждый человек обязательно встречает свою половину. Это может произойти не здесь, а на другой планете, где полы соединяются так же, как и на Земле. Или даже это может быть перенесено на дальнейшее. Но у каждого мужчины и у каждой женщины есть своя половина, которую он или она обязательно встретит.

Среди земных браков, может быть, лишь один из пяти оказывается постоянным. Все остальные – просто случайные встречи. Поэтому люди, бывшие на земле мужем и женой, необязательно воссоединяются на небе, но любовь мужчины и женщины продолжается, и она там свободна от всего, что здесь, у нас, мешает её полному и свободному выражению. Истинный брак затрагивает не тело, но душу и дух человека. Половые сношения суть не более, как сугубо внешний символ, и они ничего не значат и совершенно бессмысленны, более того, вредны, когда нет как раз того, что они призваны символизировать. Многие здесь живут не со своей половиной, многие вообще без неё, что даже и лучше. Но всякий рано или поздно встретится именно со своей. Это вполне определённо.

Не думайте, что у вас обязательно будет нынешний муж, или нынешняя жена, когда вы перейдёте в тот мир. Только любовь, действительная любовь, соединяет нас там. Ваш муж, или ваша жена, идёт своим путём. Вы идёте своим. Возможно, что вы находитесь даже на разных уровнях. Однажды каждый из вас встретит именно своего мужа и именно свою жену, и придёт великая любовь, и вместе с ней к вам вернётся там молодость, подобно тому как здесь она у вас проходит.

Там нет сексуальности в грубом смысле слова. И там не рождаются дети. Всё это происходит только на земном уровне. Именно эту сторону брака имел в виду великий Учитель, когда сказал: «Там не будет ни брака, ни вступления в брак». Нет! Всё это чище, глубже, чудеснее – соединение душ, полное слияние интересов и знаний без всякой утраты индивидуальности. Всего более вы приближаетесь к этому лишь тогда, когда в вас впервые вспыхивает высокое чувство – слишком прекрасное для того, чтобы две высокие влюблённые души могли надеяться дать ему физическое выражение в земном мире. Более низкие способы выражения оне обретают позднее, но всегда во глубине сердца оне будут знать, что то, самое первое, тончайшее,

восхитительное единение душ было самым прекрасным мгновением их жизни. То же самое и с духами.

Артур Конан-Дойль
1925 г.*

«Лайт»
12 сентября 1925 г.

«ПСИХИЧЕСКИЕ ФОТОГРАФИИ»

Сэр! Я заметил, что моё имя приводится в одной из нынешних психических газет в связи с фотографиями молодых медиумов Фолконеров из Эдинбурга. Но я должен сказать, что совершенно не знаком с работой этих медиумов и, во всяком случае, не могу ручаться за неё *bona fides*.** На тех же страницах помещена репродукция предположительно спиритической фотографии, которая, несомненно, является расфокусированным изображением хорошо известного этюда Альберта Мура «Цветки». Такие случаи передачи могут быть вполне честными, но они приводят в замешательство и пробуждают непротивоестественные сомнения.

Ваш, и прочая,
Артур Конан-Дойль

* Считаем нужным предупредить читателя, что данная статья, равно как и две предыдущие, не является непосредственным произведением нашего автора: их текст представляет собой «композицию», т.е. составлен нами из подлинных высказываний и фраз Конан-Дойля, встречающихся на страницах его книг (исключением является только вставленная нами цитата из Лабрюйера), после чего получившийся текст и был переведён на русский язык. Возможно, кто-нибудь решит, будто данная акция – приписывать крупному писателю произведения, которых он никогда не писал, да ещё при этом умудриться целиком составить их из его же подлинных фраз – есть с нашей стороны неслыханная дерзость и акт вандализма. Не берёмся судить – дерзость это, акт вандализма или дань большого уважения: нам было попросту обидно пройти мимо столь важных мыслей, не обратив на них внимание читателя. Тем не менее, смеем надеяться, что полученный результат с лихвой извиняет проявленную нами некоторого рода вольность. (*И.Р.*)

** *bona fides* (*лат.*) – добросовестность (термин римского права); здесь – со знанием дела. (*И.Р.*)

ВОЗВРАЩЕНИЕ «МЁРТВЫХ» СЫНОВЕЙ
СОЛДАТЫ, КОТОРЫЕ ВЕРНУЛИСЬ

Милостивый государь!

Мой сын, Кингсли, не был убит на Войне. Он был серьёзно ранен в битве при Сомме, но умер, как раз накануне Перемирия, в Лондоне, от воспаления лёгких.

Он вернулся где-то через год или немногим больше после своей смерти, когда я сидел на сеансе с Ивэном Пауэллом. Его голос прозвучал передо мной очень громко и очень серьёзно. Он назвал своё имя, и моя жена, его мачеха, услышала его раньше, чем я. Я слушал очень внимательно. Затем я услышал слово «прости!», сказанное громким шёпотом. Как я понял, он намекнул на тот факт, что при жизни он не принимал Спиритизма всерьёз. Я подумал так потому, что в его мужественной и прекрасной жизни определённо не было больше ничего, что могло бы причинить мне боль. Я, разумеется, заверил его, что мне нечего прощать ему и что он был совершенно прав, отстаивая своё собственное мнение. Затем я спросил: «Ты счастлив?». Он ответил: «*Теперь* я счастлив». Я ощутил, как на голову мне легла тяжёлая рука, отчего голова моя подалась вперёд, и почувствовал, что меня целуют в лоб. Таким образом оказалось, что он частично материализовался. Медиум, которому ничего не было известно о моих отношениях с сыном, был, как полагается, привязан к стулу и не мог приблизиться ко мне. Все участники сеанса слышали наш диалог, так что это не была галлюцинация. С той поры у меня произошло с ним несколько встреч, но ни одна не взволновала меня так, как эта первая.

Искренне Ваш,
Артур Конан-Дойль

ПСИХИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Милостивый государь!

Статья Вашего представителя, посвящённая этому музею, исполнена такого добродушного юмора, что с моей стороны было бы грубостью отнестись к ней слишком уж серьёзно.

В ней он увязывает моё имя с Шерлоком Холмсом, и я предполагаю, что поскольку единственно я являюсь создателем этого незаурядного характера, то в моей натуре должно быть нечто, соотносящее меня с ним. Позвольте мне так считать. В этом случае я бы сказал (и Вы можете присовокупить эти высказывания для дальнейших ссылок), что из всех подвигов ясномыслия, содеянных когда-либо Холмсом, самым величайшим оказался тот, когда он увидел, что предмет, всего более презираемый и высмеиваемый, воистину является великим Новым Откровением и событием, открывающим эпоху в мировой истории.*

Сегодня под этим мнением подписалось бы значительно больше людей, чем ещё несколько лет назад, и я убеждён, что в самом скором времени данная мысль станет понятной и всему роду человеческому.

Самая большая трудность с посетителями, приходящими в мой музей, заключается в том, что они зачастую ничего не знают о самом предмете, которому он посвящён, хуже того, они наполнены по этому поводу самыми невероятными предрассудками и ложными идеями. И тогда я за несколько минут должен попытаться вложить в них основы великого знания. Вообразите себе человека, пришедшего в геологический музей, ничего не зная о самой этой науке, и представьте себе, что он-то считает себя вполне сведущим, чтобы поправлять

* Здесь в шуточной форме автор выдвигает довольно серьёзную мысль. Избрать эту форму его, видимо, вынуждает отношение читателей и поклонников, благоговейно внимающих Шерлоку Холмсу и мало интересующихся тем, что говорит сам Конан-Дойль. Отожествив себя с Шерлоком Холмсом, он приписывает тому высказывание, не встречающееся в рассказах о его приключениях, и предлагает ссылаться на него как на самую важную мысль, когда-либо высказанную этой загадочной личностью. К сожалению, эта мысль Холмса-Дойля сегодня столь же чужда людям, как и в те дни, когда она была высказана. (И.Р.)

хранителя музея в вопросе о полезных ископаемых. Это точная аналогия того, с чем мне постоянно приходится сталкиваться.

Чтобы показать, сколь непригодна для защиты и уязвима для критики природа выдвигаемых ими взглядов, я возьму высказывания Вашего корреспондента, касающиеся эксперимента, первоначально произведшего так называемые «перчатки доктора Жэле». Возьмём факты в том виде, как они приводятся в «Журнале Метапсихического института», являющемся печатным органом, кстати сказать, не спиритического, а научного учреждения, находящегося в Париже.

Прежде всего учтём тот факт, что отчёт о происшедшем был подписан Шарлем Рише, профессором физиологии Парижского университета, Гюставом Жэле, бывшим тогда главою названного Института, учёным с европейской репутацией, и наконец графом де Граммоном, опытным исследователем. Ни один из троих не является убеждённым спиритом.

Происходящее наблюдалось ими при достаточно ярком красном свете, и они вполне согласны друг с другом по поводу наблюдавшихся явлений. Гарантией правдивости их утверждений служит их высокая научная репутация. И теперь я прошу Вашего корреспондента честно ответить на такой вопрос. Считает ли он, будто эти трое учёных мужей обдуманно и безответственно лгали? Я полагаю, что если он в здравом уме, то ответом его будет: «Нет, не считаю».

Тогда единственной альтернативой остаётся то, что они были обмануты. Давайте рассмотрим, можно ли в это поверить. Они заперли за собой дверь на ключ, и поскольку это была их собственная комната (мне это доподлинно известно), и поскольку, помимо того, она находилась в подвале, то приходится отбросить предположение о потайном входе.

Когда Клуски, польский банкир, бывший у них медиумом, погрузился в транс и образовалась эктоплазмическая фигура, как то было уже множество раз записано и сфотографировано с другими медиумами, то её попросили погрузить руки в ведро с тёплым парафином. Все наблюдатели видели, как она это сделала, и в то же время контролировали медиума.

Когда воск тонкой коркой покрыл руки фантома, его попросили исчезнуть. Он сделал это, оставив на столе восковые перчатки, образовавшиеся на его руках.

А теперь мы подошли к пункту, который Ваш корреспондент проглядел и который фатален для его теории имперсонации. Восковые перчатки, как каждый может убедиться, представляют собой сплошной, твёрдый и ломкий предмет, и на запястьях оне значительно уже, чем на ладони. Спрашивается, каким бы образом удалось вытащить из них руки, не нарушив при этом их формы? Единственная возможность – это дематериализация самих рук внутри перчаток. Никто ещё не предложил какого иного способа, которым бы удалось это сделать.

Достоверность эксперимента подтверждается ещё одной мерой предосторожности, принятой исследователями: г-н Жэле подмешал в ведро с воском холестерин. Независимый химик, анализируя состав перчатки, подтвердил наличие в ней холестерина. Это, разумеется, положительно доказывает, что перчатки не были принесены в комнату готовыми.

Были взяты отпечатки пальцев духа и отпечатки пальцев медиума, в результате чего г-н Бейль, сотрудник парижской полиции, выдал заключение о том, что между ними нет ни малейшего сходства.

Этот эксперимент повторялся многими другими исследователями, в числе которых оказалась и чета Маккензи, получивших перчатки уже в нашем Психическом Музее. Всего по различным поводам получено пока что 28 пар таких перчаток.* Неужели кто-то может предположить, будто в каждом из этих случаев участники экспериментов оказывались неспособны при красном свете увидеть, как в комнату через запёртую дверь входил кто-то посторонний и свободно по ней разгуливал?

Глупо быть слишком уж доверчивым, но в равной мере глупо быть и слишком недоверчивым. Человек здравомыслящий выберет середину.

Я могу вполне понять, что репортёру может показаться невозможным достичь за полчаса того уровня опытности и знаний, который дали мне 38 лет работы в этой области. Это естественно. Но не естественно и не разумно, если новичок, сам ничего не видевший и не знающий, объясняет обманом или сумасбродством факты, засвидетельствованные и гарантированные первейшими умами Европы.

Артур Конан-Дойль

* Вот здесь-то вполне уместно вспомнить марксистское мерило истинности, гласящее, что критерий истины есть практика. (И.Р.)

ЗНАНИЕ И ВЕРА

Все складно расписанные теории о подсознательном разлетаются во прах перед простым утверждением незримого существа, заявляющего: «Я есмь дух. Я – Инис, твой брат». Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться неубеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него были бы веские основания сомневаться в здравости собственной психики. Тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь завесу, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Есть нечто более сильное, чем просто *вера*, и это – *знание*. Так вот, я утверждаю эти вещи, потому что у меня есть знание о них. Я не ВЕРЮ, я ЗНАЮ.

Артур Конан-Дойль,

«Интернэйшнл сайик гзетт»

3 марта 1926 г.

МЕДИУМИЗМ Г-НА Ф.Т.МАННИНГСА

Милостивый государь! Самые затруднительные и головоломные случаи, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться, связаны с медиумами, психическая способность которых, иногда очень высокого порядка, имеет прерывистый характер, что сопровождается нередко полным отсутствием нравственного чувства, так что подобные медиумы всегда готовы возместить недостаточность своих сил хладнокровными и обдуманно подделками, если это служит их целям. Г-н Ф.Т.Маннингс является одним из медиумов этого рода, и наш долг, после того как мы несколько познакомились с его работой, предупредить других исследователей, что они имеют дело с ним на свой собственный страх и риск. Мы знаем такие случаи, когда психический результат, достигнутый им, оставался далеко за пределами всякого подозрения, но знаем и другие – в частности, недавний в одной семье, – когда его уличили в явном обмане с соответствующими орудиями, служащими для этой цели и находящимися в его распоряжении.

Мы надеемся, что это предупреждение поможет избежать подобных инцидентов в будущем.

С совершенным почтением,

*Р.Г.Сондерс,
Г.Дэннис Брэдли,
Артур Конан-Дойль,
Абрахам Уоллес.*

**«Морнинг пост»
12 апреля 1926 г.**

«ФОТОГРАФИЯ» ЛОРДА КАМБЕРМИРА

Милостивый государь!

Г-н Кэмпбелл Суинтон раскритиковал на Ваших страницах психическую фотографию, которую я выставил в Куинз-Холле. На ней видна человеческая фигура, сидящая на стуле; предполагается, что это покойный лорд Камбермир.

Эту фотографию мне любезно предоставил сам лорд Камбермир-младший, и он, по видимости, принял факты в том виде, в каком я их констатировал. Есть у меня, помимо того, и письмо от его близкого родственника, сообщающее дальнейшие подробности, а также имя дамы-посетительницы, которая сделала этот снимок. Автор письма заключает его следующими словами: «Я совершенно уверен, что негатив не сфабрикован. Я получил его прямо от неё».

Идея о том, будто эта совершенно ясно видимая фигура сидящего человека есть не что иное, как дефект фотопластины, слишком нелепа, чтобы служить аргументом, но она показывает, до какой крайности могут дойти наши оппоненты в своих упорных посях чисто материалистического объяснения. *Ex uno disce omnes.**

Ваш, и т.д.,

Артур Конан-Дойль

P.S. Я не счёл лишним указать на то, что данная фигура необязательно является духом покойного, но может быть одной

* По одному узнай и всё остальное. (*лат.*)

из тех мыслеформ или памятеформ, которые, по всей видимости, действительно существуют.

«Морнинг пост»
19 апреля 1926 г.

ФОТО КАМБЕРМИРА

Сэр! Я был бы счастлив позволить Вам опубликовать эту фотографию, но дело в том, что лорд Камбермир и без того уже оказал мне любезность, предоставив право демонстрировать её, и я колеблюсь в том, чтобы итти дальше, пока не получу его разрешения. В настоящий момент, как кажется, связаться с ним трудно, но надеюсь, что я вполне в состоянии ответить на вызов г-на Кэмпбелла Суинтона.

Во-первых, позволю себе ещё раз напомнить, что фотографию я получил прямо от лорда Камбермира-младшего через посредничество общего друга. На обратной стороне написано:

«Эта фотография была снята в библиотеке мисс Корбетт 5 декабря 1891 года вечером того дня, когда состоялись похороны Уэллингтона Генри II-го виконта Камбермира. Фигура на стуле с левой стороны фотографии (без ног) имеет полное сходство с ним».

При наличии такого подтверждения Ваши читатели могут судить, сколь позволительно было г-ну Кэмпбеллу Суинтону применить оскорбительный эпитет «фотографическое мошенничество» по отношению к снимку, выставленному мною для публичной демонстрации.

Я бы добавил, что сравнение черт лица невозможно, поскольку лицо затемнено. Лишь время и место связывают фотографию с покойным.

Возможность такого объяснения, что некто, когда делалась экспозиция, присел на мгновение на стул, как я понимаю, полностью отрицается.

Ваш, и т.п.,
Артур Конан-Дойль

«Морнинг пост»
23 апреля 1926 г.

ФОТОГРАФИЯ КАМБЕРМИРА

Сэр! Прилагаю фотографию Камбермира. Меня уведомили, что по техническим соображениям воспроизвести её в печати невозможно, но судить об этом Вам самому. Как бы то ни было, Вы можете продемонстрировать её всем желающим.

*А.К.Д.**

«Морнинг пост»
23 апреля 1926 г.

ДЬЯВОЛ И СПИРИТИЗМ

Милостивый государь!

Я с огорчением узнал, что одна из Ваших читательниц с пространном адресом: Юго-Запад Лондона – жалуется, будто по прочтении некоего высказывания в одном из моих произведений ею завладел дьявол. Но поскольку эта же самая дама не раз появлялась в полемике всё с той же самой историей, то мы имеем право на разумных основаниях заключить, что её случай единичен. Поскольку, с другой стороны, ящики моего письменного стола и шкафа доверху заполнены письмами, сообщающими мне как раз об обратном, именно о том, что благодаря чтению как раз этих самых произведений у людей возродилась надежда и укрепилась их вера, то я рискну надеяться, что маятник отклонился в правую сторону и что чаша добра перевешивает.

Странно видеть, как некоторые спорщики настаивают на дьявольской природе спиритического общения.** Неужели же им не

* Фотография не могла быть воспроизведена в печати по техническим причинам, но была выставлена в редакции «Морнинг пост». (*И.Р.*)

** Фредерик Мейерс говорит: «Дьявол не есть существо, признаваемое наукой. Даже явление одержания ставит нас лицом к лицу всего лишь с духами, которые были когда-то людьми, подобными нам, и которые всё ещё движимы теми же мотивами, какие вдохновляют и нас». (*И.Р.*)

приходит в голову, что если бы это дьявол учил человечество, то он неизбежно стремился бы внушить нам мысль, что нам целиком следует сосредоточиться на делах житейских и выжать из них последнюю каплю наслаждения, потому что после этого, якобы, нет уже ничего и что поэтому не надо бояться никакого возмездия? Разумеется, менее всего он стремился бы проповедовать, что после смерти жизнь наша продолжается и что качество этой будущей жизни определяется нашим поведением здесь. Если бы вместо того, чтобы использовать эвфемизм «домашний дух», люди заменили его «ангелом-хранителем», то они получили бы более ясное представление о том, *что* на самом деле значит Спиритизм. «Библия» также сделалась бы более понятной, если бы люди осознали, что «пророк» был передающим медиумом, а «ангел» – высоким духом. Тогда бы старые записи пришли в соответствие с современной мыслью и люди бы поняли, что Бог не мёртв и не дремлет, но что Он и сегодня трудится ради воспитания Своих бедных детей человеческих, как делал Он это в стародавние времена.

Никогда ещё, по моему мнению, в истории мира не было эпохи, когда Божественное откровение проявлялось бы более явно, чем ныне. Но довольно обыкновенная ошибка человеческая состоит в том, чтобы возвеличивать и идеализировать то, что далеко, и недооценивать то, что близко. Через сто или двести лет сегодняшнее спиритическое движение будет рассматриваться с уважением, как один из величайших поворотных пунктов в истории человеческой мысли.

С совершенным почтением,

Артур Конан-Дойль

«Крисчизн спиритьюэлист»

2 июня 1926 г.

БИБЛИЯ

Сэр! Ваш корреспондент, упоминающий моё имя в связи с «Библией» должен понять, что мусульманин и индус могут быть спиритами точно так же, как и христианин. Мой взгляд на «Библию», равно как и на все иные святыя книги, состоит в том, что они представляют собой золото, лежащее в глине, и что нашему уму

предоставлено право отделять одно от другой. При этом в «Ветхом Завете» более глины, чем золота. В «Новом» же значительно более золота, нежели глины.

Искренне Ваш,
*Артур Конан-Дойль**

«Морнинг пост»
14 июня 1926 г.

ФОКУСНИКИ И СПИРИТИЗМ

Уважаемые Господа!

Существует некий ненормальный склад ума, который может быть назван «комплексом фокусника» или «гудинизмом». Он основывается на нескольких заблуждениях. Первое заключается в том, будто Спиритизм для своего доказательства зависит от физических феноменов, тогда как самое убедительное в нём сугубо ментально. Второе состоит в том, будто ловкость рук как-то связана с умственными силами и позволяет обладателю её оспаривать суждение Крукса, Уоллеса, Ломброзо и им подобных. Третье сводится к тому, будто люди, сами при явлении не присутствовавшие, являются лучшими судьями в нём, нежели те, на чьих глазах оно происходило. Время от времени фокусник вступает

* Мы бы вполне согласились с этой оценкой, если бы наш автор говорил здесь не о глине, а о навозе. Собственно, здесь вполне уместно употребить и более энергичное слово, ибо по части мерзостей и жестокостей, в ней собранных, эта книга может состязаться только с сочинениями маркиза де Сада и перечнем преступлений против человечности, совершённых германскими нацистами. Что же до глупостей, несоответствий и противоречий, вписанных в её строки, то здесь она и вовсе не знает равных.

И всё-таки главная гнусность этой книги не в том и не в этом, а в том, что она *клеветает* на Бога, наделив Его самыми скверными человеческими несовершенствами.

Не спорим, есть на этих страницах золотые истины, но оне несколько не выигрывают от того, что окружены ветхозаветными мерзостями. В высшей степени бесполезной работой было бы собрать эти истины в одной небольшой книге, а всё прочее предать забвению. Пусть эту отверженную часть читают только специалисты.

Лорд Болингброк говорит о «Библии»: «Было бы хулой Богу и обидой людям серьёзно смотреть на это жалкое сплетение небылиц, в которых каждое слово есть или верх смешного, или верх ужасного». (*И.Р.*)

в соприкосновение с действительными психическими силами и тогда сознаёт ограниченность своих возможностей. Так, Келлер подтвердил Эглингтона, Беллакини подтвердил Слэйда, и Говард Тэрстон подтвердил Эвзапию Палладино. Но в целом, в этой затянувшейся битве между новым знанием и старым, фокусники не отличаются особо хорошей памятью.

Ваш, и т.д.,

Артур Конан-Дойль

«Лайт»

21 августа 1926 г.

«ПРОРОЧЕСТВА, ПОСЕВАЮЩИЕ ПАНИКУ»

Милостивый государь!

Вы только что опубликовали два письма, одно от г-на Говарда и другое от майора Тюдора Поула. В обоих утверждается, что публикация предсказаний, касающихся будущего нашего мира, в тех случаях, когда такие предсказания могут встревожить людей, должна решительно пресекаться. Это вопрос, о котором я много с тревогою думал, поскольку я не только получал такие пророчества, сделанные в очень настойчивой и детализированной форме, но и большое число независимых подтверждений, поэтому мне трудно усомниться в том, что за всем этим лежит некоторая основательная истина.

Наш собственный рассудок всегда должен быть последней инстанцией в суждениях о такого рода вопросах, но нельзя всецело отменить и взгляды, выдвигаемые нашими незримыми коммуникаторами, в особенности, когда другие их сообщения указывают на их мудрость и познания. Если сведения, сообщаемые ими, мы принимаем серьёзно, то так же серьёзно мы должны отнестись и к их советам о том, как сообщения эти использовать.

Верно ли, ошибочно ли – лишь будущее может показать это, но они утверждают, что определённые изменения, духовные и физические, вскорости произойдут на Земле. И изменения эти должны быть вызваны ослаблением материализма и усилением

духовности – словом, более серьёзной оценкой целей человеческого существования.* Если послания из мира потустороннего в какой-то степени содействуют этой перемене в мышлении, то ясно, что они не могут быть целиком пресечены.

Опять-таки они заявляют, что если бы такие события произошли внезапно и стремительно и оказались бы для нас совершенно неожиданными и необъяснимыми, то они нанесли бы гораздо более сокрушительный удар по человеческому уму – именно в силу своей непредвиденности. Поэтому хотя бы самое смутное предвидение их должно у нас существовать, и конечная цель, к которой всё это сводится, должна быть нами понята. Цель эта, как объясняется в посланиях, исключительно благотворна, сколь бы мучительным ни показалось применяемое к нам лечение, ибо ею является исцеление человечества, которое пробудит его от сонной болезни, во власти какой-либо оно в настоящее время находится.

Поэтому я полагаю, что мы не можем легкомысленно отмахиваться от предлагаемых ими выводов, а это проявится как раз в том, что мы не будем поднимать по этому поводу сенсационных споров, но спокойно подготовимся вместо этого к тому, чтобы там, «где есть ухо, чтобы услышать», произошла соответствующая передача информации, а также общее и постепенное распространение новостей и доказательств среди тех, кто может вести и поддерживать людей в случае какого-либо космического кризиса.

Иногда я получаю и более решительные советы. «Внедрите эти идеи в сознание людей, и пусть они живут в них. Неважно, если это их испугает: они сонны и погружены в летаргию». Хотя я и чувствую, что время для таких действий ещё не пришло, тем не менее этот совет моего главного информатора является путём, которым мне следует идти. Я вполне понимаю точку зрения двух Ваших корреспондентов, но надеюсь, что, прочитав это, они осознают, что решение такого вопроса не настолько просто, как им бы хотелось, и не зависит исключительно от нас самих.

Ваш, и т.д.,
Артур Конан-Дойль

* Судя по всему, с освобождением России от большевицкого ига время это для человечества наступило. (И.Р.)

«ИСТОРИЯ СПИРИТИЗМА»

Сэр!

Позволительно ли мне сказать слово по поводу любезного обзора моей книги, который появился в Вашем номере за 15-е число сего месяца и сделан моим другом сэром Рэем Ланкастером? Он утверждает там, будто я был обращён в Спиритизм опытами и исследованиями, проделанными другими людьми. Это весьма далеко от истины. Если бы он сказал, что моё *внимание* было привлечено к Спиритизму или что мой интерес к нему первоначально был вызван свидетельством Крукса, Уоллеса и других, то тогда бы он был ещё в пределах правды. Но моя настоящая убежденность в истинности Спиритизма основана на опытах, которые я проделал сам, причём эти мои исследования длились на протяжении многих лет. Однако моя убежденность стала абсолютной лишь к концу 1916 года. С того времени мне стало *известно*, что жизнь после смерти, общение и сопричастность живых и умерших являются реальностью, чему вполне определённых и объективных доказательств, способных удовлетворить профессора Клиффорда или какого иного человека, не затемнённого предрассудком и могущего по достоинству оценить факты, у меня к тому времени накопилось достаточно. Я уверен, что если бы сэр Рэй Ланкастер, с его острым умом, посвятил этим исследованиям столько же времени и имел бы удовольствие проделать те же опыты, то он неизбежно пришёл бы к тому же самому выводу, что и я.

В главе моей книги под названием «Кое-что о современных медиумах» я дал краткий обзор своих опытов, который, думается мне, по объёму нисколько не уступает опытам любого другого знакомого мне исследователя. Я не могу понять, как кто-либо может прочесть эту главу и после этого заявить, будто своим знанием психической истины я обязан кому-то другому, помимо самого себя.

Я должен также добавить, что в моей книге нет ни единого факта, который бы я позаимствовал у г-на Подмора, как, похоже, думает сэр Рэй Ланкастер.

Артур Конан-Дойль

ГУДИНИ И ДУХИ

Сэр! Мистер Клодд передал Вам рассказ о Гудини, в который я желал бы внести некоторые уточнения.* В обычае мистера Клодда всегда было проглатывать без разбору любые выпады против Спиритизма, как бы абсурдны те ни были, и отказываться поверить

* В Москве давно выходит газета, сама себя именующая «МК». Называться на большевицкий лад такой заикистой аббревиатурой, право, стыдно, а расшифровывать её – сегодня к тому же и неприлично. Как бы то ни было, в одном из февральских за 92 год номеров этого МК была помещена пространная статья «Король Цепей, или Судный день для спиритов», посвящённая Гарри Гудини. Гудини действительно был «королём цепей», великим фокусником и иллюзионистом, но увя, весьма бледным мыслителем, что довольно наглядно показано той неловкой травлей, каковую он учинил Спиритизму. Последнему, впрочем, всегда доставалось и всё достаётся от множества людей, не имеющих к нему никакого отношения и очень смутно себе представляющих, в чём он (Спиритизм), собственно, заключается. Тем не менее это собственное их невежество в отношении критикуемого и высмеиваемого ими предмета, по видимости, является для гонителей Спиритизма как раз аргументом в пользу правомерности их поведения. Такая вот логика. Непонятно, какие счёты с учением о бессмертии человеческой души имеет и автор названной статьи, некто Виктор Травин, и чем это учение лично ему мешает, что он так торопится вылить на него ведро помоев. «Разоблачительная» часть его статьи составлена сплошь из неточностей, недоговорок, умолчаний, за каждым словом проглядывает лукавство автора, который, пользуясь неискущённостью нынешнего русскоязычного читателя в затронутый теме, злоупотребляет его (читателя) доверием и лобознательностью. Чувствуя, что концы с концами у него всё-таки никак не сходятся, автор прячет их (причём буквально!) в воду, благо сюжет это позволяет.

Не останавливается автор статьи и перед тем, чтобы бросить тень на самого Конан-Дойля, полагая, повидимому, что тот теперь не сможет сказать ничего в свою защиту. И тем автор опять-таки злоупотребил доверием читателя, потому что как раз Конан-Дойль может за себя постоять в этом вопросе, как и во многих других.

Г-н Трав(л)ин в частности влагает в уста Гудини такую фразу: «Если бы можно было запереть меня вместе со всеми вашими спиритами и дамами, их поддерживающими, в железный сундук и сбросить его на дно морское, то из всех выбрался бы один я, и то – лишь благодаря моим фокусам». По словам автора, «духовный отец находчивого Шерлока Холмса на этот раз не нашёл, что сказать...»

Полноте, уважаемый! Можете быть уверены, такой остроумный человек, как сэр Артур Конан-Дойль, уж нашёл бы, что ответить на подобную глупость. И им немало было сказано и написано о такого рода критике, в частности, ведётся у него речь и о Гудини. Все эти вещи, разумеется, никогда не переводились на русский язык, да и на английский сегодня малодоступны – вот и ловят некоторые любители дешёвых сенсаций рыбку в мутной воде. Желая внести в дело ясность, мы пользуемся случаем предоставить слово самому Конан-Дойлю, опубликовав перевод этой и других его статей, а уж читатель, думаем мы, сумеет из их контекста получить дополнительные сведения и сделать соответствующие выводы. (И.Р.)

любым фактам, говорящим в его пользу, как бы ни удостоверяться их подлинность. В данном случае он цитирует книгу Гудини, как будто это некий авторитет, хотя уже доказано, что книга эта от начала до конца изобилует неточностями и ошибками.

О том, что произошло на самом деле в случае, на который ссылается мистер Клодд, рассказано мною на стр. 180 моего «Американского приключения». Отчёт был записан в то самое время и не вызвал никаких возражений со стороны самого Гудини, когда через год я опять встретился с ним в Америке. Он тогда молча согласился с ним и вовсе не держал в мыслях его оспаривать, пока не начал свою кампанию против Спиритизма.

Мы были тогда все в Атлантик-сити, и он в очень трогательных выражениях говорил о своей матери. Зная, сколь сильно порой проявляется у моей жены её медиумическая способность, я спросил Гудини, не следует ли нам попытаться выйти на связь с его матерью, чтобы доставить ему некоторое утешение. Он изъявил горячее согласие. Со стороны моей жены это был чистейший акт человеческой жалости, побудивший её принять участие в том сеансе, поэтому странно, чтобы Гудини смог когда-либо упомянуть об этом в пренебрежительном тоне.

Моя жена быстро исписала 15 блокнотных страниц, и, читая их страницу за страницей, по мере того как я их ему передавал, Гудини смертельно побледнел. Затем ему было предложено задать вопрос в уме, т.е. не произнося его вслух. Когда был написан ответ, Гудини сказал: «Всё правильно». Было видно, что он тронут до глубины души, и когда тремя днями позже я встретился с ним в Нью-Йорке, он сказал мне, намекая на этот эпизод: «С тех пор у меня такое чувство, будто я не хожу, а летаю».

Когда он развязал свою неистовую кампанию против Спиритизма, имевшую столь плачевный и печальный исход,* Гудини пришлось объяснять и этот эпизод. Чтобы выставить оказанную ему любезность в смешном и нелепом виде, он смог выделить всего лишь два пункта. Первый состоял в том, что моя жена ставила крест наверху страницы, в то время как его мать была еврейкой. Второй пункт заключался в том,

* Гибель Гудини сегодня окутана таинственностью и овеяна легендами.

Хотя мы и знаем, что это было не так, но он вполне мог бы в конце концов погибнуть, не сумев выбраться из того самого «железного сундука», который был «сброшен на дно морское», хотя до этого и продельвал данный фокус вполне успешно. На этом печальном примере можно было бы тогда видеть, что нельзя испытывать терпение судьбы бесконечно долго: кто намерен постоянно подвергать свою жизнь бессмысленной опасности, неизбежно оказывается обречён расстаться с нею. (И.Р.)

что мать его говорила на идише, тогда как записи были сделаны на английском. Всё это кажется благовидными поводами для недоверия, но на самом деле лишь демонстрирует незнание методов психической коммуникации, что и было присуще Гудини.

Сначала, что касается креста. Нам с женой, конечно, было известно, что Гудини по национальности еврей. Но моя жена *всегда* ставит на бумаге крест, когда пишет под водительством, так как она верит, что это предохранит от обмана.

Теперь о языке. Для пишущего медиума важна именно мысль, идеи, проходящие через его мозг и оттуда попадающие на бумагу. Такой пишущий медиум не делает дословной записи на неизвестном ему языке. Подобной способностью обладает медиум, погружённый в транс, но не тот, рука которого находится под обычным водительством.

Таким образом, возражения Гудини тают в воздухе. Есть в этой истории ещё и один трагический штрих, который я мог бы добавить. Вечером того же дня мы проводили ещё один сеанс, о чём говорится на стр.189 той же книги. И там, устами жены одного известного американского юриста, также присутствовавшего на сеансе, было передано пространное сообщение, якобы от матери Гудини, в котором она выразила свою скорбь по поводу преждевременной кончины, каковая, как ей было известно, ожидала её блистательного сына. Поскольку все мы в то время были в самых дружеских отношениях с Гудини, то это сообщение нас неприятно поразило. Мы ничего не сказали Гудини, так как надеялись, что это могло оказаться попросту недоразумением. Но сегодня уже совершенно ясно, что надежда эта не оправдалась.

Ваш, и прочая,

Артур Конан-Дойль

«Морнинг пост»
20 декабря 1926 г.

ПСИХОМЕТРИЯ И ДЕТЕКТИВНАЯ РАБОТА
(СЭР А.КОНАН-ДОЙЛЬ
И АГАТА КРИСТИ)

Милостивый государь!

Дело Кристи является превосходным примером применения психометрии в помощь детективам. Нужно признать, что это сила

уклончивая и ненадёжная, но время от времени она оказывается чрезвычайно эффективной. Её часто используют французская и немецкая полиция, но если ею и пользуется когда-либо наша, то это должно делаться *sub rosa*,* ибо наши полицейские оказываются в затруднительном положении, обращаясь за помощью к тем самым силам, преследовать которые их принуждает закон.

В данном случае я получил перчатку миссис Кристи и попросил м-ра Гораса Лифа, превосходного психометриста, высказать своё мнение. Я не дал ему никаких указаний относительно того, чего я хочу, ни того, кому принадлежал данный предмет. Он никогда не видел его до того момента, как я положил его перед ним на стол для консультации, и никак нельзя было связать его или меня с делом Кристи. Это было в прошлое воскресенье. Он сразу же получил имя Агата. «Эта вещь связана с несчастьем. Лицо, которому она принадлежит, находится в полубессознательном состоянии. Но она не мертва, как думают многие. Она жива. Вы услышите о ней, я думаю, в следующую среду».

Миссис Кристи была найдена во вторник вечером, но новость эта стала известна мне только в среду, так что все слова психометриста, насколько я мог проверить их (было сказано многое о характере и мотивах, что, однако, выходило за пределы моих знаний в этом деле), оказались правильными. Единственная ошибка состояла в том, что у него присутствовало «ощущение воды», хотя сам по себе вопрос о том, была ли в основании этого ощущения идея воды, остаётся спорным. В тот же вечер я послал отчёт об этом полковнику Кристи.**

Артур Конан-Дойль

* *sub rosa* (лат.) – по секрету, тайно

** В письме говорится о случае, произошедшем с писательницей в 1926 году. Как писала сама Агата Кристи впоследствии, она пережила нервный срыв после изнурительной работы над романом «Убийство Роджера Акройда». В это же время умерла её мать, а муж – полковник Арчибальд Кристи предложил ей разойтись с ним. Дело кончилось тем, что однажды зимним вечером писательница бросила свою машину где-то в поле, а сама скрылась в неизвестном направлении. Через несколько дней полиция – её привело сообщение анонимного информатора – нашла А.Кристи в небольшом отеле в Хэрроугейте, где она поселилась под чужим именем и выступала с маленьким оркестром, играя на фортепиано. Врачи расценили её состояние как приступ амнезии, то есть частичной потери памяти, а пресса обвинила её в саморекламе. (И.Р.)

«Дж.К'с уикли»
11 июня 1927 г.

«ГОВОРIT ФИНИЙ»

Сэр, Ваши взгляды всегда представляются мне интересными, пока Вы не начинаете говорить о религии, потому что тогда Ваши мысли легко предсказуемы. Естественно, Вы думаете о Спиритизме то, что принято по этому поводу думать в той школе мысли, каковую Вы представляете. Я возражаю лишь на одно суждение в Вашей статье о книге «Говорит Финий». Я имею в виду то, где Вы каким-то непостижимым образом увязываете воедино Бурскую войну и мои взгляды на религию. Бурская война началась в 1899 году. Но уже в 1879 году, т.е. на двадцать лет ранее, я пришёл к выводу, что Всемогущий не отдаёт предпочтения ни одной религиозной секте, но что все люди равно суть Его дети. И какое это имеет отношение к Бурской войне, остаётся за пределами моего разума.

Артур Конан-Дойль

«Лайт»
1 октября 1927 г.

ТАЙНА «ЭДВИНА ДРУДА»*

Сэр, история с «Эдвином Друдом» представляется мне настолько важной как с психической, так и с литературной точки зрения, что я уже, было, собирался прервать свой короткий отдых, с тем чтобы

* «Эдвин Друд» – роман Чарльза Диккенса, который он не успел завершить при жизни, – обстоятельство, как рассказывают очевидцы, сильно омрачившее его последние минуты. Однако, ему удалось сделать это впоследствии, и этот роман стал самой настоящей литературной проблемой. Он был завершён, насколько мне известно, медиумом Джеймсом, человеком совершенно необразованным (чтобы не сказать неграмотным) – об этом факте рассказывает, например, Карл Дюпрель в своей книге «Открытие души потайными науками». (Между прочим, этот вариант концовки романа был переведён на русский язык Е.П.Блаватской.) Конан-Дойль же говорит здесь о своём общении с духом Диккенса на спиритическом сеансе, где они обсуждали эту проблему. (И.Р.)

выслать Вам подробный отчёт о ней, но затем решил, что это будет излишним после того, как г-н фон Рейтер сделал это с такой ясностью и точностью. Я бы только хотел добавить, что мои руки не касались письменного прибора и что я не обсуждал предварительно этого вопроса с фон Рейтерами.

Ваш, и т.д.,
А.Конан-Дойль

«Дэйли экспресс»
6 октября 1927 г.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ УЛИКИ И МЕДИУМЫ

Сэр! Сейчас, когда г-н Министр внутренних дел взвешивает ценность так называемых «неподтверждённых полицейских улик», следует надеяться, что он распространит своё расследование и на те случаи, в которых полицейские, как мужчины так и женщины, выступают против медиумов.

Несомненно, существует много примеров мошенничества и обмана среди прорицателей и ясновидцев, но никто не обладает более широким опытом в этой области, чем я, а я знаю, что хороший медиум является величайшим источником утешения и наиболее убедительным свидетельством бессмертия, какое только может быть найдено в этом мире сегодня.

И эти-то замечательные и чувствительные инструменты мучают неразумным применением законов, созданных задолго до появления в нашей стране Спиритизма и предназначавшихся, как явствует из самого их названия, для ограничения в стране бродяжничества.

Артур Конан-Дойль

«Лайт»
26 ноября 1927 г.

ГАЙДСВИЛЛЬСКИЙ МЕМОРИАЛ (2)

Сэр! Я обратился к Вашим читателям с просьбой о помощи в собирании средств для Мемориала, сооружаемого в Рочестере, деревушке по соседству с Гайдсвиллем, в память о рождении Спиритизма. Очень важно, чтобы этот Памятник – прекрасный обелиск – по характеру своему был интернационален. К настоящему моменту я получил от нашей британской общины 22 шиллинга и 6 пенсов. Неужели же я вынужден буду отослать такую сумму как наш британский вклад в это международное дело?

Ваш, и прочая,
Артур Конан-Дойль

«Морнинг пост»
17 сентября 1928 г.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИМЕЮЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ГУДИНИ

Милостивый государь!

Что касается вопроса сэра Вильяма Буля, то я не знаю, было ли какое продолжение у эксперимента Мейерса. С другой стороны, имеется множество случаев отыскания документов, завещаний и т.п. с помощью сведений, сообщённых, по видимости, самими покойными через посредство медиумов. Выдающийся пример такого рода – кодовое слово, установленное между Гудини и его матерью, пришедшее при содействии Артура Форда, известного медиума, и признанное правильным единственным на свете лицом, которому оно могло быть известно, именно г-жою Гудини, вдовою великого иллюзиониста.

А. Конан-Дойль

«Кейп таймс»
21 ноября 1928 г.

СЧАСТЛИВАЯ ВЕРА

Сударь! Вашему корреспонденту, «Убеждённому агностик», нет нужды впадать в уныние. Нам говорят, что заветное желание каждого из нас обязательно исполняется в мире ином, и если он действительно стремится, как он утверждает, к полному исчезновению, то нечто подобное этому, хотя бы и временно, может быть ему там устроено.

Но ему не стоит попрежнему повторять давно опровергнутое утверждение об умопомешательстве, которому, якобы, Спиритизм сильно содействует. Это полнейшая неправда. Разумеется, существует определённый склад ума, который легко выводится из равновесия любой формой религии. Но религиозная мания поражает обыкновенно тех, чьи верования отмечены унынием, как, например, вера в предопределение. Спиритизм же есть вера, исполненная счастья, и за сорок лет исследований мне не встретилось ни единого человека, который бы как-то пострадал от него.

Миф об умопомешательстве был пущен в ход д-ром Форбсом Уинслоу, сказавшим, будто в приютах для душевнобольных находятся 10.000 человек, попавших туда из-за Спиритизма. Сам Уинслоу впоследствии стал горячим приверженцем Спиритизма и признал, что цифры эти были плодом воображения, но зло, порождённое им, пережило его самого, и утверждение это выдвигается до сих пор. Д-р Юджин Кроуэлл провёл статистический анализ по домам умалишённых в Соединённых Штатах, включая Нью-Йорк, и среди многих случаев религиозной мании смог найти лишь четыре, обусловленных Спиритизмом. Морселли, знаменитый итальянский психиатр, провёл аналогичное исследование с тем же результатом. Поэтому, надеюсь, Ваш корреспондент либо возьмёт назад своё утверждение, либо приведёт в поддержку его определённые цифры.

Честь имею, и т.д.,

Артур Конан-Дойль

«Ист Эфрикен стандарт»
2 марта 1929 г.

УСПЕХ И НЕУДАЧА

Сэр! Предложение г-на Шарпа Хиллмена, будто о Спиритизме следует судить по его неудачам, а не по его успехам, является точной противоположностью всем научным методам и, могу добавить, здравому смыслу. Это всё равно, как если бы я принялся отрицать существование телеграфного кабеля через Атлантику из-за того, что пару раз получил по нему невразумительные или не по адресу направленные послания. Во всякой науке в расчёт принимается именно положительный результат, а отнюдь не отрицательный. Так химик выливает свои неудачи в раковину и строит здание этой науки лишь на своих успехах.

Ваш, и т.д.,

Артур Конан-Дойль

«Фрифинкер»
5 мая 1929 г.

ФОТОГРАФИЯ ПРИЗРАКА В НАЙРОБИ

Милостивый государь! Я заметил, что в Вашем номере за 18 апреля Вы обвиняете меня в совершении «другого промаха» в связи с фотографическим инцидентом в Найроби. На самом же деле промахи всё время делаете Вы, поскольку я ни разу не видел в Вашей газете такого утверждения о Спиритизме, которое бы не было неправдой или не оказалось правдой только наполовину; природа же таких полуправд уже давно стала поговоркой.*

Так, например, по данному поводу Вы рассказали своим читателям только половину истории, поскольку ограничились лишь

* Например у Лихтенберга читаем: «Die gefährlichsten Unwahrheiten sind Wahrheiten mäßig entstelll.» (Самая опасная ложь – это истина, слегка извращённая). (*И.Р.*)

приложением выдержки о ней, где сообщаете, что г-н Пальмер на этой фотографии в качестве призрака снял самого себя и тем разыграл публику, а также меня, отправив мне соответствующее письмо. Но после этого он заявил о появлении настоящего призрака, который сильно его напугал. «Когда я увидел его и почувствовал его силу, – пишет он, – у меня пропало всякое желание позировать в качестве призрака далее». Где же логика? Если Вы верите данному лицу в одном пункте (когда он говорит, что сам позировал в качестве призрака), как можете Вы не доверять ему в другом, т.е. когда он сообщает Вам о появлении настоящего призрака? Ведь для того, чтобы утверждать первое, Вам необходимо признавать второе. И тогда, как можете Вы выдвигать утверждение, будто данный инцидент опровергает существование духов, если для этого Вам приходится прибегнуть к свидетельству как раз о появлении духа?

Артур Конан-Дойль

«Фрифинкер»

26 мая 1929 г.

ФОТОГРАФИЯ В «НАЙРОБИ»

Сэр! Мне очень жаль снова беспокоить Вас по данному поводу, но ведь именно Вы подняли этот вопрос, а г-н Пальмер теперь продолжает свою атаку. Вам обоим должно быть интересно узнать, что фотографию я получил от г-на Мэлтона из Ноттингэма. Когда г-н Пальмер стал претендовать на неё, будучи в Найроби, я не мог сразу опровергнуть его претензии. Я обратился за разъяснениями к самому г-ну Мэлтону, и тот заверил меня, что снимок сделан им, что это действительно психофотография, что у него есть негатив и что г-н Пальмер совершенно заблуждается. Так что, похоже, я был прав с самого начала.

Артур Конан-Дойль

АЭНДОРСКАЯ «ВЕДЬМА» (1)

Сэр! Весьма странно, что столь учёный богослов, как епископ Барнс, говорит о «ведьме» из Аэндора. Такое лицо в «Библии» не упоминается. Она всегда была «женщиной» из Аэндора.** Оскорбительное наименование дано ей в подзаголовке главы, которое тем отражает полнейшее неведение психических материй, столь характерное некогда для представителей высшего духовенства, делавших этот перевод, и не исчезнувшее полностью среди их преемников и поныне.

Лично я никогда не усматривал ничего дурного в том эпизоде, когда Саул советуется с провидицей. Эта женщина была, как сказали бы мы, ясновидящей, поскольку она описывала царю то, что видела. Как медиум, она прежде всего заручилась для себя обещанием неприкосновенности, поскольку законы Израиля в отношении спиритического общения были столь же варварскими, каковы они сегодня в Англии. Она являлась, таким образом, средством получения прямого послания от Бога, вместе с пророчеством, полностью осуществившимся. Что может быть предосудительного в таком посредничестве?

Епископ Барнс говорит о сильном влиянии материалистической мысли, выступающей против чудес. Но он не говорит ничего об очень значительном и всё усиливающемся меньшинстве, понимающем, что есть действительные психические законы, производящие следствия, которые могли показаться взирающим на них чудесами, хотя на самом деле происходило лишь то, что более высокий закон временно приостанавливал действие закона более низкого, наподобие того, как полёт стальной иглы к находящемуся над ней магниту противоречит принципу земного тяготения. Поразительно, что все вполне удостоверенные достижения современных психических

* Речь идёт соответственно об английском переводе «Библии». В русском синодальном переводе этот персонаж именуется не «ведьмой» и не «женщиной», но «волшебницей», хотя в действительности это обычный ясновидящий медиум или, говоря более современно, «экстрасенс» в роде знаменитой Ванги. (*И.Р.*)

исследований совершенно неведомы д-ру Барнсу и школе, которую он представляет. Эта школа, думается мне, уже прошла свой зенит и клонится теперь к закату.

Артур Конан-Дойль

**«Морнинг пост»
17 июня 1929 г.**

АЭНДОРСКАЯ «ВЕДЬМА» (2)

Сударь! Письмо архидиакона Честерского, явно, не отрицает, а поддерживает моё утверждение о том, что бранное слово «ведьма» не встречается в тексте «Библии», но помещено в подзаголовок главы из потакания известной слабости Иакова I. Поскольку медиум выступает здесь как посланец Божий, то трудно понять, отчего весь этот эпизод всегда приводится как нечто достойное осуждения.

Артур Конан-Дойль

**«Оккалт ревю»
Декабрь 1929 г.**

СКАНДАЛЫ В ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ

Сэр! Я рад заверению г-на Томаса Фостера о том, что истории о беглых монахинях и случайных скандалах в женских монастырях «ничем не подтвердились». Никто, надо полагать, не желает уравновесить ложные обвинения против Спиритизма столь же ложными обвинениями в адрес наших критиков. Но если дела действительно обстоят так, как говорит г-н Фостер, то к чему тогда эти стены, подобные тюремным, и откуда печальные истории о тех, кто за них выбрался, и, самое главное, зачем тогда это решительное противодействие инспекции? Я убеждён, что положение Римской Церкви сильно ухудшится, если подобные вещи станут доступны

публичному расследованию, и что всё это сильно затрагивает её действительные интересы.

С совершенным почтением,

Артур Конан-Дойль

**«Джорнэл оф Сэсайти
фор Сайикл ризёч»
Март 1930 г.**

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ОБЩЕСТВА ПСИХИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Леди и джентльмены!

Недавно (22 января сего года) я отослал следующее письмо г-ну Председателю Совета О.П.И.:

«Милостивый государь!

В январском номере журнала я только что прочёл статью г-на Бестермена о медиумических сеансах в Миллезимо. Я расцениваю её как набор искажений и оскорбительных инсинуаций, способствующих порочению доброго имени Общества. Тон оскорбительного высокомерия, с которым отодвигается в сторону авторитетное мнение такого человека, как профессор Боццано, присутствовавшего на этом сеансе, мнение, которое с презрением трактуется человеком, там не присутствовавшим и имеющим ничтожный опыт в психических исследованиях, заставляет стыдиться, что подобная чушь могла быть опубликована должностным лицом Общества, заслужившего репутацию научного.

Чтобы оценить всю нелепость, равно как и ничем не вызванную оскорбительность альтернативной теории мошенничества, выдвинутой мистером Бестерменом, нам необходимо ясно видеть, что именно подразумевает эта теория. Она подразумевает, что итальянский дворянин из старинного рода, член законодательного органа страны, пригласил в свой дом друзей, чтобы на них поупражняться в хитроумном надувательстве. Его личная причастность доказывается тем фактом, что левитация его собственного тела и другие явления, произведённые им, принадлежат к

числу наиболее ясно зарегистрированных. Собрав гостей, он заставил звучать в комнате голоса своих покойных родственников и других людей. Одна дама, состоявшая, по видимости, с ним в сговоре, спрятала под короткой современной юбкой длинную средневековую рапиру, шпагу матадора, большую куклу и другие предметы, оказавшиеся таким образом совершенно недоступными критическому взору общества. Она, или какой иной соучастник этого розыгрыша, якобы произвела большой шарообразный предмет, повисший над собравшимися, и неизвестно каким образом поднимала порывы ледяного ветра. Эти и многие другие чудеса были проделаны столь успешно, что результаты данного сеанса обманули всех присутствовавших, включая сюда почему-то и самого профессора Боццано, так что он даже ручается своей научной репутацией, отстаивая истинность увиденных явлений. Такую именно картину нам предлагает принять бестерменовская теория обмана. При этом не даётся никаких объяснений касательно того, с помощью какого предмета или какой методики оказалось возможным устроить весь этот розыгрыш. Можем ли мы подобную чепуху удостоить имени «психического исследования», и не есть ли она предел пустого упрямства?

Ещё один пример предубеждения можно найти на стр.15 того же номера при упоминании имён уже настоящих психических исследователей, господ Дэнниса Брэдли и Джорджа Вэлиэнтайна в Берлине. Бросается в глаза, что суждения противников Спиритизма сразу же принимаются на веру без малейшей попытки их тщательно проверить.

Я долго ждал, надеясь, что традиции тупого отрицания в духе г-д Подмора, Дингуолла и Бестермена отомрут сами собой. Но поскольку нет никаких признаков этого, а одержимость, как кажется, всё более заявляет о себе, то единственный для меня выход в создавшемся положении – это прекратить моё членство в Обществе после 36 лет терпеливого пребывания в его рядах и тем выразить своё публичное несогласие с крайне ненаучной и предвзятой деятельностью этого Общества, которое на протяжении целого поколения не проделало никакой конструктивной работы, но зато направило свои силы на создание помех тем, кто действительно все эти годы работал над самой важной проблемой, когда-либо встававшей перед человечеством, и на то, чтобы исказить результаты этой их работы.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль».

Те из нас, кто сознают чрезвычайную важность движения, называемого «спиритизмом» или «спиритуализмом», или даже те, кто просто желают видеть честную игру при разборе этого предмета, должны наконец понять, что Общество, изначально предназначенное относиться сочувственно и честно к изучению проблемы, по сути дела, превратилось в откровенно антиспиритуалистическую организацию. Всё, что способствует доказательству истинности этого вероисповедания, как бы ни был здрав и достоин уважения источник данных доказательств, подвергается резким нападкам, подавляется, систематически искажается и вызывает противодействие самого безрассудного и порочного толка.

Для поколения, жившего со времени смерти Мейерса и окончания сеансов миссис Пайпер, Общество не проделало никакой сколько-нибудь важной работы и сосредоточило свои силы единственно на создании препятствий тем, кто действительно занят настоящими психическими исследованиями, а также на умалении их заслуг. Последняя статья г-на Бестермена, может быть, и незначительна сама по себе, но она звено в длинной цепи предубеждений, исходящих и по сей день от г-д Подмора, Дингуолла и мадам Сиджвик (!). Мне представляется необходимым положить этому конец и выяснить, до коих ещё пор Общество должно пребывать в руках этой главенствующей кучки реакционеров, или же они действительно выражают мнение его членов? Нежелательно, чтобы Общество потеряло свою независимость или стало органом Спиритического движения, но всё же вполне естественно ожидать, чтобы к предметам, заслуживающим огромного внимания в силу их чрезвычайной важности, оно не относилось безответственно и легкомысленно, как было это до сих пор, когда у комментаторов вошло в привычку снова и снова глумиться над явлениями, свидетелями каковым им не довелось быть, всё вновь игнорируя полнейшую очевидность того факта, что явления эти действительно имели место.

Я бы попросил тех, кто желал бы по достоинству оценить мною сказанное, прочитать статью г-на Бестермена в январском номере журнала, а затем уже прочесть взвешенное и исполненное достоинства предисловие профессора Боццано к книге миссис Хэк «Современные Психические Тайны»,* где говорится об этих сеансах.

* «Modern Psychic Mysteries» by Mrs.Hack, (Rider). (И.Р.)

Данный вопрос более важен, чем может показаться на первый взгляд, так как, я подчёркиваю это, сеансы в Миллезимо проведены на высочайшем уровне возможном для психических исследований, как с точки зрения доскональности описания и разнообразия явлений, так и с точки зрения чистоты и безукоризненности работы медиума. Поэтому если они могут быть высмеяны как устаревшие, то и ко всему, что мы ещё сможем произвести, будет точно такое же презрительное отношение. Я с трудом могу поверить, читая критику г-на Бестермена, что он действительно ознакомился с самой книгой. Его статья изобилует фактическими ошибками. Он жалуется, что не сообщается, откуда была принесена шпага. Но на странице 93 можно прочитать: «Оружие лежало на большом столе на третьем этаже дворца. В тридцати ярдах... по прямой». Об аппортах он говорит, будто максимальная длина принесённых предметов составляла лишь два фута (чтобы намекнуть тем, будто они могли быть спрятаны дамой под юбку). Но на странице 176 есть рисунок копья длиной в шесть футов, а на странице 208 – растения высотой в четыре с половиной фута – оба предмета были аппортированы. Он жалуется на незнание того, что такое флексатон, а между тем тот изображён на странице 97. Однако этот небрежный критик использует преимущества своего официального положения, чтобы отвратить читающую публику О.П.И от этой как нельзя более важной книги.

Я долго ждал в надежде на какую-либо реформу, но сейчас пришёл к выводу, что ожидать её не стоит и что влияние Общества идёт только во зло. Поэтому я отказался от своего членства, и протест был бы тем более действенным, если бы те, кто согласны со мной, последовали моему примеру. Это никак не помешает их психическим исследованиям. В Британском Колледже Психической Науки, Куинз-гейт, 15, находится учреждение, где они смогут участвовать в настоящих, положительных психических исследованиях, с контрольными медиумами, всегда имеющимися под рукой, с хорошей библиотекой, превосходным ежеквартальным журналом и атмосферой прогресса, а не застоя.

Я пишу эти строки из чувства глубокого долга, поскольку на данный момент я являюсь одним из старейших членов О.П.И. Я тем не менее убеждён, что это Общество уже давно превратилось из помощника в помеху мировой психической науке и что назрела необходимость в сильном протесте.

Должен добавить, что, провозгласив этот протест, я не в состоянии ни вступать в длинные споры или пространную переписку, ни присутствовать на собраниях, поскольку состояние моего здоровья едва ли позволяет мне покидать дом.

Искренне Ваш,

Артур Конан-Дойль,
доктор медицины,
доктор права.

Январь, 1930 г.

P.S. Я бы хотел напомнить членам Общества слова великого пионера английского спиритизма, сэра Вильяма Баррэта: «Скептицизм, в высокомерии своём отказывающийся признать существование множества фактов, происходящих у него перед глазами, никак не может претендовать на звание здорового. Такой скептицизм нуждается во вмешательстве врача».**

«Морнинг пост»
6 марта 1930 г.

СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Милостивый государь!

Проснувшись ранним утром 3 февраля, я лежал без сна, как вдруг явственно услышал тяжёлые шаги, направлявшиеся по коридору в сторону моей комнаты. Они были столь же отчётливы, как и шаги дворцового, когда тот приносит мне утреннюю чашку чая. Шаги замерли возле моей двери, а затем я ясно услышал покашливание, словно кто-то прочищал горло.

Я включил свет и отметил, что было 3.30 утра. Затем я поднялся и пошёл к двери. Я распахнул её, ожидая обнаружить кого-нибудь на пороге. Свет от моей лампы осветил коридор, но там никого не

* Профессор Вильям Ф. Баррэт (1844-1925) – английский учёный, один из пионеров английского спиритизма. Среди его трудов, посвящённых исследованию явлений спиритизма можно назвать такие работы, как «Загадочные явления человеческой психики» и «На пороге нового мира мысли». (*И.Р.*)

оказалось. Уверившись, что дело обстоит именно таким образом, я вернулся в постель в состоянии некоторого потрясения, поскольку был болен и не расположен к подобным ночным приключениям.

Через четверть часа или около того сердцебиение утихло, и я крепко заснул.

Двумя днями позже моя жена получила письмо от миссис Озборн-Леонард (она известный медиум), сообщавшей, что я ни разу в жизни не являлся ей во сне, но в понедельник утром между 3.30 и четырьмя часами утра у неё было чрезвычайно яркое впечатление, будто она навестила меня и действительно меня видела, и более того, провела со мной какой-то сеанс лечения. «Всё это было настолько реальным, – писала она, – что не может быть отнесено к сновидению». В своём письме г-жа Леонард предложила приехать к нам в Кроуборо и провести для меня специальный спиритический сеанс, что она и сделала спустя три дня, с честью выполнив своё обещание, для чего ей пришлось совершить тридцатимильную поездку по глубокому снегу.

Сеанс был очень интересен, но это, так сказать, отдельная история. Когда он закончился я обсудил с миссис Леонард происшедшее утром в понедельник. Я упомянул ей и о покашливании, которое слышал за дверью. Она сказала: «Это, пожалуй, самое странное. У меня редко бывают неприятности с горлом, но в ту ночь всякий раз, как я просыпалась, я ловила себя на том, что кашляю именно так, как Вы описываете. Это было настолько необычно, что отложилось у меня в памяти».

Таковы факты, и они кажутся мне выходящими за рамки простого совпадения, что позволяет увидеть в них довольно явный случай биллокации. Миссис Леонард почивала в Кенли, но её двойник, или эфирное тело, несомненно, посетил меня в Кроуборо.

А. Конан-Дойль

«Таймс»

29 марта 1930 г.

ЛОРД БАЛЬФУР

Сэр! В различных некрологах, напечатанных в связи с кончиной лорда Бальфура, я не встретил ни единой ссылки на то, что он проявлял острый интерес к вещам духовным.

Однако ещё в 1894 году он был председателем Общества психических исследований и в своём председательском обращении за тот год продемонстрировал, сколь острым было его понимание спорных проблем. К тому времени у него накопился значительный практический опыт в области медиумизма, ибо г-н Кэмпбелл Холмс в своих «Фактах Психической Науки» (стр. 388) упоминает, что ещё в 1875 году лорд Бальфур изучал явление материализации в серии опытов с медиумами мисс Вуд и мисс Фэйрлэмб, – часть опытов проводилась в его собственном доме.

Он был чрезвычайно осторожен в выражении своих убеждений, и, хотя однажды мы обменялись с ним письмами по этому поводу, я не в состоянии сказать, что он целиком принял теорию общения, выдвигаемую спиритами. Но всё же я вполне уверен, что он не отвергал её полностью. Как доказательство этому я могу привести тот факт, что, когда несколько лет назад его попросили выступить на ежегодной конференции Национального Союза Спиритуалистов, то он предложение это принял. Это, разумеется, не означает, что он полностью разделял взгляды спиритов, ибо последние всегда стремятся познакомиться со здоровой и разумной критикой инакомыслящих. Ему, однако, не удалось осуществить своё намерение из-за болезни, повлекшей за собой поездку на континентальный курорт.

Думаю, не ошибусь, утверждая, что он обладал собственными несформированными психическими способностями и что он добился некоторых результатов в опытах смотрения через кристалл. Эндрю Ланг упоминает этот факт в одной из своих книг.

С совершенным почтением,
Артур Конан-Дойль

«Лайт»
5 апреля 1930 г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЕЛИКИХ ИМЁН

Милостивый государь!

Вашим читателям может оказаться интересным узнать, что несколько недель назад я получил сообщение, которое, как указывается,

исходит от Томаса Гарди. Оно поступило через посредство медиума-любителя, с которым прежде мне удалось получить лишь одно-единственное послание, но бывшее как нельзя более достоверным. Поэтому и к посланию Гарди я был склонен отнести серьёзно, тем более что само по себе оно этого заслуживает. На мой взгляд, по части достоверности оно точно так же говорит само за себя, как и послания Оскара Уайльда и Джека Лондона. Гарди даёт в нём посмертный обзор своего творчества, некоторые стороны которого он теперь пожелал пересмотреть и изменить. Уровень его критицизма очень высок и справедлив. Затем, как свидетельство своего тождества, он послал стихотворение, которое представляется мне очень значительным. В нём описывается вечер в деревне Дорсетшир. Не приводя его здесь целиком, я дам только второе четверостишие, которое звучит следующим образом:

Full well we know the shadow o'er the green,
When Westering sun reclines behind the trees,
The little hours of evening, when the scene
Is faintly fashioned, fading by degrees.

Третья и четвёртая строки, по моему мнению, отличаются совершенством и изысканностью. Я не знаю, не являются ли оне воспоминанием чего-то написанного при жизни. Был бы счастлив услышать, если кто-то узнает их.

Артур Конан-Дойль

ВОСПОМИНАНИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ*

На заре своей юности я провёл целый год в Фельдкирхе, иезуитской школе в австрийской провинции Форарльберг. В эту школу посылались многие немецкие юноши благородного происхождения. Покинув Фельдкирх летом 1876 года, я навсегда сохранил добрую память об австрийских иезуитах и их старой школе.

* Фрагменты из книги «Воспоминания и Приключения» (A. Conan Doyle, "Memories and Adventures", Boston, 1924, Little, Brown & Co. (И.Р.)

В самом деле, я питаю дружественные чувства к иезуитам, как ни далеко я ушёл с их путей. Мне видны теперь одновременно их недостатки и их достоинства. Во многом они были оклеветаны, но за все восемь лет моего постоянного контакта с ними в те ранние годы я не могу припомнить, чтобы они были менее правдивы, нежели прочие их собраты, или более казуистичны, чем их соседи. Насколько я их знал, это были всё пронизательные, серьёзные люди с ясным умом, тёмные лошадки в их среде были редкостью, настолько тщательно и долго длился процесс подбора в члены ордена. Во всяком случае, во всём, помимо своей теологии, они были достойны восхищения, ибо именно эта теология придавала им непреклонный и бесчеловечный облик, что впрочем является наиболее общим проявлением католицизма в его самых крайних формах. Примкнувший к ним потерял для семьи. Их жёсткий, узкий взгляд на вещи сообщает иезуитам непреодолимую, властную силу, что характерно также для пуритан, [православных раскольников, – *И.Р.*] и всех жёстких, узких вероучений. Они преданны своему делу и не знают страха; и были снова и снова, в ущерб самим себе, авангардом цивилизации как в Канаде и Южной Америке, так и в Китае. Они старая гвардия Римской Церкви. Но их трагедия в том, что они, готовые радостно отдать свои жизни за старую веру, в действительности помогли её разрушить, ибо именно они, по утверждению отца Тиррала и модернистов, стояли за всеми теми крайностными доктринами о папской непогрешимости и непорочном зачатии с общей всежимающей догмой, что и сделало для всякого человека с научным стремлением к истине или просто с интеллектуальным уважением к себе дальнейшее пребывание в лоне Церкви крайне затруднительным. В течение нескольких лет сэр Чарльз Майварт, последний учёный, не порвавший с католицизмом, пытался сделать невозможное, но и он в конце концов оказался вынужден выйти из католической Церкви, так что теперь, насколько я знаю, нет ни одного человека, пользующегося сколько-нибудь значительной славой в науке или в мышлении, который бы исповедовал католичество. Всё это «дело рук» экстремистов, о чём теперь скорбят и многие из умеренных сторонников католической веры и что горячо осуждают модернисты. Это зависит также и от внутриитальянского директората, отдающего приказы. Ничто не может сравниться с бескомпромиссным фанатизмом иезуитской теологии или их видимым игнорированием того, насколько они шокируют современное сознание. Я вспоминаю, что когда ещё подростком услышал заявление отца Мэрфи, крупнейшего и неистового

ирландского священника, о том, что определённо обречён на вечные муки всякий находящийся вне Церкви, то я смотрел на него с ужасом, и именно в этот миг возникла первая трещина, разросшаяся в такую пропасть, разделяющую ныне меня и тех, кто были моими наставниками.

Всё это подводит меня к разговору о моём собственном духовном развитии, если можно всё это так назвать, в течение тех лет постоянной борьбы. В своём рассказе об иезуитах я уже показал, насколько, даже когда я был ребёнком, всё самое здоровое и великодушное в моей натуре восставало против узкой теологии и немилосердного, нетерпимого взгляда на другие мировые религии. В католической вере усомниться хоть в чём-либо – значит усомниться во всём, поскольку здесь, как нигде, истинна аксиома, гласящая, что сомнение есть смертный грех, и когда непростенно и непримиримо оно пришло к вам, то всё расшатывается в вашем мировоззрении, и вы смотрите на всю восхитительную и взаимосвязанную схему, которой ранее руководствовались в жизни, другими и более критичными глазами. Если посмотреть на католичество таким взглядом, то в нём всё же обнаруживается много привлекательного: его традиции, его нерушимый и торжественный ритуал, красота и правда многих его обрядов, его поэтический призыв к человеческим эмоциям, чувственное очарование музыки, света и фимиама, его сила как инструмента закона и порядка. Для водительства недумającego и необразованного мира католичество едва ли может быть превзойдено, как то было доказано в Парагвае и в прежней Ирландии, где, помимо земельных бунтов, преступление было едва известно. Всё это я прекрасно видел, но если мне будет позволительно назвать характеристическую черту моей жизни, то она заключалась в том, что я никогда не кривил душой и не шёл на компромисс в религиозных вопросах, что я всегда очень серьёзно их взвешивал и что во мне было нечто такое, что делало для меня абсолютно невозможным, даже когда были затронуты мои жизненные интересы, сказать по данному поводу что-то иное, помимо того, что я где-то в глубине себя считал действительно правильным. Судя об этом по всему тому новому знанию, которое приходило ко мне одновременно и через чтение и через мои практические занятия, я нашёл, что основания не только католичества, но и всей христианской веры, в том виде, в каком их представляла мне теология в XIX веке, были столь слабы, столь шатки, что мой ум отказывался строить на них что бы то ни было.

Следует напомнить, что это были годы, когда Гексли, Тиндаль, Дарвин, Герберт Спенсер и Джон Стюарт Милль были нашими главными

философами и кумирами, и что даже человек с улицы ощущал сильный и стремительный ток их мысли, тогда как для молодого студента, горячего и впечатлительного, влечение к ним было попросту непреодолимо. Я знаю теперь, что их негативное мышление было даже более ошибочно и гораздо более опасно, чем те позитивные позиции, которые они атакывали со столь разрушительным критицизмом. Бездна разверзлась между нами и нашими отцами так внезапно и настолько необратимо, что когда Гладстон* что-то написал в защиту притчи о гадаринских свиньях или о шести днях творения, то даже самые молодые студенты буквально хихикали над его аргументами, и не было нужды в Гексли, чтобы опровергнуть их.

Теперь я очень ясно вижу, сколь прискорбно то, что цитированье явных нелепостей из Писания продолжалось даже без всякой объяснительной сноски, которая могла бы как-то смягчить их в священном тексте, потому что последствием этого было то, что даже бывшее в нём действительно святым также оказывалось отброшенным в сплошном отрицании, ведь человека нетрудно убедить, что ложное в каких-то своих частях не может и во всех своих остальных составляющих содержать истины. У истинной религии нет врагов худших, чем те, кто выступают против всякого пересмотра и отбора в той странной массе истинно прекрасного и весьма сомнительного материала, который без всякого толка перемешан в одном-единственном томе, как если бы все эти вещи действительно обладали равной ценностью. Том сей – не золотой слиток, но золото в глине, и если это всё-таки понято, то серьёзный исследователь не отложит этот том в сторону, если наткнётся в нём на глину, но будет тем больше ценить в нём золото, что он сам отделит его от глины.**

* Уильям Юарт Гладстон (1809-1898) – видный английский государственный и политический деятель. Не раз стоял во главе британского правительства.

** Нелишне, думается нам, процитировать здесь и мнение Зейме, который говорит о «Библии» следующее: «Покуда чистейшим источником божественной истины и святейшей нормы совершеннейшей морали будет признаваться книга, коей содержание темно и противоречиво, редко соотносится с реальной жизнью и полно нравственных несообразностей, книга, коей действительное и общеупотребительное благо покоится на непрочных основаниях сурового теософического энтузиазма, до тех пор подлинная и благодетельная провещённость не сможет укорениться ни в Церкви, ни в государстве. Я сам знаю сейчас многих, чей и без того невеликий ум оказался безвозвратно погублен пророческой теологией. Нет ничего легче и обыкновеннее того превращения, которое совершается с кардиналом и делает его атеистом. И как показывает история, одно с другим прекрасно уживается». (*И.Р.*)

Мой ум, таким образом, отделился сразу от всего христианства, а не только от католичества, что и привело меня к агностицизму, который, правда, ни на минуту не вырождался в атеизм, поскольку у меня было слишком острое восприятие восхитительного порядка и равновесия, царящих в мире, и того, сколь потрясающе огромна должна быть сила, необходимая для их создания и поддержания. Я был почтителен в своих сомнениях и никогда не переставал размышлять над этой темой, но чем более я размышлял, тем более утверждался в своём нонконформизме. В более широком смысле я был унитарием, за исключением лишь того, что я взирал на «Библию» с гораздо большим критицизмом, нежели тот, который обычно демонстрируют унитарии. Эта отрицательная позиция была настолько тверда, что представлялась мне конечной целью, к которой я ранее стремился. Однако позднее выяснилось, что она была всего лишь распутием на моей жизненной дороге, распутием, на котором мне было предназначено свернуть со старой, истоптанной тропы на иную, совершенно новую. Каждый материалист, как я теперь могу ясно видеть, являет собой случай остановки духовного роста. Он очистил себе место от своих старых развалин, но ещё не начал строить на нём того, что сможет со временем дать ему приют. Что же касается до психического знания, то я знал его только по изложению отчётов в полицейских участках и, как правило, нелепым и злонамеренным заявлениям в печати. Годы должны были пройти, прежде чем я понял, что именно в этом направлении могут быть найдены положительные доказательства, которые, как я постоянно твердил самому себе, были единственными условиями и теми необходимыми критериями, на основе которых я смог бы строить свои отношения с невидимым. Я должен был иметь вполне определённые доказательства, ибо если бы это опять оказывалось делом веры, то я с тем же успехом мог бы вернуться и к вере своих отцов. «Я никогда не приму того, что не может быть мне доказано. Всё зло, принесённое религией, произошло от того, что люди приняли на веру вещи, которые не могли быть им доказаны». Так я сказал себе тогда, и я остался верен своему решению.

Первые семена тех психических исследований, которые были призваны революционизировать мои взгляды и в конце концов сосредоточить на себе все мои жизненные силы, были посажены мною в годы, последовавшие за моей женитьбой, когда я жил в Саутси. В те годы я питал обыкновенное для молодого образованного человека презрение ко всему предмету, обозначаемому неуклюжим словом «спиритуализм».

Я читал о медиумах, которые сознавались в совершенном ими мошенничестве; я слышал о явлениях, которые противоречили всем твёрдо установленным научным законам, и искренно жалел славных и серьёзных людей, которых их простота и доверчивость заставляли в фиктивных событиях видеть знаки проявления потустороннего ума. Поскольку в самые восприимчивые годы я воспитывался в школе медицинского материализма и впитал в себя негативные взгляды своих великих учителей, то в моей голове попросту не оставалось места для теорий, которые выступали как раз против каждого из окончательных выводов, составившихся у меня в результате такого образования. Я был не прав, и мои великие учителя были не правы, но я всё ещё считаю, что их работа оказалась полезной и что их викторианский агностицизм отвечал интересам человеческой расы, ибо он поколебал старую бронированную позицию нерассуждающего евангелизма, которая до их прихода была столь всеобща. Всякому новому строителю необходимо расчистить место. Существовало два различных викторианских движения за перемены: одно было попыткой улучшить старое здание и сделать его достаточно прочным, дабы оно стояло и далее; другое выступало за снос всех руин и возведение на их месте новых построек. Моя позиция, как я показал, была вежливым материализмом, который целиком соглашался с необходимостью некоего великого общего разумного дела, но не был способен ни увидеть, в чём это дело состояло, ни понять, почему оно должно было столь таинственным и ужасным образом приводить свои замыслы в исполнение.

С моей точки зрения, ум (и насколько я мог видеть, душа, как общий эффект наследственного и личностного механизма ума) был эманацией мозга, и природа его была сугубо физической. Как медику, мне было видно, что обломок кости или опухоль, оказывая давление на мозг, производили то, что казалось изменением, происходящим в душе. Я видел также, что наркотики и алкоголь могут легко сделать порядочного человека порочным. Поэтому физиологические доводы выглядели наиболее убедительно. Мне не приходило в голову, что всё это можно было объяснить совершенно противоположным образом и что высшие способности могут проявляться через несовершенный физиологический инструмент лишь также несовершенно. Разбитая скрипка не издаст ни звука, но сам скрипач от того не меняется.

Первое, что нарушило мою уверенность и заставило меня пересмотреть свою позицию, была проблема телепатии, которая

обсуждалась уже Вильямом Баррэтом и другими, ещё прежде появления монументальной работы Мейерса «Человеческая Личность» – первой книги, которая дала психическому предмету серьёзное и глубокое толкование и укрепила тем умственные силы, которые его изучение требует. Она достойна, на мой взгляд, занять почётное место в мировой литературе рядом с «Новым Органоном», «Происхождением Человека» или какой иной великой книгой фундаментального толка, открывшей новую эпоху в человеческой мысли. Ознакомившись с основными доводами, я начал экспериментировать с передачей мысли. Я нашёл собрата-единомышленника в лице г-на Болла, известного в городе архитектора. Множество раз, сидя позади него, я чертил графики, тогда как он, со своей стороны, чертил почти то же самое; так я констатировал, что, без сомнения, могу передавать свою мысль без посредства слов.

Но если я смог удостовериться в этих выводах на расстоянии шести футов, то я не мог усомниться теперь и в том, что те же результаты могут быть получены и при значительном увеличении этого расстояния. С соответствующим субъектом и при наличии между двумя индивидами некоторой неопределённой симпатии расстояние оказывается не играющим особой роли. Таковы, повидимому, были факты. Для меня всегда высшим авторитетом оставалась наука и необходимость бесстрашно следовать за истиной, куда бы она ни повела. Поэтому мне стало отныне ясно, что моя позиция была слишком жёсткой. Я уподоблял выделение мысли мозгом выделению жёлчи печенью. Ясное дело, что теперь это никуда не годилось. Если мысль могла переноситься на тысячи миль и производить заметные влияния, то, значит, она целиком отличалась от любого чисто физического материала не только по степени, но и по качеству. Это представлялось мне отныне твёрдо установленным и повлекло за собой соответствующие изменения в моих старых взглядах.

Где-то к этому времени (1886 г.) семья одного генерала, моего пациента, заинтересовалась столоверчением и попросила меня прийти проверить их результаты. Они сидели кругом обеденного стола, который через какое-то время (их руки при этом лежали на нём) начал качаться и наконец получил достаточный размах, чтобы стукнуть одной из ножек по полу. Затем они задавали вопросы и получали ответы более или менее умные и уместные. Ответы эти получались довольно уютным способом называния букв алфавита и записывания той

из них, при произнесении которой стол стукнул ногой. Мне казалось, что мы все вместе толкаем стол и что соединённые усилия нашей воли направлены на то, чтобы опустить ножку в подходящий момент. Всё это меня заинтересовало, но нисколько не поколебало моего скептицизма. Некоторые из полученных сообщений не были пустыми банальностями, но были вполне определёнными и исходили от умерших друзей семьи, что, естественно, производило на них весьма большое впечатление, хотя действие всего этого на меня было не совсем таким, поскольку я не знал тех, от лица кого они исходили. Когда я сейчас пишу, эти старые записи лежат передо мной. «Не говорите девочкам, когда увидите с ними, оне сами заговорят с вами обо мне. Поцелуйте мою малышку за меня. Я всё время рядом с ней. Фрэнси». Таков был стиль этих сообщений, перемешанных с немалой долей банальностей. Мы провели порядка двадцати подобных встреч, и я всё время оставался весьма критически настроен по отношению ко всей этой процедуре.

Тем не менее для меня возникла проблема, которую нужно было решать, и я занялся её разрешением, читая все мнения «за» и «против» и спрашивая совета у тех, кто обладали здесь опытом, в особенности у генерала Дрейсона, весьма выдающегося мыслителя и первопроходца в области психического знания, который в то время также жил в Саутси. Поначалу я узнал Дрейсона как астронома, поскольку он разработал довольно революционную идею, согласно которой в наших нынешних представлениях касательно круга, описываемого в небе продолженной осью Земли, наличествует фатальная ошибка. На самом деле круг этот должен быть значительно шире и описывается вокруг иного центра – такая коррекция позволила бы нам объяснить некоторые вещи, сейчас необъяснимые, и сделала бы астрономию более точной наукой, с соответственно очень важными последствиями для геологии и определения периодичности эпох оледенения, точную дату которых стало бы возможно определить. Его взгляды произвели на меня в то время сильное впечатление, и после его смерти появилось несколько книг, поддерживающих его точку зрения, в частности «Дрейсониана» адмирала де Орси. Если Дрейсон здесь прав – а я думаю, что он прав, – то имя его войдёт в историю. Его мнение по любому поводу заслуживает внимания, и когда он рассказал мне, каковы были его взгляды и эксперименты в области спиритуализма, то это также не преминуло произвести на меня впечатление, хотя тогда моя материалистическая философия стояла на слишком прочных

основаниях для того, чтобы оказаться поколебленной. Я был слишком беден, чтобы прибегнуть к услугам профессиональных медиумов, а работать над этим предметом без медиума – всё равно что заниматься астрономией без телескопа. Лишь однажды некий пожилой человек, известный своей психической силой, согласился прийти за довольно скромный гонорар и провести с нами сеанс. Он погрузился в транс, сопровождавшийся громким дыханием, что сильно встревожило его аудиторию, а затем провёл соответствующий тест с каждым из нас. Слова, обращённые ко мне, были действительно весьма примечательны: «Не читайте книгу Лея Ханта». Я как раз колебался в то время, стоит ли мне читать его «Комических драматургов периода Реставрации», поскольку, с одной стороны, тема меня интересовала, а, с другой, трактовка её отталкивала. Это было очень тонкое и убедительное свидетельство касательно того, как далеко может зайти телепатия, но я не вполне допускал, что это может быть нечто большее. Я, однако, был под столь сильным впечатлением, что написал отчёт об этом в «Лайт», еженедельный психический журнал, и тем самым публично отметил в 1887 году как исследователь этих материй. Это было тридцать семь лет назад, так что я как исследователь уже успел порядком состариться. Начиная с того времени, я много читал и размышлял по этому поводу, хотя лишь в последней фазе жизни я осознал, к чему всё это, собственно, клонилось. На этом вопросе я намерен особо остановиться в последней главе книги, так чтобы те, кого это мало интересует, могли знакомства с ним избежать.*

На пару лет я прельстился и глубоко заинтересовался Теософией, поскольку Спиритизм, во всём, что касалось философии, представлялся в то время полнейшим хаосом, тогда как Теософия являла собой очень хорошо продуманную и рациональную систему, отдельные понятия которой, в частности реинкарнация и карма, по видимости предлагали объяснение некоторым аномалиям жизни.** Я прочитал «Оккультный

* См. ниже «Психические изыскания». (И.Р.)

** Здесь необходимо небольшое уточнение. В действительности понятия о карме и реинкарнации были присущи не Теософии, а Индуизму, Буддизму и Спиритизму, откуда они уже после, если быть хронологически точными, перекочевали в Теософию. Далее, вызывает недоумение утверждение нашего уважаемого автора, будто «Спиритизм во всём, что касалось философии, представлялся в то время полнейшим хаосом». Это ни в коей мере не так. Уже давным-давно были написаны книги Аллана Кардека, и благодаря только им одним Спиритизм стал стройной и продуманной, рациональной системой философии, с которой до сего дня не может сравниться никакая другая. (И.Р.)

Мир» Синнэта, а впоследствии даже с ещё большим восхищением я прочёл его тонкое изложение Теософии в «Эзотерическом Буддизме», книге исключительно примечательной. Я также познакомился с ним самим, поскольку он оказался старым другом генерала Дрейсона, и разговор с ним произвёл на меня сильное впечатление. Однако вскоре после этого появился отчёт д-ра Ходсона по поводу его расследования методов и приёмов г-жи Блаватской в Адыре, что сильно и подорвало моё доверие. Правда, миссис Безант опубликовала с тех пор сильную защиту, где она стремится доказать, что Ходсон, должно быть, обманулся, но последующая книга «Современная Жрица Изида», в которой содержатся многие из подлинных писем г-жи Блаватской, оставляет весьма неприятное впечатление, и посмертная работа Синнэта, как кажется, показывает, что он также утратил доверие. С другой стороны, полковник Олькотт свидетельствует, что эта женщина, несомненно, обладала реальными психическими силами, каков бы ни был их источник. Что же касается Спиритизма, то он, видимо, интересовал её лишь в своём низшем, феноменальном аспекте.* Её книги демонстрируют чрезвычайную эрудицию и способность к упорной работе, даже если она и предстают собой, как то часто у неё случается, всего лишь передачу выводов и заключений, сделанных другими людьми. Однако, было бы несправедливым отказываться от старой мудрости только из-за того, что она оказалась введена этой чрезвычайной и вулканической личностью. В нашей оккультной школе также было много бесчестных медиумов, но мы старались разоблачать их там, где могли, и Теософия сможет усилить свои позиции, если она и вовсе избавится от мадам Блаватской.** Во всяком случае, всё это никак не могло удовлетворить

* Совершенная правда. Г-жа Блаватская и её «махатмы», по сути дела, знать не знают философии Спиритизма в лице Аллана Кардека и его школы, а потому ни слова и не говорят о ней, чем и объясняется вся их критика в адрес Спиритизма, а также и критика со стороны их последователей (Рерихи и все иные). Теософы, рассуждая о Спиритизме, говорят всего лишь о спиритическом дилетантизме, который, спору нет, был действительно вредоносен. Но таковой дилетантизм имелся и имеется и среди теософов, причём последствия его также никоим образом нельзя приветствовать. Вообще же, вопрос о взаимоотношениях Спиритизма и Теософии весьма сложен и заслуживает совершенно особого рассмотрения. (И.Р.)

** Эта резкая критика со стороны Конан-Дойля в адрес г-жи Блаватской объясняется тем, что он, в отличие от рьяных поборников Е.П.Б. и мадам Рерих, был хорошо знаком с предметом и ничего не желал принимать на веру; как и всякий серьёзный исследователь, изучая оккультизм, он не поддавался массовому психозу и моде, а проявлял здоровый и умеренный скептицизм. (И.Р.)

моим запросам, потому что я требую строгих доказательств, и если бы я оказался вынужден вернуться назад к безвопросной вере, то я очутился бы в той самой овчарне, из которой когда-то ушёл.

В начале 90-х годов жизнь моя проходила столь деятельно, я был настолько занят, что у меня не оставалось времени, которое бы я мог посвятить своему религиозному развитию. Но мысли мои всё продолжали вращаться вокруг психических материй, и именно в это время я и вступил в Общество психических исследований, одним из старейших членов которого я ныне являюсь. Я провёл мало собственных психических экспериментов, а моя материальная философия в ту пору была настолько сильна, что разломать её было бы делом нелёгким. Но поскольку я из года в год читал восхитительную литературу психической науки и опытов, то меня всё более и более впечатляла сила спиритуалистической позиции, равно как и легковесность, а также нехватка достоинства и точных знаний, характеризовавшие высказывания и поведение её оппонентов. Религиозная сторона предмета ещё не пришла мне в голову. Я всё более и более чувствовал, что ручательство в реальности этих явлений со стороны таких людей, как сэр Вильям Крукс, Баррэт, Рассел Уоллес, Виктор Гюго и Цёльнер, является столь сильным аргументом, что мне нечего было возразить на представленные ими точные записи проделанных ими наблюдений и опытов. «Хотя это неправдоподобно, но это правда», – сказал Крукс, и афоризм этот довольно точно выражал тогда мои нарождающиеся убеждения.* Еженедельно я получал и соответствующий импульс от психического журнала «Лайт», который, как я считаю, в течение всей своей долгой карьеры и вплоть до сего дня являл столько ума на квадратный дюйм страницы, как никакое другое издание в Великобритании.

Припоминаю, как в годы, предшествовавшие Мировой войне, я принял участие в ряде сеансов, которые проводил в своём просторном кабинете в северной части Лондона один почтенный джентльмен. Медиумами были Сэсил Хаск и Крэддок. Сеансы эти произвели очень смешанное впечатление на мой ум, поскольку в некоторых случаях я был полон сомнений, тогда как в других подлинность результатов представлялась мне совершенно неоспоримой. Возможность того, что настоящий медиум может быть весьма нещепетилен и что, когда эти уклончивые силы не оказывают своего действия, он может имитировать

* Правда несколько и не нуждается в правдоподобии. Правдоподобие как раз совершенно необходимо для лжи, а правда вполне может им пренебречь. (*И.Р.*)

их, является обстоятельством, в высшей степени усложняющим весь предмет, поэтому при изучении его следует сосредоточиваться только на том, в чём вполне уверен, и стараться извлечь из него соответствующие выводы. Помню, что тогда при тусклом свете красной лампы по комнате расхаживало много призраков, как бы завёрнутых в простыни, и что некоторые из них подходили близко ко мне, на расстояние до фута от моих глаз, черты их лиц при этом освещались снизу светом, идущим от фосфоресцирующей пластины. Таким образом предстал передо мной и великолепный араб, которого медиум назвал Абдуллой. Лицом он походил на идеализированного У.Дж.Грейса – смуглый, чернобородый, исполненный достоинства, как-то весьма превышающего человеческое. Я пристально смотрел на это странное существо, его нос находился на расстоянии нескольких дюймов от моих глаз, и у меня возникла мысль, не является ли это лицо всего лишь частью какого-нибудь ловко сработанного воскового бюста, – как в ту же секунду его рот открылся и оттуда вылетел устрашающий крик. Я чуть не вскочил со стула. Я ясно увидел сверкающие зубы и красный язык. Всё это определённо показывало, что он прочитал мою мысль и избрал такой действенный способ ответить на неё.

ПСИХИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ*

Я не навязывал психического вопроса своим читателям, хотя важность его в моих глазах всё возрастала, и теперь он достиг для меня такой значимости, что целиком поглощает энергию моей жизни. И поэтому я не могу закончить эти разрозненные воспоминания о своих приключениях в мысли и действии, не сделав хотя бы самого беглого описания того, что было в моей жизни делом как нельзя более важным. Это дело, по отношению к которому каждый предыдущий этап моей жизни, моё постепенное религиозное развитие, мои книги, открывшие мне доступ к публике, моё скромное состояние, позволившее мне посвятить себя не приносящей дохода работе, мои выступления с трибуны, помогающие мне в передаче откровения другим людям, и мои физические силы, которых всё ещё хватает на то, чтобы выдерживать

* Заключительная глава из книги “Memories and Adventures”. (И.Р.)

утомительные поездки и в течение полутора часов заполнять своим голосом огромные залы, – всё это, взятое вместе и в отдельности, являлось с моей стороны лишь бессознательной подготовкой к нему. Тридцать лет я, оказывается, готовил себя к исполнению данной роли, сам не подозревая того, во что это выльется.

На ограниченном пространстве главы я не могу вдаваться в особые подробности или приводить полную аргументацию по этому предмету. Да в том и нет никакой необходимости с той поры, как в своих книгах, посвящённых психическим исследованиям, я уже вполне ясно показал, как достиг нынешнего своего знания. Из этих книг первая и вторая, называющиеся соответственно «Новое Откровение» и «Жизненно-важное Послание», показывают, как у меня постепенно собирались доказательства в пользу продолжения человеческой жизни после смерти нашего физического тела и то, насколько долго и досконально мне пришлось изучать этот вопрос, дабы расстаться со своими взглядами материалиста-агностика и признать весомость свидетельств, поддерживающих эту новую для меня точку зрения.

Во дни вселенской печали и потерь, когда голос Рахили слышался по всей стране, мне стало ясно, что знание, пришедшее ко мне таким образом, было дано отнюдь не для утешения только меня одного, и что Бог поместил меня в очень специфическое положение для того, чтобы я смог передать его другим людям, всему этому миру, который столь остро в нём нуждается.

Я нашёл в спиритическом движении многих людей, которые видели истину так же ясно, как и я. Но истина эта вызвала возмущение среди «верующих», противящихся как раз тому, что является самой сутью живой религии. Она вызвала негодование и среди «учёных», нарушивших первейшую заповедь истинной науки тем, что они высказывались о вещи, которую не подвергли предварительному рассмотрению и анализу, а также шумные протесты со стороны прессы, считавшей всякое действительное или воображаемое мошенничество типической чертой всего движения, которое журналисты никогда не понимали. Поэтому сторонники истины оказывались приведены в замешательство и воздерживались от публичного изложения своих взглядов. И вот, чтобы сломить этот дух застойности и косности, я и начал в 1916 году свою кампанию борьбы за утверждение спиритической истины – борьбы, которая сможет завершиться для меня только тогда, когда уже всё будет завершено.

Великой помощью и поддержкой в этом деле стала мне моя супруга. Поначалу она всячески противилась моим психическим изысканиям, полагая, что это предмет страшный и опасный. Но её собственные попытки вскоре убедили её в обратном, ибо её брат, убитый в Монсе, явился к нам самым несомненным и впечатляющим образом. С этого мига со всей энергией своего великодушного сердца она устремилась в лежащую перед нами работу.

Нежная мать, она часто бывала вынуждена оставлять своих детей; стороннице домашнего уюта, ей приходилось по несколько месяцев бывать вдали от дома; при всём своём недоверии к морю она с радостью делила со мной мои плавания. Мы уже проехали и проплыли с нею добрых 50.000 миль, рассказывая людям о том знании, проводниками которого нам довелось стать. Мы говорили лицом к лицу с четвертью миллиона человек. Её способность найти общий язык с людьми, ясный рассудок, пламенное милосердие и само её милое присутствие на сценах и трибунах, с которых мне приходилось выступать, в соединении с её советами и симпатией были мне такой помощью, что превратили мою в общем-то тяжёлую работу в игру. И то, что наши дорогие дети делили с нами трудности этих путешествий, также вносило свой свет в нашу с ней работу.

Началом наших публичных изложений этого предмета послужили мои периодические лекции, читанные в течение трёх лет на родине. За это время я посетил практически каждый сколько-нибудь значительный город, причём многие из них дважды и трижды. Повсюду я находил внимательную аудиторию, настроенную критически, как оно и должны быть, но открытую убеждению. Я вызывал антагонизм только среди тех, кто не слышали меня, и все протестования бывали где-то в другом месте, а не в залах, в которых я выступал. За всё время этой долгой череды выступлений я не могу припомнить того, чтобы меня хоть раз кто-нибудь прервал. Было интересно отмечать, какую я при этом пользовался поддержкой, ибо хотя я зачастую и бывал очень усталым перед выступлением, а читая свои лекции о войне, нередко отмечал у себя сильное сердцебиение, но я ни разу не испытал ни малейшей усталости или какого рода недомогания во время и после лекции на психические темы.

13 августа 1920 года мы отплыли в Австралию. Соразмерно её населению она понесла во время войны столь же тяжёлые потери, как и мы, и я чувствовал, что мои семена упадут на плодородную

почву. Все подробности этой поездки описаны мною в «Странствиях Спиритуалиста»,* где читатель среди прочего найдёт и некоторые доказательства сверхъестественной помощи, сопутствовавшей нам в наших разъездах. Я обращался к огромным аудиториям во всех крупных городах Австралии и Новой Зеландии. Не ко времени разразившаяся забастовка корабельщиков помешала мне достичь Тасмании, но, если б не это, то можно было бы сказать, что наше рискованное предприятие оказалось в исключительной степени успешным. Вопреки ожиданию я смог оплатить все расходы нашей немалой группы (нас было семеро) и оставить после себя такой баланс, который бы помог моему преемнику, коего я должен был выбрать.

В конце марта 1921 года мы вновь вернулись в Париж, где, с большой дерзостью, я читал по-французски лекции на психические темы. Наше пребывание дома после этого оказалось не очень продолжительным, ибо шли настойчивые приглашения из Америки, где спиритуалистическое движение впало в некоторого рода застойное состояние. 1 апреля 1922 года вся наша группа отправилась в Соединённые Штаты. О том, что произошло с нами, я рассказываю в «Нашем американском приключении».** Достаточно сказать, что поездка прошла очень успешно и что от Бостона до Вашингтона и от Нью-Йорка до Чикаго я говорил во всех крупных городах и добился значительного возрождения интереса к этому предмету. Мы вернулись в Англию в начале июля 1922 года.

Я, однако, ни в коей мере не был удовлетворён своим путешествием по Америке, поскольку мы не затронули великого Запада, сей страны будущего. Поэтому в марте 1923 года мы снова отправились в путь и вернулись назад в августе. Наши приключения, которые оказались довольно примечательны с психической стороны, описаны в «Нашем втором американском приключении».** После возвращения из этой поездки домой, я проехал уже 55.000 миль за три года и говорил с четвертью миллиона человек. Я всё ещё, однако, неудовлетворён, ибо южные штаты американского Союза не были затронуты, и возможно, что мы ещё совершим путешествие в этом направлении.

Я сделал подробную запись наших опытов и экспериментов, но они, несомненно, представляют на данный момент мало интереса

* “Wanderings of a Spiritualist” by Sir A. Conan Doyle. (*И.П.*)

** “Our American Adventure” by Sir A. Conan Doyle. (*И.П.*)

*** “Our Second American Adventure” by Sir A. Conan Doyle. (*И.П.*)

для широкой публики. Однако придёт день, и, я думаю, довольно скоро, когда люди поймут, что дело, которое мы сейчас отстаиваем, – наиважнейшая вещь за все две тысячи лет в истории мира, и тогда усилия первопроходцев представят действительный интерес для всех тех, у кого достанет ума следовать прогрессу человеческой мысли.

Я лишь один из многих, трудящихся ради этого дела, но я надеюсь, что могу притязать на то, что привнёс в него боевой и наступательный дух, которого ранее ему так не хватало и который теперь настолько приковал к нему внимание публики, что едва ли можно открыть какую-либо газету и не прочитать в ней каких-то комментариев по этому поводу. Хотя некоторые из этих газет безнадежно невежественны и полны предрассудков, это нисколько не вредит делу. Если вы боретесь за неправое дело, то непрестанная гласность сильно вредит вам, но если ваше дело правое, то правота его всегда утвердится сама собой, как бы её ни искажали.

Многие спириты придерживаются той точки зрения, что со времени, как мы узнали все эти утешительные и восхитительные вещи (а мир человеческий предпочитает попрежнему их игнорировать и не принимает в расчёт наших доказательств), мы имеем право довольствоваться своей собственной счастливой уверенностью. Такая точка зрения представляется мне безнравственной.

Если Бог послал на Землю некое новое великое послание, исполненное огромной радости, то тогда долг для всех нас, кому оно было ясно открыто, передать его людям, каких бы трудов, лишений, времени и денег это нам ни стоило. Откровение это даётся нам не для эгоистического удовольствия, но для общего утешения. Если больной отказывается от врача, то ему нельзя помочь, но ему по крайней мере должно быть предложено лекарство.

Чем труднее снести стену человеческой апатии, невежества и материализма, тем сильнее оказывается вызов, брошенный нашему мужскому началу и побуждающий нас нападать и вновь нападать с той же настойчивостью бульдога, с какою Фош* атаковывал немецкие позиции.

Я надеюсь, что описание моей предшествующей жизни, данное на страницах этой книги,** убедит читателя в том, что я сохранил в

* Фердинан Фош (1851 – 1929) – маршал Франции, выдающийся полководец времён Первой мировой войны. (И.Р.)

** Напоминаем, что речь идёт не о нашей книге, а о «Воспоминаниях и приключениях». (И.Р.)

должных пределах здравость и взвешенность суждения, поскольку до сего времени я в своих взглядах никогда не впадал в крайность и поскольку сказанное мною подтверждалось реальным ходом событий. Но я никогда не говорил чего-либо ещё с той же определённой убеждённости, с какой говорю вам сейчас: это новое знание очистит и уже очищает землю и революционизирует человеческие взгляды по всем вопросам, за исключением только основ морали, которые неизбежно покоятся на христианских принципах.

Все современные изобретения и открытия погрузятся в незначительность рядом с теми психическими фактами, которые в скором времени станут довлеть над общечеловеческим умом.

Предмет был затемнён открыванием всевозможных боковых выходов – некоторые из них довольно интересны, хотя и не имеют жизненно-важного значения, другие же совершенно к делу не относятся. Есть целый класс исследователей, которые любят блуждать вокруг да около и тянуть других за собой, если те достаточно слабы, чтобы принять такое водительство. Подобного рода исследователи постоянно силятся найти объяснения, выходящие за пределы возможностей их собственного ума, и никогда не могут согласиться с тем, что простое и очевидное объяснение также может оказаться истинным. Всё горе таких исследователей идёт от их ума, ибо они пользуются им для того, чтобы избежать прямого пути и протоптать какую-то странную окольную тропу, в конце концов заводящую их в тупик, и это в то самое время, как прямой и честный ум твёрдо держится широкой дороги знания.* Когда я встречаю людей подобного толка и затем общаюсь со скромными конгрегациями религиозных спиритуалистов, то всегда думаю о словах Христа, в которых он благодарит Бога за то, что Тот открыл вещи эти младенцам и сокрыв их от учёных и мудрых, которые себе на уме. Я думаю также об изречении барона Рейхенбаха: «Научный скептицизм может иногда превзойти в глупости даже тупость невежды».

Но то, что я говорю, ни в коей мере не приложимо к разумным исследователям, опыты которых являются настоящими вехами на пути к установленным истинам. Каждый человек должен пройти через

* Ничего удивительного. Герцог Ларошфуко говорит: «Люди часто пользуются своим большим умом, чтобы делать ещё большие глупости». И английская пословица гласит: «У кого много ума, тому надо иметь его ещё больше, чтобы уметь управлять им». (И.Р.)

ученичество, чтобы достичь знания. Материя здесь слишком серьёзна, чтобы можно было за неё браться без должной интеллектуальной убеждённости.

Не нужно думать, будто я целиком отрицаю существование обмана и подлога. Но они далеко не так часты, как то обыкновенно полагается критиками, а что касается до их всеобщности, которая является теорией выдвигаемой фокусниками и некоторыми другими подобными судьями в этом вопросе, то такое мнение выходит за пределы разума и доказательства. В своих медиумических опытах, которые были превзойдены весьма немногими из ныне здравствующих исследователей и охватили собой три континента, я столкнулся с обманом не более трёх или четырёх раз.

Причём обман может быть сознательным или бессознательным, и именно существование этого последнего сильно усложняет дело. Сознательный обман обыкновенно возникает из временного отсутствия у медиума действительной психической силы и является соответствующей попыткой заместить её имитацией. Бессознательный обман происходит в том любопытном промежуточном состоянии, которое я назвал «полутрансовым состоянием сознания», когда медиум внешне выглядит совершенно нормальным и всё-таки на самом деле уже едва ответственен за свои действия.

В это время, повидимому, происходит процесс, в ходе которого его личность оставляет своё тело, в результате чего более высокие начала человека в теле оказываются уже отсутствующими, и поэтому медиум не может более противиться побуждениям, получаемым им через внушение от тех, кто его окружают, или от своих собственных неконтролируемых желаний. Таким образом появляются медиумы, делающие явные глупости, что и подводит их под обвинение в мошенничестве. Но если наблюдатель пренебрегнет всем этим и будет ждать, то вскоре, по мере того как медиум более глубоко погрузится в транс, последуют подлинные психические явления, в характере которых невозможно ошибиться.

Это, как я думаю, особенно наглядно проявилось на примере Эвзапии Палладино, но я наблюдал подобное и с некоторыми другими. В тех случаях, когда медиум оставлял свой кабинет и оказывался гуляющим среди участников сеанса, как это произошло с миссис Корнер, с мадам д'Эсперанс и с Крэддоком (все они медиумы, давшие множество доказательств своей порядочности и реальной психической силы), в этих

случаях, я убеждён, вполне вроде бы естественное предположение об обмане с их стороны, является, однако, совершенно ошибочным.

Когда, с другой стороны, обнаруживается, что медиум применяет ложную драпировку или какие иные аксессуары, – а такое иногда случается, – то мы оказываемся в присутствии самого отвратительного и святотатственного преступления, какое только может быть совершено человеческим существом.

Люди спрашивают меня, и это вполне естественно, что, собственно, делает меня настолько уверенным в том, что всё это правда. Мою глубокую уверенность, думаю, доказывает уже сам тот факт, что я оставил привычную работу, приносящую немалый доход, что я надолго уезжаю из дома и подвергаю себя всем родам неудобств, лишений и даже оскорблений, лишь бы довести до сведения людей открывшуюся мне истину.

Чтобы привести все свои резоны по этому поводу, мне пришлось бы написать не главу, а целую книгу, но кратко я могу сказать, что нет такого физического чувства, которым обладает человек и через которое, каждое в отдельности и независимо от других, я не получил бы соответствующего доказательства, и что нельзя вообразить себе такого метода, посредством которого дух мог бы доказать своё присутствие и который бы уже не был многожды опробован мною. В присутствии медиума мисс Безиннэ и нескольких свидетелей я видел свою мать и своего племянника, молодого Оскара Горнинга, так же ясно, как видел их, когда они были живы, настолько ясно, что я почти мог сосчитать морщинки на лице матери и веснушки у племянника.

В темноте лицо моей матери светилось – мирное, счастливое, слегка склонённое набок, с закрытыми глазами. Моя жена, сидевшая справа от меня, и дама, сидевшая слева, обе видели его с той же ясностью, что и я. Эта дама не знала моей матери при жизни, но тем не менее она сказала: «Как удивительно она похожа на своего сына», что свидетельствует о том, насколько чётко были видны подробности черт лица.

В другой раз ко мне явился мой сын. Шесть человек слышали его разговор со мной и подписали затем протокол этого сеанса. Голос моего сына говорил о вещах, каковые никак не могли быть известны медиуму, который был связан и сидел в кресле, ровно и глубоко дыша. Если свидетельство шестерых человек, пользующихся уважением и хорошей репутацией, не принимается в расчёт, то как ещё может быть удостоверен любой иной человеческий факт?

В следующий раз, при посредстве того же медиума, явился мой брат, генерал Инис Дойль. Он обсуждал с нами состояние здоровья *своей вдовы*. * Она была датчанкой, и он хотел, чтобы она обратилась к услугам одного массажиста в Копенгагене. Он назвал его имя. Я навёл справки, и оказалось, что такой человек действительно существует. Откуда, спрашивается, пришло это знание? Кто был тот, столь близко принявший к сердцу состояние здоровья этой леди? Если это был не её покойный муж, то кто же ещё?

Все складно расписанные теории о подсознательном разлетаются во прах перед простым утверждением незримого существа, заявляющего: «Я есмь дух. Я – Инис, твой брат».

Я пожимал материализовавшиеся руки.

Я вёл длинные беседы с прямым голосом.

Я ощущал специфический озонобразный запах эктоплазмы.

Я слышал пророчества, которые вскоре сбывались.

Я видел образ «умершего», запечатлённый на фотографической пластине, которой не касалась ничья рука, помимо моей.

Я получал через руку моей жены исписанные блокноты, содержавшие информацию, выходящую за пределы её сведений.

Я видел, как по воздуху летают тяжёлые предметы, которых не касалась человеческая рука и которые меняли направление движения, покорные воле незримых операторов.

Я видел духов, гуляющих по комнате в полумраке и присоединяющихся к разговору присутствующих.

Я знал женщину, не обладавшую никакой художественной техникой и тем не менее быстро нарисовавшую под водительством духа-художника картину, висящую теперь в моей гостиной и которую немногим из живущих и здравствующих художников удалось бы улучшить.

Я читал книги, которые могли бы исходить только от величайших мыслителей и учёных и которые всё же были написаны необразованными людьми, действовавшими как медиумы незримых умов, столь явно превосходящих их собственный. Я опознал манеру и стиль умершего писателя, которого бы не смог так скопировать ни один пародист, причём строки эти были написаны именно его почерком.

Я слышал пение, находящееся за пределами наших земных возможностей, и я слышал свист, который производился без паузы, необходимой нам для взятия воздуха.

* Не правда ли, курьёзное словосочетание? Курсив наш. (И.Р.)

Я видел предметы, бросающиеся издалека и попадающие в комнату с запертыми дверями и окнами.

Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться неубеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него нашлись бы веские причины сомневаться в здравости собственной психики. Почему он должен обращать внимание на болтовню безответственных журналистов или на то, как качают головой не имеющие в этом деле никакого опыта учёные после всех тех доказательств, которые ему удалось собрать самому? В данном вопросе они по сравнению с ним всего лишь дети и должны сидеть у ног его.

Вопрос этот, однако, не таков, чтобы можно было обсуждать его неким отвлечённым и безличным образом, как то имеет место, когда говорят о бэконовской теории или о существовании Атлантиды. Это тема интимная, глубоко личная и жизненно важная в высшей степени.

Закрытый ум – это признак, по которому узнаётся душа, прикованная к земле, а это последнее обстоятельство неизбежно означает мрак и страдания в будущем. Если вам известно о надвигающейся опасности – вы можете избежать её. Если же вы ничего не станете делать, то подвергнете себя серьёзному риску. Тут уж потребен некий Иеремия или Савонарола, для того чтоб прокричать это в уши миру. Необходима совершенно новая концепция греха. Конечно, едва ли стоит смотреть сквозь пальцы на сугубо плотские слабости человечества, слабости тела, но оне не самая серьёзная часть человеческой порочности, которая ожидает своей расплаты. Гораздо более серьёзными пороками являются закрытость ума, узость кругозора, фанатизм, материализм – словом, грехи не тела, но духа, ибо они действительно постоянны и обрекают человека на пребывание в самых низших слоях и самых низших мирах, пока он не извлечёт в них свой урок.

Мы знаем это, потому что наши кружки занимаются делом спасения этих бедных душ, возвращающихся к нам, чтобы оплакать свои заблуждения и узнать те истины, которые им следовало выучить ранее, будучи здесь, если бы их умы не оказались в ту пору замкнуты апатией и предрассудками.

Коренная ошибка, которую совершила наука, исследуя данный предмет, состоит в том, что она никогда не заботилась уразуметь тот факт, что не медиум производит спиритические явления. Наука всегда обращалась с ним так, словно бы он был каким-то фокусником, и

говорила ему: «Делай то и делай сё», совершенно не понимая того, что *от него* шло весьма мало или вообще ничего, и что всё или почти всё шло *через* него. Я говорю «почти» всё, потому что считаю, что некоторые простые явления, как например стук, могут в определённых пределах производиться под влиянием воли самого медиума.

Именно этот ложный взгляд науки насторожил скептиков и помешал им понять, что для установления контакта с потусторонними силами абсолютно необходима гармония, которая достигается спокойным и восприимчивым состоянием ума со стороны участников сеанса и созданием непринуждённо-естественной атмосферы для медиума.

На самом большом из всех когда-либо состоявшихся сеансов, том, что произошёл в день Пятидесятницы, некий агрессивный скептик настаивал на средствах контроля (своего собственного изобретения) над тем, откуда берутся резкие порывы ветра и языки пламени. «Всё в единодушии», – говорит автор «Деяний Апостолов», и это действительно главное условие. Я сидел на сеансах вместе со святыми людьми и тоже чувствовал порывы ветра, видел мерцающие языки пламени и слышал зычный голос, но как могли быть достигнуты подобные результаты там, где не царит гармония?

Это радикальная ошибка, допущенная наукой. Люди хорошо знают, что даже при исполнении самой грубой материальной работы присутствие большого количества металла может нарушить равновесие большой магнитной установки, и тем не менее они не обращают внимания на предостережения тех, кто из опыта знает, что неблагоприятные психические условия могут сорвать психический эксперимент.

Но на самом деле, когда мы говорим о науке в этой связи, происходит попросту смущение мысли. Сам по себе факт, что человек является великим зоологом, как Ланкастер, или великим физиком, вроде Тиндаля и Фарадея, не придаёт его мнению большого веса в этом вопросе, лежащем за пределами его специальности. Есть много безвестных Смитов и Джонсов, которых двадцать лет их практической работы в этой области поставили в гораздо более сильную позицию, нежели та, что занимаема названными нетерпимыми учёными мужами. Что же касается до подлинных лидеров спиритуализма, людей с богатым опытом, огромной эрудицией и глубиной мысли, то именно они являются в данном вопросе настоящими научными экспертами,

имеющими полное право учить весь остальной мир. Человек отнюдь не теряет собственного суждения, когда становится спиритом. Он всё тот же исследователь, каким был и раньше, но теперь он только лучше понимает, что, собственно, он изучает и как следует это изучать.

Сия полемика с самоуверенными и невежественными людьми есть вещь мимолётная и ничего не значащая. Настоящая полемика, которая очень важна, – это та, что ведётся с континентальной школой спиритуализма, изучающей эктоплазму и другие полуматериальные проявления, но у которой не хватило остроты зрения, чтобы увидеть стоящий за всем этим независимый дух. Рише, Шренк-Нотцинг и другие крупные исследователи стоят в этом отношении всё ещё на полпути, и сам Фламарион не ушёл намного дальше. Шарль Рише на пути допущений дошёл до того, что персональным наблюдением убедился в материализации формы, которая может к тому же ходить, говорить и оставлять после себя муляжи своих рук. Так-то далеко он ушёл. И даже сейчас он всё ещё держится за идею о том, будто эти феномены могут быть всего лишь экстернализацией некоторых скрытых сил человеческого тела и ума.

Такое объяснение представляется мне отчаянной попыткой защитить последнюю траншею одного из тех стародавних материалистов, который вместе с Брустером сказал: «Дух – это последнее, что мы согласимся допустить», добавляя в качестве причины сему такой вот довод: «Это сводит на нет работу, проделанную за прошедшие 50 лет». Когда человек всю свою жизнь учил других, что мозг управляет духом, разумеется, трудно самому учиться после этого тому, что дух может действовать самостоятельно от человеческого мозга. Именно их суперматериализм является той настоящей трудностью, с которой мы должны нынче бороться.

И чем всё это кончится?

Не имею ни малейшего понятия. Как бы могли те, кто первыми заметили сокращение мышц под действием электрического тока, предвидеть создание трансатлантического кабеля или дуговой лампы? Все наши сведения говорят нам только о том, что некое великое потрясение в скором времени ожидает человеческую расу, каковое в конце концов и стряхнёт с неё апатию и будет сопровождаться при этом такими психическими знаками, что тем, кто будут жить дальше, окажется более невозможным отрицать истины, которые мы проповедуем.

Подлинное значение нашего движения станет тогда зримо, ибо обнаружится, что мы приучили общественный ум к таким идеям и дали вполне определённое Учение, одновременно научное и религиозное, к которому люди смогут обратиться за водительством.

Что касается до пророчеств, предрекающих человечеству в ближайшее время несчастья, то я допускаю, что нам следует быть начеку. Но даже люди, бывшие в окружении Христа, самым прискорбным образом обманулись и доверительно заявляли, что мир не переживёт их собственного поколения. Самые разные религии также делали напрасные предсказания о конце света.

Я остро осознаю всё это, также как и трудность, связанную с исчислением времени при взгляде на нас из мира потустороннего. Но, сделав все возможные для этого допущения, следует признать, что информация по этому пункту была столь детализирована и достигала меня из столь многих совершенно независимых друг от друга источников, что я был вынужден отнестись к ней достаточно серьёзно и задуматься над тем, не будет ли в скором времени человеческим опытом пройден некий величайший рубеж, самый, как говорят нам, великий из всех, которые до сей поры приходилось пересекать нашей многострадальной расе?*

Люди, которые не вдавались глубоко в этот предмет, вполне могут спросить: «А вам-то откуда знать всё это? Вы что, лучше других?» Мы можем ответить только, что вся жизнь изменилась для нас с той поры, как нас достигло это недвусмысленное знание. Смерть более не загораживает нам света. Мы оставили долину и поднялись на гору, и нам видны теперь необозримые просторы перед нами.

Почему нам бояться смерти, которая, как мы теперь точно знаем, есть пора невыразимого счастья?

Почему нам так бояться смерти родных и любимых, если мы можем быть с ними так близко после этого?

Разве я сейчас не значительно ближе к моему сыну, чем то было бы, будь он жив, но служи в этой Армейской медицинской службе, которая могла бы услатить его по своим надобностям на край света? Не

* Так оно и оказалось. Повидимому, здесь идёт речь о Второй мировой войне. Сегодня мы можем сказать, что это прозорливое предупреждение людям в своё время пропало всуе. Что такое «великий октябрь», две мировые войны, геноцид в ленинско-сталинской России, гитлеровской Германии и других местах – как не разнужданная игра звериных инстинктов, не знающих удержу? И это-то человек, претендующий на цивилизованность и культуру? (И.Р.)

бывает месяца, а то и недели, чтобы я с ним не общался. Ну, разве не очевидно, что факты, подобные этим, целиком изменяют весь характер жизни и превращают серый туман исчезновения и разложения в розовую зарю воскресения и вечной жизни?

Вы можете сказать, что ту же уверенность даёт нам христианское откровение. Это правда, и вот почему мы не антихристиане, пока христианство является учением смиренного Христа, а не его заносчивых представителей.

Каждая ветвь христианства представлена в наших рядах, зачастую это оказываются и священнослужители самого разного ранга. Но в описаниях потустороннего мира, данных в священных писаниях, нет ничего определённого. Информация же, которой мы располагаем, описывает небо как мир, наполненный радостным трудом и не менее радостной игрой со всеми родами умственной и физической деятельности, вынесенной из земной жизни, но перенесённой на более высокий уровень: небо искусства, науки, мысли и ума, созидания, борьбы со злом, домашнего уюта, цветов, далёких путешествий, спортивных игр и состязаний, соединения душ, полной гармонии. Вот что описывают нам наши «усопшие» друзья.

С другой стороны, мы слышим от них, и иногда напрямую, о разного рода «адах», каковые суть не что иное, как временные области очищения. Мы слышим о туманах, мраке, бесцельных блужданиях, умственном смятении, угрызениях совести.

«Наше положение ужасно», – написал мне один из них на недавнем сеансе. Вещи эти и реальны, и живы, и вполне удостоверены для нас. Вот почему мы являемся огромной силой для воскресения истинной религии, и вот почему духовенство берёт на себя тяжёлую ответственность, когда оно выступает против нас.

Конечный результат нашего воздействия на научную мысль невообразим. Единственное, что вполне определённо, так это то, что источники всякой силы будут усмотрены скорее в духовных, нежели в материальных причинах.

В религии, быть может, можно видеть немного более ясно. Теология и догма исчезнут.

Люди поймут, что такие вопросы, как число лиц в Божестве или непорочное зачатие, не имеют никакого отношения к развитию человеческого духа, которое является единственной целью жизни.

Всерелигии станут равны, ибо все оне воспитывают души кроткие и незгоистичные, каковые суть избранницы Божьи. Христианин, иудей, буддист и магометанин соответственно сбросят различия своих учений и будут следовать собственным верховным Учителям по общему пути нравственности и забудут свою былую вражду, которая сделала религию скорее проклятием, а не благословением мира.

Мы будем в тесном соприкосновении с потусторонними силами, и знание вытеснит ту веру, которая в прошлом воткнула в землю дюжину различных указательных столбов, с тем чтобы они предопределяли путь по соответствующему числу разных направлений.

Таким будет будущее, насколько мне удаётся его разглядеть сквозь отделяющее нас от него расстояние. И всё это вырастет и расцветёт из семени, которое уже посажено и за которым мы сейчас ухаживаем и которое поливаем посреди холодных порывов ветра этого враждебного мира.

Не подумайте, будто я притязую на какое-то особое лидерство в этом движении. Я делаю, что могу, но многие другие тоже сделали то, что могли – многие скромные труженики и сотрудники, выдержавшие лишения и оскорбления, но которые в конце концов были признаны как современные Апостолы. Что касается до меня, то я могу претендовать только на то, что был инструментом таким образом устроенным, что он имел некоторую благоприятную возможность распространять данное Учение среди людей.

Это есть работа, которую я буду делать как голосом, так и пером и которая займёт весь остаток моей жизни. Какую форму она вскорости примет, я не могу сказать. Планы человеческие вещь пустая, и орудию лучше лежать пассивно, пока рука великого мастера снова не пустит его в дело.

1924 г.

СПИРИТИЗМ – УЧЕНИЕ О ДУХЕ (к истории спиритического движения)

Il faut chercher seulement à penser
et à parler juste, sans vouloir amener les
autres à notre goût et à nos sentiments;
c'est une trop grande entreprise.

*J. de La Bruyère**

В наш век разочарованной иронии и поверхностного скептицизма, на поверку оборачивающегося самым беспомощным легковерием, слова быстро теряют свой первоначальный смысл. Не стало исключением из этого правила и такое слово, как «спиритизм». В течение этого столетия оно оказалось настолько сильно скомпрометировано всевозможными искажителями, шарлатанами и невеждами, что теперь, заслышав его, так называемый «средний», да и не только «средний» человек начинает снисходительно улыбаться, и в голове у него тут же выстраивается следующая ассоциативная цепочка: верчение блюдец – кручение столов – какие-то «разговоры» с «духами» – праздное времяпрепровождение – вздорные фокусы – всякие глупости... И всё же эта улыбка – лишь ещё одно свидетельство человеческого легковерия и отсутствия у людей собственного мнения по вопросу довольно важному. Итак, пусть слово это и утратило в обиходе своё первоначальное значение, тем не менее для человека знакомого с латынью оно всегда сохраняет свой изначальный и ясный смысл: «spiritus» значит «дух» и, стало быть, «спиритизм» означает «учение о духе», «учение духов» или, одним словом, «духоведение», «духовничество». Под этим углом зрения мы и рассмотрим вопрос.

Если жизнь, согласно Сенеке, лишь долгое размышление над смертью, то какой вывод можно нам из этого извлечь? Только ли гордыня и самолюбие понуждают человека к отказу уверовать в то, будто он всего лишь труп, заряженный энергией? Только ли эти два чувства всегда приводили человека к надежде на лучшую жизнь,

* «Нужно стремиться лишь к тому, чтобы мыслить и говорить согласно истине, без всякого желания привить наши вкусы и убеждения другим: предприятие сие и без того грандиозно». Ж.Лабрюйер. (*франц.*)

к которой смерть – всего лишь преддверие? Все религии обещают человеку жизнь лучшую. Все они дают ему и Надежду, и Веру. Но «homo modernus», сформировавшийся на принципах Декарта, недоверчив и требователен. Надежды весьма маловато ему, Веры ему недостаточно. Он желает уверенности, он желает точно знать, всё ли кончается для него со смертью, или, напротив, это только начало другой, и более совершенной жизни. Новейший человек отверг обещания Веры – и в этом причина кризиса всех религий. Но он и не получил уверенности Знания – и в этом причина его безнравственности.

Почитание предков и некромантия воплощали в себе попытки древнего человека испросить защиты и совета у тех, кто предварили его в мире ином. И как ни противно слышать об этом господам атеистам и материалистам, но были у древних здесь реальные достижения. Пророки, прорицатели, жрецы – в Египте, в Индии, в Персии, в Греции, в Галлии и во многих других местах – отнюдь не порождения сказколюбивого и невежественного воображения, как то вдалбливали в людские головы новейшие учителя человечества, и все они действительно имели доступ к онтологическим тайнам, даже и не мыслимым современному человеку. Практические приёмы и философские принципы Спиритизма, как ни коробит это слух охранителей сектантских культов, всегда присутствуют во всех религиях и оккультных учениях. И это неспроста, ибо Спиритизм существовал всегда в силу той причины, что Человек никогда не был телом, но всегда был духом.

Не составило исключения и Христианство. Христианство также возникло и укрепилось в этой духовной мистической традиции. Всё первоначальное Христианство буквально пронизано Спиритизмом. Ещё и сегодня, после всех искажений и затемнений посвящённый увидит в текстах Священных Писаний (и в «Деяниях» и «Посланиях Апостолов» в особенности) указания на правила и законы практического Спиритизма. Уже сама молитва, должным образом творимая, есть действие спиритическое, сопряжённое с тайнами Духа. Но Христианство, достигнув к V-VI векам монополии на духовную власть, переродилось и пожелало отрезать себя от собственных корней. Оно целиком уподобилось ветке, отсечённой от дерева, когда наложило вето на общение с потусторонним миром и когда в нём возобладала поначалу непопулярная легенда о Сатане. Это особый и трагический вопрос в человеческой истории. С той поры вся мистика апостолов и святых была провозглашена «белой», а вся последующая

мистика обычных смертных была духовенскими теоретиками объявлена «чёрной», т.е. идущей от дьявола и слуг тьмы. Спиритизм, таким образом, автоматически оказывался в глазах профана вотчиной нечистого. Встав раз на этот путь, Христианство фактически отреклось от Христа и совершило самоубийство, мучительная агония которого однако продлилась до сего дня и сможет длиться ещё долго, ибо парадокс в том, что в основе христианской религии лежат Вечные Истины, которые не могут умереть. «Самая опасная ложь – это истина, слегка извращённая», – говорит Лихтенберг.

И тогда мёртвые, голоса которых никто не желал больше слушать и с которыми живые считали себя в полном расчёте с помощью букета цветов и рассеянно проговорённых молитв, мёртвые, предоставленные самим себе и позабытые в суете беспорядочной «цивилизованной» жизни, стали мстить за себя безразличию живых, смущая их покой и будоража их жилища. Так появился «полтергейст», а некогда почитаемые предки стали докучливыми привидениями.

Но диалог с теньями, прерванный пятнадцать веков назад искажённым Христианством, был возобновлён. Это сделали две девочки – Маргарет и Кэти Фокс 11 декабря 1847 года, на ферме Гайдсвилль, что возле Нью-Йорка.

Призрак, проявившийся с помощью стуков и щелчков, раздававшихся в стенах и предметах обстановки, несколько их не испугал, а совсем наоборот. Желая его подразнить, младшая из сестёр – Кэти – также принялась стучать, на что незримый собеседник ответил равным числом ударов. И тогда по какому-то наитию девочка сказала ему: «Кто ты? Если ты человек, то стукни один раз; а если – дух, то два». Тут же прозвучали два сухих удара, положивших начало той азбуке, которой стали пользоваться сёстры Фокс, а вслед за ними и спириты всего мира.

Весть об этом событии быстро разлетелась по миру, и явление повторялось так часто, что стало совершенно привычным. Общение с этим духом не замедлило повлечь за собой исключение семьи Фокс из лона методистской церкви. И семья переехала в Рочестер, куда её сопровождало и стучащее привидение, которое согласилось выступить даже на публичных сеансах, демонстрирующих медиумические способности обеих девочек. Их старшая сестра, Лия Фокс, устраивает им триумфальное турне, вслед за которым по маршруту их следования вспыхивает настоящая эпидемия медиумического подражания.

Семью годами позже, в 1854 году, в С.Ш.А. насчитывалось уже 10000 медиумов и около 3 миллионов сторонников нового движения. Тем временем первый спиритический конгресс, собравшийся в Кливленде, решает послать миссионеров сначала в Англию, затем в Германию, откуда новое движение дошло наконец до Франции, в которой в самых различных кругах привлекло немало сторонников.

А спиритические феномены все множатся и разнообразятся: к стукам добавились автоматическое писание, телепатия, телекинез, левитация, эктоплазмические материализации. Такой широкий спектр возможностей естественным образом дал ещё более широкий спектр результатов: от левитации столов и людей до написания на бумаге длинных посланий, трактующих самые сложные и тонкие вопросы философии, теологии, морали, науки и т.п. Из посланий со временем составилось настоящее нравственное учение, каковое мистические чаяния сторонников преобразовывают в религию.

У всякой религии должен быть свой пророк, первая задача которого – начертать скрижали законов. С этой задачей и выступил во Франции Аллан Кардек (псевдоним маркиза Ипполита-Леона-Денизара Ривайля (1804-1869), ученика Песталоцци), дело которого в новых исторических условиях продолжил Леон Дени (1847-1927). С той поры всякий разговор о Спиритизме без благодарного упоминания имён этих двух французских мыслителей представляет собой всего лишь некомпетентное, дилетантское умствование, ибо именно им обоим обязаны мы тем, что бесчисленные, разрозненные факты и идеи составились в стройное, гармоничное, всеобъемлющее мировоззрение.

В 1858 году Аллан Кардек основывает «Парижское Общество спиритических исследований» с собственным программным уставом и «Спиритское Обозрение» («Revue Spirite»), выходявший многие годы. Спиритизму Кардек предпослал особую нравственную концепцию и оформил его как «учение, основывающееся на существовании, проявлениях и наставлениях, данных духами». Всё это нашло достойное выражение в главной его работе – «Книге Духов», которая была продиктована ему духами высокого ранга в ходе сеансов автоматического письма (1857 г.)*. За этой работой последовали другие: «Книга Медиумов» (1861), «Евангелие в толковании Спиритизма» (1864) и иные. Перу Леона Дени принадлежат такие труды, как «После Смерти»,

* Полный текст её вышел в нашем переводе в московском издательстве «Ренессанс» в 1993 году. (И.Р.)

«Христианство и Спиритизм», «Человек и Судьба», «Правда о Жанне д'Арк» и ряд других. В свете спиритического Откровения все неясности ветхо- и новозаветных текстов, Священных Писаний всех религий устраниваются и всё встаёт на свои места. Столь «странные» явления как чудеса, левитация, огненные языки, предсказания, предчувствия и многое другое обретают наконец своё истинное значение.

Страстная проповедь Кардека, Дени и их французских, английских, американских и немецких коллег привлекают к Спиритизму внимание и симпатии в научном мире, в мире литераторов и людей искусства.

Среди писателей, например, в этом смысле высказались в своё время Виктор Гюго, Теофиль Готье, Александр Дюма (перечитайте в этой связи смерть Атоса в «Виконте де Бражелоне»), Р.Л.Стивенсон (бывший, кстати сказать, одно время секретарём Эдинбургского спиритического общества), Г.Р.Хаггард, А.Конан-Дойль – автор «Нового Откровения», «Жизненного Послания», двухтомной «Истории Спиритизма» и других работ, Александр Гепп, Шарль Ломон, Викторьен Сарду, Эрнест Бонмэр, Морис Лашатр, Огюст Вакри, изложивший свои взгляды на этот предмет в «Крохах истории», Эжен Нью – автор «Великих Тайн» и «Потусторонних вещей», и многие-многие другие; у нас, в России – А.Н.Аксаков и (в известной степени) Владимир Соловьёв. Любопытно в этой связи отметить, что если сам Лев Толстой и потешался всячески над этой новой ветвью исследований, то зато вся его мистическая философия и нравственность, особенно в том виде, как она поданы в его «Круге чтения», целиком совпадают с мистической философией Спиритизма и его нравственным учением.*

Немалое число больших и всемирно известных учёных выразили свою убеждённость в истинности Спиритизма и занимались исследованиями в этой области. Можно назвать имена Вильяма Крукса, Альфреда Уоллеса, Фредерика Мейерса, Оливера Лоджа, Камилла Фламариона, Шарля Рише, Чезаре Ломброзо, Александра Бутлерова, Гюстава Лебона, Пьера и Мари Кюри. Все они, каждый в своё время, решили подвергнуть тщательному контролю и анализу

* Здесь необходимо отметить, что в своей пьесе «Плоды просвещения», в какой-то Толстой задался целью нещадно высмеять Спиритизм, он на самом деле высмеял всего лишь собственные упрощённо-поверхностные о нём представления. Печальный и назидательный казус, когда великий ум, возмнившись, считает себя в праве издеваться над тем, с чем едва знаком понаслышке. (И.Р.)

спиритические феномены, получавшиеся при содействии знаменитых медиумов (Д.Д.Хоума, Э.Палладино и др.), с тем, чтобы удостовериться в их реальности, вернее, нереальности, так как поначалу посчитали их вздорными фокусами, скорейшее разоблачение каковых отвечало интересам науки. Вопреки своим ожиданиям убедившись в реальности этих явлений, учёные должным образом засвидетельствовали это и занялись их классификацией. «Как бы ни относиться к спиритизму, нельзя не признать несомненность этого факта», – так высказался по этому поводу В.Ф.Войно-Ясенецкий.

Усилия и деятельность этих учёных дали рождение новой методе психологического исследования – метапсихике – и привели к созданию в Великобритании «Общества Психических Исследований». Параллельно такое же общество создаётся и в С.Ш.А. Знаменитые многотомные «Протоколы» этих обществ (так называемые «Proceedings») издавались в течение долгого ряда лет и приобрели всемирную известность.

И всё же увлечение чисто научным экспериментированием и анализом в отрыве от нравственно-философской концепции, определённой Кардеком и самими духами, дало в конце концов свои отрицательные плоды. Об опасности этого предупреждал уже Конан-Дойль, когда писал, что эти опыты, сами по себе, не имеют большого значения, что они важны лишь постольку, поскольку поддерживают собой и придают объективную значимость огромному множеству знаний, призванных глубоко изменить наши старые религиозные взгляды и дать человеку уверенность в его будущем, знание о его индивидуальном, личном Бессмертии. Но этого в серьёзном масштабе как раз и не произошло, форма, как это часто бывает в человеческой истории, заслонила собою суть. Нравственное учение, философия Бессмертия, торжество Духа над материей и над смертью постепенно были забыты. Остались лишь механические эксперименты с механическими же, как полагали, неживыми силами, воздействующими на такую же мёртвую материю. К началу этого века материализм восторжествовал как в мышлении людей, так и в их деятельности. В конце концов, как естественный итог этого разразилась первая мировая война, приведшая затем к роковому октябрьскому перевороту в России. Значение этих двух событий и в особенности последнего не получило ещё должной оценки у историков, и не было понято и прочувствовано их пагубное влияние на ход человеческой истории в XX

веке. Само понятие Духовности было утрачено, и её заменила власть силы и количеств, когда численное равенство было отождествлено с равенством качественным, вопреки мнению древних, которые считали, что люди качественно не равны и что «один стоит многих тысяч, если он наилучший». И тогда «духовность» стала всего лишь неуклюжей метафорой на устах тех, кто не признают существование самого Духа. Как следствие, политика с её разнузданными страстями и аппетитами стала командовать Нравственностью, определять, что хорошо и что плохо. И вот мы получили то, что имеем.

Политические и идеологические условия в нашей стране долгое время находились на таком уровне, что сколько-нибудь серьёзно о вещах мистических говорить не представлялось возможным. Хочется думать, что теперь это время безвозвратно прошло и многое, если не всё, можно называть своими именами. «Оккультное», т.е. «скрытое», «потайное», сегодня должно наконец стать ясным, явным, понятным каждому, ибо только таков путь здоровой Цивилизации, восхождения человечества на следующую ступень Эволюции, а также залог нашего выхода из глубокого и затяжного духовного кризиса.

Попытаемся же здесь в сжатом виде, но насколько возможно полно, восстановить карденистское мировоззрение. Полагаем это очень важным: ведь «не о пустяках», как говорит Платон, «идёт у нас речь», но о бессмертии человеческом. При этом необходимо подчеркнуть, что Спиритизм не есть вера, он есть знание, ибо строится на фактах и экспериментах, на анализе их и строгой логике. Благодаря ему человек получает истинное знание о своей природе, он начинает понимать, что он не продукт материи, столь же эфемерный как она, или, попросту говоря, «кусочек мяса», должный сгнить в земле, сгореть в огне или раствориться в желудке акулы или тигра, но бессмертное духовное существо, для которого тело лишь временная одежда, каковую он сбрасывает с себя после смерти. И может ли оно быть иначе, если сознание, как то недвусмысленно указывают опыты, сохраняется после смерти тела? Сам по себе факт этот означает сокрушение всех враждебных Спиритизму теорий, и прежде всего – марксизма. Как говорит Конан-Дойль: «Просто само собой разумеется, что коль скоро дух может существовать и действовать без материи, то сам принцип материализма рассыпается во прах, повлекая за собой крушение вытекающих из него теорий». Именно поэтому, как считает Карл Дюпрель, «матерьялисты, с логическим чутьём, отрицают

всякую мистику. Они чувствуют, что если б даже бы установлен хотя бы один факт видения на расстоянии, то вся система их оказалась бы опрокинутой. Поэтому им ничего иного не остаётся, как отвергать всю мистику скопом».

Спиритизм, стало быть, дарует Человеку бессмертие – вдумайтесь только в это слово! Камилл Фламарион говорит: «Мы бессмертны и неразрушимы, а потому будем жить вечно. Ни одна душа не может состариться и умереть. Миллионы веков ничто в сравнении с вечностью. По истечении их, бесконечность времени будет по-прежнему оставаться перед нами, и, в силу предвечных законов, наша жизнь должна будет продолжаться бесконечно».

Благодаря чему, спрашивается, возможна Бесконечность нашей жизни? На ранних стадиях существования духовного существа она возможна благодаря перевоплощениям, тому то есть, что после смерти духовное существо берёт или получает для последующих своих проявлений в материальных мирах новое тело. На дальнейших же, более продвинутых стадиях, достигнув достаточно высокого уровня Культуры и Духовности, оно не имеет уже нужды в столь грубом орудии, как физическое тело,* и живёт исключительно духовной жизнью, наслаждаясь истинным и беспредельным Бытием.

Смерть, таким образом, не итог, не черта, а лишь трансформация, переход в иное состояние бытия. У Камилла Фламариона вновь читаем: «Ввиду предшествовавшей вечности своего существования душа, в пору своего воплощения на какой-нибудь планете, хотя бы, например, на Земле, не имеет никакого возраста. Она остаётся по отношению ко времени в неизменно том же положении и по окончании земного своего поприща. Точно так же и последующие воплощения на Земле или других планетах не делают её старше, чем она была. Целая вечность не может заставить её состариться. Века и тысячелетия оставляют на ней меньше следов, чем дождевые капли на белых плечах мраморной статуи».

Став на эту точку зрения, Человек своим взором начинает проникать и прошлое, и грядущее, расстояния для него исчезают, масштабы мира бесконечно раздвигаются – и он из обитателя клочка земли становится Гражданином Вселенной, со всеми вытекающими из этого последствиями. Беспредельность Пространства и Времени

* Именно поэтому Эпиктет имел обыкновение говорить, что земной человек – это «слабая душа, обременённая трупом». (И.Р.)

делается доступна ему; космические путешествия становятся одним из обычных его занятий. Но и это ещё не всё. Из миров высших он получает информацию, призванную способствовать возрождению и совершенствованию земного человечества: Высшие Духи, многие из которых некогда жили на Земле, были людьми и стали столпами и светочами нашей Культуры, самолично общаются с ним и в письменных посланиях своих обсуждают важнейшие вопросы Морали, Философии, Религии, Науки, Искусства, Права и т.п.; и теперь они рассуждают с большею свободой, ибо их познавательная способность более не ограничена пятью земными чувствами, а ум их совершенно свободен от земных предрассудков, условностей и ограничений. Так что им виднее, чем нам, и сказанное ими должно приниматься нами за совершенную истину. Через этих духов земной Человек устанавливает свою связь и единство с Божественным Создателем, правящим Вселенною, видимой и невидимой, и делается активным исполнителем Его приказов. И какова же тогда цель не ограниченного Временем и Пространством существования Человека? Цель эта вполне достойна его и выражает всю благодать и любовь к нему его Создателя. Она состоит в том, чтоб постоянно развиваться, вечно совершенствоваться, всё улучшаться, восходить всё выше по ступеням духовной Иерархии, всё приближаясь к Высшему Разуму, и там сотрудничать с Ним, совместно с Ним работать над сотворением миров, руководить их развитием, бдеть над прогрессом человечеств, над исполнением предвечных законов.

Истинно говорим вам: Господь благ. Не смотрите на жизнь нынешнюю или прошедшую: это лишь строительный материал. Помните о Жизни Вечной: в ней Господь осуществит самые смелые ваши надежды и исполнит самые лучшие ваши чаяния, но даже и это не будет миллионной частью того блага, какое Он уготовил вам всем. Ваша задача лишь в том, чтоб оказаться всего этого достойными: пусть не в этой жизни, но в одной из последующих. Помните, что вас ожидает Вечность, а не уничтожение; бытие есть, а небытия нет.

Вот в немногих словах суть предлагаемого Человеку Спиритизмом, но за этими словами стоит, как можно видеть, слишком многое, из коего вытекают следствия бесконечно важные – благодатная пища для серьёзных размышлений – следствия, на перечисленье и объяснение которых потребовались бы многие пухлые тома.

Мы верим и – что гораздо ценнее – знаем, что за всем стоит не пустота, но Бог, и что все иллюзии – это испытание, которое мы сами на себя налагаем. Когда мы становимся ВЗРОСЛЫМИ, мы просто отбрасываем свои иллюзии – и всё встаёт на свои места. Не знать Учения Духов – значит всегда быть ребёнком.

В конце концов, когда человек последует совету Дельфийского оракула и действительно познает самого себя, то он, в частности, перестанет смотреть на себя как на тело, ибо поймёт, что он – дух. Но постараемся и сегодня усвоить простую и ясную мысль, как выражена она у Прокла: "Homo est anima utens corpore tanquam instrumento" – «Человек есть душа, пользующаяся телом как орудием». Будем больше думать о Вечном. Ради этого надо меньше увлекаться даже и развенчанием 70-летнего мрака. Сейчас довольно этого. Кто мог понять, уже давно всё понял, прочие же ни на шаг от того не подвинутся. У нас нет времени дожидаться их. Теперь надобно смотреть вперёд. Вперёд и вверх!

Мир Вам!

ॐ paramantata

28.11.1990.

СОДЕРЖАНИЕ

Детективный роман автора Шерлока Холмса о Спиритизме длиною
в жизнь (*Йог Раманантата*) 4

Новое Откровение, или что такое Спиритизм

Предисловие29

Глава Первая
ИСКАНИЯ31

Глава Вторая
ОТКРОВЕНИЕ51

Глава Третья
ГРЯДУЩАЯ ЖИЗНЬ61

Глава Четвёртая
ПРОБЛЕМЫ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ72

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА:

I. Следующая фаза жизни85

II. Автоматическое письмо87

III. Черитонское бомбоубежище89

Жизненноважное Послание

Предисловие95

Глава Первая
ДВА НАСУЩНЫХ РАЗЪЯСНЕНИЯ97

Глава Вторая	
ЗАБРЕЗЖИЛ СВЕТ	107

Глава Третья	
НЕОПРОВЕРЖИМЫЙ ДОВОД	121

Глава Четвёртая	
МИР, НАС ОЖИДАЮЩИЙ	141

Глава Пятая	
ПРОВОЗВЕСТИЕ ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ	155

ПРИЛОЖЕНИЯ:

I. Опыты доктора Жэле	169
II. Один частный случай	174
III. Спиритическая фотография	176
IV. Ясновидение г-жи Б	179

Записки о Спиритизме

Предисловие переводчика	183
-------------------------------	-----

Неожиданное подтверждение	186
По поводу критики г-на Шатта	190
Из материалов к роману «Письма Старка Монро»	191
Нет ничего невозможного	208
Становимся ли мы менее религиозны? (1)	208
Становимся ли мы менее религиозны? (2)	213
Становимся ли мы менее религиозны? (3)	214
Д-р Конан-Дойль и католическая церковь	217
Что происходит с душой, когда мы теряем сознание? (1)	219
Что происходит с душой, когда мы теряем сознание? (2)	221
«Привиденщина»	223
Отец Воган и Спиритизм	224

Голая правда	225
В поддержку журнала «Лайт»	225
Черитонское бомбоубежище	226
Пророчество	226
Новый Спиритуализм	229
Современные чудеса – ответ Джерому К. Джерому	230
Мистер Джером и духи	232
Опасность Спиритизма	236
Художница-медиум	236
«Отречение»	238
Спиритизм и Церковь	239
Спиритизм и сумасшествие (1)	240
Спиритизм и сумасшествие (2)	241
По поводу доверия к миссис Пайпер	242
Путешествие сэра Артура Конан-Дойля	242
Характер Д.Д.Хоума	243
Пробудись, Австралия!	246
Фотографии фей	247
О книге сэра Конан-Дойля	247
Дарки из Крайстчёрча	248
Психические фотографии	249
Трагедия в Стритхэме	251
На родине Спиритизма	252
По поводу спиритических фотографий	253
Спиритизм и всеобщие выборы	255
Гайдсвилльский мемориал (1)	256
Мемориал в Вашингтоне (1)	257
Мемориал в Вашингтоне (2)	258
Контакт с Оскаром Уайльдом, признанный подлинным	258
«Внешние пределы».....	262
Ответ «Психоно».....	262
Оскар Уайльд	263
Г-н Масклайн и дело Слэйда	265
Передача мысли	266
Библиотека-магазин спиритической литературы	266
О фотографиях фей	267
Проект психического музея	268
Спиритизм и прогресс человечества	268

Медиумичество, силы зла и кружки «духовного спасения»	276
О любви и браке на небесах	282
«Психические фотографии»	284
Возвращение «мёртвых» сыновей	285
Психический музей	286
Знание и вера	289
Медиумизм г-на Ф.Т.Маннингса	289
«Фотография» лорда Камбермира	290
Фото Камбермира	291
Фотография Камбермира	292
Дьявол и Спиритизм	292
Библия	293
Фокусники и Спиритизм	294
«Пророчества, посевающие панику»	295
«История Спиритизма»	297
Гудини и духи	298
Психометрия и детективная работа	300
«Говорит Финий»	302
Тайна «Эдвина Друда»	302
Полицейские улики и медиумы	303
Гайдсвилльский мемориал (2)	304
Обстоятельство, имеющее отношение к Гудини	304
Счастливая вера	305
Успех и неудача	306
Фотография призрака в Найроби	306
Фотография в «Найроби»	307
Аэндорская «ведьма» (1)	308
Аэндорская «ведьма» (2)	309
Скандалы в женских монастырях	309
Отречение от Общества психических исследований	310
Странное происшествие	314
Лорд Бальфур	315
Использование великих имён	316
Воспоминания и приключения	317
Психические изыскания	328
Спиритизм – учение о духе (<i>Йог Раманантата</i>)	343

А. Конан-Дойль

**ЗАПИСКИ
О СПИРИТИЗМЕ**

Главный редактор: Демакова А. А.
Технический редактор: Самарин А. В.
Корректурa: Гелева П. А.
Компьютерная верстка: Кочетков Д. Е.
Дизайн обложки: Шеральт А. В.

Подписано в печать: 15.08.18
Формат 60x84^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,81

Тираж 100 экз.

APR: 33333
ISBN 978-5-6041564-4-5

ИП Москвичев А. Г. 603001, г. Нижний Новгород, а/я 49
Отпечатано в АО «Т 8 Издательские технологии» (ПАО «Т 8»)
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп.5